

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

**СВЯТИТЕЛЬ ТЕОФАНЪ
ЗАТВОРНИКЪ ВЫШЕНСКІЙ**

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНІЙ
ВЪ СОРОКА ТОМАХЪ**

СЕРІЯ I

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

МОСКВА

2013

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

**СВЯТИТЕЛЬ ТЕОФАНЪ
ЗАТВОРНИКЪ ВЫШЕНСКІЙ**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНІЙ

ТОМЪ X

ДУША И АНГЕЛЪ – НЕ ТѢЛО, А ДУХЪ.

1867

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

МОСКВА

2013

**ДУША И АНГЕЛЪ – НЕ ТѢЛО, А ДУХЪ.
РАННЯЯ РЕДАКЦІЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

ДУША И АНГЕЛЬ — НЕ ТѢЛО, А ДУХЪ¹

Печатаемая статья получена Редакціею при слѣдующемъ письмѣ. — «Препровождаю къ вамъ письмо ко мнѣ доктора-католика, записанный мною разговоръ мой со старцемъ въ нѣсколькихъ собесѣдованіяхъ, письмо сего старца ко мнѣ и заключительный разговоръ съ нимъ. Предметъ всѣхъ этихъ статей одинъ — опроверженіе ложныхъ мнѣній, выраженныхъ въ брошюрахъ: *Слово о смерти* и *Прибавленіе къ сему слову*, будто душа — тѣло, и Ангель — тѣло. Полагаю, что вы не побрезгуете ими, и прилагаю мое прошеніе — напечатать ихъ въ вашихъ Вѣдомостяхъ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: *Душа и Ангель — не тѣло, а духъ.*»

Есть у меня одинъ знакомый католикъ, докторъ на пенсіи, старецъ, отложившій уже житейскія попеченія и объ одномъ спасеніи души помышляющій. Онъ бываетъ у меня и беретъ книги для прочтенія. Между другими попалось и *Слово о смерти* съ *Прибавленіемъ* къ нему.

Помните, конечно, что когда вышло *Слово о смерти*, гдѣ въ видѣ примѣчанія было сказано, что Ангель — тѣло и душа — тѣло, какой-то журналъ духовный

возражалъ, что такъ нельзя думать. На эти возраженія сдѣлано опроверженіе, напечатанное сначала тоже въ журналѣ другомъ; а потомъ отдѣльною брошюркою, — подъ заглавіемъ *Прибавленіе къ слову о смерти*. Здѣсь говорится, что мысль о духовности души и Ангела взята съ Запада, гдѣ она появилась недавно; дѣлаются выписки изъ Бержье, и потомъ его мысли опровергаются Словомъ Божіимъ, писаніями отеческими, и нѣкоторыми соображеніями. — Такъ, вотъ эти-то брошюры попались нашему знакомцу. Возвращая ихъ, онъ написалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ защищаетъ свою церковь и своего богослова, Бержье, затронутыхъ въ тѣхъ брошюрахъ. Находя сіи замѣчанія дѣльными, я тогда же хотѣлъ послать ихъ къ вамъ въ Редакцію, но остановился, изъ опасенія раздражить грустныя пренія, и въ надеждѣ, что мысли брошюръ пройдутъ незамѣченными. — Но когда кто-то, пиша противъ спиритовъ, въ одномъ журналѣ, котораго имени не прописываю, привелъ въ подтвержденіе своихъ мыслей мнѣніе брошюръ, будто ученіе авторитетно уже доказанное, тогда я снова взялся за письмо доктора, чтобъ, просмотрѣвши, послать его къ вамъ. —

Когда я читалъ его, зашелъ ко мнѣ извѣстный вамъ старецъ изъ многоученыхъ, и у насъ зашла бесѣда о содержаніи брошюръ долгая. Не довели мы ее до конца, какъ старецъ заболѣлъ, и я просилъ его докончить разборъ брошюръ письменно, что имъ и сдѣлано. Когда, по выздоровленіи, онъ зашелъ ко мнѣ, мы еще нѣсколько словъ перемолвили о томъ же.

Поминаю о такомъ ходѣ происхожденія статей собственно за тѣмъ только, чтобъ остановить вниманіе на послѣднемъ разговорѣ нашемъ. Извѣстно, что авторъ брошюръ есть лице достоуважаемое, и вами, и мною, и старцемъ, и многими другими. Между тѣмъ, старецъ мысли брошюръ разбираетъ очень строго, можно сказать, беспощадно. Вотъ въ послѣднемъ-то нашемъ разговорѣ старецъ и поставилъ себѣ цѣлю — оградить чувства уваженія къ автору, не смотря на строгость къ брошюрамъ, извѣстнымъ подъ его именемъ. И я смиренно прошу всѣхъ, кому придется читать строки сіи, не подозрѣвать насъ, — и старца критикующаго, и меня передающаго его замѣтки, въ неуваженіи къ достойному всякаго уваженія лицу. Потерпите, — въ концѣ всего увидите, что мы и маніемъ очей не касались лица автора. Вся строгость суда падаетъ на мысли брошюръ.

Обсуждаются сіи мысли съ тою цѣлю, чтобъ отвратить опасность заблужденія въ тѣхъ, кои стали бы понимать ихъ, какъ послѣднюю, законченную уже мысль автора о душѣ и Ангелахъ, чего они въ самомъ дѣлѣ не представляютъ. Руководительницею во всемъ была одна любовь къ истинѣ, и предлагаемое есть плодъ сей любви. Забота была объ одномъ — указать правую сторону, въ надеждѣ, что правдѣ вездѣ открытъ радушный пріемъ. Не дивно, что найдутся и вражескіе взгляды неодобренія. Не отвратимъ лица отъ студа заплеваний. Только молчать не будемъ, считая молчаніе неумѣстнымъ, послѣ того какъ Сама, молчавшая въ нужное время, Истина, ниспосланиемъ огненныхъ

языковъ, открыла дверь немолчному провозглашенію истины.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПИСЬМО КАТОЛИКА, ДОКТОРА
МЕДИЦИНЫ, О БРОШЮРАХЪ: —
СЛОВО О СМЕРТИ И ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ НЕМУ

Изумили меня эти двѣ статейки ученіемъ о тѣлесности естества Ангеловъ и душъ человѣческихъ. Читая слово о смерти, я, было, и вниманія не обратилъ на сію мысль; потому что она тамъ высказана будто мимоходомъ; я же былъ весь занятъ загробнымъ состояніемъ, которое скоро чаю и самымъ дѣломъ испытать. Думалъ, что это — случайная оговорка, никакъ не ожидая, чтобъ такой ученый, какого показываетъ *слово о смерти*, могъ держаться такихъ странныхъ понятій. Но вотъ, прибавленіе къ сему слову выступаетъ со всею тяжестью эрудиціи на защиту прежде мимоходомъ высказанной мысли, противъ обличенія неправости ея, высказанной кѣмъ-то. Значить, это уже неоговорка, но укорененное убѣжденіе. При всемъ томъ, однакожъ, полагаю, что это не есть общее убѣжденіе всѣхъ вашихъ богослововъ и навѣрно — не ваше, тѣмъ меньше ученіе Россійской церкви, и еще менѣе — ученіе всей церкви Восточной, а есть частная мысль сего именно писателя, и, можетъ быть еще, нѣсколькихъ лицъ, состоящихъ подъ его вліяніемъ. — Сдѣланное уже возраженіе оправдываетъ

мое предположеніе, и я увѣренъ, что ваши богословы, если замѣтятъ и сочтутъ важною эту новость, воздадутъ ей должную справедливость.

Вотъ, и я хочу сказать слово-другое въ защиту нашей церкви и нашего богослова, которые тутъ затронуты, и нарочно для этого пишу письмо сіе. Вы знаете, что я не имѣю нерасположенія къ вашей церкви, что все ваше, — и объ одномъ воздыхаю, чего ради доселѣ состоятъ въ разладѣ наши церкви, двѣ родныя сестры: сошлись бы, поцѣловались и сказали одна другой: ну, сестра, забудемъ все старое, станемъ жить за одно, какъ было въ старину. Но никакъ не могу сносить равнодушно, когда кто либо относится неблаговолиительно къ моей церкви, такъ сердце и заговоритъ, и не даетъ покоя, пока съ кѣмъ не переговоришь. И я очень радъ, что теперь же вамъ имѣю случай передать мою жалобу. Не поскучайте выслушать.

Опровергать самое ученіе не берусь; это не мое дѣло. Понуждаюсь только высказать мою жалобу на послѣднюю особенно брошюру за неправо ея слово о нашей церкви и ея несправедливость къ нашему богослову — Бержье, изъ котораго дѣлаетъ она выписку. —

Первая жалоба. Брошюры не разъ повторяли замѣтку, будто наша Западная церковь недавно приняла неправо (по ихъ мнѣнію) ученіе о совершенной невещественности Ангеловъ и душъ человѣческихъ. Какъ историческую оговорку, можно бы пропустить безъ вниманія эту замѣтку. Но она обидна тѣмъ, что поставлена въ связи съ обычнымъ у вашихъ писателей

нареканиемъ на нашу церковь, что въ ней все будто новизны. У васъ всегда такъ бываетъ, что мало какую разность замѣтитъ кто въ ученіи своемъ съ ученіемъ, котораго держатся на Западѣ, тотчасъ кричатъ: Западная церковь ввела новизну; Западная церковь не давно приняла такое ученіе, не вникнувъ въ дѣло, какъ слѣдуетъ, и не провѣривши его свидѣтельствами. — Такъ поступила и брошюра. Вотъ и обидно. Обидно потому, что тутъ тѣни нѣтъ правды и обвиненіе произносится съ плеча — голословно. Если недавно, пусть скажетъ — когда, и докажетъ. Неопредѣленность выраженія и означаетъ, что она сама не знаетъ навѣрно того, что говорить, а пишетъ догадочно. Что это такъ, — ясно какъ день, изъ замѣтки при 12-й выпискѣ изъ Бержье, въ Прибавленіи къ *Слову о смерти*. — Вотъ выписка: «Невѣрующіе говорятъ, что до Декарта философы и богословы приписывали духамъ пространство». Послѣ сихъ словъ брошюра дѣлаетъ такое наведеніе: «Это показываетъ, съ котораго времени Западная (*) церковь приняла нынѣшнее мнѣніе ея о

(*) Мимоходомъ замѣчу, что въ брошюрахъ безъ различія употребляется выраженіе: *Западная церковь, Западныя богословы*. — У насъ это строго различается. Что всею церковію принято, разно съ тѣмъ мудрствовать никто не смѣетъ. А что богословы въ своихъ системахъ пишутъ, тамъ много и такого, что строго не опредѣлено церковію, а оставлено на свободу думать такъ или иначе. Въ отношеніи къ симъ предметамъ богословы разногласятъ между собою безнаказанно и спорятъ. Церковь не преслѣдуетъ ихъ разногласія. На этомъ основаніи наши богословы всегда оговариваютъ, что есть догматы, и во что обязаны мы вѣровать. И, ставши на этомъ твердою ногою, начинаютъ уже богословствовать.

духахъ. Писатель ея не оспариваетъ этого». — Каково доказательство! Изъ того, что невѣры, обыкновенно верхоглядны и на Западѣ, какъ и у насъ въ Россіи, ни во что дѣльно не вникающіе, говорятъ, и что Бержье не счелъ нужнымъ опровергать ихъ мнѣнія, нелѣпость котораго для всѣхъ тамъ такъ очевидна, брошюра выводитъ свое «показываетъ»... Какъ вамъ покажется, а я нахожу это очень недоказательнымъ.

Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, у насъ на Западѣ между католиками есть мнѣнія новыя, несогласныя съ ученіемъ вашей церкви. Не спорю. Но въ отношеніи къ укору, высказанному въ брошюркахъ, я достовѣрно знаю и докажу, что онъ лишенъ всякихъ основаній. Ученіе о духовности естества Ангеловъ и душъ человѣческихъ, противоположное мнѣнію, проповѣдуемому въ сихъ брошюрахъ, не ново на Западѣ, и не недавно принято нашею церковію. Оно было всегда въ ней, и не въ ней одной, но, полагаю, и въ вашей церкви. Я той увѣренности, что духовность

Такъ и Бержье сдѣлалъ въ своемъ Лексиконѣ богословскомъ. Подъ словомъ *душа* (*l'ame*), давши ей опредѣленіе, тотчасъ въ скобкахъ поставяетъ, чему обязаны мы вѣрить въ отношеніи къ душѣ, цитую, на какомъ соборѣ какой пунктъ принять нашею церковію, именно: что душа человѣческая есть чистый духъ (Латер. 4 собор.); что она безсмертна (Латер. соб. 5); что у cadaго челоѣка одна душа (Константинопольскій 4-й); что она свободна (Тридент. Засѣд. 6 кан. 4); что она не существуетъ прежде своего тѣла (Констант. 2-й). — Брошюра же, какъ вижу, сдѣлала выписку изъ какого-то вашего богословія, — и тотчасъ взываетъ: вся Православная церковь учитъ. У насъ такъ не водится. — Но это я замѣчаю мимоходомъ.

естества Ангеловъ и душъ человѣческихъ есть догматъ, раскрытый, утвержденный и хранимый Христіанствомъ, и общъ всему Христіанскому міру, независимо отъ раздѣленія церквей, образовавшихся по настоящее время. Но пускаться въ сію область богословствованія мнѣ не по силамъ. Считаю своимъ дѣломъ обличать только ложь словъ: *не давно принято Западною церковію.*

Недавно — не предполагаетъ далекаго времени; но этотъ терминъ можно и расширять и сокращать, смотря по нуждѣ. Брошюра недавность сію опредѣляетъ временемъ Декарта, процвѣтавшаго, какъ сама замѣчаетъ, во 2-й половинѣ 17 вѣка. — Стало быть, за 200 л., по ея мысли, значитъ *недавно*; и стало быть, если доказать, что ученіе сіе было у насъ за 300 и 400 лѣтъ, то уже совѣстно будетъ сказать — *недавно*. А если доказать, что оно было у насъ за 500 и 600, то по праву можемъ утверждать, что оно не недавно у насъ, а *давно-давно*.

Прочитавъ это — *недавно*, пошелъ я рыться въ своихъ книгахъ, не найду ли чего. — Передаю вамъ все, что нашель.

Первая попавшаяся мнѣ книга была Thomae Aquinatis Summa theologica. Думаю себѣ, кому лучше сказать правое слово объ Ангелахъ какъ не ангельскому доктору, — и не ошибся. — Отыскиваю вопросъ объ Ангелахъ: это 50-й вопросъ.

Пунктъ первый: Совершенно ли невещественъ Ангель? Вотъ это намъ и надо. Читаю — о семъ первомъ пунктѣ; ходъ мыслей таковъ.

Повидимому, Ангель не совстѣмъ невещественъ. Ибо

1. то, что невещественно только въ отношеніи къ намъ, а не и въ отношеніи въ Богу, не есть не вещественно просто — безъ всякихъ ограниченій. Но Дамаскинъ, во 2 кн. о православной вѣрѣ, въ главѣ 3-й недалеко отъ начала, говоритъ, что Ангелъ нетѣлесенъ и не матеріаленъ только по отношенію къ намъ, а въ сравненіи съ Богомъ онъ оказывается тѣлеснымъ и матеріальнымъ; слѣдовательно, онъ не есть не тѣлесенъ просто, безъ всякихъ ограниченій.

2-й пунктъ не представляетъ особенности стоящей нынѣ вниманія.

3. Сверхъ того Амвросій, въ книгѣ о святомъ Духѣ, въ главѣ 7-й, говоритъ: «Всякое твореніе описуется извѣстными предѣлами своего естества. Но быть описываему есть свойство тѣль; слѣдовательно всякое твореніе тѣлесно. Ангелы же суть творенія Божіи, слѣдовательно Ангелы тѣлесны. —

«Но этому противорѣчитъ то, что говорится въ 103 пс. въ ст. 4-мъ *Творяй Ангелы своя духи.* — Почему вотъ какъ надлежитъ говорить! —

«Необходимо положить, что есть нѣкоторыя твари нетѣлесныя. Ибо преимущественное намѣреніе Божіе въ сотвореніи вещей есть благо, состоящее въ уподобленіи Богу. Совершенное же уподобленіе есть уподобленіе дѣйствія причинѣ, когда дѣйствіе похоже на причину въ томъ, чѣмъ причина производитъ дѣйствіе, какъ, напр., теплота производитъ тепло. Но Богъ производитъ всякую тварь умомъ и волею. Посему для совершенства вселенной требуется, что бы въ ней были нѣкоторыя разумныя твари. Разумніе же не можетъ быть

дѣйствиємъ тѣла, и никакой вообще тѣлесной силы: такъ какъ всякое тѣло подчинено неумолимому закону необходимости и внѣшнихъ вліяній и ограниченій. Почему необходимо положить, что есть нѣкоторыя твари нетѣлесныя, ради совершенства вселенной.»

Но древніе, не имѣя понятія о силѣ разума и не полагая различія между чувствомъ и разумомъ, думали, что въ мірѣ ничего нѣтъ, кромѣ того что постигается чувствомъ и воображеніемъ. Но такъ какъ и воображенію подлежатъ только тѣла, то они полагали, что нѣтъ никакихъ другихъ существъ, кромѣ тѣлъ, какъ говоритъ философъ (*Аристотель in 4 physyc. text. 52 et 57*). Отъ нихъ произошло и заблужденіе Саддукеевъ, говорившихъ, что нѣтъ духа (*Дѣян. 23:8*).

«Тѣмъ уже самымъ, что разумъ выше чувства, разумно показывается, что есть нѣкоторыя нетѣлесныя существа, однимъ разумомъ постигаемыя.»

Утверждаясь на семъ, вотъ что должно сказать въ отвѣтъ на изложенныя въ началѣ мнѣнія.

На 1-е: — Духовныя существа составляютъ средину между Богомъ и тварями тѣлесными. Средина же, по сравненію ея съ одною крайностію, кажется другою крайностію, какъ напр. теплая вода, въ сравненіи съ горячею, кажется холодною. И въ этомъ-то смыслѣ говорится, что Ангелы, по сравненію съ Богомъ, суть матеріальны и тѣлесны, а не потому, чтобъ въ нихъ было чтонибудь тѣлесное.

На 3-е: Описуемость предѣлами мѣстными свойственна тѣламъ; но описуемость предѣлами естества — *terminis essentialibus*, ограниченностію

свойствъ и силъ есть свойство общее всякой твари, какъ тѣлесной, такъ и духовной. Почему тотъ же Амвросій, въ 1-й книгѣ о Духѣ Святомъ, въ гл. 7, говоритъ: «хотя нѣкоторыя существа не ограничиваются мѣстами, подобно тѣламъ, не смотря, однакожъ, на то, они не чужды описуемости естества (ограниченности свойствъ и силъ)». —

Вотъ вамъ ученіе о духовности Ангеловъ, за 600 л. предъ симъ (Томас Акв. родился 1227 г. ум. 1274) изложенное въ богословской системѣ, которая доселѣ для нашихъ богослововъ служитъ краеугольнымъ камнемъ въ ихъ богословствованіи. Такъ какъ же говорить, что оно недавно принято у насъ?

Но надѣюсь еще раньше указать слѣды того же ученія у насъ. Прежде, впрочемъ, кончу выписку уже всего, что есть у нашего ангельскаго доктора объ Ангелахъ и душахъ. — Сдѣлаю, впрочемъ, краткое извлеченіе его мыслей, потому что слово въ слово будетъ слишкомъ многорѣчиво.

Вопросъ 51. *Объ отношеніи Ангеловъ къ тѣлу.* — *Во 1-хъ, нѣтъ ли у Ангела тѣла, какъ естественной Его части?* —

На основаніи того, что, во 1-хъ, Оригенъ (въ книгѣ о Началахъ, глав. 6 — къ концу) одно Божеское естество почитаетъ совершенно чистымъ отъ всякаго сочетанія съ веществомъ, и что, во 2-хъ, Григорій (въ бесѣдѣ на Богоявленіе) Ангеловъ называетъ разумными животными, — животное же всякое состоитъ изъ тѣла и души, — можно бы подумать, что у Ангеловъ есть тѣло, какъ естественная ихъ часть.

Но этому противорѣчатъ слова Діонисія (въ гл. 4-й о Бож. именахъ — стат. 3), что Ангелы не только невещественны, но и безтѣлесны.

Предпочитается послѣднее. Ибо нельзя допускать, чтобъ было естественною необходимою принадлежностію извѣстнаго рода существъ то, что не требуется для нихъ по существенному ихъ характеру и значенію. Такъ напр., имѣть крылья не есть существенная необходимость для животной природы вообще, почему не всѣ животныя и имѣютъ ихъ. Ангелы суть разумныя твари. Но разумніе не есть дѣло тѣла или какой либо тѣлесной силы. Почему не слѣдуетъ полагать, чтобъ имѣть тѣло было естественною необходимостію для разумнаго существа, поколику оно есть разумное существо. Хотя у нѣкоторыхъ разумныхъ существъ и есть тѣла, но это не потому, что они разумныя существа, а по чему-то другому. Такъ душѣ человѣческой нужно быть соединенною съ тѣломъ; потому что она является на свѣтѣ несовершенною — неразвитою, какъ еще *potentia* въ кругу разумныхъ тварей, и имѣетъ нужду для пріобрѣтенія познаній входить въ сношенія съ чувственными вещами посредствомъ чувствъ тѣлесныхъ. — На семъ основаніи надо полагать, что не всѣ разумныя твари соединены съ тѣломъ, а есть свободныя отъ сего соединенія. Мы и называемъ такія — Ангелами.

Что, послѣ сего, касается до мнѣнія Оригена, то извѣстно, что у него не всѣ понятія были чисты. Къ числу ихъ можно отнести и это. Въ языческомъ мірѣ, если иные лучшіе умы и доходили до понятія о

невещественности разумныхъ тварей, то едва ли были допускавшіе безтѣлесность ихъ. Понять сіе было имъ столько трудно, что иные самага Бога почитали душею міра, который будто составлялъ тѣло Его. Отъ этого послѣдняго мнѣнія Оригенъ уберется, потому что оно такъ очевидно противно ученію христіанскому; мнѣніемъ о союзѣ невидимыхъ духовъ съ тѣломъ увлекся. Григорій же своимъ выраженіемъ — *разумное животное* хотѣлъ только сказать, что безплотные духи суть живыя твари, ибо и разумности свойственна своя жизнь — и конечно высшая, чѣмъ другія извѣстныя намъ жизни!

Во 2-хъ. Что же думать о явленіяхъ Ангеловъ? Ангелы ли принимаютъ на время дѣйствительныя тѣла, или явленія сіи суть видѣнія тѣхъ, кои сподоблялись сего?

Нельзя думать, чтобъ Ангельскія явленія были видѣнія. Ибо видѣнія предполагаютъ особое — необыкновенное состояніе чувствъ и воображенія видящихъ и совершаются въ духъ ихъ — внутри. Подобнаго же состоянія нельзя безъ различія присвоить всѣмъ, когда Ангелы видимы были не однимъ, а многими. Такъ Ангелы, явившіеся Аврааму, видимы были не имъ однимъ, но и Саррою, и вѣроятно, всѣми домашними; Ангелы у Лота видимы были всѣми гражданами; а сколькими былъ видѣнъ Ангелъ, сопровождавшій Товію? Во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ, очевидно, что видимый видится не внутри, въ воображеніи, а является внѣ — чувственно, и видится отъ всѣхъ чувственными очами, какъ и другія видимыя

существа. Явиться же и видимымъ быть такимъ образомъ можетъ только дѣйствуемое тѣло. —

Если теперь, какъ доказали, Ангелы не суть тѣла по существу своему и не соединены съ тѣлами, какъ естественными своими частями: то, являясь видимыми тѣлесно, они совершаютъ сіе не иначе какъ принимая на себя временныя дѣйствительныя тѣла.

Вопросъ 52-й. Что сказать объ Ангелахъ по отношенію ихъ къ мѣсту? 1-е *Находятся ли Ангелы въ извѣстномъ мѣстѣ?* —

Находятся. Но надобно знать, что *быть въ извѣстномъ мѣстѣ* иной смыслъ имѣетъ въ отношеніи къ тѣлу, и иной въ отношеніи къ Ангелу — духу безплотному. — Тѣло протяженно и занимаетъ свое мѣсто все сплошно. Ангель не имѣетъ протяженія, или того количества одна внѣ другой лежащихъ частей. У него есть свое количество интенсивное — *virtualis*. Почему быть въ извѣстномъ мѣстѣ для него значитъ дѣйствительно являть свою ангельскую силу въ томъ мѣстѣ, какъ говорить и Дамаскинъ: «Ангель есть тамъ, гдѣ дѣйствуетъ» (о прав. вѣрѣ кн. 2, гл. 3, и книг. 1 гл. 13).

2-е) *Можетъ ли Ангель быть разомъ во многихъ мѣстахъ?* —

Не можетъ; ибо Дамаскинъ говоритъ (о прав. вѣрѣ кн. 2, гл. 3), что когда Ангелы на небѣ, то ихъ нѣтъ на землѣ. Ангельская сила ограничена, и не можетъ простираться на все, а воздѣйствуетъ на одно чтонибудь определенное. Посему, такъ какъ быть въ мѣстѣ для Ангела значитъ явить силу свою въ томъ мѣстѣ, явить же силу сію онъ можетъ только гдѣнибудь

опредѣлительно, а не во всемъ или многомъ; то слѣдуетъ, что Ангелъ не можетъ быть въ одно время во всѣхъ или многихъ мѣстахъ, — и что потому, когда онъ находится въ одномъ мѣстѣ, то его нѣтъ въ другомъ. Вообще есть три вида отношенія къ мѣсту. Тѣло описуется мѣстомъ и наполняетъ его. Ангелъ не описуется мѣстомъ и не наполняетъ его, но опредѣляется только мѣстомъ, то есть, только есть такъ въ немъ, что въ то же время нѣтъ его въ другихъ мѣстахъ. Богъ не описуется и не опредѣляется мѣстомъ, но есть всегда вездѣ весь — непостижимымъ для насъ образомъ.

Вотъ это — объ Ангелахъ. Теперь о душахъ. Какъ природа падшихъ духовъ не измѣнилась паденіемъ, то объ нихъ и не толковалъ намъ древній богословъ съ тѣхъ сторонъ, какими мы занимаемся теперь.

Вопросъ 75. — О душѣ человѣческой.

Пунктъ 1 и 2. *Душа есть ли тѣло?* — Не есть тѣло. Ибо Августинъ (въ 6 тракт. о Троицѣ гл. 6) говоритъ, что душа проста и не разливается по пространству мѣста, подобно маслѣ какой; и въ другомъ мѣстѣ (10 тракт. о Троицѣ гл. 7): кто смотритъ на душу какъ на субстанцію и субстанцію нетѣлесную, тотъ видитъ вмѣстѣ, что тѣ, кои почитаютъ ее тѣлесною, потому впадаютъ въ это заблужденіе, что навязываютъ ей то, что не принадлежитъ къ существу ея.

Душа есть субстанція разумная и свободно дѣятельная. Ни разумніе, ни свободная самодѣятельность не можетъ быть принадлежностію тѣла или какой либо тѣлесной силы; слѣдовательно душа не тѣлесна.

Что душа познаетъ тѣлесныя вещи, — изъ сего не слѣдуетъ заключать, что она должна быть подобна симъ вещамъ, то есть, тѣлесна; но достаточно признать, что она сходна съ сими вещами *potentia*, то есть, что законы и формы ея разсудка сходны съ законами и формами бытія тѣлесныхъ вещей и явленій, въ нихъ происходящихъ. Такое только устройство души и дѣлаетъ ее способною познавать все. Но еслибъ она была вещественна, то не могла бы познавать всего: ибо, будучи вещественною, она была бы опредѣленной вещественности; будучи же такой вещественности, она и познавала бы только ту часть вещественнаго міра, съ которою сходно вещество, составляющее ее саму. —

«Душа, говорятъ, движетъ тѣло и, слѣдовательно, касается его. Если касается, то и тѣлесно.» Но есть дѣйствіе на тѣло механическое — и тогда необходимо прикосновеніе тѣлесное, и есть дѣйствіе динамическое — *virtualis*, — и тогда нѣтъ необходимости въ тѣлесномъ прикосновеніи, и оно можетъ быть совершаемо существомъ нетѣлеснымъ.

Ограничиваюсь этимъ извлеченіемъ, котораго, думаю, достаточно для того, чтобъ видѣть воззрѣніе на душу нашего доктора, съ основаніями его.

Тутъ полное ученіе о духовности души и Ангеловъ со всѣми прикосновенными вопросами. Но, основываясь на ученіи одного этого лица, я все еще не могу сказать, что также давне и ученіе всей нашей церкви. Пусть даже будетъ извѣстно, что всѣ и современные ему и послѣдующіе богословы ушли такъ: и тогда нельзя еще утверждать что это есть ученіе всей нашей церкви и что

потому оно также въ ней давне; чтобъ быть ученіемъ церкви, ученіе какое либо должно быть утверждено и объявлено извѣстнымъ церковнымъ образомъ. — Вотъ этого и буду еще искать.

Беру другую книгу, богословіе Perrone, — учебникъ въ очень многихъ нашихъ семинаріяхъ. Нахожу статью объ ангелахъ. Читаю. «Многіе изъ древнихъ думали, что Ангелы облечены какимъ-то тонкимъ тѣломъ; но со времени 4-го Латеранскаго собора это мнѣніе совсѣмъ почти исчезло.» —

За тѣмъ ставится положеніе: *Ангелы суть чистые духи, никакого не имѣющіе тѣла.* Изложеніе ученія о семъ начинается такъ: «положеніе сіе извѣстно изъ 4-го Латеранскаго собора, который противъ Манихеевъ, въ изложеніи вѣры, говоритъ, “что единъ Богъ есть начало всего. Онъ создалъ твари духовныя и тѣлесныя — Ангеловъ и міръ, а потомъ человѣка, состоящаго изъ духа и тѣла”»... Вотъ это уже не мнѣніе частнаго лица, хоть и ученаго богослова, а соборное опредѣленіе. Тутъ голосъ нашей церкви! — И время этого собора надо считать временемъ, съ котораго у насъ начали, не колеблясь, учить о духовности Ангеловъ.

Когда же былъ этотъ соборъ? Perrone не указалъ. Отыскиваю Ceillier, 14-й томъ его Всеобщей исторіи отеческихъ писаній и соборовъ, — и нахожу, что 4-й Латеранскій соборъ былъ въ 1215 году, при папѣ Иннокентіи 3-мъ; вижу и самое изложеніе вѣры — сокращенно...

Вотъ предѣлъ, съ котораго у насъ начали рѣшительно говорить о духовности Ангеловъ и душъ человѣческихъ.

И вотъ почему Тома Аквинатъ, не много спустя, такъ рѣшительно излагаетъ такое ученіе въ своей — *Theologica summa!*

Но правда ли, что до сего времени у насъ колебались въ семъ отношеніи, и не склонялись ни на ту, ни на другую сторону? —

Поищу какого нибудь извѣстнаго писателя, жившаго прежде сего времени. Вотъ Бернардь. — По *index* отыскиваю — *lib. V. de Consideratione*, въ *Patrol. cur. compl. t. LXXXII. p. 791. 792. cap. III.* «Твоя часть — духъ, выше котораго ничего уже не найдешь ты, что бы не было духъ. Богъ есть духъ; духи суть и Ангелы святыя. Но только и есть выше тебя.» — *Cap. IV.* «Вознесись теперь, богомысліе мое, горѣ — въ Іерусалимъ небесный, и начнемъ внимательно разсматривать неизслѣдимое. — И во 1-хъ, кто тамъ граждане? — Духи, мощные, словесные, блаженные... совершенные въ своемъ родѣ, — *эирно-тѣлесные*... чистые умы... Вотъ что вычитали мы, и что содержимъ вѣрою!»

Это не такъ еще ясно. Сноска отсылаетъ меня къ 5-му слову на Пѣсни Пѣсней. — Обращаюсь туда. Тутъ вотъ что (*tom. слѣд.*).

§ 2. «Что и пренебесные духи имѣютъ нужду въ тѣлахъ, на это наводятъ слѣдующіе слова писанія: *не вси ли суть служебнии дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1:14). Ибо какъ могутъ они исполнять сіе служеніе безъ тѣла, когда относятся къ лицамъ живущимъ въ тѣлѣ?» —

§ 7. «Но эти ангельскія тѣла естественны ли для духовъ небесныхъ, какъ естественны для людей свои

тѣла; такъ что Ангелы, будучи животные, какъ люди, только безсмертные, чего люди еще не имѣютъ, съ такою притомъ властію надъ тѣломъ, что могутъ, когда и какъ хотятъ, измѣнять ихъ видъ и форму, сгущая и одѣбляя ихъ, по природѣ своей утонченныя и для насъ неосязаемыя и невидимыя; или Ангелы, чисто духовныя существа, принимаютъ на себя тѣла, когда бываетъ нужно, и опять, по исполненіи своего дѣла, слагаютъ ихъ, разлагая опять въ то вещество, изъ котораго взяты, — разрѣшенія сего не требуй отъ меня. Отцы разнo объ этомъ думали, и я, не имѣя основаній склониться на ту или другую сторону, сознаю свое въ семъ отношеніи невѣдѣніе.»

Тутъ ясно колебаніе. Но колебаніе не о томъ — тѣлесно ли естество Ангеловъ, но о томъ: имѣютъ ли Ангелы естественное у себя тѣло, или принимаютъ его на время, будучи въ томъ и другомъ случаѣ существами духовными? Въ послѣднемъ не было никакого колебанія. Не одинъ ли впрочемъ этотъ учитель колебанія въ рѣшеніи сего вопроса, когда у другихъ онъ былъ рѣшенъ такъ, или иначе? — Нѣтъ, не одинъ. Сноска отъ Бернарда препровождаетъ къ *Magister sententiarum*, — увѣряя, что и онъ оставлялъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. Сдѣлаю извлеченіе и изъ него, чтобъ не говорить ничего голословно (*Patr. cur. com. t. 192 p. 667*). Этотъ вотъ какъ начинается: «между учеными обыкновенно вращается вопросъ: *есть ли у Ангеловъ тѣла?* — Одни рѣшаютъ его положительно, что Ангелы имѣютъ тѣла тонкія, которыя огрубляютъ, когда нужно являться людямъ, чтобъ быть видимыми и

осязаемыми. А другіе говорятъ противное, — что Ангелы безтѣлесны, и только по временамъ принимаютъ на себя тѣла, по повелѣнію Бога, и, исполнивъ свое дѣло, опять слагаютъ ихъ. — И я не умѣю рѣшить сего вопроса».

Вопроса — о невещественности естества души и Ангеловъ и не ставятъ ни Бернардъ, ни Петръ Ломбардъ, потому что это было общеизвѣстно. —

Бернардъ умеръ въ 1153 г., Петръ Ломбардъ не много послѣ. — Стало, лѣтъ за 50 до собора. Теперь ясно, что до 4-го Латеранскаго собора у насъ колебались въ ученіи объ Ангелахъ самые извѣстные ученые и святые; а послѣ 4-го Латеранскаго собора колебанія прекратились. И вскорѣ послѣ него Тома Аквинатъ излагалъ уже свое ученіе съ рѣшительною положительностію. Но опять замѣчу, что относительно духовности естества ангельскаго никакого не было колебанія. Это рѣшительно всегда всѣ исповѣдывали. Недоумѣвали только о томъ, какъ разумѣть видимыя явленія Ангеловъ. Нужно ли для объясненія ихъ допустить, что у Ангеловъ есть естественныя имъ тѣла, или они на время ихъ принимаютъ?

Но чтобъ Ангелы и души были по естеству тѣлесны и вещественны, это никогда и не слышно было между нашими учеными, и до показаннаго соборнаго опредѣленія.

Такъ вотъ видите, какъ недавно принято у насъ ученіе о совершенной безтѣлесности Ангеловъ и душъ. Согласитесь послѣ сего, что моя жалоба основательна и что брошюры ваши взводятъ на нашу церковь

напраслину и клевету. Вы извините меня, что я описываю вамъ всю процедуру, какъ дошелъ до сего оправданія нашей церкви—въ новизнѣ, это мнѣ доставляетъ удовольствіе, а при избыткѣ чувствъ языкъ всегда многорѣчивъ. —

Вторая жалоба. Вторая моя жалоба — въ защиту Бержье. — Прочитавши выписки изъ него въ *Прибавленіи къ слову о смерти*, всякой скажетъ: какой это жалкой богословъ Бержье! Во всѣхъ пунктахъ выписокъ одну мысль переворачиваетъ на разные лады. Доказательствъ почти нѣтъ; а если есть какія, то высказываются сквозь зубы — нѣмотствуя. Ктому же есть въ иныхъ пунктахъ мысли, противныя общей, безъ оговорокъ; есть мысли совсѣмъ стороннія, безъ указаній, къ чему онѣ идутъ. Такимъ образомъ подается невыгодная мысль о нашемъ богословѣ, какъ о человѣкѣ съ нестройною головою, бездоказательномъ, путающемся въ словахъ. Но вѣдь онъ у насъ изъ первыхъ. Какъ же можно это стерпѣть? Вотъ и жалуясь! —

Жалуясь на то, что неправо поступлено съ знаменитымъ нашимъ писателемъ. Слѣдовало выставить его мысли всѣ сполна, въ стройномъ порядкѣ, со всѣми доказательствами, и потомъ опровергать. А то выписано кое-что, и притомъ ни то, ни се. Для брошюры, конечно, это очень выгодно, какъ выгодно въ борьбѣ поставить своего противника такъ, чтобъ удобнѣе было подкосить его подъ ножку. Но слѣдуетъ ли такъ? — Думать себѣ думай всякъ, какъ хочешь; но будь справедливъ къ другимъ мыслителямъ. Что

жалоба моя справедлива, увидите изъ прилагаемаго изложенія его мыслей о духовности Ангеловъ и душъ человѣческихъ со всѣми доказательствами. Извлекаю изъ Encyclopedie theologique — Migné. — t. XXXIII et XXXIV, изъ статей l'ange, l'esprit. —

1) Мысли Аб. Бержье — о душѣ.

Душа есть духовная субстанція, которая въ человѣкѣ мыслить и есть начало жизни. Духовность души доказывается а) откровеніемъ, б) ученіемъ отеческимъ и в) соображеніемъ разума.

а) Первая истина, внушаемая намъ откровеніемъ, есть та, что Богъ все сотворилъ словомъ Своимъ, или однимъ дѣйствиемъ воли Своей. Изъ сего видно, что Онъ есть Духъ чистѣйшій. Но тоже откровеніе учитъ, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію (Быт. 1:26 и 27); слѣдовательно человѣкъ не есть только тѣло. Въ немъ должно быть начало мыслящее и свободно-дѣятельное, чтобъ отражать въ себѣ образъ и подобіе Божіе.

Сказано также, что Богъ образовалъ тѣло человѣка изъ персти земной, вдунулъ въ лице его дыханіе жизни. Дыханіе же Вседержителево есть научающее разуму, поучаетъ Іовъ (XXXII, 4). Но разума наши священные писатели никогда не приписываютъ матеріи. Вотъ двѣ субстанціи въ человѣкѣ ясно различаемыя: перстное тѣло и духъ отъ Бога, духъ мыслящій, себя сознающій, свободно дѣйствующій, то есть, такими одаренный качествами, которыя никакъ не могутъ принадлежать матеріи.

Такъ отъ самага Адама начали различать душу, какъ духъ, и тѣло, какъ матерію; слѣды чего — у всѣхъ народовъ. Тѣмъ паче оно выражается въ словѣ Божиѣмъ и въ народѣ, коему ввѣрено было слово Божіе, исповѣдуется постоянно до Христа Спасителя, и отъ Него передается Христіанству. Нѣтъ нужды приводить всѣ мѣста, сюда относящіяся. Довольно указать на изрѣченіе Екклезіаста (12:7): *И возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже и даде его,* — и на слово Господа: *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоинъ кланятися* (Ин. 4:24). Послѣднимъ изрѣченіемъ вмѣстѣ отрицается всякое кривое толкованіе слова — *духъ*, какъ бы какой тонкой матеріи. Если, въ отношеніи къ Богу, онъ здѣсь означаетъ совершенно невещественное существо, то тоже долженъ значить онъ здѣсь и въ отношеніи къ человѣку. Нѣтъ никакого основанія давать здѣсь два ему смысла (*l'esprit*. стр. 534. *l'ame*. 174).

б) Святые отцы, всѣ исповѣдуя Бога Творцемъ, не могли допускать, чтобъ Онъ былъ въ какомъ либо смыслѣ вещественъ. Эти два понятія несовмѣстны. Въ ученіи о душѣ человѣка, наиболѣе опираясь на то, что онъ созданъ по образу Божію, они утверждали, что тѣло, какъ бы оно тонко ни было, никакъ не можетъ быть подобно чистому духу, и что слѣдовательно душа духовна вслѣдствіе Богоподобія. Всѣ они также приписывали душѣ разумность, свободу, безсмертіе, — качества, которыя никакъ не могутъ принадлежать тѣлу.

Приводить свидѣтельство всѣхъ отцевъ о духовности души неостанетъ времени. Преимущественно сильны

въ семь отношеніи Августинъ въ своей книгѣ *de qualitate animæ*, въ кн. 10 о Троицѣ гл. 10; Аѳанасій В., Св. Златоустъ, Григорій Назіанзинъ, Максимъ и другіе многіе.

Невѣры, наводившіе нареканіе на св. Отцевъ, будто признававшихъ душу тѣломъ тонкимъ, или искажали мѣста, взятыя изъ ихъ писаній, или криво толковали ихъ, или брали мѣста изъ книгъ, ложно имъ приписываемыхъ. Добросовѣстное изученіе св. Отцевъ не оставитъ никакого сомнѣнія въ ихъ единодушномъ ученіи о духовности души (*l'ame* — 174. 175).

Прибавлю еще слѣдующія мысли Мозгейма въ его нотахъ на Кудворта (*intellec. c. 5 cât. 3, § 21*). Древніе философы различали въ человѣкѣ двѣ души: чувственную, которую признавали тонкимъ тѣломъ, и разумную, нетѣлесную, безсмертную. Когда умираетъ человѣкъ, обѣ эти души отдѣляются отъ тѣла, пребывая впрочемъ между собою соединенными навсегда, безъ смѣшенія, однакожъ. Мозгеймъ замѣчаетъ, что св. Отцы заняли это ученіе у древнихъ философовъ. Пусть и было такъ. Все же значить, что въ человѣкѣ есть совершенно духовная субстанція, чуждая всякой тѣлесности (*l'esprit. 589*).

в) И мѣста Писанія и св. Отцы даютъ мѣсто слѣдующимъ соображеніямъ, приводящимъ къ признанію невещественности души. 1) Я сознаю самъ себя, — сознаю, что я есть я, а не другой кто, и притомъ во всѣ моменты жизни моей; сознаю, что дѣйствую самостоятельно, свободно, вслѣдствіе разсужденія и выбора. Вотъ дѣйствія, къ которымъ матерія

существенно неспособна. Съ другой стороны несомнѣнно, что никакому мудрецу нѣтъ возможности объяснить изъ тѣлеснаго механизма явленій духовныхъ, — мыслей, чувствъ, желаній, — онѣ истекаютъ изъ сродной себѣ силы — чисто духовной.

2) Для образованія и прочности человѣческихъ обществъ необходимо признавать цѣну и аподиктическую неотложность нравственнаго порядка. Нравственный порядокъ со всѣми своими законами коренится въ духѣ, независимо ни отъ какихъ вещественныхъ условій. Если стоятъ общества, то потому, что есть духъ, и что признается сила его и требованія его. Вотъ почему 3) материалистическое ученіе, въ какомъ бы тонкомъ видѣ оно ни являлось, всегда считалось носителемъ пагубныхъ послѣдствій для человѣчества; чувство внутреннее отвращается отъ него, и человѣчество всегда вопіяло противъ матеріалистовъ, поражая ихъ презрѣніемъ. Это — насилватели общаго смысла (l'esprit. стр. 583).

2) Мысли Бержье объ Ангелахъ.

Ангель — субстанція духовная, разумная, первая по достоинству между тварями.

а) Послѣ того, какъ духовность души доказана, духовность Ангеловъ не требуетъ особыхъ доказательствъ.

Въ Словѣ Божіемъ въ весьма многихъ мѣстахъ говорится о духахъ добрыхъ и злыхъ, которые говорятъ, дѣйствуютъ, разсуждаютъ, совѣтуютъ, исполняютъ повелѣнное, вообще являютъ такія дѣйствія, которыя

никакъ несвойственны тѣлу, какъ бы утонченнымъ его ни предполагали, это и есть Ангелы (L'esprit. стр. 584).

б) Такъ духовность—ихъ несомнѣнна, и была признаваема всѣми отцами. Но въ мнѣніяхъ объ образѣ ихъ бытія, при сей духовности, Св. отцы расходились. Одни думали, что Ангелы, всегда пребывая внутренно-чистыми духами, совнѣ облечены весьма тонкими тѣлами, таковы: Тертуллианъ, Оригенъ, Климентъ Александрійскій и др. Другіе приписывали имъ совершенную духовность, свободную отъ всякаго сочетанія съ веществомъ, таковы, по указанію Петавія, изъ греческихъ отцевъ: Титъ Бострійскій, Дидимъ, Св. Василій Великій, Св. Григорій Нисскій, Св. Григорій Назіанзинъ, Евсеій Кесарійскій, Св. Епифаній, Св. Іоаннъ Златоустъ, Θεодоритъ, и др. многіе; изъ латинскихъ писателей: Марій Викторинъ, Лактанцій, Св. Левъ, Юмелій Африканъ, Св. Григорій Великій и др.

в) Къ сему приложимъ слѣдующее соображеніе: стройный порядокъ, царствующій въ мірѣ, не могъ произойти случайно или по какой либо слѣпой необходимости; думать такъ противно здравому смыслу. Необходимо потому признать, что онъ есть произведеніе Разума Творческаго, или Духа-Бога. Но если есть Духъ творецъ, никакихъ нельзя предположить препятствій къ тому, чтобъ Онъ далъ бытіе другимъ духамъ нисшаго порядка. Простое притомъ обозрѣніе тварей доводитъ до признанія бытія сего рода существъ. Мы знаемъ твари тѣлесныя, знаемъ тѣлесно-духовныя; должны быть твари чисто духовныя. Сего требуетъ гармонія міра. Сверхъ того Духъ-Творецъ есть и

промыслитель. Для исполненія промыслительныхъ Его распоряженій, помимо общаго всѣхъ устроенія, должны быть окрестъ престола — Его служебныя силы — разумныя, чтобъ разумѣть и разумно исполнять поручаемое, то есть, должны быть служебные духи, въ служеніе посылаемые. Они могутъ быть или постоянно облечены тѣломъ, или временно облакаемы въ него всякой разъ, когда нужно, какъ думали и отцы, но существо ихъ должно быть духовно, ибо разумность несовмѣстна съ вещественностію самою тонкою (L'esprit стр. 585 и 586).

Вотъ вамъ мысли Бержье въ общей связи. Я старался, сколько можно, быть сжатымъ. Но и изъ сего краткаго извлеченія вы можете увидѣть, какою крѣпкою отличаются доказательностію онѣ. Сличите теперь съ этимъ содержаніе выписокъ въ *Прибавленіи къ Слову о смерти*. Смотрите, какая огромная разность. Въ какомъ свѣтломъ видѣ является здѣсь намъ Бержье. Тутъ онъ полный богословъ — свѣтило нашего богословія. А тамъ что?!! Вотъ я и счелъ себя обязаннымъ поставить его, какъ онъ есть. Въ выпискахъ брошюры весьма немного взято изъ этихъ мыслей; а въ опроверженіе не взята во вниманіе почти ни одна. А по моему такъ слѣдовало — поставить ихъ въ семь стройномъ порядкѣ и потомъ опровергать мысль за мыслию. Я не утверждаю, чтобъ у Бержье предметъ былъ исчерпанъ вполнѣ и изложенъ обстоятельно, этого и требовать отъ него незаконно: ибо онъ писалъ лексиконъ, гдѣ обыкновенно все помѣщается въ видѣ обзоровъ; подробнѣйшее же развитіе предоставляется своеличному труду читателей. — Но

предметная мысль доказана имъ достаточно. Опровергателью духовности души и Ангеловъ не довольно сказать, что мнѣніе сіе взято съ Запада; но надо вмѣстѣ обличить западныхъ въ заблужденіи, а чтобъ обличить ихъ въ заблужденіи, надобно разорить всѣ основанія, на которыхъ держится ихъ ученіе. Вотъ это и ожидается. Пока же это не сдѣлано наша правда стоитъ, и ложь брошюры не можетъ величать себя истиною, и тѣмъ менѣе истиною вселенскою.

Этимъ я кончилъ свое дѣло сполна. Вотъ вамъ мой отпоръ вашимъ. Мнѣ нѣтъ нужды, что рѣчь моя негласна. Я спокоенъ, что высказался хоть предъ вами. Съ меня и этого довольно. По силѣ моей дѣйствую. Но не скрываю, что не чуждо было бы желаній моего сердца, еслибъ вы нашли возможность огласить мой протестъ. —

2. РАЗГОВОРЪ СЪ СТАРЦЕМЪ О ТОМЪ ЖЕ

а) *Вводный*

Когда прочитывалъ я эти замѣтки, приходитъ ко мнѣ одинъ монахъ, изъ ученыхъ. Учился онъ въ университетѣ, и потомъ, оставя мудрость земную, посвятилъ себя изученію св. отцевъ и служенію Богу въ иночествѣ. Какъ вниманіе у меня занято было содержаніемъ замѣтокъ, то невольно склонилъ я разговоръ на этотъ предметъ, и пошла бесѣда широкая. *Старца* этого только затронъ.

Я. Смотрите-ка, говорю, что пишетъ намъ общій съ вами знакомецъ — докторъ! —

Старецъ. А что такое? —

Я. Рассказываю ему все, какъ было и есть, — и содержаніе замѣтокъ. —

Старецъ. Дѣло! Какіе хитрецы эти католики. Будто не его дѣло касаться главной мысли статьи, своихъ только защищаетъ; а между тѣмъ успѣлъ выставить солидныя основанія духовности души и Ангеловъ, коими почти всѣ пункты статьи опровергаются.

Я. Развѣ вы знаете статью ту?

Стар. Какъ же. Я читалъ ее. Вѣдь это давно было, года два если не больше, какъ она появилась. Неприятно было очень встрѣтить такое ученіе.

Я. Да неприятно. Но еще больше неприятно, что ученіе это принялось и уже теперь выставляется, какъ дѣло рѣшенное и всѣми признанное.

Стар. Какъ? гдѣ?

Я. Сказываю ему журналъ и номеръ журнала.

Стар. Я не успѣлъ еще прочесть этого номера; былъ занятъ. — И опять тотъ же журналъ!!! — Чтоже это такое? — И редакторъ не сдѣлалъ никакой замѣтки?

Я. Нѣтъ.

Стар. Не понимаю. Да, вѣдь это просто Бюхнеровщина! Матерія — сила. Что дѣятельнѣе — души или Ангелы? Это — приснодвижныя существа. Если они — тѣло, то на что лучшаго доказательства, что штофъ — крафтъ. Скажи это Бюхнеру: обнялъ бы и разцѣловалъ этотъ журналъ, какъ чадо свое

разлюбезное. Да, чадо и по прямой линіи. Ахъ! какъ досадно!

Я. Подите-жь.

Стар. Да, нѣтъ. Вѣдь этого нельзя такъ оставить. Надо говорить и говорить, писать и писать. И тогда еще меня брало ретивое, и я сталъ уже было готовить кое-что, но потомъ остановился. Пройдетъ, думалъ я, и затихнетъ; а подыми споръ, шумъ пойдетъ на весь міръ, — сколько соблазну?! На, вотъ, прошло!!

Я. Напрасно вы такъ подумали. Вѣдь тамъ выставлены доводы не совсѣмъ легкіе. Вы не могли не предположить, что не всякій читающій разберетъ, гдѣ правда, и что, стало быть, будутъ пристающіе къ сей сторонѣ.

Стар. Не всякій читающій разберетъ. Такъ вышло. А мнѣ-то думалось: какой читающій не разберетъ. Это между прочимъ и отбило охоту спорить. Что толковать о томъ, что день — день, и ночь — ночь.

Я. Неужто вы думаете, что духовность души и Ангеловъ такъ наглядна?

Стар. Она не наглядна такъ сама въ себѣ; но точно такъ наглядна по вѣрѣ въ нее и по ясности сознанія ея въ душахъ вѣрующихъ.

Я. Неужели такъ?! — И однакожь, вотъ нашелся человекъ, принявшій противную мысль, и выступившій съ нею предъ лицомъ всѣхъ.

Стар. Запутался въ доводахъ и, не разобравши хвалыши ихъ, увлекся.

Я. А вы думаете, легко развести всю эту чащу аргументаціи? Припомните, сколько написано.

Стар. Написано-то много. Но, помнится, только мысли три-четыре есть, на которыхъ стоитъ остановиться, — и то немного.

Я. А я иначе думаю. Вы вѣрно забыли. Я недавно просматривалъ эту статью снова, и нахожу, что она не лишена вѣса и убѣжденія.

Стар. Убѣжденія, пожалуй: но не вѣса. — И убѣжденія-то потому только, что она ударяетъ для своей защиты въ такія струны сердца, звуку которыхъ мы не можемъ не внимать и не подчиняться. — И ударяетъ незаконно.

Я. Что вы подъ симъ разумѣете?

Стар. Разумѣю страхъ Божій, когда говорятъ, что впадешь въ богохульство; наше благоговѣніе предъ голосомъ церкви и св. Отцами, нашу готовность признать истиннымъ то, на что какимъ либо образомъ подается намекъ отъ Свят. Синода, нашу нелюбовь къ западнымъ ученіямъ, изъ опасенія какъ нибудь запутаться въ нихъ.

Я. Почему же вы думаете, что все это затронуто незаконно? Вѣдь всѣ эти убѣжденія приложены тамъ къ особымъ мыслямъ, которыя, какъ кажется, имѣютъ свои основанія?

Стар. Сколько разъ уже вы повторяете: основанія-основанія. Какія тутъ основанія?! Дайте-ка мнѣ, гдѣ эта статья! Вотъ я вамъ покажу, что тутъ никакой нѣтъ основательности; ни одна мысль не доказана, какъ слѣдуетъ.

Я. Извольте; и я очень радъ, что вы хотите это сдѣлать. Я признаю неосновательною мысль о

тѣлесности души и Ангеловъ; но изъ доводовъ не всѣ могу распутать. Вотъ, вы мнѣ помогите въ этомъ.

Стар. Съ удовольствіемъ. Дайте, я пробѣгу эту статью снова, и кое что перелистую и поприпомню.

Я отдалъ ему обѣ брошюры, и старецъ распрощался.

Такъ кончилась наша первая бесѣда. —

б) О началахъ, какихъ держатся брошюры

Прошло дня два; приходитъ мой старецъ, и мы снова начали рѣчь. — Послѣ обычныхъ переходовъ къ предуказанному уже предмету, старецъ началъ.

Стар. Какъ будемъ разбирать, — подъ рядъ, строка за строкою, или собрать лучше въ одно всѣ положенія, подающія поводъ думать о тѣлесности души и Ангеловъ и потомъ произносить о нихъ свое сужденіе?

Я. Я предпочитаю послѣднее. Брошюра велика. Рѣчь затянется надолго, и порядокъ въ ней трудно будетъ соблюсти. —

Стар. И я также думаю. Къ тому же въ статьѣ не все относится къ предмету. Видимо, что она составлена была съ цѣлію доставить назидательное чтеніе, а не съ тѣмъ, чтобъ изслѣдовать предметъ по ученому.

Я. Ваша правда. Но не будетъ ли этотъ способъ укоризненнѣе, и не подастъ ли повода думать, что мы себѣ на умѣ, — не все выставляемъ, какъ есть?

Стар. На чтоже? — Статья у всякаго въ рукахъ, пусть смотритъ. Я постараюсь не оставить ни одной мысли неотвѣченной. Вотъ посмотрите какъ!

Кончивъ выписки изъ Бержье (что нужно бы сказать о самыхъ выпискахъ, довольно сказаннаго сосѣдомъ

нашимъ) и, собираясь критиковать его, брошюра говорить (стр. 12. Приб. къ слову о смерти): «Западный писатель думаетъ основать свое мнѣніе на Св. Писаніи, на отцахъ церкви и на наукѣ. Въ этихъ трехъ отношеніяхъ мы обязаны представить удовлетворительное опроверженіе». Хотя потомъ брошюра не держится сего порядка въ изложеніи своихъ мыслей, тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы не будемъ далеки отъ ея плановъ, если мысли ея соберемъ подъ эти три рубрики. —

Я. Прекрасно. А то правду сказать, сколько ни читаешь брошюры, все въ головѣ остается какая то путаница.

Стар. Начнемъ-те приводить въ строй эту путаницу, и дѣлать ей выправку. — На первомъ мѣстѣ хочу указать на особенную заботу брошюры мнѣніе свое выставить, какъ догматъ св. церкви. Этому силится она достигнуть всѣми неправдами.

Я. Это очень замѣтно. Но въ этомъ я ничего не вижу укорнаго. Отраднo быть увѣреннымъ, что образъ моихъ мыслей освящается голосомъ церкви.

Стар. Такое стремленіе нетолько не укорно, но есть сущая необходимость для всякаго здравомыслящаго христіанина, желающаго содержать одну истину непримѣсную. Только надо законнаго при этомъ держаться пути. Иначе можно нахватать много мнѣній, — въ качествѣ догматовъ, тогда какъ они не догматы.

Я. Я не вижу, какъ эта замѣтка идетъ къ брошюрѣ.

Стар. Припомните, какой критерій для вселенской, непреложной истины.

Я. Тотъ, чтобъ извѣстная истина была утверждена голосомъ вселенской церкви.

Стар. Да. Голосъ же вселенской церкви слышится главнымъ образомъ въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ и утвержденныхъ ими соборовъ помѣстныхъ. Но какъ соборы не всего касались, то относительно многихъ непреложныхъ истинъ голосомъ церкви можетъ служить единодушное согласіе въ нихъ всѣхъ св. отцевъ, по слѣдующему положенію: что всегда, всюду, всѣми было исповѣдуемо, то непреложно истинно. Тотъ и другой голосъ указываетъ Богооткровенную истину, догматъ, обязательный для всѣхъ, отступленіе отъ котораго есть ересь. Къ симъ двумъ можно присоединить еще катихизисы, соборно утвержденные для наставленія въ правилахъ вѣры всѣхъ православныхъ христіанъ. Таково Православное Исповѣданіе Петра Могилы, соборами русскихъ и восточныхъ пастырей пересмотрѣнное и утвержденное, и отчасти Пространный Катихизисъ Высокопр. Митр. Филарета. Говорю — отчасти; потому что онъ только Россійскою церковію авторитетно признанъ за изложеніе вселенской истины; Греческою церковію хотя принятъ онъ для преподаванія въ училищахъ, но авторитетно ею не утверждёнъ, а молчаливо принятъ. — Молчаливо же принятое нынѣ, завтра гласно можетъ быть отмѣнено. — Подводите теперь подъ эти правила образъ доказыванія, котораго

держатся брошюры, и увидите, что онѣ шли не правымъ путемъ.

Я. Но вѣдь, въ нихъ не разъ говорится, что таково ученіе православной церкви, указывается на одобреніе Св. Синода и Греческой церкви и на согласіе св. отцевъ.

Стар. Посмотрите же теперь, на сколько доказательны всѣ эти утвержденія. На стр. 19 Прибавленія къ слову о смерти — пишется: *Догматическое богословіе православной католической церкви, принятое, по опредѣленію св. Синода, въ учебное руководство во всѣхъ російскихъ семинаріяхъ и переведенное съ тою же цѣлію на Греческій языкъ... излагаетъ ученіе объ Ангелахъ такъ и такъ... Послѣ сей выписки дѣлается такое заключеніе: таково ученіе православной церкви о сотворенныхъ духахъ. Вотъ это-то заключеніе и не выходитъ изъ сказаннаго прежде. Какъ на нѣчто особенно вѣское, ударяется въ семь мѣстѣ на слѣдующіе термины: *Догматическое богословіе православной церкви, — догматическое богословіе, принятое въ руководство по опредѣленію Св. Синода, догматическое богословіе, переведенное съ сею цѣлію на Греческій языкъ. Но при всѣхъ этихъ уважительныхъ моментахъ, въ богословіи извѣстнаго богослова можетъ содержаться частное мнѣніе, ему собственно принадлежащее, не раздѣляемое ни Св. Синодомъ, ни Греческими учеными, ни даже преподавателями богословія въ семинаріяхъ. Почему и говорю, что заключеніе-то не выходитъ.**

Всему свѣту извѣстно, что системы богословскія, какимъ бы ученымъ и святымъ лицамъ ни

принадлежали, не бываютъ чужды субъективныхъ — личныхъ возрѣній автора. Почему пусть богословіе какое именуется изложеніемъ догматовъ православной церкви, всегда тутъ подразумѣвается: какъ они изучены, поняты, усвоены и излагаются такимъ-то богословомъ. — Если такъ, то уже никакъ нельзя заключить, — поелику то и то содержится въ православномъ такомъ-то богословіи, то оно есть вселенская истина. Въ семъ богословіи дѣйствительно можетъ содержаться одна вселенская истина; но потому только, что оно взялось представить сію чистую истину и обязано это сдѣлать, не слѣдуетъ, чтобъ оно уже дѣйствительно было непогрѣшимо и содержало одно ученіе вселенское. Ибо при всемъ стараніи богослова, онъ не можетъ удержаться отъ своихъ возрѣній частныхъ, особенно въ тѣхъ пунктахъ, относительно которыхъ не слышенъ внятнѣйшій голосъ церкви. Почему всякое богословіе должно имѣть внѣшнее удостовѣреніе о томъ, что все въ немъ содержащееся есть догматъ, или ученіе вселенской церкви.

Я. Брошюра это сознавала и прибавила къ титулу — Богословіе православной церкви — то, что это Богословіе, по опредѣленію Св. Синода, принято въ руководство въ нашихъ семинаріяхъ.

Старецъ. И точно, — это обстоятельство даетъ сему богословію особенный вѣсъ, но вѣсъ случайный, а не безусловное достоинство непреложной истинности, — у насъ въ семинаріяхъ ни одинъ учебникъ не можетъ быть введенъ безъ опредѣленія Св. Синода. Значитъ ли, что симъ гарантируется непреложная истинность всего

содержанія учебниковъ? Никакъ; это только значить: вотъ учебникъ, наиболѣе нынѣ пригодный къ дѣлу; завтра явится другой, который покажется лучшимъ; его введутъ, хоть онъ будетъ и отличенъ отъ перваго. И когда вводится учебникъ, не предписывается — и на іоту не отступать отъ его буквы, но оставляется преподавателямъ свобода, при семъ руководствѣ — преподавать наилучше. — Такъ они и дѣлаютъ. И это какъ въ отношеніи ко всѣмъ учебникамъ, такъ и въ отношеніи къ догматическому богословію. — Вотъ я недавно нарочно спрашивалъ одного молодого священника изъ богослововъ, — какъ у нихъ преподаванъ пунктъ объ Ангелахъ. — Онъ сказалъ, но совсѣмъ не такъ, какъ въ богословіи. Какъ же, говорю ему, въ учебникѣ богословія напечатано вотъ какъ? — Это, говоритъ, у насъ помѣщается въ примѣчаніи. И мы это понимаемъ не такъ, что душа и Ангелы суть тѣло, а что имѣютъ тѣла, въ существѣ оставаясь духомъ чистымъ, непримѣснымъ. Полагаю, что очень многіе, если не всѣ, такъ думаютъ. — Давно ли введенъ этотъ учебникъ?! Прежде преподавалось Богословіе Теофилакта, тоже по опредѣленію Св. Синода и то же озаглавливалось: *Православной Восточной церкви догматы, или христіанское ученіе о томъ, во что должно вѣровать*. Это часть первая. — Какъ же посему, богословію съ утвержденія Св. Синода должно было вѣровать объ Ангелахъ? Членъ 3 — о дѣлахъ Божихъ въ царствѣ природы; § 39 примѣч. 3. «Изъ Св. Писанія узнаемъ объ Ангелахъ, что они суть — а) субстанціи, Богомъ сотворенныя; б) невидимы и чужды всякой матеріи и потому духовны» и

проч. А вотъ и о душѣ человѣческой тамъ же § 37. — «Тѣло человѣка Богъ образовалъ изъ земли, а душу, или духъ, совершенно чуждый матеріи, отъ Себя вложилъ въ сіе тѣло.» Вотъ учебникъ, введенный Св. Синодомъ, и совсѣмъ отличный отъ нынѣшняго въ ученіи объ Ангелахъ. — Но что было прежде, то можетъ повториться послѣ. Завтра представитъ кто другой учебникъ лучшей, и онъ будетъ введенъ, хотя бы въ немъ содержалось что нибудь и различно отъ нынѣшняго учебника, даже въ этомъ спорномъ нашемъ пунктѣ объ Ангелахъ. Да вотъ недалеко, — Богословіе Пр. Макарія, напечатано тоже съ разрѣшенія Св. Синода, 15 лѣтъ было имъ преподаваемо въ С. П. Б. Академіи, и доселѣ, чай, преподается. А объ Ангелахъ въ немъ говорится не то, что въ догматическомъ богословіи, на которое ссылается брошюра. —

Я. Такъ по вашему одобренію Св. Синода ничего не значить?

Старецъ. Нѣтъ, не ничего не значить. Но не значить того, чего хочеть брошюрка. Не все разрѣшаемое Св. Синодомъ гарантируется имъ; не во всемъ этомъ онъ отвѣтенъ; не на все, съ разрѣшенія его опубликованное, можно ссылаться, какъ на лично имъ одобренное.

Вѣдь наша цензура духовная не все сама разрѣшаетъ. Есть много книгъ, кои прежде разрѣшенія представляются въ Св. Синодъ и уже съ разрѣшенія его разрѣшаются цензурою. И на всякую частную мысль сихъ книгъ будто можно ссылаться, какъ на одобренную Св. Синодомъ?!? Чтобъ указать относительно чего либо

авторитетное одобрение Св. Синода, надобно, чтобы от него изошло относительно сего частное определение.

Если бы в отношении к пункту, о котором у насъ рѣчь, Св. Синодъ опредѣлительно постановилъ, чтобы объ Ангелахъ непременно учили такъ и такъ, тогда бы это было авторитетное утверждение. Но когда вообще система богословская принята въ учебникъ, то этимъ сказано только, что нынѣ лучше учиться богословію по сей системѣ. Всякой же уже самъ по себѣ разумѣй, что и въ учебникѣ этомъ, какъ въ системѣ извѣстнаго богослова, могутъ быть частныя воззрѣнія.

Я. Вы хотите сказать, что когда какая книга разрѣшается Св. Синодомъ, то чрезъ это мысли, содержащіяся въ сей книгѣ, не получаютъ удостовѣренія въ томъ, что они суть ученіе православной церкви. Этимъ разрѣшеніемъ дается только знать, что книга не содержитъ въ себѣ мыслей противныхъ вѣрѣ, и можетъ быть читаема православными.

Стар. Точно такъ. Въ книгѣ могутъ быть истины входящія въ составъ ученія православной церкви, но что онѣ дѣйствительно таковы, онѣ должны имѣть на то другія основанія, а не то одно, что книга разрѣшена Св. Синодомъ. Это выставить на видъ и имѣется у меня въ мысли. Брошюра напрасно надѣется на этотъ доводъ. Она не разъ и не два ссылается на Св. Синодъ, въ намѣреніи придать особенный вѣсъ своему мнѣнію; но вѣдь этотъ пріемъ — необщедѣльный. Конечно, не одна робкая совѣсть можетъ быть вовлечена этимъ въ оболъщенье, пока разъяснить кто. У меня былъ такой случай. Проѣзжала тутъ одна монахиня изъ ученыхъ.

Зашла рѣчь и объ этомъ. Спрашиваю ее: ну какъ же вы думаете? — Ужъ такъ вѣрно надо, какъ напечатано, Св. Синодъ велѣлъ. — Когда я разъяснилъ ей, что никакого повѣленія отъ Св. Синода нѣтъ, какъ бремя какое съ плечь ея снялъ. Ну, говоритъ, слава Богу, когда такъ; буду содержать по старому. По старому, это значить, что она вѣровала противно тому, какъ значится въ брошюрѣ.

Я. Но подождите. Я не кончилъ своей мысли. Когда Св. Синодъ разрѣшаетъ книгу, значить въ этой книгѣ нѣтъ мыслей противныхъ вѣрѣ. Мысль же, что душа имѣетъ тѣло, я считаю противною вѣрѣ, какъ же она пропущена?!

Стар. То-то и есть, что не эта мысль пропущена. Въ семинарскомъ учебникѣ догматики нѣтъ этой мысли; ее выводитъ оттуда брошюра сама, и выводитъ неправильно.

Я. Какъ неправильно? — Тамъ выражается прямая мысль.

Стар. Нѣтъ, — непрямая, а говорится только относительно. Ангель въ отношеніи къ намъ — духъ; но если поставить его въ сравненіе съ Богомъ, то онъ оказывается грубымъ и вещественнымъ. Мысль здѣсь та, что Ангель есть духъ; но духовность его такъ относится къ чистѣйшей духовности Бога, какъ грубая, массивная тѣла относятся къ тѣламъ тончайшимъ, напр. къ эфиру. Какъ вещественность имѣетъ степени, такъ и духовность имѣетъ свои степени. На первой снизу стоятъ наши души, а потомъ, въ восходящемъ порядкѣ, 9 чиновъ Ангельскихъ, — одинъ другаго совершеннѣе, и одинъ

другаго духовнѣе. Но и самая совершенная тварная духовность груба въ сравненіи съ чистѣйшею духовностію Божескаго — естества. — Такова мысль догматики, такова мысль и Св. Іоанна Дамаскина, какъ увидимъ послѣ. Эта мысль и пропущена Св. Синодомъ. А что брошюра выводитъ отсюда уже прямую мысль: Ангель — тѣло, и душа — тѣло, то она поступаетъ неправильно и впадаетъ въ софизмъ, который обозначается и въ логикахъ, именно: когда изъ того, что говорится о предметѣ въ извѣстномъ отношеніи, выводится о немъ положеніе безотносительное, то такое заключеніе есть софизмъ.

Я. Такъ вотъ что! теперь мнѣ все ясно; а сразу-то, поди, скоро распутаешь такую мудрость?!

Стар. Хотите ли, — я тѣмъ же путемъ докажу вамъ, что и люди и Ангелы и всякая тварь по природѣ злы? — Тогда еще яснѣе будетъ хвалить брошюры.

Я. Хорошо.

Стар. Вотъ смотрите. Господь говоритъ въ Евангеліи: *что Мя глаголеши блага, никто же благъ, токмо Единъ Богъ.* На основаніи сего мѣста можно такъ рассуждать: если между тварями называются иныя благими, то это только въ отношеніи къ злымъ духамъ; а если поставить ихъ въ сравненіе съ Богомъ, безконечно благимъ, то окажется, что они злы, слѣдовательно, всѣ твари, и люди и Ангелы, злы, самая природа ихъ зловна. Это заключеніе точь въ точь таково, какое дѣлаетъ брошюра. На дѣлѣ же такъ есть, что Богъ есть самая благость; но по самой благости своей, Онъ благоволилъ и тварямъ своимъ разумнымъ даровать въ извѣстной степени

благость, которую онѣ и являютъ въ дѣлахъ своихъ другъ къ другу. Такъ и въ отношеніи къ духовности. Единъ Богъ есть духъ чистѣйшій. Но по благодати своей Онъ даровалъ бытіе и другимъ духамъ тварнымъ, нисшимъ Себя, кои обладаютъ въ извѣстной степени духовностію и являютъ ее въ своихъ дѣйствіяхъ чисто духовныхъ, — въ мысляхъ и стремленіяхъ.

Я. Ну, вотъ теперь все ясно. Но въ брошюрѣ не объ одномъ Св. Синодѣ говорится, а поминается и о Греческой церкви, что и тамъ принять тотъ же учебникъ, такъ что выходитъ, будто вся восточная церковь тѣхъ же мыслей, какъ и брошюра.

Стар. Да. Брошюра очевидно имѣетъ въ виду вложить въ умъ читателей такую мысль. На-де смотри, и въ Россіи и въ Греціи такое ученіе внушаютъ тѣмъ, кои готовятся быть пастырями церкви. Стало, что тутъ сомнѣваться? Таково ученіе православной церкви. — Но уже вы знаете, что значить у насъ учебникъ вообще — насколько обязательна для преподавателей и учащихся каждая его мысль; знаете также, какая мысль содержится въ учебникѣ относительно предмета, о коемъ трактуемъ. Полагать надобно, что въ томъ и другомъ согласны съ нами и въ Греціи. Стало, нечего на этомъ болѣе и останавливаться. Одно только прибавлю, что нашъ учебникъ и переведень и принять только въ Аѳинахъ для тамошняго духовноучебнаго заведенія. Но Греція сравнительно со всѣмъ Востокомъ много ли значить? — Принять ли сей учебникъ въ другихъ богословскихъ училищахъ Востока, неизвѣстно. Въ Халкинскомъ константинопольскомъ училищѣ

богословскомъ преподавался сокращенный Теофанъ Прокоповичъ. Какъ учителя въ Іерусалимское богословское училище — берутся изъ Константинопольскаго, то, вѣроятно, и тамъ тотъ же учебникъ. Другихъ же училищъ, кромѣ сихъ тамъ нѣтъ. Стало, никакого особеннаго вѣса это упоминаніе не придаетъ мнѣнію брошюры.

Я. Но вотъ, далѣе, брошюра, вслѣдъ за догматическимъ богословіемъ — учебникомъ, ссылается на авторитетъ Св. Іоанна Дамаскина, и опредѣляя его значеніе, обставляетъ его такими титлами, которые не могутъ не придавать рѣшительнаго вѣса приводимому изъ него свидѣтельству, а, слѣдовательно, — тому мнѣнію, которое хотять подтвердить тѣмъ.

Стар. Обставляетъ точно; но чрезъ это мнѣнію не прибавляетъ вѣса, когда оно не имѣетъ его само въ себѣ. Ибо прочитайте-ка, что онъ тамъ говоритъ.

Я. Читаю: «Св. Іоаннъ Дамаскинъ, одинъ изъ древнѣйшихъ отцевъ, изложилъ ученіе о Христіанствѣ въ систематическомъ порядкѣ».

Стар. Ну, вотъ первымъ же словомъ и подсѣкаетъ самъ себя. Гдѣ система, тамъ своеличное соображеніе; гдѣ свое соображеніе, тамъ возможность своего мнѣнія, въ томъ или другомъ несогласнаго съ другими. Этимъ титломъ св. Дамаскинъ ставится въ рядъ всѣхъ систематиковъ, хоть есть первый между ними, какъ говоритъ сноска подъ симъ положеніемъ, изъ архіепископа Филарета. Но систематиковъ цѣна не вседовлетельна, какъ замѣчалъ я выше. Когда какой систематикъ говоритъ что либо, то нельзя себя

удостоверять въ истинѣ чего либо такимъ воззваніемъ: а объ этомъ говоритъ такой-то систематикъ. Напротивъ, коль скоро какой систематикъ говоритъ, то скорѣе долженъ раждаться вопросъ: да правду ли онъ говоритъ? Не уступаетъ ли онъ тутъ духу своей системы? Не говоритъ ли такъ потому, что того требуетъ строй его системы, а не потому, что того требуетъ сама истина? — Стало, въ подтвержденіе своего мнѣнія надо указывать другія основанія, а не тѣ, что оно взято изъ системы св. Іоанна Дамаскина.

Я. Но погодите. — Вотъ дальше брошюра говоритъ то, предъ чѣмъ вы должны замолчать. Читаю. «Онъ (св. Дамаскинъ) изучилъ предшествовавшихъ ему отцевъ церкви... Ученіе этихъ отцевъ, разсѣянное частями въ различныхъ ихъ словахъ и посланіяхъ, онъ совокупилъ во едино... Ученіе его есть ученіе Св. отцевъ, предшествовавшихъ ему.»

Старецъ. Надо прибавить, какъ онъ ихъ понялъ и усвоилъ. Собирая ученія отеческія, допускалъ ли онъ соображенія? Допускалъ; это можно видѣть на каждой страницѣ его Изложенія православной вѣры. Вотъ и въ предисловіи къ его изданію сказано: «истины Слова Божія св. Дамаскинъ объясняетъ самимъ словомъ Божіимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ призываетъ въ пособіе и *здоровое* *размышленіе*, просвѣщенное свѣтомъ откровенія...» Ниже: «не только собралъ изреченія отеческія, но и *проникнувъ дальновиднымъ зрѣніемъ* въ самый духъ учителей вѣры, *открылъ* глубины духа разновременныхъ глубокихъ учителей вѣры!» — Видите: *размышлялъ, проникалъ, открывалъ.* Значить, было въ

дѣлѣ всюду соображеніе свое. Но гдѣ свое соображеніе, тамъ увѣренность въ томъ, что излагаемое ученіе есть ученіе всей церкви, сильно колеблется, ибо при семъ всегда стоитъ мысль, что излагающій ученіе не изъ Св. отцевъ беретъ свои мысли, а къ своимъ соображеніямъ подбираетъ отцевъ, и излагаетъ, слѣдовательно, свои личныя убѣжденія.

Я. Такъ у васъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ ничего не стоитъ?

Старецъ. Нѣтъ, не ничего не стоитъ. Онъ столько стоитъ, что другаго послѣ него стоящаго не было. Не про это рѣчь, а про то, что для подтвержденія того, что извѣстное ученіе есть ученіе Св. церкви, недовольно сказать, что такъ учитъ св. Дамаскинъ, изучившій Св. отцевъ; а надо указать, что ученіе сіе дѣйствительно согласно со всѣми Св. отцами. При всемъ знаніи Св. отцевъ, св. Дамаскинъ все же есть для насъ одинъ Св. отецъ, а не союзъ всѣхъ Св. отцевъ. Потому, тогда какъ о всѣхъ Св. отцахъ въ совокупности знаемъ и убѣждены, что согласное ихъ о чемъ либо ученіе есть несомнѣнный признакъ вселенской истины, ему единому, равно какъ и каждому Св. отцу, отдѣльно нельзя приписывать такой же важности. Каждый Св. отецъ порознь не былъ непогрѣшимъ, напротивъ могъ погрѣшать, и нѣкоторые дѣйствительно погрѣшали (см. Введ. въ Бог. Пр. Макарія. стр. 313). Слѣдовательно, ссыла на св. Дамаскина ничего не доказываетъ. И это говорю я про такой случай, еслибъ у него дѣйствительно содержалась мысль, что душа — тѣло и Ангелъ — тѣло. Но, какъ послѣ увидимъ, у него

сей мысли совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ, если прочитаете всю его статью объ Ангелахъ, вы должны будете придти къ заключенію совершенно противоположному.

Я. Вотъ это именно мнѣ и хотѣлось бы поскорѣе увидѣть, равно и то, что можетъ быть и у Св. Макарія нѣтъ той мысли, какая съ перваго раза выдается при чтеніи извѣстнаго его мѣста.

Стар. Объ этомъ послѣ. А теперь позвольте мнѣ ужъ выставить и послѣднее покушеніе брошюры — придать непререкаемый вѣсь своему мнѣнію.

Я. А! Помню, помню. Это доводъ отъ подвижничества. —

Стар. Да, да! Пришлите и прочитайте.

Я. Нахожу и читаю. Стр. 36: «Эти лица (писатели Св. писанія) просвѣщены были единственно Святымъ Духомъ. Также препод. Антоній Великій былъ неграмотный; очистивъ себя *благочестивымъ подвигомъ*, онъ содѣлался *обителію Бога*, и возвѣстилъ ученіе о духахъ, сообразно тому, какъ *духи* были *открыты ему Богомъ*». — Стр. 37. «Для упомянутаго изученія (Св. писанія и отцевъ, чтобъ понять ученіе о духахъ) нужна не только благочестивая жизнь, но и жизнь подвижническая, сосредоточенная, жизнь въ уединеніи... Только отрeksiеся отъ міра и предавшіе себя *всецѣло въ служеніе Богу* могутъ достигъ до *опытнаго познанія надшихъ духовъ въ приносимыхъ ими помыслахъ, мечтаніяхъ и ощущеніяхъ*, какъ говоритъ Макарій Великій: только при содѣйствіи внутреннихъ опытовъ дѣлаются доступными для пониманія тѣ мѣста Писанія и отцевъ, которые говорятъ *объ этой невидимой*

борьбѣ.» Далѣе, приведши мнѣніе св. Кассіана о высококомъ достоинствѣ отшельничества, она прибавляетъ: «въ такихъ избранникахъ Божіихъ внутренняя, невидимая борьба непомѣрно усиливалась, возводила ихъ въ необыкновенный подвигъ, переходила въ видимую. Отцы, возведенные въ такой подвигъ, сподоблялись особенныхъ даровъ Св. Духа, приходили въ высокое духовное преспѣяніе и просвѣщеніе, получали входъ въ невидимый чувственными очами міръ. Дверь въ него отверзалась для нихъ рукою Бога. Таковы были преподобные Антоній и Макарій...»

Стар. Ну что, какъ вамъ кажется?

Я. Не умѣю вамъ сказать; но, прочитавши теперь все снова, нахожу это свидѣтельство поразительнымъ.

Стар. Этого и рассчитывалось достигнуть: поразить, чтобъ пораженнаго заставить думать, какъ намъ угодно.

Я. Да нѣтъ. Вѣдь это само собою выходитъ.

Стар. Выходитъ, да совсѣмъ не то, что выводится.

Я. Какъ не то?

Стар. Да вы просмотрите снова все въ рядъ, и увидите.

Я. Смотрѣлъ и смотрю, и не вижу, какъ это не то.

Стар. А вотъ какъ! Св. отцы отшельники были вводимы въ брань со злыми духами, преимущественно невидимую, въ помыслахъ совершающуюся, а иногда и въ видимую. Борясь же и побѣждая при помощи благодати Божіей, они опытно изучили и всѣ секреты сей брани и всѣ приемы, какіе надо употреблять для самозащиты и побѣды. Это и есть главный предметъ опытнаго ихъ изученія: тайны, брани и побѣды. Такъ и

въ брошюрѣ говорится, что св. подвижники достигали опытнаго познанія не о природѣ духовъ, а о приносимыхъ ими — помыслахъ, мечтаніяхъ и ощущеніяхъ. — И далѣе, при помощи сихъ опытовъ, они удобнѣе понимали мѣста Писанія и другихъ отцевъ — не о всемъ, а именно объ этой невидимой борьбѣ. Посему кто хочетъ узнать, что это за брань съ духами, точныхъ о ней свѣдѣній нигдѣ не найдетъ, какъ у св. отцевъ-подвижниковъ. Но у насъ вѣдь рѣчь идетъ не о брани, а о природѣ духовъ борющихся. Природа сія могла оставаться и оставалась совсѣмъ невѣдомою борющимся и побѣждавшимъ. Они и не пытали объ ней. Вотъ почему я и говорю, что сіе мѣсто доказываетъ совсѣмъ не *то*, что хотятъ доказать.

Я. Нѣтъ, вы не все берете во вниманіе. Св. подвижники посредствомъ сей брани очищались, восходили на высшую степень совершенства, сподоблялись духовнаго просвѣщенія, или вѣдѣнія таинъ Божіихъ; а слѣдовательно — вѣдѣнія и о природѣ духовъ.

Стар. Очень возможно и это; но возможно и другое, что Богъ оставилъ ихъ въ невѣдѣніи о сей природѣ. Что имъ дѣйствительно открыто сіе было, надо другое удостовѣреніе. Брошюркѣ очень хочется дать вѣсь ученію св. Антонія и Макарія, равный вѣсу откровенія. За тѣмъ она говоритъ, что Антонію всѣ духи были *открыты* Богомъ и что вообще для великихъ подвижниковъ, духоносцевъ, какъ ихъ называли, дверь отверзалась въ невидимый міръ рукою Бога. Это точь въ точь, будто актъ Божественнаго откровенія. Но

Божественное откровеніе даровано чрезъ извѣстныхъ Богодохновенныхъ мужей, съ которыми потомъ никто не сравнивается въ семъ отношеніи въ церкви, какъ бы кто высоко ни стоялъ по нравственности, слѣдуя во всемъ открытому чрезъ нихъ ученію. Въ приведенномъ уже мѣстѣ преосвящен. Макарія говорится: «при всей своей святости, при всемъ обиліи духовныхъ дарованій, св. отцы не были Богодохновенны, подобно св. Пророкамъ и Апостоламъ, и потому писанія отеческія никогда не должно сравнивать съ каноническими книгами св. писанія», то есть, не должно возводить ихъ въ достоинство откровенія. — Вообще смѣшивать совершенства жизни съ совершенствами теоретическаго познанія не должно. Есть сильныя по жизни, кои однакожъ очень просты въ познаніи догматовъ, какъ и наоборотъ. Извѣстно сказаніе объ одномъ подвижникѣ, который по простотѣ причащался во всякой церкви, какая ни попадалась, православная или еретическая. Высота жизни не просвѣтила его ума въ семъ отношеніи. Жизнь же его была столь высока, что онъ удостоенъ видѣнія Ангела, который и далъ ему вразумленіе, какъ должно поступать. А другой, тоже сильный, подвижникъ оставался въ невѣдѣніи о пресуществленіи въ таинствѣ Евхаристіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа, и ему нужно было особое вразумленіе свыше.

Я. Такимъ образомъ вы не признаете силы во всѣхъ этихъ приемахъ брошюры — усилить свое мнѣніе сторонними документами.

Стар. Да. И хорошо вы сказали — сторонними. Они къ существу дѣла не относятся, и ни въ отдѣльности каждый, ни всѣ вмѣстѣ, не имѣютъ цѣны, какой отъ нихъ ожидаютъ. Вотъ ежели бы брошюра могла указать соборное опредѣленіе, или привести какое либо вѣрное удостовѣреніе, что таковъ голосъ о семъ предметѣ вселенской церкви, тогда и спорить бы нечего. Но соборныхъ опредѣленій о семъ предметѣ не было. Не были возбуждаемы вопросы о семъ, не было и опредѣленій соборныхъ. Только на 7-мъ соборѣ стороною коснулись сего, но такъ, что изъ бывшихъ по сему случаю рѣчей, ничего опредѣленнаго вывести нельзя; а если выводить что, скорѣе вывести можно мысль о духовности, а не о тѣлесности Ангеловъ. Въ 5-мъ засѣданіи читался разговоръ съ язычникомъ Іоанна епископа Θεσσαλονикскаго, гдѣ на вопросъ язычника: «а Ангеловъ какъ же вы изображаете?» стоитъ отвѣтъ: «Ангелы, хотя умныя силы, но имѣютъ тонкія тѣла и являлись такъ святымъ» и пр. Св. Тарасій, по прочтеніи всего, сказалъ: «вотъ отецъ сей показалъ, что и Ангеловъ должно живописать, потому что они описуемы и являлись многимъ въ образѣ человѣческомъ». Св. соборъ сказалъ: «такъ, владыко» (см. Anast. bibliothec. t. III Patr. t. CXXIX. p. 35). Нельзя изъ этого случая ничего вывести, потому что въ словахъ св. Тарасія, на которыя изъявилъ согласіе св. соборъ, значитъ только, главнымъ образомъ, та мысль, что Ангеловъ надо живописать; а что они описуемы и являлись въ образѣ человѣка, есть мысль придаточная, которую имѣлъ ли въ помышленіи соборъ, когда

говорилъ: «да», — сказать нельзя. А если и имѣлъ, не видно, какъ понималъ сіе; ибо описуемыми они названы, можетъ быть, потому, что являлись въ образѣ человѣческомъ; а являлись такъ не потому, что тѣлесны или имѣютъ тѣло, а потому, что принимаютъ тѣло. Такъ это мѣсто изъ соборныхъ дѣяній не даетъ никакого опредѣленнаго вывода, тѣмъ болѣе что на этомъ засѣданіи не было составлено никакого общаго постановленія, которое было бы всѣми подписано; тогда какъ въ предъидущемъ засѣданіи, 4-мъ, было составлено общее исповѣданіе и опредѣленіе относительно иконъ, гдѣ значитъ, что надо изображать на иконѣ Господа Спасителя, Божию Матерь, Святыхъ и безплотныхъ Ангеловъ и проч., и опредѣленіе сіе всѣми подписано. Слово — *безплотный*, по прямому смыслу, значитъ тоже, что — *духъ*, и чтобъ придать ему другое значеніе, надобно прилагать особое объясненіе. Если это не сдѣлано, значитъ соборъ утвердилъ безтѣлесность и духовность Ангельской природы.

Я. Да, еслибъ было такъ ясно сіе утвержденіе, всѣ бы и ссылались на него; а то вотъ вы въ первый разъ выставляете его на видъ, и притомъ не просто, а съ своимъ поясненіемъ и выводомъ.

Стар. Я и сказалъ сначала, что изъ сего случая ничего вывести нельзя. Но если выводить уже, то скорѣе вывести можно мысль не въ пользу брошюры.

Я. Странно мнѣ кажется, какъ такой предметъ не обсудили на соборахъ и не оставили о немъ особаго опредѣленія?

Стар. На соборахъ рѣшали недоумѣнія. Объ Ангелахъ же не было никакого недоумѣнія. Всѣ вѣровали, что они суть духи безплотные, и если являлись тѣлесно, то это было неестественное ихъ состояніе, которое, можетъ быть, и объяснять не приходило никому на мысль.

Я. Вотъ это — что всѣ вѣровали и требуетъ подтвержденія.

Стар. Что касается до насъ, то оно у насъ подъ руками. Прочитайте, что пишется въ Православномъ Исповѣданіи и Пространномъ Катихизисѣ, и увидите общую вѣру.

Я. Въ самомъ дѣлѣ. Найдите, прочитаемъ. —

Читаемъ: Православное Исповѣданіе, — отвѣтъ на вопросъ 18: «Богъ есть Творецъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ созданій... И создалъ Онъ умный оный міръ... потомъ міръ сей вещественный... наконецъ человѣка, сложеннаго изъ *невещественной и разумной души* и *вещественнаго тѣла*... Одинъ и тотъ же есть Создатель обоихъ міровъ, *невещественнаго и вещественнаго*».

Отвѣтъ на вопросъ 19: «Ангелы суть *духи*...»

Стар. Видите, Ангелы *невидимы*... составляютъ *умный міръ*, противоположный вещественному и суть *духи*; и души наши *невещественны и разумны*. — Еслибъ подъ словами: *невещественны, невидимы* слѣдовало разумѣть только, что они не имѣютъ грубой вещественности, осязаемой и видимой, это непременно было бы пояснено (какъ дѣлаетъ съ натяжкой брошюра), для того чтобъ обучаемые истинамъ вѣры,

православные христіане не возъмѣли неправыхъ понятій. Но какъ этого не сдѣлано, то словамъ симъ надо придавать общій утвердившійся смыслъ, тѣмъ болѣе что тутъ же стоятъ слова: *умный міръ, разумная душа*, — термины, которыхъ никто въ свѣтѣ не прилагалъ ни къ какому вещественному тѣлу, какъ бы оно тонко ни было.

Я. Ну-ка посмотримъ въ Пространномъ Христіанскомъ Катихизисѣ. —

Въ пер. членѣ (стр. 30) Вопр. «Что должно разумѣть въ Символѣ вѣры подъ именемъ *невидимыхъ*?» —

От. Невидимый или *духовный міръ*, къ которому принадлежать *Ангелы*...

Вопр. Что такое Ангелы?

От. *Духи безплотные*, одаренные умомъ, волею и могуществомъ. — (Стр. 33) Вопр. Что такое дыханіе жизни?

Отв. *Душа, существо духовное и безсмертное*.

Стар. Послѣ сего для насъ уже не должно быть сомнѣніе въ томъ, что Ангелы и душа суть *духовныя* существа. Это — не частнаго лица мнѣніе, а голосъ церкви, не Россійской только, но и всей Восточной. — Сюда и слѣдовало обратиться брошюрѣ за освѣдомленіемъ, гдѣ истина, а не ходить околицами. Солидные богословы систематики такъ и дѣлаютъ: за указаніями ученія церкви обращаются прямо или къ соборнымъ опредѣленіямъ, или къ символамъ и исповѣданіямъ, или къ признаннымъ всею церковію изложеніямъ вѣры въ катихизисахъ. Такъ поступилъ преосвящ. Макарій въ своемъ Богословіи. Просмотрите-

ка, какъ у него говорится объ Ангелахъ-то. Отыскиваемъ въ Богословіи преосв. Макарія трактатъ о мірѣ духовномъ... 1 т. стр. 288 и д. — «Ученіе православной церкви о мірѣ... духовномъ... можно представить въ слѣдующихъ чертахъ: Ангелы суть духи безплотные и проч. Что всѣ эти черты или пункты ученія объ Ангелахъ суть ученіе церкви, подтверждается Православнымъ Исповѣданіемъ и Пространнымъ Христіанскимъ Катихизисомъ, — именно приведенныя и уже у насъ мѣстами...»

Ставъ, такимъ образомъ, твердою ногою на ученіи св. церкви православной, смѣло уже можно было говорить, что все съ симъ несогласное есть частное мнѣніе, а не ученіе церкви. Такъ и говорится далѣе; стр. 289: «Были и такіе, которые имѣли свои частныя мнѣнія касательно природы Ангеловъ: многіе приписывали Ангеламъ: какъ добрымъ, такъ и злымъ, тѣла, хотя тонкія, огненныя, или эфирныя»... Въ сноскѣ указываются — Іустинъ, Климентъ Александрійскій, Таціанъ, — лица ранняго времени и всѣ съ философскимъ направленіемъ. Были ли такіе, которые учили, что Ангелы тѣло, то есть, что природа ихъ тѣлесна, Преосв. Макарій не указываетъ. Вѣрно онъ не находилъ таковыхъ. —

Далѣе читаемъ на стр. 297 § 65.

§ 65. *Природа Ангеловъ...*

«По природѣ своей Ангелы *суть духи безплотные...*»

1, *Суть духи*; такъ учитъ Св. Писаніе — а) когда говоритъ объ Ангелахъ: *не вси ли суть служебнии дуси...* (Евр. 1:14); б) Когда приписываетъ имъ существенныя свойства

духа: умъ и волю (1 Пет. 1:12; Мк. 13:32; Мѡ. 23:31); в) когда изображаетъ ихъ дѣйствующими вообще такъ, какъ могутъ дѣйствовать только существа разумно-свободныя (Мѡ. 18:10; Ис. 6:3; Пс. 102:20; Лк. 15:10; Гал. 1:8; 1 Тим. 5:21). Также точно учили объ Ангелахъ и древніе учителя церкви. «Желаешь знать, говорить напр. блаж. Августинъ, имя его (Ангела) природы? Это — духъ. Желаешь знать его должность? Это — Ангель. По существу своему онъ — духъ, а по должности Ангель» (Sermo 1. in Psal. CIII, p. 15). Впрочемъ ученіе отцевъ объ этомъ предметѣ столь несомнѣнно, что излишне было бы его доказывать.

2) ...*Духи безплотные*. И эта мысль, если не прямо выражена въ Св. писаніи, по крайней мѣрѣ, открывается изъ снесенія разныхъ мѣстъ его. Въ одномъ мѣстѣ оно говоритъ, что Ангелы суть *духи* (Евр. 1:14) — *pneumata* точно такъ, какъ и о Богѣ говоритъ: *Духъ* — *pneuma* есть Богъ (Ин. 4:24) и проч. И еслибъ Ангелы были облечены какою либо плотію, какъ облечены люди: отъ чего, спрашивается, слово Божіе нигдѣ прямо не упоминаетъ о тѣлѣ Ангеловъ, а называетъ ихъ духами, тогда какъ людей нигдѣ прямо не называетъ духами, но, приписывая имъ духъ или душу, приписываетъ вмѣстѣ и тѣло?

Правда, есть въ Библии сказанія, что Ангелы не рѣдко являлись людямъ въ чувственномъ образѣ: но и Самъ Богъ, по свидѣтельству Библии, являлся иногда въ чувственномъ же видѣ. Это значитъ только, что какъ Богъ, такъ и Ангелы, по волѣ Его, по временамъ принимаютъ на себя какой либо видимый для человѣка

образъ. Но выводить отсюда, будто Ангелы или Богъ постоянно облечены тѣломъ, было бы неосновательно и проч.

Мысль о безплотности Ангеловъ была самою господствующею мыслию у Св. отцевъ и учителей церкви. Ее встрѣчаемъ: а) у св. Аѳанасія: «Ангель есть существо разумное, невещественное (aulon)» (de comm. ess. Patris, Filii et Sp. s. n. 51); б) у Св. Григорія Нисскаго: «вся тварь разумная раздѣляется на безтѣлесное (asomaton) естество и облеченное плотію; безтѣлесно есть Ангельское естество; другой видъ это мы — люди» (orat. in orat. Dom. contra Evnom. Lib. XIII); в) у св. Златоуста: сотворилъ (Богъ) Ангеловъ, Архангеловъ и прочія естества безплотныя (къ Стаг. кн. 1); г) у блаж. Теодорита: «еслибы образъ Божій состоялъ въ невидимости души, то скорѣе были бы названы образами Божиими Ангелы, Архангелы и всѣ безплотныя и святыя естества; такъ какъ они вовсе не имѣютъ тѣль, и обладаютъ совершенною невидимостію» (in Genes. qu. XX); д) у св. Дамаскина — «Ангель есть существо разумное, свободное, безтѣлесное» и проч. — встрѣчаемъ эту мысль у Василия Великаго, Григорія Богослова, Лактанція, Евсевія, Дидима, Льва Великаго, Фульгенція, Григорія Великаго, и друг. —

Касательно же тѣхъ изреченій отеческихъ, въ которыхъ Ангеламъ приписывается какая либо вещественность или плотяность, надобно замѣтить слѣдующее:

а) Одни изъ древнихъ христіанскихъ учителей, усвоивъ Ангеламъ тѣлесность, хотѣли сказать только, что Ангелы имѣютъ дѣйствительное (реальное) бытіе: тѣло (soma — corpus) у этихъ учителей означало сущность, или существо (usia — substantia) и потому они иногда называли тѣлеснымъ даже Бога, какъ замѣтилъ еще блаж. Августинъ о Тертуліанѣ (de haeres. с. 86). Впрочемъ это видно и изъ сочиненій самаго Тертуліана. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: *кто станетъ отрицать, что Богъ есть тѣло (corpus), хотя Богъ Духъ есть?* (contra Prax. cap. 7). Въ другомъ — *самая субстанція тѣло есть каждой вещи* (Cont. Herm. с. 35). Въ третьемъ: *«все, что есть, тѣло есть своего рода»* (De carn. Chris. с. II). — Здѣсь, слѣдовательно, мысль вѣрная, а неточность только въ словѣ.

б) Другіе называли Ангеловъ тѣлесными въ томъ смыслѣ, что хотя они не облечены плотію, но самая духовность ихъ природы имѣетъ свои границы и сравнительно съ природою Бога, Существа Высочайшаго, является какъ бы дебелою и вещественною. Такъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, опредѣливши, что Ангелъ есть существо безтѣлесное, присовокупляетъ: *«впрочемъ безтѣлеснымъ и невещественнымъ называется Ангелъ только по сравненію съ нами. Ибо въ сравненіи съ Богомъ, единымъ несравненнымъ, все оказывается грубымъ и вещественнымъ; одно Божество всецѣло невещественно и безтѣлесно»* (Изл. вѣры. кн. II. гл. 3). — Мысль частная, но благочестивая, происходящая, очевидно, изъ понятія о совершеннѣйшей духовности Божіей и ни мало

неисключающая догматическаго ученія церкви, что Ангелы суть духи, необлеченные плотію.

в) Третьи приписывали Ангеламъ тѣлесность въ томъ смыслѣ, что они, какъ существа ограниченныя, необходимо опредѣляются мѣстомъ и не могутъ быть въ одно время вездѣ. «Потому, говоритъ блаж. Августинъ, (De spir. et anim. cap. 18) мы называемъ разумныя природы тѣлесными, что онѣ описываются мѣстомъ, подобно душѣ человѣческой, заключенной въ тѣлѣ.» Значитъ и эта мысль, усвояющая Ангеламъ тѣлесность только въ смыслѣ переносномъ, не исключаетъ положительнаго ученія о безплотности Ангеловъ.

Послѣ изложенныхъ замѣчаній остается уже самое ограниченное число древнихъ учителей, которые, по видимому, приписывали Ангеламъ тѣло въ собственномъ смыслѣ, хотя и тончайшее, эфирное или огненное, именно: Іустинъ мученикъ, Оригенъ, Меѳодій, Θεогностъ. — Но это мнѣніе ихъ и должно считать только частнымъ мнѣніемъ немногихъ.

Стар. Ну вотъ видите, какъ учатъ солидные богословы. Тутъ все такъ вѣско и плотно, что нигдѣ пальца не поддѣнешь. — Въ основу положены пункты, взятые изъ символическихъ книгъ, а далѣе пункты сіи разъясняются и утверждаются словомъ Божиимъ и отеческими писаніями. —

Я. Да, а въ брошюрѣ-то развѣ не тоже самое дѣлается? И тамъ приводятся мѣста Писанія и отеческія изрѣченія. Стало, нельзя думать, чтобъ и тамошнія положенія не имѣли своего вѣса и основательности.

Стар. Я только хотѣлъ перейти къ разсмотрѣнію того, что тамъ приводится изъ Писанія и св. отцевъ. Потому что, если стоитъ обратить вниманіе на мнѣніе брошюры, то именно потому только, что она выставляетъ нѣкоторые доводы изъ Св. Писанія и св. отцевъ.

Я. Но тамъ, кажется, есть еще и соображенія, такъ называемаго, богословствующаго разума, и мнѣ они показались очень впечатлительными.

Стар. Все-все разберемъ; только напередъ отдохнуть надо.

Я. Дѣло. Итакъ до свиданія.

в) Разсмотрѣніе мнѣній писанія, приводимыхъ брошюрою. —

Приходитъ снова старецъ и прямо за дѣло. —

Стар. Съ чего начать? — Начнемъ съ св. писанія. Найдите въ брошюрѣ и читайте, а мнѣ позвольте дѣлать замѣтки.

Я. Нахожу и читаю; стр. 22: «Свящ. Писаніе не излагаетъ отдѣльнаго, *опредѣленнаго* ученія о духахъ, какъ и о многихъ другихъ предметахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе св. Писанія о духахъ — ясно».

Стар. Мимоходомъ замѣчу, какъ это Писаніе, не уча *опредѣленно*, учитъ ясно. Гдѣ нѣтъ опредѣленности, тамъ какая ясность? Св. Писаніе учитъ ясно и опредѣленно о томъ, что Ангелы есть, что они суть духи, и что посылаются отъ Бога къ людямъ на помощь имъ въ дѣлахъ спасенія. Но что Ангелы, будучи духами, не имѣютъ тѣла, это прямо не говорится, а выводится изъ

снесенія мѣсть Писанія. И это ученіе для одного можетъ имѣть ясность и опредѣленность, а для другаго будетъ неясно и неопредѣленно, пока они будутъ ограничиваться при семъ однимъ Писаніемъ. Когда же прилежитъ къ сему и ученіе, постоянно содержимое церковію, то и это ученіе о безтѣлесности Ангеловъ получить у нихъ ясность и опредѣленность рѣшительную.

Я. Читаю: «сотворенные духи называются безплотными *сравнительно съ нами*».

Стар. Вотъ уже объ этомъ и намека ни малѣйшаго нѣтъ въ Писаніи. И еслибъ нѣкоторые изъ св. Отцевъ, по побужденіямъ намъ неизвѣстнымъ, но конечно безукоризненнымъ, не употребили этой фразы: *сравнительно съ нами*, — мы и помышленія не имѣли бы о сей сравнительной безплотности. — Ну-те-ка, какія мѣста приводятся въ подтвержденіе сей мысли?

Я. Читаю: «*Духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите и муца*, сказала Спаситель ученикамъ своимъ (Лк. 24:39), явившись имъ по воскресеніи въ прославленномъ тѣлѣ, обличая и опровергая помышленіе ихъ, что они видятъ духъ. Сравненіе — *якоже Мене* есть сравненіе съ человѣческою плотію Богочеловѣка».

Стар. Рѣшительно не понимаю, какъ тутъ можно видѣть мысль о сравнительной духовности Ангеловъ. Въдѣ Спаситель по воскресеніи являлся точь въ точь такъ же, какъ являются Ангелы. Какъ они бывають видимы и невидимы — тутъ же въ одномъ мѣстѣ: такъ и Спаситель былъ видимъ напр. въ Еммаусѣ и тотчасъ

сталъ невидимъ. Какъ Ангелъ явился напр. Ап. Петру въ темницѣ, которой двери были замкнуты: такъ и Господь ученикамъ Своимъ явился дверемъ затвореннымъ. Если теперь Господь, когда Апостолы, основываясь на семъ сходствѣ явленія Его съ явленіями Ангеловъ, подумали, что Онъ — духъ или Ангелъ, сказалъ имъ, чтобъ они не смѣшивали Его съ Ангеломъ, приводя въ основаніе то, что духъ, — являющійся Ангелъ, — плоти и кости не имать: то этимъ показалъ, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ плоти, даже такой, какая у Него, бывающая видимою и невидимою тутъ же, по Его желанію. У Него плоть, бывающая видимою и невидимою и являющаяся дверемъ затвореннымъ, есть Его плоть. Онъ облеченъ ею, всегда носить ее. А у духовъ-Ангеловъ нѣтъ этой плоти, они не облечены ею, не носятъ ее постоянно, хотя и они тоже бываютъ видимы и невидимы, и являются дверемъ затвореннымъ. Вотъ прямая мысль текста! Она выставляется и въ Богословіи преосв. Макарія, въ приведенномъ мѣстѣ (стр. 298). А ужъ какъ брошюра тянетъ его на свою сторону, — никакъ не могу понять. Къ тому же надобно и то сказать, что это мѣсто само затруднительно для понятія, оно само требуетъ уясненія. Надобно напередъ опредѣлить его мысль, чтобъ выводить изъ него что нибудь. Ибо непонятно, что это за тѣло у Спасителя, имѣющее плоть и кость, и между тѣмъ бывающее видимымъ и невидимымъ и являющееся дверемъ затвореннымъ? — И еще, — кого разумѣлъ Спаситель подъ *духомъ*, у котораго отрицалъ плоть и кость? — Говорить: *осязите*. Но и Ангелы бываютъ осязаемы, когда являются.

Можно и вотъ какъ думать. — Обыкновенно плоть и кость, какъ есть у насъ, не можетъ явиться дверемъ затвореннымъ. Посему, когда Спаситель говорить о плоти и кости въ Себѣ, ихъ нельзя разумѣть въ собственномъ смыслѣ; они имѣютъ здѣсь значеніе переносное. Господь хотѣлъ сказать, что тѣло Его имѣетъ стойкость, осязаемость, не есть какъ бы нѣчто въ воздухѣ разливающееся. Но, примѣняя сіе къ являющимся Ангеламъ, нельзя сказать, что они сего не имѣютъ; ибо и они бывають осязаемы и дѣйствуютъ на видимые предметы, — напр. камень отваливають. Посему, вѣроятно, когда Спаситель говорить: духъ плоти и кости не имѣетъ, т. е. духъ не имѣетъ стойкости, осязаемости, — то указываетъ не на Ангела, а на призракъ. Апостолы подумали, что видятъ призракъ, въ воздухѣ разливающейся, неимѣющей никакой стойкости. Господь и говорить имъ: Я не таковъ: осяжите Меня; духа же, т. е. призрака осязать вы не можете. Вѣроятнымъ можно считать сіе, потому что Апостолы подумали не то, что Ангель предъ ними, а духъ; между тѣмъ какъ, когда необычность явленія живаго Ап. Петра поразила услышавшихъ о семъ, они подумали: Ангель его есть, а не духъ. Вѣроятно, и здѣсь помышленіе Апостоловъ тоже было, какое имѣли они, когда увидѣли Спасителя, ходяща по водамъ (Мѡ. 14:26). Но если такъ понять сіе мѣсто; то изъ него никакого нельзя вывести заключенія, ни относительно тѣлесности, ни относительно безтѣлесности Ангеловъ. Совсѣмъ будетъ тутъ далекая отъ того и другаго мысль. Такъ изъ сего мѣста или совсѣмъ ничего не слѣдуетъ вывести,

или если выводить, то выводить мысль, противную мнѣнію брошюръ.

Я. Читаю далѣе: «Св. Василій вел. видитъ такое же сравненіе въ словахъ Апостола: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но... къ духовомъ злобы* (Еф. 6:12). Св. Василій говоритъ: что же касается естества его (діавола), то оно *безплотное* (т. 4. стр. 161), по словамъ Апостола: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ духовомъ злобы*» (Бес. — Богъ не есть причина золь).

Стар. Какое же тутъ доказательство? Никакого нѣтъ. Если бъ у св. Василя вел. была мысль о сравнительной безплотности, онъ прибавилъ бы къ слову: *оно* (естество духовъ) *безплотное* пояснительную оговорку, что эта безплотность у нихъ относительная, сами же они суть тѣло. Но какъ онъ этого не сдѣлалъ, а говорилъ безъ ограниченій, что естество ихъ безплотно, значитъ онъ признавалъ его таковымъ, признавалъ, т. е., что духи не только не суть тѣло по естеству, но совсѣмъ не имѣютъ никакого тѣла. Послѣ мы соберемъ изъ писаній св. Василя вел. полное ученіе о семъ предметѣ, гдѣ видно будетъ, что онъ признавалъ Ангеловъ чистыми духами, созданными тогда, когда не было создано ничего вещественнаго; а теперь ограничимся этимъ замѣчаніемъ, чтобъ только показать, что въ словахъ: *нѣсть наша брань* и пр. никакого нѣтъ указанія на сравнительную духовность духовъ.

Я. Читаю: «Св. Писаніе повсюду свидѣтельствуемъ, что Ангелы являлись, по особенному изъявленію на то воли Божіей...» и т. д. — читаю все, что — на стр. 23, 24, 25, 26, гдѣ упоминается о разныхъ явленіяхъ Ангеловъ,

въ разныя времена, разнымъ лицамъ: женѣ Маноя, женамъ муроносицамъ, Корнилию сотнику, Иисусу Навину, Гедеону и пр. и пр. и пр.

Стар. Ну что доказательно?

Я. Не умѣю вамъ сказать. Что-то все смутно въ головѣ, ничего не сообразишь.

Стар. Однакожь, какую общую мысль оставляютъ всѣ эти собранные во едино факты?

Я. Мнѣ кажется, тутъ одна главная мысль — та, что Ангелы очень многозаботливы и попечительны о насъ и очень скоро готовы къ намъ на всякую помощь и вразумленіе.

Стар. Вотъ это и есть, и больше ничего. Все Писаніе ветхаго и новаго завѣта исполнено описаніями явленій Ангеловъ, равно въ сказаніяхъ о дѣйствіяхъ св. Апостоловъ, о жизни святыхъ святителей, мучениковъ, преподобныхъ и богоносныхъ отцевъ, — во всѣхъ не рѣдко поминается о сихъ явленіяхъ. Но всѣмъ этимъ фактамъ надпись одна: *не вси ли суть служебніи души, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1:14)? Такъ какъ за тѣмъ, между прочимъ, они и созданы, чтобъ пособствовать намъ въ духовныхъ нуждахъ нашихъ: то и посылаются къ намъ и являются, когда нужно. О природѣ же Ангеловъ изъ обстоятельствъ ихъ явленія вывести ничего нельзя. Вѣдь нельзя сказать такъ: поелику Ангелы являлись въ тѣлесномъ видѣ, то они суть тѣло. Естественный ходъ разсужденія въ семъ случаѣ долженъ быть таковъ: Ангелы въ обыкновенномъ порядкѣ невидимы, но когда являются къ намъ, бывають видимы въ тѣлесномъ видѣ.

Что это значитъ? Это значитъ, должно отвѣчать, или то, что Ангелы, духи невидимые и безтѣлесные, принимаютъ на себя тѣло, когда повелѣніемъ Божиимъ посылаются къ намъ, или — то, что они носятъ постоянно, какъ естественную часть своего состава, тѣло, способное быть видимымъ и невидимымъ, осязаемымъ и неуловимымъ, или, пожалуй, въ угодность только брошюрѣ, — то, что они суть тѣло. Если къ этому еще четвертаго предположенія прибавить нельзя, то слѣдуетъ потомъ заключить такъ: ни перваго, ни втораго сказать нельзя. Слѣд. остается вѣрнымъ третье. Брошюра этого не сдѣлала. Стало быть, она не хотѣла подклонить выю свою подъ иго закономъ опредѣленнаго теченія мыслей, и поступила самочинно и произвольно.

Я. Мнѣ кажется въ этомъ не велика бѣда. Брошюра по чему нибудь не сочла нужнымъ вести такъ свои мысли. Вотъ вы дополнили ее, и, стало, какъ слѣдуетъ. И мысль брошюры остается на своемъ мѣстѣ.

Стар. Это, что я сказалъ, — то: ни перваго, ни втораго сказать нельзя, по вашему значитъ, и дополнилъ пропускъ! Но вѣдь мало сказать, а надо доказать. Надо доказать вѣрно и убѣдительно, что невозможно согласиться ни на то, что Ангелы, духи невестественные и безтѣлесные, принимаютъ на себя тѣло, ни на то, что они, будучи внутренно духами, носятъ внѣшнее тонкое тѣло, способное дѣлаться видимымъ и осязаемымъ. Тогда, можетъ быть, и вышло бы мнѣніе брошюры. Но какъ этого не сдѣлано, то ходъ мыслей въ брошюрѣ должно признать погрѣшительнымъ. И грѣхъ этотъ въ

логикъ называется *petitio principii*, — когда доказываютъ свою мысль тѣмъ, что само еще не доказано, а требуетъ доказательства.

Я. Ну, пусть брошюра этого не сдѣлала и виновата въ томъ, въ чемъ вы ее вините. Но найдется другой, который докажетъ то, что вы считаете недоказаннымъ, и тогда доказательство тѣлесности Ангеловъ изъ ихъ явленій будетъ имѣть свою силу.

Стар. То-то и есть, что ни того, ни другаго доказать нельзя. Потому что, по разсужденію (*a priori*), и то и другое одинаково возможно; въ словъ же Божіемъ никакого намека нѣтъ преимущественно въ пользу какой либо изъ нихъ. Невозможно, — то и нелѣпо, и по разсужденію и по указанію слова Божія, только предположеніе брошюры. Сами посудите. Если изъ того, что Ангелы являлись тѣлесно, заключить, что они суть тѣло: то необходимо будетъ заключить, что и Богъ — тѣло; ибо и Богъ являлся тѣлесно. Вотъ смотрите! Къ Аврааму приходятъ три свѣтлыхъ юноши. Одинъ изъ нихъ есть Господь, а другіе два — Ангелы. Но видимость и всѣ обстоятельства ихъ явленія одинаковы. Скажите теперь, на какомъ основаніи вы будете заключать, что двое Ангеловъ, явившихся Аврааму, по тому самому, что явились тѣлесно, суть тѣло; а Господь, вмѣстѣ съ ними точно такъ же явившійся, какъ и они, не есть тѣло? Никакого нѣтъ основанія. Если ваша голова здорова: то вы непременно, допустивши одно, допустите и другое. Т. е. если Ангелы — тѣло: то и Господь — тѣло. Если же этой послѣдней нелѣпости вы допустить никакъ не можете: то должны отказаться и

отъ перваго вывода и признать его нелѣпымъ, — признать т. е. нелѣпымъ тотъ выводъ, что поелику Ангелы являлись тѣлесно, то они суть тѣло. — Я взялъ только этотъ одинъ случай; но онъ не одинъ: ибо Господь Богъ являлся видимо неоднократно, съ самаго начала сотворенія человѣка. Богъ заповѣди даетъ перевозданнымъ, слышится ходящимъ въ раю и судъ произноситъ надъ согрѣшившими; обличаетъ и осуждаетъ Каина, даетъ повелѣнія Ною, неоднократно является Аврааму, Исааку и Іакову, бесѣдуетъ съ ними и дѣйствуетъ видимо и осязаемо (Ангелъ, боровшійся съ Іаковымъ, былъ Господь; ибо потомъ имя сіе прилагается къ Нему, — а не Ангелъ, какъ полагаетъ брошюра — на стр. 24), является Моисею въ купинѣ и посылаетъ его вывести Израильтянъ изъ Египта, на Синаѣ словесно изрѣкаетъ заповѣди всему народу, перстомъ пишетъ десятословіе на скрижаляхъ, и пр. Въ ветх. завѣтѣ тѣлесно являлись Богъ Отецъ и Богъ Сынъ. Въ нов. завѣтѣ слышится гласъ Бога Отца на Іорданѣ, Фаворѣ и въ храмѣ, и Духъ Святой является то въ видѣ голубя, то въ видѣ огненныхъ языковъ... Видите, сколько въ Писаніи Богоявленій! Думаю, не меньше Ангелоявленій. Если станемъ философствовать какъ философствуетъ брошюра, то, собравши всѣ свидѣтельства Писанія о Богоявленіяхъ, заключимъ: не видите ли, что св. Писаніе со всею очевидностію свидѣтельствуетъ, что Богъ — тѣло тонкое, эфирное, огненное. Да еще и положительное утвержденіе Писаніемъ приложимъ: *Богъ нашъ огонь поядаяи есть.* Противъ такого вывода весь свѣтъ возстанетъ въ одинъ

голосъ — и законно. Брошюра же и слова не смѣетъ сказать противъ сего. Она приобрѣтетъ на это право, когда откажется отъ своего умствования и сознается, что изъ явленій Ангеловъ о ихъ тѣлесности заключенія сдѣлать нельзя безъ нарушенія законныхъ порядковъ умствования, и безъ опасенія дать инымъ головамъ поводъ по сему образу дѣлать выводы о тѣлесности Божеской, которымъ громогласно поперечить и умъ и сердце.

Я. Стало быть, по вашему, и всѣ другіе выводы, какіе дѣлаетъ брошюра изъ приведенныхъ ею мѣстъ, оказываются уже неумѣстными.

Стар. Уже само собою. Но прочитайте: можетъ быть и идетъ что, не смотря на то, что главная мысль невѣрна.

Я. Читаю. Стр. 26. — «Св. Писаніе со всею очевидностію свидѣтельствуеть, что души имѣютъ движеніе, подобное человѣческому.»

Я. Вотъ прекрасно. И нехотя сказалось дѣло. Точно души, поколику суть души невещественные и безтѣлесные, имѣютъ движеніе; ибо суть дѣйствительныя существа, существующія среди другихъ тварей и одаренныя способностію дѣйствовать среди ихъ и на нихъ, а слѣд. и двигаться. Дѣйствительное существованіе и дѣйствительное свидѣтельство о своемъ существованіи посредствомъ дѣйствія и движенія не приводятъ неотложно къ мысли, что существо, являющееся таковымъ, есть тѣло. Такъ умозаключатъ никакого нѣтъ основанія. Подобно человѣкамъ движутся и дѣйствуютъ Ангелы, когда являются въ образѣ

человѣческомъ, а пребывая въ себѣ, въ своей сферѣ, они конечно и движутся особеннымъ образомъ.

Я. Читаю. «Св. Писаніе свидѣтельствуемъ, что они находятся въ зависимости отъ мѣста и времени, но гораздо въ меньшей степени, нежели мы.»

Стар. Отъ времени зависятъ никакъ не меньше; относительно же мѣста, надо сказать, не гораздо меньше, а совсѣмъ иначе, нежели мы и всякое тѣло. Они существуютъ и дѣйствуютъ въ извѣстномъ мѣстѣ, и когда существуютъ и дѣйствуютъ въ одномъ мѣстѣ, нѣтъ ихъ въ другомъ. Но бывають въ мѣстѣ, не наполняя мѣста, подобно тѣламъ; ибо не имѣють протяженія, а слѣд. и пространственныхъ измѣреній. Они бывають въ мѣстѣ духовно, какъ изъясняетъ св. Дамаскинъ: «будучи умами, Ангелы и существуютъ въ мѣстахъ мысленныхъ, не ограничиваясь тѣлесно; ибо по естеству не облечены плотію и не имѣють протяженія; но духовно присутствуютъ и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ имъ повелѣно» (Изд. вѣр. кн. 11. гл. 3).

Я. Читаю. «Св. Писаніе свидѣтельствуемъ, что они имѣють образъ и видъ.»

Стар. Имѣють образъ и видъ духовный, умственный, который состоитъ не въ какихъ либо внѣшнихъ очертаніяхъ, а въ соотношеніяхъ духовныхъ силъ и въ образъ ихъ дѣйствовованія. Имѣють они сей образъ и видъ, по тому философскому положенію, что *forma dat esse rei, forma dat distinguere et operari*. — Въ семъ смыслѣ само Верховное Существо имѣетъ свой образъ, и Единородный Сынъ Божій есть образъ Впостаси Отчей. Но, имѣя сей духовный образъ и видъ, они, по естеству

своему, не имѣютъ вида и образа тѣлеснаго, подобнаго будто виду и образу человѣка; а только, когда являются, бывають видимы наиболѣе въ образѣ человѣческомъ. И вотъ о семъ-то послѣднемъ свидѣтельствуеть Писаніе; о семъ же, вѣроятно, говоритъ и Макарій великій. Т. е. говорятъ объ образѣ, въ какомъ являются Ангелы, а не объ образѣ ихъ существа. Равно и о движеніи Ангеловъ и о зависимости ихъ отъ мѣста въ томъ смыслѣ, какъ мною изложено, св. Писаніе не говоритъ, а говоритъ только въ сихъ отношеніяхъ объ Ангелахъ, когда они являлись людямъ. Заключение брошюры на основаніи сихъ мѣстъ о тѣлесности Ангеловъ, о томъ, т. е. что поелику являющіеся Ангелы имѣютъ движеніе и зависимы отъ мѣста, то они суть тѣло, — совершенно незаконно, какъ незаконно вообще изъ явленія Ангеловъ заключать, что они суть тѣло. Движеніе и зависимость отъ мѣста не суть исключительныя принадлежности тѣла, такъ чтобъ можно было благонадежно заключить, что гдѣ они, тамъ непременно — тѣло. Ибо и духу невещественному и безтѣлесному свойственно свое движеніе и свой образъ отношенія къ мѣсту.

Сдѣлаю еще одно замѣчаніе о приведенныхъ брошюрою мѣстахъ Писанія. Приводитъ она на стр. 25: *Ангелы на небесахъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Это за тѣмъ, чтобъ показать, что у Ангеловъ, по свидѣтельству слова Божія, есть свое мѣсто жительства. Что должно думать о мѣстѣ Ангельскомъ, сказалъ намъ св. Дамаскинъ; но припоминаю, что въ другихъ мѣстахъ брошюры говорится, что у Ангеловъ, какъ и въ душѣ, есть глаза, лице, руки и прочіе члены.

Какъ существо Ангеловъ, по брошюрѣ, есть тѣло, то кромѣ тѣлесныхъ глазъ у нихъ нельзя предполагать ничего другаго, напр. ока ума и умнаго зрѣнія. Слѣд. когда Ангелы видятъ лице Отца небеснаго, то, по брошюрѣ, видятъ не инымъ чѣмъ, какъ тѣлесными очами. Мы объясняемъ это видѣніе умнымъ зрѣніемъ, — говоримъ, — что Ангелы видятъ лице Отца небеснаго духовно, умно созерцаютъ Его; ибо суть духи умные, невещественные; а брошюра этого не можетъ сказать; ибо у ней самое естество Ангеловъ есть тѣло, хотя тонкое, у котораго умныхъ очей быть не можетъ. Но смотрите, что отсюда выходитъ. Ангелы, естествомъ суще тѣло, видятъ конечно тѣлесными очами Отца небеснаго. Такъ какъ тѣлесными очами можно видѣть только тѣлесное: то слѣдуетъ, что и Отецъ небесный имѣетъ лице тѣлесное, или есть тѣло, какъ есть тѣло Ангелъ, видящій Его. Это заключеніе выходитъ, по методу брошюры, какъ дважды-два, и отказаться отъ него она не можетъ. Остается только приложить нерѣдко употребляющійся въ математикѣ оборотъ: что нелѣпо, слѣд. нелѣпо и положеніе, изъ коего прямо вытекаетъ нелѣпое слѣдствіе; нелѣпо, т. е., думать, что естество Ангеловъ — тѣло съ головою, лицомъ, глазами и прочими членами, какіе обычно видимъ у человѣка.

Изъ того, что слѣдуетъ далѣе въ брошюрѣ на стр. 25: *Въ воскресеніи... но яко Ангели Божіи на небеси суть,* — преосв. Макарій, въ указанномъ прежде мѣстѣ — стр. 298, выводитъ заключеніе о безплотности Ангеловъ. И я совершенно согласуюсь съ его заключеніемъ, и навожу, что поелику Ангелы таковы, то не суть тѣло.

Не къ мѣсту также приведено, ниже, на той же страницѣ, мѣсто о вторичномъ возвращеніи нечистаго духа въ невнимательную—душу съ семью другими духами злѣйшими. Во 1-хъ, это мѣсто, равно какъ и то, гдѣ говорится о легионѣ духовъ вшедшихъ въ одного человѣка, весьма трудно къ уразумѣнію. Изъ того же, о чемъ трудно составить, опредѣленную мысль, какъ выводить что либо опредѣленное? Во 2-хъ, если уже выводить что отсюда, то надо вывести мысль совсѣмъ противную той, какую хочетъ видѣть брошюра. Не то отсюда слѣдуетъ, что Ангелы зависимы отъ мѣста, а то, что, должно быть, они совершенно независимы отъ него: ибо какъ быть семи духамъ или цѣлому легиону въ человѣкѣ, когда въ немъ нѣтъ пустаго мѣста? Иначе нельзя, какъ быть не занимая мѣста, какъ прежде замѣчено нами объ отношеніи Ангеловъ къ мѣсту.

Ну, теперь кажется, все просмотрѣли о мѣстѣ Писанія.

Я. Нѣтъ еще, я не все дочиталъ; осталось нѣсколько строкъ.

Стар. Извольте-же докончить.

Я. Читаю: «Западный писатель говоритъ, что духи облакаются въ тонкія тѣла, когда являются человѣкамъ. Этого въ Писаніи нигдѣ невидно».

Стар. Въ Писаніи ясно видно, что Ангелы суть силы разумныя, духи невещественные, и что они являются людямъ въ человѣческомъ образѣ. Разсуждающему о семъ естественно спросить, откуда берется сей образъ, видимый и осязаемый, и потомъ взять у св. Отцевъ одно изъ рѣшеній его, наиболѣе общее и наиболѣе

сообразное съ существомъ дѣла, именно то, противъ котораго говоритъ теперь брошюра. Что Писаніе объ немъ не говоритъ, изъ этого нельзя выводить ни pro, ни contra. Сама брошюра сказала, начиная приводить мѣста Писанія, что въ немъ нѣтъ полнаго ученія о духахъ; стало, и ожидать нечего отъ него рѣшенія всѣхъ вопросовъ. Писаніе вообще говоритъ о небѣ и небесномъ съ той наиболѣе стороны, съ которой оно можетъ назидать; вопросъ же о естествѣ болѣе созерцательный. Вотъ онъ и оставленъ не со всѣхъ сторонъ раскрытымъ. Въ семъ отношеніи Писаніе даетъ вѣдѣніе только о томъ, о чемъ не хочетъ, чтобъ мы думали иначе, и видно, что оно не хочетъ, чтобы мы думали, что Ангель — тѣло; почему ясно говоритъ, что онъ есть духъ, существо разумно-свободное.

Я. Читаю: «Не видно (въ Писаніи) и того, чтобъ Ангелы *измѣнялись* при явленіи человѣкамъ».

Стар. Разумѣть ли подъ словомъ *измѣнялись* то, что Ангелы временно принимаютъ на себя тѣло, или то, что, постоянно будучи облечены тонкимъ тѣломъ, они огрубляютъ его, являясь человѣкамъ, — ни о томъ, ни о другомъ не говоритъ Писаніе, оставляя на свободу намъ самимъ рѣшить сей вопросъ. Молчаніе не есть ни утверженіе, ни отрицаніе, и изъ того, что Писаніе не говоритъ объ измѣненіяхъ, какія бываютъ у Ангеловъ, когда принимаютъ они тѣло, не слѣдуетъ заключать, чтобы подобнаго измѣненія не было. Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ о семъ въ противность брошюрѣ, именно: «когда, говоритъ, Ангелы по волѣ Божіей являются достойнымъ, то являются не такими, каковы

сами по себѣ, но въ нѣкоемъ преобразованномъ видѣ, такъ что видящіе могутъ ихъ видѣть» (Изл. вѣры кн. 11. гл. 3). Припомнишь, — что — говорила брошюра о достоинствѣ св. Дамаскина, и невольно скажешь, что его словами она сама себя опровергаетъ.

Я. Читаю: «Писаніе говоритъ, что Богъ отверзаетъ очи человѣка, когда Ему угодно бываетъ допустить человѣка до видѣнія Ангеловъ».

Стар. Первый вопросъ относительно явленія Ангеловъ, какъ являются они, св. Отцы наибольшую частію рѣшали такъ: принимаютъ временно на себя тѣло и видимы бываютъ, и весьма немногіе рѣшали его тѣмъ, что Ангелы имѣютъ постоянно тѣло естественное, которое, измѣняясь, становится видимымъ... Остается рѣшить второй вопросъ: какъ люди видятъ Ангеловъ? Брошюра рѣшаетъ его такъ: Богъ открываетъ очи ихъ, и видятъ... Рѣшеніе узко и не обнимаетъ всѣхъ случаевъ. Лучше рѣшить сообразно съ тѣмъ, какъ говорится о семъ въ словѣ Божіемъ. Обыкновенно въ Писаніи говорится: такой-то, или такая-то увидѣла св. Ангела, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ упоминается, что Богъ открывалъ очи, и видѣли. Такъ и рѣшимъ, что обыкновенный порядокъ видѣнія Ангеловъ при ангелоявленіяхъ есть тотъ, что, по снисхожденію Божию къ человѣку, они до того отѣлесняются, что бываютъ видимы, какъ всѣ другіе видимые предметы: въ особенныхъ же чрезвычайныхъ случаяхъ ангелоявленій Богъ особеннымъ дѣйствіемъ открываетъ очи людей, потому паче, что Онъ же въ иныхъ случаяхъ и удерживаетъ сіи очи отъ видѣнія. Брошюрою же

цитруется случай явленія Ангела Валааму (Числ. 22:24—31), гдѣ видимъ оба способа ангеловидѣнія въ дѣйствии. — Осель видитъ Ангела безъ особеннаго при семъ дѣйствія Божія, вѣрно также, какъ видѣлъ онъ всѣ другіе предметы. Но Валаамъ сначала не видитъ Ангела, а потомъ Богъ открываетъ очи его, и видитъ. Въ отношеніи къ Валааму здѣсь видно особое дѣйствіе Божіе, давшее ему увидѣть Ангела, а въ отношеніи къ видѣнію Ангела осломъ не говорится о семъ особомъ дѣйствии, потому вѣрно, что его не было: ибо тутъ же, коль скоро явлено особое дѣйствіе Божіе надъ осломъ, тотчасъ же о немъ и помянуто, именно: *отверзе Богъ уста осляти и рече...* Простое разсмотрѣніе сего мѣста ведетъ прямо къ заключенію, что осель видѣлъ Ангела натуральнымъ образомъ, какъ видѣлъ всѣ предметы. Отъ сего же случая законно сдѣлать наведеніе и на всѣ тѣ случаи, гдѣ говорится, что кто нибудь изъ людей видѣлъ Ангела, относя способъ видѣнія Ангеловъ чрезъ открытіе Богомъ очей къ тѣмъ только случаямъ особеннымъ, гдѣ о семъ говорится. Принять же исключительно одинъ послѣдній способъ ангеловидѣнія и простираť его на всѣ случаи никакъ нельзя. Содомляне, напр., видѣли Ангеловъ. Ужели можно думать, что Богъ открылъ имъ очи, когда видѣніе сіе было имъ не на созиданіе? Равнымъ образомъ трудно согласиться, чтобъ симъ образомъ видѣны были Ангелы, когда ихъ видѣло множество людей и добрыхъ и злыхъ, и вѣрныхъ и невѣрныхъ, какъ было, напр. въ отношеніи къ Ангелу, руководившему Товію? Но еще несообразнѣе приложить сей же способъ къ видѣнію нечистыхъ

духовъ. Природа у нихъ и по паденіи осталась ангельская, невидимая въ естественномъ порядкѣ ихъ бытія. Ужели же, чтобъ и ихъ видѣть, отверзаетъ Богъ очи видящихъ? — Быть не можетъ. Въ какихъ страшныхъ и безобразныхъ видахъ они являются? И Богъ станетъ открывать очи, чтобъ видѣть сіи страшилища!! Да не будетъ. Имъ положень запретъ, чтобъ они не смѣли являться и возмущать покой людей. Уже это бываетъ по особому попущенію Божію, что они являются. И когда являются, видимы бываютъ натурально. Но если для видѣнія этихъ не открываетъ Богъ очей у людей, а они сами являются и становятся видимыми естественно: то чего ради въ отношеніи къ нимъ однимъ мы допустимъ такую привиллегію? Видѣніе духовъ падшихъ видимо затрудняло брошюру, и она въ слѣдующихъ строкахъ хотѣла что-то особенное сказать о нихъ, но ничего не сказала, кромѣ того, что они по лицемѣрству, злобѣ и лукавству принимаютъ разные и ложные виды, имѣя на то способность естественную. Образъ же видѣнія ихъ людямъ не указанъ особый какой. Какъ было натурально послѣ сего протянуть немного разсужденіе и сказать, что если духи нечистые по естественной способности принимаютъ разные виды, безъ особаго участія высшей силы, то и видятъ ихъ люди по естественной способности, безъ особаго дѣйствія при семъ Божія; — а потомъ прибавить: если этотъ способъ видѣнія духовъ допустимъ въ отношеніи къ духамъ нечистымъ, почему не допустить его къ св. Ангеламъ?!

Я. Читаю. «Западному писателю взойти бы въ разсужденіе, гдѣ хранятся тонкія тѣла, въ которыя

облекаются духи для явленія человѣкамъ, когда въ этихъ тѣлахъ не имѣется нужды, потому что, по мнѣнію его, духи облакаются въ тонкія тѣла только тогда, когда имъ предстоитъ явиться человѣкамъ.»

Стар. Въ разсужденіе объ этомъ не одинъ западный писатель долженъ войти, но и всѣ тѣ, кои признають духовъ безтѣлесными. Берусь отвѣтить за себя, а пожалуй и за нихъ, если имъ угодно будетъ согласиться со мною. Спрашивается: гдѣ хранятся тонкія тѣла, въ которыя облакаются духи, являясь людямъ? Отвѣчаю: тамъ же, гдѣ хранилось тѣло Господа, въ которомъ Онъ явился Аврааму, въ которомъ боролся съ Іаковомъ, въ которомъ видимъ былъ въ раю, и пр. Ибо во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ Онъ принималъ тѣло на время, слѣд. гдѣ нибудь его бралъ. Такъ гдѣ Господь бралъ тѣло, тамъ берутъ его и духи, и гдѣ хранились тѣ Господни тѣла, тамъ хранятся и тѣла духовъ.

Я. Но то Господь. Повелить, — соберутся вокругъ Его стихіи и образуютъ тѣло; повелить снова, — стихіи разрѣшатся и не станутъ тѣла.

Стар. Но Тотъ же Господь, сотворившій духовъ по образу и подобію Своему, могъ даровать и имъ способность собирать вокругъ себя стихіи и облекаться въ видимое тѣло, когда сіе нужно бываетъ для исполненія святой Его воли. Я не вижу тутъ ничего невозможнаго. Не невозможно сіе со стороны Бога: онъ готовъ даровать твари всякое благо, которое она способна вмѣстить. Спрашивается: можетъ ли духъ вмѣстить такую способность? Отвѣчаю: можетъ; ибо онъ есть сила, дѣйствительно существующая среди другихъ

тварей, и — сила высшая всего вещественнаго, сколько бы сильнымъ и мощнымъ оно ни являлось. Высшее же по естеству можетъ натурально господствовать надъ естествами нисшими, и нисшія естества должны естественно покорствоваться и подчиняться высшимъ. Такъ я полагаю, что духамъ безплотнымъ Богъ даровалъ способность привлекать къ себѣ, когда сіе требуется, извѣстныя стихіи и образовывать изъ нихъ вокругъ себя извѣстную оболочку, и потомъ, когда минуется надобность, отрѣшати ихъ отъ себя и возвращать въ первое состояніе. Симъ способомъ Ангелы образуютъ себѣ какъ тѣло въ видѣ человѣческомъ, въ которомъ обыкновенно являются, такъ и одежду и все, съ чѣмъ и какъ являются; и симъ же способомъ все сіе опять разлагается на свои стихіи. И мнѣ кажется, что этотъ способъ объясненія есть самый простой и натуральный, а главное — обнимающій всѣ случаи ангелоявленій. Возьмите вы магнитъ и помѣстите его среди опилокъ желѣзныхъ, они тотчасъ привлекутся къ нему и облѣпятъ его со всѣхъ сторонъ. Парализуйте какимъ либо способомъ силу магнита, — опилки всѣ отпадутъ и магнитъ останется голымъ. Точно также и у духовъ есть естественная способность привлекать и отрѣшати стихіи. Только, что въ магнитѣ дѣйствуется механически, то у духовъ совершается въ подчиненіи свободѣ и разуму. Душа наша, какъ учитъ св. Григорій Нисскій, сама образуетъ же себѣ тѣло. Но этотъ процессъ образованія очень длиненъ, и притомъ душа, образовавши себѣ тѣло, не имѣетъ свободы по желанію разрѣшить его, потому что есть по естеству своему духъ нисшаго

достоинства. Духи же высшіе и образуютъ себѣ тѣла и разрѣшаютъ ихъ мгновенно и притомъ по своему желанію, или Божію изволенію. Еще: душа наша во снѣ, а иногда и на яву воображаетъ себя въ разныхъ состояніяхъ и видахъ. Переносу сіе на духовъ и говорю: что душа можетъ воображать только, то духъ высшій можетъ для себя самимъ дѣломъ производить, конечно по условіямъ своего высшаго духовнаго образа существованія и дѣйствованія и въ подчиненіи всѣмъ правящему Верховному существу. — Такъ объясняю я, откуда берутъ и куда дѣлаютъ Ангелы тѣла свои, въ которыхъ являются. Теперь, въ свою очередь, позволяю себѣ спросить брошюру: Ангелы по естеству — тѣло. Но принадлежности ихъ явленія, каковы: одежда разная, разные орудія — мечъ, напр. или жезль, также — разные возрасты — видъ юноши, мужа... и пр. не принадлежать конечно къ естеству. Откуда все это? Пусть объясняетъ, какъ умѣетъ, только напередъ одного не могу допустить, именно, что есть особое мѣсто, гдѣ Ангелы чувственно живутъ, чувственныя имѣютъ жилища, чувственно одѣваются, питаются, взаимно обращаются, хотя эта чувственность признается самою тонкою. На это одно никакъ согласиться не могу. Это по моему грубо, при всей допускаемой утонченности, низко, недостойно ни Бога, ни Ангеловъ.

Я. Теперь кончено все о мѣстахъ Писанія, приводимыхъ въ брошюру въ подтвержденіе своего мнѣнія о тѣлесности ангельскаго естества. Вижу изъ вашихъ словъ, что брошюра ничѣмъ изъ Писанія не доказала, чтобъ Ангель былъ тѣло, напротивъ изъ всего

почти приведеннаго ею давала основаніе законно выводить совершенно противоположное заключеніе, и вполнѣ съ вами соглашаюсь. Но вѣдь въ Писаніи нѣтъ, кажется, прямыхъ указаній и на то, что Ангелъ есть духъ. Пусть брошюра неправа, ссылаясь на приводимыя ею мѣста Писанія: но имѣетъ ли что въ Писаніи въ свое подтвержденіе и противоположная мысль?

Стар. Да за чѣмъ же мы съ вами перечитывали, что говорится въ Богословіи преосв. Макарія? Тамъ ясно доказано изъ Писанія, что Ангелъ есть духъ и духъ безтѣлесный. Чтоже еще объ этомъ толковать? Коротенько впрочемъ напомню вамъ. Брошюра учитъ, что только одинъ Богъ есть духъ; твари всѣ суть тѣло. Доказывается изъ Писанія, что кромѣ Духа-Бога должны быть духи и твари. Ибо въ Евангеліи отъ Іоанна говоритъ Господь: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоинъ кланяться.* Скажите мнѣ пожалуста: какъ Богу Духу кланяться духомъ, когда между тварями нѣтъ духа? Чтобъ кланяться духомъ, надо имѣть естество духовное: ибо тѣло какъ будетъ кланяться духомъ? — Будетъ дѣйствіе не по причинѣ. Итакъ, по требованію слова Божія, заключаю, что между тварями Божіими должны быть духовныя существа, подобныя Богу по духовности. Этого одного уже и достаточно въ подтвержденіе истины противоположной мнѣнію брошюры. Но когда такимъ образомъ доказано, что слово *духъ*, въ отношеніи къ тварямъ, въ одномъ мѣстѣ Писанія означаетъ духовность богоподобную; то мы не имѣемъ никакого основанія иначе кривотолковать сіе слово, когда оно прилагается къ Ангеламъ и душамъ

въ другихъ мѣстахъ Писанія, и разумѣть подѣ нимъ какое то тончайшее эфирное тѣло. Такъ, когда говорится объ Ангелахъ: *не вси ли суть служебнии дуси*, никто не имѣетъ права разумѣть подѣ сими словами иное что, кромѣ богоподобной духовности. Этимъ замѣчаніемъ теперь и ограничусь. Вы видите, что по Писанію не всѣ твари — тѣло, а должны быть между ними духи, каковы Ангелы, а вслѣдъ за ними и души наши.

Я. Благодарствую. Кажется, вы утомились. Не отложить ли намъ дальнѣйшее изслѣдованіе до другаго времени?

Стар. Хорошо. Я между тѣмъ еще покопаюсь у св. Отцевъ, чтобъ осмотрѣть этотъ предметъ, съ помощію ихъ, поподробнѣе.

Такъ кончилась и сія бесѣда.

*г) Разсмотрѣніе свидѣтельствъ св. Отцевъ,
приводимыхъ брошюрою*

аа) Свидѣтельства особенной важности, — св. Іоанна Дамаскина и Макарія Великаго.

День-другой спустя, приходитъ опять старецъ, улучивъ свободное время. Не медля, приступаемъ къ дѣлу.

Стар. Теперь намъ слѣдуетъ пересмотрѣть свидѣтельства св. Отцовъ, на которыя ссылается брошюра.

Я. Хорошо. Читать что-ли прикажете?

Стар. Нѣтъ. Читать трудно; потому что отеческія свидѣтельства какъ то не въ одномъ въ ней мѣстѣ. Я самъ буду указывать, если окажется нужнымъ прочитать что.

Я. И это пусть. Извольте начинать. Вниманіе готово.

Стар. Я нахожу во всей брошюрѣ только два вѣскихъ свидѣтельства св. Отцевъ въ пользу ея мнѣнія о тѣлесности естества Ангеловъ и душъ, именно, свидѣтельство св. Іоанна Дамаскина и св. Макарія вел. Свидѣтельства другихъ св. Отцевъ, приводимыя брошюрою, говорятъ совсѣмъ не то, чего хочетъ брошюра, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ тѣже Отцы ясно произносятъ сужденія, совершенно противоположныя мнѣнію брошюры. Слѣд. стоитъ только отнять силу доказательности первыхъ двухъ свидѣтельствъ, и мнѣніе брошюръ останется и съ этой стороны безъ доказательствъ.

Начинаю съ св. Іоанна Дамаскина. Онъ собственно одинъ есть свидѣтель вѣскій, намѣренно разсуждающій о естествѣ Ангеловъ, тогда какъ св. Макарій выражаетъ свое мнѣніе мимоходомъ. Мнѣніе св. Дамаскина собственными его словами очень коротко, впрочемъ приведено только въ Словѣ о смерти, а въ Прибавленіи къ сему слову взято изъ догматическаго Богословія — учебника, гдѣ оно, по требованію системы, выражено болѣе перифразомъ. Да въ отрывкахъ что увидишь? Нѣтъ ли у васъ св. Дамаскина? Надо прочитать все въ связи, и откроется, что св. Дамаскинъ совсѣмъ не тѣхъ мыслей, какихъ держатся брошюры.

Я. Есть и еще въ подлинникѣ.

Стар. Тѣмъ лучше. Найдите объ Ангелахъ и читайте.

Я. Нахожу и читаю (кн. 2 о прав. вѣрѣ гл. 3). «Онъ (Богъ) есть Ангеловъ творецъ и создатель, изъ несущаго приведшій ихъ въ бытіе, по образу своему сотворившій ихъ — *естество безтѣлесное, какъ бы духъ нѣкій и огонь невещественный*, какъ говоритъ Божественный Давидъ: *творяи Ангелы своя духи и слуги своя огонь палящъ*» (Пс. 103:4).

Стар. Замѣчайте слова сіи: *естество безтѣлесное, какъ бы нѣкій духъ и огонь невещественный* — св. Дамаскинъ говоритъ здѣсь точь въ точь словами св. Григорія Богослова, который, помнится мнѣ, сказавши: какъ бы духъ нѣкій и огонь невещественный, и опасаясь, какъ бы кто не введенъ былъ этими словами въ заблужденіе и не приписалъ Ангеламъ какой либо вещественности, прибавилъ: «духомъ же и огнемъ называется естество сіе (Ангельское), частію, какъ мысленное, частію, какъ очистительное (а не какъ, т. е. что нибудь вещественное, хотя и тонкое); потому что и первая сущность (Богъ) приѣмлетъ тѣже именованія» (Слово 28 въ концѣ. т. 3, стр. 50). Видите, какая мысль у св. Богослова! Какъ въ Богѣ, когда именуется Онъ духомъ и огнемъ, не должно видѣть что либо вещественное, такъ ничего вещественнаго не должно видѣть и въ Ангелахъ. Такова же конечно мысль и св. Дамаскина, т. е. и онъ не видѣлъ въ Ангелахъ ничего вещественнаго.

Я. Читаю. «Итакъ Ангель есть естество *мысленное, присно-движное, самовластное, безтѣлесное*, Богу служащее, по благодати въ природѣ (своей) безсмертіе пріившее: каковаго естества видъ и предѣлъ вѣдаетъ одинъ Творецъ. Безтѣлеснымъ же и невещественнымъ

называется оно, поколику поставляется въ сравненіе съ нами: ибо все, будучи поставляемо въ сравненіе съ Богомъ, единымъ несравненнымъ, оказывается грубымъ (расчї — толстымъ, массивнымъ) и вещественнымъ. Одно Божество есть собственно невещественно и безтѣлесно.»

Стар. Вотъ это и есть главное мѣсто, на которомъ опираются брошюры и подобные имъ мыслители. На немъ станемъ всѣмъ вниманіемъ, чтобъ опредѣлить, есть ли тутъ ученіе о тѣлесности естества Ангельскаго, или нѣтъ. Я утверждаю, что такого ученія здѣсь нѣтъ, и утверженіе сіе вывожу, въ 1-хъ, изъ разсмотрѣнія самаго мѣста, въ 2-хъ, изъ сличенія его съ другими мѣстами тойже главы, и въ 3-хъ, изъ показанія, какъ учили объ Ангелахъ тѣ св. Отцы, изъ которыхъ извлекалъ свое ученіе объ Ангелахъ св. Дамаскинъ, какъ значитъ и въ брошюрѣ (Приб. къ сл. о см. стр. 22).

1-е. Самое мѣсто говоритъ ли рѣшительно, что Ангель — тѣло, какъ хотятъ брошюры? Не говоритъ. Оно говоритъ только, что если поставить естество Ангельское въ сравненіе съ Богомъ, то оно окажется грубымъ и вещественнымъ, пребывая невещественнымъ само въ себѣ (ибо таково главное положеніе ученія объ Ангелахъ), и въ отношеніи къ намъ. Говоритъ: будучи сличаемо, т. е. когда взглянешь на Ангельское естество послѣ созерцанія ни съ чѣмъ несравнимаго Божескаго естества, оно оказывается грубымъ и вещественнымъ; подобно тому, — прибавлю я, — какъ съ ярко-освѣщеннаго солнцемъ надворья вошедши въ не такъ свѣтло освѣщенную комнату, находятъ ее мрачною, или

какъ разгоряченною въ горячей водѣ рукою коснувшись теплой воды, находятъ ее холодною. Но какъ здѣсь послѣ тотъ же самый, который въ указанныхъ случаяхъ считалъ комнату темною и воду холодною, признаетъ комнату свѣтлою, когда глазъ освободится отъ впечатлѣнія яркаго солнечнаго свѣта, и воду теплою, когда прохладится разгоряченная рука, признаетъ т. е. что въ комнатѣ нѣтъ отсутствія свѣта, и въ водѣ — тепла, какъ ему показалось: такъ и въ отношеніи къ Ангеламъ, когда смотрятъ на нихъ прямо, не могутъ не признать, что они суть души. Такова точно мысль св. Дамаскина. Онъ не отрицаетъ духовности у Ангеловъ и душъ, а утверждаетъ только, что ихъ духовность такова, что если сравнить ее съ Божескою, то она покажется грубою. Вообще и св. Дамаскинъ и другіе св. отцы, когда послѣ созерцанія Бога обращаются умомъ къ тварямъ, не видятъ въ послѣднихъ ничего существенно твердаго, хотя по дару Бога Творца они обладаютъ многими совершенствами. Есть безсмертныя твари; но въ сравненіи съ Богомъ никто не безсмертенъ (св. Дамаск. въ тойже главѣ); есть простыя, но въ сравненіи съ Богомъ ничто не просто (Васил. вел. т. 6. стр. 27); есть благія, но въ сравненіи съ Богомъ никто не благу; наконецъ, все твореніе имѣетъ бытіе, дарованное ему Богомъ, но въ сравненіи съ Богомъ, Который единъ есть Сый, все есть какъ бы призракъ и ничто. Но какъ въ послѣднихъ случаяхъ не отрицается у тварей ни бытіе, ни простота, ни безсмертіе, въ свойственной имъ степени: такъ и въ первомъ не отрицается невещественность Ангеловъ и душъ, хотя признаются они оказывающимися

вещественными, если сравнить ихъ съ Божескимъ естествомъ. Въ тваряхъ Божіихъ бытіе, простота, благодать, безсмертіе хотя—суть не иначе, какъ по благодати Божіей (разумѣется, конечно, благодать творенія), но все же суть въ естествѣ ихъ, какъ о безсмертіи Ангеловъ утверждаетъ св. Дамаскинъ: «по благодати въ естествѣ безсмертіе пріившіе». Значить, все-же онъ признаетъ Ангельское естество безсмертнымъ. — Такъ точно должно толковать и его понятіе о невещественности Ангеловъ, — что оно въ нихъ есть, хотя есть по благодати и въ извѣстной, совмѣстной съ тварностію степени. Когда говоритъ онъ, напр. (въ тойже кн. 12 гл. въ ученіи о человѣкѣ), что безтѣлесно, невидимо и безформно одно по естеству, какъ Богъ, а иное — по благодати, каковы Ангелы, демоны, души, какъ сомнѣваться, что онъ признавалъ сихъ послѣднихъ въ своемъ родѣ невещественными и безтѣлесными? Вообще, когда, желая выразить мысль св. Дамаскина о естествѣ Ангеловъ и душъ, прямо говорятъ, что онъ признавалъ ихъ невещественными только сравнительно съ нами, поступаютъ весьма несправедливо. Прямая мысль св. Дамаскина та, что они суть существа мысленныя, невещественныя, безтѣлесныя; та же мысль, что они таковы сравнительно съ нами, ставится въ оговоркѣ, а это не одно и то же, что прямо говорить. Въ приведенномъ мѣстѣ онъ прямо говорить о невещественности, а потомъ дѣлаетъ оговорку объ относительности сей невещественности. Еще очевиднѣе это выражаетъ онъ, когда въ 12 гл. тойже книги приступаетъ къ ученію о человѣкѣ. «Такъ,

говорить онъ, Богъ создалъ естество мысленное, т. е. Ангеловъ и всѣ небесныя чины.» Т. е. прясно, ясно какъ день, внѣ всякаго сомнѣнія, они суть природы мысленной и безтѣлесной. Вотъ его главное положеніе объ Ангелахъ. Прибавка же та (она и здѣсь тотчасъ слѣдуетъ) о сравнительной духовности предостерегаетъ только, какъ бы кто не сравнивалъ естества Ангеловъ съ естествомъ Божескимъ: ибо хотя Ангелы Богоподобны, но не единосущны Богу. — Итакъ напрасно брошюры опираются на приведенное мѣсто св. Іоанна Дамаскина. Оно не имѣетъ той мысли, какую хотятъ въ немъ видѣть. Дѣлая же изъ него выводъ о вещественности естества Ангеловъ и душъ, допускаютъ фальшь въ умозаключеніи, какъ уже и показано было намъ. Вотъ я припомнилъ теперъ, какъ она называется, софизмъ, когда дѣлаютъ заключеніе *a dicto secundum quid ad dictum absolute*. — Кажется такъ.

2-е. Смотрите-ка, что далѣе говоритъ св. Дамаскинъ объ Ангелахъ, и вы согласитесь, что ни подъ какимъ видомъ нельзя въ св. Іоаннѣ Дамаскинѣ предполагать мысль о вещественности Ангельскаго естества. Прочитайте, напр., о томъ, какъ св. Дамаскинъ объясняетъ взаимное общеніе между собою Ангеловъ.

Я. Читаю. «Ангелы суть свѣты мысленные, вторые, отъ перваго и безначальнаго свѣта имѣющіе просвѣщеніе, не нуждающіеся въ языкъ и слухъ, но безъ членораздѣльнаго (*proforikon*) слова передающіе другъ другу свои помышленія и желанія.»

Стар. Какая тутъ вещественность? Еслибъ вещественными признавалъ ихъ св. Дамаскинъ, сказалъ

бы, что имѣютъ языкъ и очи и прочіе члены, видятъ другъ друга, бесѣдуютъ другъ съ другомъ, другъ друга посѣщаютъ. Вотъ брошюры признаютъ Ангеловъ вещественными, такъ уже и утверждаютъ, что у нихъ есть и голова, и очи и уста, и перси, и руки, и ноги, и волосы, словомъ — все, что и у человѣка (стр. 13. Сл. о смер.).

«Если св. Дамаскинъ ничего такого не допускаетъ, а напротивъ взаимное общеніе Ангеловъ объясняетъ духовнымъ, мысленнымъ образомъ; то очевидно, что онъ не признаетъ Ангеловъ вещественными.» Прочитайте еще, какъ понимаетъ св. Дамаскинъ отношеніе Ангеловъ къ мѣсту.

Я. Читаю. «Какъ умы, они въ мысленныхъ и мѣстахъ суть, не будучи описуемы подобно тѣламъ: ибо по естеству своему они не имѣютъ вида или образа подобно тѣламъ, не имѣютъ и трехъ измѣреній, но мысленно бываютъ присуци и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ имъ повелѣно, и не могутъ въ одно и тоже время быть и дѣйствовать здѣсь и тамъ.»

Стар. И это совершенно освобождаетъ естество Ангеловъ отъ тѣхъ грубыхъ формъ, въ какихъ представляютъ ихъ брошюры, основываясь на явленіяхъ и образъ явленія перенося на образъ естества. А св. Дамаскинъ учитъ, что хотя нѣтъ ихъ на небѣ, когда они на землю посылаются, и хотя не могутъ они въ одно и тоже время быть здѣсь и тамъ; но когда бываютъ на какомъ мѣстѣ, то бываютъ не такъ, чтобъ очерчивались здѣсь какою либо формою, протяженною въ высоту, длину и широту. Такихъ измѣреній они не имѣютъ, не

имѣютъ и никакого вида, какъ свойственно имѣть тѣламъ. Потому только можно сказать: они здѣсь, а не тамъ, что они здѣсь оказываютъ свое, дѣйствіе, а не тамъ. Чтобъ не сочли, что я самовольно толкую слова св. Дамаскина объ отношеніи Ангеловъ къ мѣсту, называющаго мѣсто ихъ мѣстомъ мысленнымъ, потрудитесь прочитать, какъ понимаетъ свое мысленное мѣсто самъ св. Дамаскинъ. Это въ 1 книгѣ гл. 13, листика три по выше.

Я нахожу и читаю. «Есть же и мысленное мѣсто, — то, гдѣ созерцается и есть мысленное и безтѣлесное естество; гдѣ оно присуще и дѣйствуетъ, мысленно, а не объемлясь тѣлесно или подобно тѣламъ. Ибо оно не имѣетъ вида, чтобъ быть объяту тѣлесно.»

Стар. Ну вотъ, какъ есть безтѣлесное въ извѣстномъ мѣстѣ! Есть, присуще, дѣйствуетъ, но не занимаетъ его и не обнимается имъ. — Прочитайте дальше еще собственно о мѣстѣ Ангельскомъ.

Я читаю. «Ангель не содержится въ мѣстѣ подобно тѣламъ, такъ чтобъ принималъ образъ какой, или видъ. Но говорится, что онъ бываетъ въ извѣстномъ мѣстѣ ради того, что мысленно присущъ въ немъ и дѣйствуетъ по своему естеству, и что въ то же время не бываетъ въ другомъ мѣстѣ, но тамъ мысленно представляется, гдѣ и дѣйствуетъ. Ибо не можетъ онъ въ одно и то же время дѣйствовать въ разныхъ мѣстахъ.»

Стар. Теперь ясно, какъ день, что если Ангелы не занимаютъ мѣста и не обнимаются имъ, если никакого не имѣютъ протяженія и вида; то они не имѣютъ никакой вещественности, какую бы тонкою ее ни

воображали. И дивиться только надо, какъ брошюры, до небесъ превозносившія св. Дамаскина, осмѣливаются въ мнѣніи своемъ объ Ангелахъ идти совершенно поперекъ ему. Св. Дамаскинъ говоритъ, что они не подлежатъ пространственнымъ измѣреніямъ, не имѣютъ вида, не очерчиваются въ какой либо формѣ, подобно тѣламъ; а брошюры что?

(Стран. 16 Сл. о смерти, въ примѣч.) «Ангелы подчинены пространству. Понятіе о подчиненіи пространству неразлучно отъ понятія о подчиненіи формѣ... Ангелы по отношенію къ пространству имѣютъ форму (стр. 17)... форма ограниченного существа непременно обрисовывается, такъ сказать, самими его предѣлами, оконечностями; обрисованное такимъ образомъ существо имѣетъ свой видъ.» Совсѣмъ напротивъ. — Невольно спросишь: знакомы ли брошюры съ св. Дамаскинымъ? Но опять, за чѣмъ же онѣ ссылались на него? Уже не за тѣмъ ли, чтобъ прикрыть себя?! А еще насъ укоряли: «Къ сожалѣнію (тамъ же), говорятъ, и у насъ нѣкоторые участвуютъ въ темномъ и неопредѣленномъ мнѣніи... западныхъ умствователей на счетъ безтѣлесности сотворенныхъ духовъ». — Да, мы буквально слѣдуемъ ученію св. Дамаскина (и др. отцевъ), какъ это очевидно. Вы же какимъ темнымъ внушеніямъ слѣдуете, попереча во всемъ св. Дамаскину? Восхвалили вы св. Дамаскина, а теперь совершенно ему противорѣчите. А мы умѣреннѣе васъ смотримъ на достоинство св. Дамаскина, между тѣмъ совершенно ему послѣдуемъ. Судите теперь сами, кто изъ насъ

послѣдуетъ св. Отцамъ, и кто увлекается своимъ умствованіемъ и воображеніемъ?! — Это я стороною проговорилъ, ради того что брошюры насъ задѣваютъ, будто мы послѣдуемъ какимъ-то темнымъ мнѣніямъ западниковъ, а они — питомцы св. Отцевъ. Такъ и хотѣлось намекнуть читающимъ, что на оборотъ, мы питомцы отцевъ, а не брошюры.

Но и еще есть одно мѣсто у св. Дамаскина въ нашу пользу, именно — о времени сотворенія Ангеловъ. Прочитайте-ка! Въ тойже 3 гл. кн. 2, къ концу.

Я. Читаю. «Нѣкоторые утверждаютъ, что Ангелы сотворены прежде всякаго творенія, какъ говоритъ и св. Григорій Богословъ: “во 1 хъ измышляетъ (Богъ) Ангельскія, небесныя силы, и мысль стала дѣломъ”...» Совершенно согласуюсь съ Богословомъ и я. «Ибо надлежало прежде быть создану мысленному естеству, потомъ — чувственному и наконецъ — человѣку, единому изъ обоихъ.»

Стар. Тогоже точно мнѣнія и Василій вел. — Вотъ три свидѣтеля. При троихъ же свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголь. Но какой? Конечно не глаголь брошюръ, а нашъ. Спросимъ ихъ: если Ангелы сотворены прежде всего тѣлеснаго и вещественнаго безъ ограниченія: то какъ можно думать, чтобъ они были тѣло, хотя бы-то тонкое? Не говорятъ св. отцы, что прежде сотворены тонкія тѣла — Ангелы, а потомъ другія тѣла грубыя; а вообще утверждаютъ, что Ангелы сотворены прежде всякой вещественной твари. Слѣд. по ихъ мнѣнію, въ Ангелахъ не должно видѣть рѣшительно ничего вещественнаго.

Я. Теперь все объ Ангелахъ. И я вижу теперь ясно-преясно, что общій выводъ изъ всей главы объ Ангелахъ долженъ быть тотъ, что св. Дамаскинъ совершенно чуждъ былъ мысли о какой нибудь тѣлесности въ Ангелахъ.

Стар. Да. Теперь остается еще намъ провѣрить мысль св. Дамаскина 3) въ сличеніяхъ его съ тѣми отцами, которыхъ онъ самъ цитуетъ. — Прибавленіе къ сл. о смерти заключаетъ свое восхваленіе св. Дамаскину, которому не стыдится однакожъ рѣшительно противорѣчить слѣдующими словами, стр. 22: «ученіе объ Ангелахъ и вообще о духахъ и душѣ св. Дамаскинъ основываетъ на твореніяхъ Аѳанасія вел., Григорія Богослова, Θεодорита, Максима Исповѣдника и Немезія, какъ это видно въ его книгѣ изъ цитатъ». — Слѣд. если мы найдемъ, что всѣ сіи отцы признавали Ангеловъ и душу совершенно невещественными и безтѣлесными, то таковымъ же должны будемъ признать и мнѣніе св. Дамаскина, не смотря на то, что онъ употреблялъ фразы объ относительной тѣлесности Ангеловъ и душъ. — Давайте пересматривать.

Я. Хорошо. Но едва ли мы найдемъ подъ руками писанія всѣхъ сихъ отцевъ.

Стар. Ну, какія найдемъ, ихъ пересмотримъ. Кое-что буду припоминать самъ и не искавши. Такъ, напр. въ писаніяхъ св. Аѳанасія о естествѣ Ангеловъ ничего не говорится. Сколько ни рылся, ничего не нашель. Есть нѣсколько мѣстъ, и сильныхъ, о подчиненіи ихъ Богу-Слову и поклоненіи Ему; о естествѣ ихъ не приходилось ему говорить. Въ Богословіи преосв. Макарія

приводится одно изрѣченіе св. Аѳанасія, какое мы уже выписали прежде, именно: «Ангелъ есть существо разумное невещественное — (avlon) пѣснословящее, безсмертное...» (de comm. Ess. P. 5 p. 5); но я не умѣлъ найти его въ подлинникѣ, а тамъ, можетъ быть, около этого изрѣченія есть и другое что. Въ жизнеописаніи св. Антонія, именно — въ рѣчи преподобнаго къ братьямъ о козняхъ злыхъ духовъ, говорится: (т. 3, стр. 233 въ концѣ... съ подлинника) «что удивительнаго, если они пользуясь тончайшими паче человѣческаго тѣлами (leptoteris chroomeni somasi) и увидѣвъ вступишихъ въ путь, предваряютъ ихъ въ шествіи и возвѣщаютъ о нихъ». Употребленное здѣсь слово: chroomeni — пользуясь, — даетъ намъ право видѣть у св. Аѳанасія ту мысль, что демоны не суть тѣло и не носятъ тѣла, а только временно пользуются имъ, когда нужно, какъ пользуется иной какимъ орудіемъ, которое беретъ, когда нужно, и отлагаетъ, когда оказывается оно ненужнымъ. Не смотря, впрочемъ, на то, что только два изрѣченія можемъ мы привести изъ св. Аѳанасія, всякій непредубѣжденный согласится, что, судя по нимъ, нельзя предполагать въ св. Аѳанасіи мысли о тѣлесности Ангеловъ.

Я. Изъ этихъ-то мѣстъ точно выходитъ вашъ выводъ; но вотъ въ Прибав. къ сл. о смерти, стр. 28, дѣлается пространная выписка изъ св. Аѳанасія, съ цѣлію показать, что онъ признавалъ духовъ тѣломъ.

Стар. Знаю, что дѣлается такая выписка; но какъ она ни пространна, ни мало не доказываетъ того, что хотятъ ею доказать. Выписка эта взята изъ тойже рѣчи, изъ

которой мы предъ симъ взяли одно мѣсто, ясно намекающее на мысль св. Антонія и св. Аѳанасія о безтѣлесности духовъ. Но во всей рѣчи только и есть это мѣсто, которое можетъ быть отнесено къ опредѣленію естества духовъ. Вся же рѣчь св. Антонія совсѣмъ не тѣмъ занимается. Она изображаетъ разныя явленія духовъ злыхъ и козни, какія употребляютъ они для соблазна подвижающихся, и научаетъ, какъ ихъ разгадывать и противостоятъ имъ. Изъ явленія духовъ, какъ мы рѣшили и при разсмотрѣніи свидѣтельствъ Писанія, выводить мысли о тѣлесности естества ихъ нельзя, безъ нарушенія правилъ здраваго умствованія. Слѣд. вся эта длинная выписка брошюркою сдѣлана напрасно. Только пыль въ глаза пускаетъ многословіемъ.

Пришло мнѣ на мысль попробовать, не *восполнимъ* ли мы недостатокъ свидѣтельствъ св. Аѳанасія о безтѣлесности Ангеловъ, свидѣтельствами о его невещественности души. Если докажется словами св. Аѳанасія, что душа — не тѣло, и это одно будетъ противъ брошюръ, потому что по нимъ, ничего вообще нѣтъ нетѣлеснаго, кромѣ Бога. Дайте-ка мнѣ первую часть св. Аѳанасія въ русскомъ переводѣ. Я буду читать, а вы записывайте; мои замѣтки въ текстѣ очерчивайте скобками.

Въ Словѣ на язычниковъ св. Аѳанасій счелъ нужнымъ (стр. 50—55) для простыхъ людей вкратцѣ доказать и то, что всякій челоѣкъ имѣетъ *душу*, и *душу разумную*; (разумную? — стало, невещественную, хотя бы то тонкаго вещества: ибо веществу и наитончайшему

несвойственна разумность) потому что иные, особенно еретики, отрицаютъ и сіе, полагая, что человѣкъ есть не болѣе, какъ *видимый образъ тѣла*. (Это точь въ точь противъ Слова о смерти, по которому (стр. 12) и душа — эфирное, весьма тонкое, летучее тѣло, имѣющее весь видъ нашего грубаго тѣла, всѣ его члены, даже волосы, его характеръ лица, — словомъ, полное сходство съ нимъ. Слѣд. (— по сей брошюрѣ) — вообще въ человѣкѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимаго образа тѣла, то грубаго, то эфирнаго. Св. Аѳанасій, отвергая ту мысль, что въ человѣкѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимаго образа тѣла, отвергаетъ вообще грубую мысль брошюры, что душа вещественна).

Стр. 51. «Первымъ, немалымъ признакомъ того, что душа *человѣческая* — разумна (т. е. *духовна*, невещественна, по невозможности самому эфирному веществу приписать разумность) служить отличіе ея отъ *безсловесныхъ*; ибо по естественной привычкѣ называемъ мы ихъ *безсловесными* по тому самому, что родъ *человѣческой* разумень. А потомъ немаловажнымъ будетъ доказательствомъ и то, что одинъ *человѣкъ* о находящемся внѣ его мысленно представляетъ, чего нѣтъ предъ нимъ, и опять разсуждаетъ и обсуждаетъ, чтобъ изъ обдуманнаго избрать лучшее (дѣйствія совершенно *несвойственныя* никакому веществу, какъ бы тонкимъ его ни воображали). *Безсловесныя* видятъ то одно, что предъ ними, стремятся къ тому одному, что у нихъ предъ глазами, хотя бы въ послѣдствіи былъ отъ того имъ вредъ; но *человѣкъ* стремится не къ *видимому*, а *напротивъ* того, *видимое* глазами *обсуждаетъ*

разсудкомъ (т. е. не подчиняется закону взаимовпечатлѣній и взаимовлеченій, царствующему между тѣлами, даже и тонкими, а стоитъ внѣ ихъ; потому что имѣетъ душу совершенно невещественную, и, вслѣдствіе того, способную отрѣшаться отъ законовъ необходимости, какимъ связано все вещественное). Нерѣдко, устремившись уже (человѣкъ), разсудкомъ бываетъ удержанъ, и что имъ обдуманно, обдумываетъ снова. Удержите-ка вы что либо вещественное, когда оно возбуждено! Остановите электричество, когда оно уже въ движеніи?! Надобно прекратить токъ, и оно остановится. Но душа, не переставая дѣйствовать въ себѣ, прекращаетъ одно направленіе и принимаетъ другое. Явно, что характеристика ея совсѣмъ не похожа на характеристику силъ вещественныхъ, даже самыхъ тонкихъ. И всякій, если только онъ другъ истины, сознаетъ, что *умъ человѣческій — не одно и то же съ тѣлесными чувствами* (и душа человѣческая съ тѣломъ и всѣмъ тѣлеснымъ вообще: это противоположности по свойствамъ и дѣйствіямъ). Потому (умъ), какъ нѣчто иное, бываетъ судіею самыхъ чувствъ. Дѣло глаза — видѣть только, дѣло ушей — слышать, усть — вкушать, ноздрей — принимать въ себя запахъ, рукъ — касаться; но разсуждать, что должно видѣть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять, — не дѣло уже чувствъ; судятъ же о семъ душа и умъ ея. Есть ли хоть слабая тѣнь подобной распорядительности въ кругу веществъ самыхъ утонченныхъ? Тамъ царствуетъ законъ необходимости, и обсужденіе дѣйствій тамъ неумѣстно.

Не явно ли, что гдѣ оно умѣстно, тамъ должна быть сила совершенно невещественная.

Стр. 52. «Душа разсуждаетъ и знаетъ, что дѣлать и какъ поступать. Но сіе свойственно только людямъ, и сіе-то есть разумность человѣческой души, пользуясь которою, отличается она отъ безсловесныхъ, и доказываетъ о себѣ, что она дѣйствительно не одно и тоже съ видимымъ въ тѣлѣ.» И вообще — со всѣмъ тѣлеснымъ, самымъ даже тонкимъ. Эта способность обсуждать, останавливать и начинать свои дѣйствія по своему усмотрѣнію, давать себѣ и всему своему то или другое направленіе, совершенно не соображаясь съ тѣмъ, что есть въ тѣлѣ и внѣ тѣла, ясно доказываетъ, что душа совершенно невещественна, потому что ничему вещественному не можетъ приличествовать такая свободная и независимая, изнутри, а не извнѣ определяемая самодѣятельность. Въ веществѣ, тонко ли оно или грубо, все водится неумолимымъ закономъ взаимоотношеній и взаимодействій, который остановить можно только разрушеніемъ вещественнаго тѣла.

«Тѣло часто лежитъ на землѣ, а человѣкъ представляетъ и созерцаетъ что на небѣ. Тѣло часто покоится, безмолвствуетъ и сидитъ, а человѣкъ — внутренно въ движеніи, и созерцаетъ что внѣ его... Чтоже это такое, какъ не разумная душа, которая въ человѣкѣ размышляетъ и представляетъ, что выше его?» — Самодѣятельность, дѣятельность внутри и изнутри совершенно противоположна веществу. Электричество спитъ. Чтобъ оно стало дѣйствовать, надо

его возбудить извнѣ. И возбуждено будучи, оно совсѣмъ не зависитъ отъ себя ни въ силѣ, ни въ направленіи. Душа же приснодвижна и самодѣтельна. Внѣшнія впечатлѣнія — только поводъ къ ея дѣятельности, а не источникъ ея или причина. Осязательное указаніе, что естество души нельзя признавать вещественнымъ.

«Тѣло по природѣ смертно, почему же человѣкъ размышляетъ о безсмертіи, и нерѣдко, изъ любви къ добродѣтели, самъ на себя навлекаетъ смерть? Или, тѣло — временно; почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣчное, и поэтому пренебрегаетъ тѣмъ, что у него подъ ногами, вождѣлеваетъ же вѣчнаго? Тѣло само по себѣ (какъ бы тонкимъ его ни воображали) не помыслить ничего подобнаго; оно не помыслило бы и о томъ, что внѣ его. Необходимо же быть чему либо другому, что помышляло бы о противоположномъ и неестественномъ тѣлу. Итакъ, что же это опять будетъ, какъ не душа разумная и безсмертная? Не совнѣ, но внутри, въ тѣлѣ, какъ музыкантъ на лирѣ, производитъ она совершеннѣйшіе звуки.» — Если душа — тѣло, пусть и эфирное, то откуда въ ней эти стремленія, отрѣшиться рѣшительно отъ всего вещественнаго? Откуда у ней стремленіе къ безконечному, когда вещество, еслибъ дать ему мысль, могло бы простираться сею мыслию только дотолѣ, доколѣ достигаетъ само, когда оно не помыслило бы даже о томъ, что внѣ тѣла? Какъ ни тонко тѣло, все оно тяготѣло бы къ тѣлесному: откудажъ эти услажденія умственными созерцаніями и построеніями? Если душа — эфиръ, свѣтъ же солнечный эфирнаго свойства: то какъ люди, лучшіе по

стремленіямъ, слѣдовательно, эфирнѣйшіе, лишали себя свѣта иногда на цѣлую жизнь? Нѣтъ. Должно быть въ насъ что нибудь совершенно невещественное, что помышляло бы о противоположномъ и неестественномъ тѣлу.

Стр. 54. «Итакъ, думаю, сказаннымъ доселѣ доказано, что въ людяхъ есть разумная душа (совершенно невещественная и чисто духовная). Но... надобно знать, что душа и бессмертна... Если въ словѣ нашемъ доказано, что душа — не одно и то же съ тѣломъ, тѣло же по природѣ смертно, то необходимо душѣ быть бессмертною, по тому самому, что она неподобна тѣлу. И опять, если душа движеть тѣло, а сама ничѣмъ другимъ не приводится въ движеніе; то слѣдуетъ изъ сего, что душа самодвижна, и, по сложении съ себя тѣла въ землю, опять будетъ сама себя приводить въ движеніе... Если бы душа приводима была въ движеніе тѣломъ, то, по разлученіи съ движущимъ, ей слѣдовало бы умереть. А если душа движеть и тѣло; то тѣмъ паче необходимо ей приводить въ движеніе и себя. Приводя же себя въ движеніе, по необходимости будетъ она жить и по смерти тѣла; потому что движеніе души не иное что есть, какъ жизнь ея.» — Самодвижность души есть разительнѣйшее доказательство не безсмертія только, но и паче того — что она не есть какое либо тѣло утонченное, эфирное. Косность, неподвижность (*vis inertiae*) есть неотъемлемая принадлежность вещества. Электричество пребудеть въ бездѣйствіи вѣкъ, если не возбудить его; и эфиръ не свѣтитъ, если не приводится въ сотрясеніе, или, какъ говорятъ, дрожательное

состояніе. Но и то и другое производится воздѣйствіемъ совнѣ. Самодѣятельности и слѣда нѣтъ въ сихъ, видимо, очень тонкихъ веществахъ. Откуда же возьметса самодѣятельность въ душѣ, если она по естеству — эфиръ? И если она самодѣятельна, не значитъ ли сіе непреложно, что она не эфиръ? И опять, всякое вещество, будучи приведено въ движеніе, движется въ данномъ направленіи и вообще движеніе въ веществѣ опредѣлено однообразною формою, отъ которой отступленіе немислимо. Посмотрите на дѣятельность души: какая тутъ неисчерпаемость разнообразія?! Что дѣлается, на примѣръ, когда душа разсуждаетъ? Сводитъ представленія, пріобрѣтенныя нерѣдко неznать когда и какъ; ставитъ одно подлѣ другаго совершенно различное, и открываетъ сходство, или совершенно несходное, и открываетъ различіе; отвлекаетъ то или другое свойство, и его одно разсматриваетъ независимо отъ предмета; нерѣдко разлагаетъ весь предметъ на его черты и потомъ снова слагаетъ ихъ въ яснѣйшемъ уже представленіи цѣлаго; къ дѣйствію пріискиваетъ причину, часто невидимую и безвѣстную, а изъ дѣйствующаго начала выводитъ слѣдствія, которыхъ слѣдовъ нѣтъ еще на опытѣ; построиваетъ цѣпь причинъ и дѣйствій, средствъ и цѣлей; иногда отвлекаясь отъ всего опытнаго, разнообразнаго, созерцаетъ все въ единомъ цѣломъ, и пр. Въ какомъ веществѣ, самомъ тонкомъ и возбудительномъ видѣть можно что подобное? Одна и таже сила, скажемъ, примѣняясь къ видимымъ движеніямъ въ веществѣ, движется прямо и косвенно, отъ себя и къ себѣ, въ верхъ

и въ низъ, въ право и въ лево, кругообразно, эллиптически, діагонально, подъ углами, зигзагами, волнами и проч., все это — измѣняя во мгновение ока и переходя отъ одной противоположности къ другой, безъ потрясеній, имѣя притомъ, возможность самое разгоряченное и разнообразное движеніе прекратить и снова начать... Еслибъ указалъ кто подобную физическую силу, тогда можно бъ сравнить съ нею самодѣятельную душу. Но и тогда, можетъ быть, можно бы было указать на то, что ни одна физическая сила не оставляетъ въ себѣ слѣда прошедшихъ движеній, тогда какъ душа хранитъ въ себѣ всю свою разнообразную дѣятельность, и ея издѣліями питаетъ себя, и отъ того растеть, крѣпнеть, полнѣеть, совершенствуется, и — что еще? Чаеть быть одобренною, или осужденною отъ Владыки всяческихъ на судѣ Его нелицемѣрномъ. — Всѣ такія проявленія возможны ли въ какомъ либо веществѣ?! Конечно, нѣтъ. Ну, такъ и бросить надо мысль, будто душа — тѣло, эфиръ...

Стр. 55... «Душа, заключенная въ тѣлѣ и соединенная съ нимъ, не ограничивается малостію тѣла, и не соразмѣряется съ оною: тѣло лежитъ иногда на одрѣ, и какъ бы уснувъ смертнымъ сномъ, пребываетъ недвижимо, а душа, по силѣ своей, бодрствуетъ, возвышается надъ природою тѣла, и хотя пребываетъ въ тѣлѣ, но, какъ бы переселяясь изъ него, представляетъ и созерцаетъ, что превыше земли, нерѣдко же, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ и Ангеламъ, пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ, и бесѣдуетъ съ ними... Душа имѣетъ понятіе о созерцаніи Бога, и

сама для себя дѣлается путемъ, не совнѣ заимствуя, но въ себѣ самой почерпая вѣдѣніе и разумѣніе о Богѣ своемъ.» — О невозможности предположить подобныя занятія, стремленія и вѣдѣнія въ существѣ, естество котораго тѣлесно, я уже поминалъ; да это очевидно и само собою. Но останавливаю особенное вниманіе на слѣдующихъ словахъ: «душа нерѣдко, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ, Ангеламъ, пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ». — Какая тутъ мысль? — Та, что святые и Ангелы безтѣлесны, и не только безтѣлесны, но и не тѣлесны, то есть, по естеству невещественны. Замѣтитъ иной: пребываютъ внѣ земныхъ тѣлъ грубыхъ, но не внѣ эѳирныхъ тѣлъ. Скажу на это: пусть такъ, — что Ангелы — не внѣ эѳирныхъ тѣлъ. Это будетъ значить, что они — въ эѳирныхъ тѣлахъ, какъ въ оболочкѣ, облечены ими, носятъ ихъ. Сами же все не суть тѣло эѳирное, а суть души, облеченные эѳирнымъ тѣломъ. Но и эта мысль противъ брошюръ. Еслибъ брошюры такъ думали, мы, можетъ быть, и не стали такъ много спорить съ ними, а сказали бъ только: какъ хотите; вы такъ, а мы такъ. Но они все твердятъ: душа — тѣло, Ангель — тѣло; самое естество ихъ тѣлесно. Вотъ и не удержаться, что бы чаще имъ не повторять, что это нелѣпо. Никто изъ святыхъ такъ не думалъ. И въ приведенныхъ словахъ, видимо, мысль св. Аѳанасія не потворствуетъ ихъ мнѣнію. Но мнѣ видится въ семъ мѣстѣ не эта одна мысль, т. е. что они — души, но и та, что они — души безтѣлесныя. Беру, во 1-хъ, буквально слова: *внѣ земныхъ тѣлъ*, понимая ихъ такъ: внѣ всякихъ тѣлъ; ибо эѳирное тѣло — выдумка, безъ

нужды придумываемая, и никакой ясности собою въ ученіе о духовномъ мірѣ не приносящая. Вывожу, въ 2-хъ, эту мысль изъ сопоставленія въ семъ мѣстѣ Ангеловъ съ Святыми. Все рассматриваемое нами мѣсто св. Аѳанасія раскрываетъ одну мысль, что душа — не тѣло. Въ сдѣланныхъ нами замѣчаніяхъ приложены пояснительныя мысли, что душа не есть не грубое только тѣло, но даже эѳирное. И еслибъ св. Аѳанасій зналъ о подобномъ предположеніи, конечно, онъ употребилъ бы обороты рѣчи противъ него. Говорю: обороты рѣчи; ибо мысли его и въ теперешнемъ видѣ совершенно отрицаютъ всякую вообще тѣлесность въ душѣ и утверждаютъ неоспоримо, что душа есть духъ, чуждый всякой вещественности. Но въ предпоследней выпискѣ та у него мысль, что душа выходитъ изъ тѣла, какою есть въ тѣлѣ. Но если она, по его ученію, духъ — въ тѣлѣ, то духъ — и внѣ тѣла. Слѣд. св. Аѳанасій признаетъ, что Святые отшедшіе, въ теперешнемъ состояніи суть духи чистые. Но если на ряду съ ними поставяетъ онъ и Ангеловъ, то значитъ, признаетъ и ихъ чистыми духами, т. е. не только невестественными, но и безтѣлесными.

Этимъ заключимъ разсмотрѣніе свидѣтельствъ изъ св. Аѳанасія о природѣ душъ и Ангеловъ. Ясно какъ день, что онъ признавалъ ихъ духами. Если св. Дамаскинъ изучалъ природу душъ и Ангеловъ, между другими св. отцами, и по писаніямъ св. Аѳанасія, то онъ никакъ не могъ заимствовать у него мысль, что они суть тѣло въ какомъ либо отношеніи.

Я. Ну, довольно. Я думаю, можно бы и покороче.

Стар. Нѣтъ, не покороче, а надобно какъ можно длиннѣе. Надобно говорить и говорить, безъ умолку, пока не отговоримъ всѣхъ, — которыхъ слухъ и мысль повреждены этими рѣчами: Ангель — тѣло, душа — тѣло. Это зло первой руки. Завтра стануть говорить, пожалуй, что Богъ тѣло. Кто предается воображенію и своеволю своей догадливости, тотъ чего не наговорить? — Но я уклонился. Пойдемте теперь къ другому св. Отцу. Кто тамъ слѣдуетъ?

Я. Григорій Богословъ. Вотъ онъ у меня въ рукахъ; сказывайте, гдѣ у него что есть, я буду находить и читать.

Стар. Хорошо. Кстати у меня замѣчено, куда у него должно обращаться за мнѣніями на нашу мысль. Надъ нимъ, впрочемъ, мы недолго помѣшкаемъ, потому что его свидѣтельства отличаются разительною ясностію. — Ужь буду указывать подъ рядъ. Найдите 1 т. въ рус. пер. сл. 6 стр. 229. Тамъ св. Богословъ убѣждаетъ къ миру, между прочимъ, согласіемъ царствующимъ въ Ангельскомъ мірѣ и описываетъ самыхъ Ангеловъ.

Я нахожу и читаю... «Помыслимъ, во 2-хъ, и о существахъ первыхъ отъ Бога и окрестъ Бога, т. е. объ Ангельскихъ и небесныхъ силахъ, которыя первыя пьютъ отъ перваго Свѣта и, просвѣтляемые словомъ истины, сами суть свѣтъ и отблески Совершеннаго Свѣта.»

Стар. Если Ангелы суть отблески совершеннаго Свѣта и сами свѣтъ; то какъ назвать ихъ вещественными? Ибо совершенный Свѣтъ, т. е. Богъ есть духъ чистѣйшій: стало, и отблески Его Ангелы суть духи же.

Найдите-ка теперь 3-й ч. 22-ю стр. и дал. сл. 28. Тутъ будетъ пояснѣе свидѣтельство. — Св. Григорій доказываетъ, что Богъ не можетъ быть тѣло.

Я нахожу и читаю. «Назовешъ ли Божество тѣломъ? Но какъ же назовешъ безконечнымъ, не имѣющимъ ни предѣловъ, ни очертанія, неосязаемымъ, незримымъ?»

Стар. Еще далѣе — стр. 23-я.

Я читаю. «Если же скажешь, что Богъ есть *тѣло невещественное* и притомъ, какъ думаютъ нѣкоторые, пятое и круговращающееся (пусть будетъ допущено и невещественное, и пятое), а если угодно, даже безтѣлесное тѣло такъ какъ у нихъ слова носятя и составляются произвольно (точь въ точь какъ и въ брошюркахъ): то къ какому роду движимыхъ и переносимыхъ будетъ принадлежать тѣло сіе?.. Но что же опять его движеть?.. а потомъ, что движеть и это самое? — и такъ до безконечности.»

Стар. Какъ всѣ эти вопросы идутъ противъ брошюръ! Если Ангелъ и душа — тѣло, то хотя бъ это было невещественное и безтѣлесное тѣло, св. Богословъ умѣстнымъ находить спросить: что же ихъ движеть? И если движущее ихъ есть опять тончайшее тѣло, то опять вопросъ: что движеть и это самое? — пока не остановимся на чемъ либо самодвижномъ, каковымъ не можетъ быть тѣло.

Но читайте и еще далѣе — стр. 24.

Я читаю. «Но если скажутъ, что Богъ есть иное какое нибудь *тѣло*, хотя напр. *Ангельское*, то откуда извѣстно, что Ангелы *тѣлесны*, какія у нихъ *тѣла*?»...

Стар. Ну, тутъ подь корень подсѣкается мнѣніе брошюръ. Св. Григорій Богословъ и думать не думаетъ, чтобъ Ангелы были тѣло или тѣлесны, и другихъ вопрошаетъ, откуда вы берете это?.. «Да сего, — прибавляетъ онъ дальше (хоть прямо относительно и Бога, но можно относить сіе и ко всему сказанному выше, слѣд. и къ мысли о тѣлесности Ангеловъ) — да сего ни одинъ изъ богодухновенныхъ не допускалъ; такое ученіе не нашего двора». Извольте слушать брошюры!

Можно бы этимъ кончить выписки изъ св. Григорія Богослова: мысль его ясно высказалась. Но вотъ, у меня еще значится то мѣсто (сл. 28, стр. 50), которое мы уже приводили, гдѣ говоритъ онъ, что мысленное и небесное естество (Ангелы) называется *огнемъ и духомъ*, со словъ псалма (Пс. 103:4); и потомъ, чтобъ кто не сталъ разумѣть подь симъ что либо вещественное, поясняетъ, что духомъ оно называется какъ мысленное, а огнемъ, какъ очистительное; а не потому, чтобъ въ немъ было что нибудь вещественное. Потому что, говоритъ, и первая сущность, т. е. Богъ пріемлетъ тѣже наименованія. И заключаетъ: «впрочемъ, да будетъ оно у насъ безтѣлесно».

Нѣтъ нужды пріискивать и тѣ мѣста, гдѣ Ангелы у св. Богослова именуются такими именами, которыхъ никакъ не могъ бы онъ приложить къ нимъ, еслибъ понималъ ихъ тѣлами. — Перескажу мои замѣтки. — Такъ (ч. 3. стр. 20) онъ говоритъ, что они суть *природы высшія и духовныя*, которыя, будучи ближе къ Богу, видятъ Его полнѣе; стр. 50... что они *умныя силы*, или

умы, природы чистыя и безпримѣсныя... ч. 4-я стр. 275... говорить, что второй свѣтъ есть Ангелъ — нѣкоторая струя, или причастіе Перваго Свѣта; стр. 154... что Ангелы суть существа первыя, духовныя и чистыя; стр. 242... что суть чистые служители непорочные умы; стр. 335... Что суть умы приснодвижныя, Божественныя духи. — Послѣ всего этого нѣтъ сомнѣнія, что Ангелы, по ясному ученію Григорія Богослова, суть чистые духи, безпримѣсныя, т. е. не только не тѣло, но и неимѣющіе тѣль.

Потрудитесь еще приискать мѣсто, гдѣ обозрѣваетъ онъ все твореніе. Тамъ видно будетъ вмѣстѣ и то, какъ разумѣлъ онъ душу. Это въ 4-й ч. стр. 57 и далѣе.

Я нахожу и читаю. «Поелику для Благости не довольно было упражняться только въ созерцаніи Себя самой, а надлежало, чтобъ благо разливалось, шло далѣе и далѣе...: то Богъ измышляетъ, во 1-хъ, Ангельскія и небесныя силы. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли вторыя свѣтлости; разумѣть ли подъ ними разумныхъ духовъ, или какъ бы невещественный и безплотный огонь?»

«Поелику же первыя твари были благоугодны Богу; то измышляетъ другой міръ — вещественный и видимый, и это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними... А симъ Богъ показалъ, что Онъ силенъ сотворить не только сродное, но и совершенно чуждое Себѣ естество. Сродны же Божеству природы умныя, однимъ умомъ постигаемыя.» — А брошюры

твердятъ, что помилуй Богъ думать, что есть что либо сродное Богу, богохульство будетъ.

«Итакъ умъ и чувство, — столь различныя между собою, стали въ своихъ предѣлахъ и изразили собою величіе зиждительнаго Слова... Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства — сего опыта высшей премудрости, сей щедрости въ образованіи естествъ, и не все богатство благодати было еще обнаружено. Восхотѣвъ и сіе показать: художническое Слово созидаетъ живое существо, въ которомъ приведены въ единство то и другое, т. е. не видимое и видимая природа; созидаетъ, говорю, человѣка; и изъ сотвореннаго уже вещества взявъ тѣло, а отъ Себя вложивъ жизнь (что въ словѣ Божіемъ извѣстно подъ именемъ души и образа Божія), творить какъ бы нѣкоторый вторый міръ, въ маломъ великій, поставляетъ на землѣ инаго ангела, изъ разныхъ природъ составленнаго, поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой, царя надъ тѣмъ, что на землѣ подчиненнаго горнему царству, земнаго и небеснаго, временнаго и безсмертнаго, видимаго и умосозерцаемаго.»

Стар. На что яснѣе указанія, что, по св. Богослову, и душа есть чистый духъ? Тѣже мысли у него изложены и въ 3-й ч. стр. 240. И въ стихотвореніи, сл. 7-е о душѣ ч. 4-я, стр. 240. Въ послѣднемъ для насъ то особенно важно, что св. Григорій здѣсь порицаетъ всѣхъ, кои думали, что душа есть какое либо вещество. — «Душа, говоритъ, не естество истребительнаго огня, не естество воздуха, не кровавый потокъ, пробѣгающій по тѣлу, не гармонія

составныхъ частей тѣла... У меня не какая нибудь общая, *всѣмъ раздѣленная* и по воздуху блуждающая душа... И то не умныхъ людей-ученіе, а пустая книжная забава, будто душа постоянно мѣняетъ разныя тѣла.»

Послѣ указанія этихъ ложныхъ мнѣній, онъ потомъ излагаетъ свое, которое по изяществу рѣчи и по полнотѣ созерцанія непременно надо намъ прочитатъ и выписать, хоть въ немъ та же, что прежде, главная мысль. Потрудитесь найти, — стр. 242.

Я нахожу и читаю. «Теперь выслушай наше превосходнѣйшее ученіе о душѣ. А мы постараемся усладить нѣсколько пѣснь, начавъ ее такъ:

Было время, когда высокое Слово Ума, слѣдуя великому Уму Отца, водрузило несуществовавшей дотолѣ міръ; Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это — земля, небо и море составило міръ, нуженъ сталъ зритель Премудрости — матери всего и благоговѣйный царь земный. Тогда Слово рекло: “пространное небо населяютъ уже чистые и присноживущіе служители, непорочные умы, добрые Ангелы, пѣснословцы, немолчно воспѣвающіе славу Мою. Но земля украшается одними неразумными — животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы заключалось то и другое; родъ тварей среднихъ между смертными и бессмертными, разумнаго человѣка, который бы увеселялся Моими дѣлами, былъ мудрымъ тайнникомъ небеснаго, великимъ владыкою земли, новымъ ангеломъ изъ персти, пѣснословцемъ Моего могущества и Моего ума”. — Такъ рекло Слово, и, взявъ часть новосозданной

земли, бессмертными руками составило мой образъ и удѣлило ему Своей жизни; потому что послало въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія созданъ человѣкъ — образъ Бессмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, привязанъ я къ здѣшней жизни, и какъ частица Божественнаго, ношу въ груди любовь къ жизни будущей.»

Стар. Нужно что прибавлять? Достаточно и предостаточно. — Навожу опять: если св. Дамаскинъ вседушно слѣдовалъ во всемъ св. Григорію Богослову, какъ дѣйствительно и слѣдовалъ, болѣе нежели кому другому; то онъ никакъ не могъ думать, чтобъ душа была тѣло и Ангель — тѣло. Это мнѣніе совершенно противоположно ученію св. Богослова.

Но давайте кончать эту работу поскорѣе. Кто тамъ еще слѣдуетъ?

Я. Θεодоритъ.

Стар. Этого я не просматривалъ, и не помню, какъ онъ думаетъ о природѣ Ангеловъ и душъ. Есть у васъ этотъ отецъ?

Я. Есть. Вотъ онъ, только не въ рус. переводѣ, а послѣднее изданіе св. Отцевъ Мэня.

Стар. Все одно. Ищите общій указатель предметовъ, содержащихся во всѣхъ книгахъ.

Я нашелъ слово: Ангель, и читаю.

Стар. Пойдите. Вотъ что это такое: Ангелы у Авраама пици не вкушали? — Найдите.

Я ищу 1 т. стр. 178. вопр. 69 на кн. Бытія... и читаю: «Писаніе говоритъ, что Авраамъ видѣлъ мужей». Итакъ,

если имѣть во вниманіи только букву, то мужи, а не Ангелы вкушали. Если же вникнемъ въ смыслъ, то... (скажемъ, что) Ангелы видимы были вкушающими. Ибо какъ, имѣя естество безтѣлесное, и они, и Владыка ихъ, казались имѣющими тѣла, какими видимы были; такъ и вкушающими они только казались, не влагая пищи въ уста и чрево, ибо не имѣли тѣлъ.

Стар. Ну вотъ, сразу напали. И Ангелы признаны неимѣющими тѣлъ, какъ Господь. Но Господь не имѣетъ тѣла никакого, слѣд. и Ангелы. Достаточно и этого. Но почитайте еще по index-у, не покажется ли что?

Я читаю... «Ангелы не имѣютъ нужды въ пищѣ.»

Стар. Ну-те-ка, ну-те. Смотрите.

Я нахожу 1 т. стр. 258. воп. 29 на кн. Исходъ, и читаю: «Почему пророкъ назвалъ манну хлѣбомъ ангельскимъ? Потому что Ангелы послужили въ дарованіи ея. Само же *безтѣлесное естество* не имѣетъ нужды въ пищѣ».

Стар. Вотъ и здѣсь Ангелы безтѣлесны. И нечего кривотолковать, что безтѣлесными признаетъ ихъ Феодоритъ потому только, что не имѣютъ грубыхъ тѣлъ; ибо въ первомъ случаѣ они названы безтѣлесными наравнѣ съ Владыкою своимъ, у Котораго и тончайшаго нѣтъ тѣла.

Читайте еще. Поищемъ 3-го свидѣтельства.

Я читаю... «Ангелы въ разныхъ видахъ являются, а сами ихъ не имѣютъ.»

Стар. Смотрите — это что?

Я ищу... т. II, стр. 1538, на Даніила гл. 12, ст. 7; читаю: «Знаемъ, что природа Ангеловъ безтѣлесна; а

принимають они образы на пользу видящихъ и являются чаще кроткими по снисхожденію, а иногда и строгими для вразумленія».

Стар. Ну, и довольно съ насъ. При трехъ свидѣтельствахъ станетъ тотъ глаголь, что блаженный Θεодоритъ считаетъ Ангеловъ безтѣлесными, какъ безтѣлесенъ самъ Владыка ихъ. Заключаю далѣе, что у него св. Дамаскинъ не могъ почерпнуть мысли о тѣлесности Ангеловъ. И конечно не имѣлъ ея, если не хотѣлъ ничего допускать кромѣ того, что изучилъ въ писаніяхъ своихъ учителей.

Можно теперь, думаю, и остановиться и прекратить дальнѣйшее разсмотрѣніе указанныхъ брошюрою отцевъ и учителей, у которыхъ заимствовалъ свое ученіе св. Дамаскинъ. Довольно и приведенныхъ свидѣтельствъ, чтобъ имѣть намъ право сказать, что св. Дамаскину не у кого было занять мысли о тѣлесности души и Ангеловъ.

Да кто тамъ еще остался?

Я. Св. Максимъ исповѣдникъ и Немезій.

Стар. Немезія не знаю. Видѣлъ я когда-то гдѣ-то его книгу — ученіе о человѣкѣ; но какъ онъ смотритъ на природу души, не имѣя свѣдѣнія. А св. Максимъ Исповѣдникъ о природѣ Ангеловъ ничего, кажется, не говоритъ. Чтоже касается до невестественности души, у него объ этомъ есть подробныя разсужденія въ статьѣ о *душѣ* и въ письмѣ къ Архіепископу Іоанну. Послѣднее такъ и надписывается: о томъ, что душа не тѣлесна. Можно потому, и не приводя мѣстъ изъ св. Максима, присвоить его свидѣтельство въ свою пользу.

Итакъ заключаю относительно мѣста, приводимаго изъ св. Дамаскина, въ доказательство мнѣнія о тѣлесности души и Ангеловъ, что изъ разсмотрѣнія самаго мѣста, изъ соображенія всего вообще ученія св. Дамаскина объ Ангелахъ, изъ совокупности свидѣтельствъ св. Отцевъ и учителей, у которыхъ онъ заимствовалъ ученіе, выходитъ неопровержимо, что св. Іоаннъ Дамаскинъ не имѣлъ мысли о тѣлесности души и Ангела. Потому надобно постановить, чтобъ эти всесторонніе тѣлесники и вещественники не смѣли впередъ указывать на св. Іоанна, какъ на своего патрона и предшественника, проложившаго будто первыя черты темнаго ихъ ученія.

Я. Здѣсь хорошо у васъ вышло. Посмотримъ, какъ-то вы преодолѣете свидѣтельство, приводимое изъ св. Макарія великаго. Оно такъ рѣшительно.

Стар. Оно, точно, рѣшительно. Но имѣетъ ли вѣсь, — это другой вопросъ. Если даже докажетъ кто, что Макарій точно былъ того мнѣнія, какое съ словами его соединяють брошюры, и тогда поставимъ общее положеніе, что частное, одному Отцу принадлежащее, мнѣніе не можетъ выражать ученія Церкви, и потому ни для кого необязательно, — и останемся спокойно при своемъ мнѣніи. Возьмите во вниманіе одно то, что ни въ одномъ изданіи св. Макарія не остается это мѣсто безъ особаго примѣчанія. И въ теперешнемъ изданіи Московской Академіи и въ прежнихъ переводахъ (а св. Отцы издаются съ разрѣшенія Св. Синода) подъ этимъ мѣстомъ стоитъ нота, что мѣсто это должно разумѣть въ смыслѣ не отрѣшенномъ, а

относительномъ. Это значить, что у насъ никогда этого мѣста буквально не понимали. Брошюры, разбираемыя нами первыя стали придавать ему буквальный смыслъ. Если теперъ разсуждать о семъ обстоятельствѣ по началамъ Церкви, гдѣ общность мнѣнія беретъ перевѣсъ, а не частное возрѣніе: то надобно положить, что у св. Макарія нѣтъ мысли о тѣлесности души и Ангела, потому что доселѣ никто не видѣлъ такой тамъ мысли. Навязывать такую мысль св. Макарію стали первыя брошюры. Это и есть потому ихъ частное возрѣніе, которое, дивиться надобно, какъ осмѣлились онѣ выставлять въ средѣ православныхъ, изъ которыхъ никто не смотрѣлъ и не смотритъ на сіе мѣсто очами брошюръ.

Послѣ сего общаго замѣчанія я ограничусь только разъясненіемъ, почему этого мѣста нельзя понимать буквально. Найдите-ка 4-ое сл. п. 9. и читайте.

Я нахожу и читаю: «Намѣреваюсь, по мѣрѣ силъ своихъ, изречь нѣкоторое тонкое и глубокомысленное слово. Поэтому выслушайте разумно».

Стар. Ну, вотъ самъ св. Макарій говоритъ, что у него будетъ рѣчь необыкновенная, и приглашаетъ слушать его не просто. Скажите, пожалуста, въ чемъ тутъ необыкновенность, тонкость и глубокомысленность? Что за тонкость и глубокость въ словахъ: и Ангель, и душа, и демонъ — тѣло? Если буквально разумѣть ихъ, то они гораздо проще и понятнѣе, нежели какъ еслибъ сказано было, что Ангель, душа и демонъ суть чистые духи. И стоило ли бы въ такомъ случаѣ предупреждать: смотрите, я хочу сказать нѣчто особенное? Но потому-то

самому, что слова просты, а между тѣмъ обѣщается передать чрезъ нихъ нѣчто тонкое и глубокое, — по тому самому не должно понимать ихъ въ собственномъ смыслѣ. И когда св. Макарій говоритъ: слушайте разумно; то этимъ конечно хотѣлъ внушить: смотрите, не обольститесь простотою рѣчи и не поймите ихъ буквально. А это тоже значить, что смотрите, хоть и говорится: Ангелъ, душа и демонъ — тѣло, но разумѣть это надо иначе.

Я читаю. «Безпредѣльный, неприступный и несозданный Богъ, по безпредѣльной и недомысленной благодати своей, оплототворилъ Себя и, такъ сказать, какъ бы умалился въ неприступной славѣ, чтобъ можно Ему было войти въ единеніе съ видимыми своими тварями, разумнью же души святыхъ и Ангеловъ, и возмогли онѣ быть причастными жизни Божества.»

Стар. Подождите, остановимся на этомъ мѣстѣ. Буквальный смыслъ рѣчи, очевидно, показываетъ, что здѣсь говорится о воплощеніи Бога. Спрошу я буквалистовъ, чего ради воплотился Единородный Сынъ Божій? Конечно, отвѣтъ долженъ быть словами символа вѣры: насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія. Зачѣмъ же тутъ вставлены Ангелы? Мы отпали отъ Бога. Чтобъ воссоединить насъ съ Собою, Онъ самъ снисходитъ къ намъ и воплощается. Ангелы же добрые не падали, но всегда пребывали въ единеніи съ Богомъ, а злыхъ воссоединеніе считается невозможнымъ. Какъ же тутъ говорится, что воплотился Богъ ради единенія съ Ангелами? Единеніе съ Ангелами ставится тутъ на ряду съ нами, т. е. воплощеніе было столько же необходимо и

для нихъ, какъ и для насъ. Кто такъ думалъ въ Церкви Божіей, и даже внѣ Церкви? Такимъ образомъ открывается, что, говоря такъ, св. Макарій, мужъ духоносный, не зналъ первыхъ начатковъ Хр. Богословія!!! Это — выводъ самый прямой и натуральный. Кто буквально понимаетъ этотъ параграфъ, тотъ не убѣжитъ отъ этого вывода. Буквалисты, или пусть откажутся отъ буквального смысла, чтобъ охранить честь св. Макарія, или, строго держась буквального смысла, въ угоду своему суемудрію, навлекаютъ это пятно на Богоноснаго Отца. Но намъ нечего опасаться такой бѣды. Внимая предостереженію св. Макарія — слушать разумно, мы не понимаемъ буквально ни этого 9-го параграфа, ни слѣдующихъ за нимъ 10-го и 12-го. Во всѣхъ ихъ идетъ иносказаніе глубокое, которое трудно изъяснить. Видна только общая мысль, что любообщительный Богъ всячески какъ бы ухитряется и всячески готовъ умалиться, чтобъ только войти въ общеніе съ разумными тварями. Но въ подробностяхъ многія здѣсь фразы рѣшительно непонятны.

Пусть буквалисты объяснятъ намъ, напр., чего ради здѣсь въ 9-мъ параграфѣ не отбѣняется словомъ, что воплотился Единородный Сынъ Божій, тогда какъ *точность* выраженія этого требовала? Что также за мысль въ словахъ: оплотворилъ Себя безпредѣльный, чтобъ можно Ему было войти въ единеніе съ душами святыхъ и Ангеловъ? — Стало, воплощеніе было не насъ ради человѣкъ, а ради самаго Бога!! Опять — души святыхъ понятны, а души Ангеловъ что такое? Вслѣдъ за

симъ Ангелы названы тонкимъ тѣломъ. Стало, по мысли св. Макарія, у тонкотѣлыхъ Ангеловъ есть кромѣ тѣла и души. И это будетъ противъ брошюръ.

Буквалисты знаютъ, конечно, что вѣпостасное соединеніе Божества съ человѣчествомъ есть только во Господѣ и Спасителѣ нашемъ Исусѣ Христѣ. Какъ же въ 10-мъ параграфѣ говорится, что недомыслимый Богъ, входя въ единеніе съ вѣрными душами, бываетъ съ ними вѣпостась въ вѣпостась? Не подается ли этимъ мысль, что Онъ вѣпостасно воплощается въ каждомъ вѣрующемъ? И опять, какъ тутъ же сказано, что, умаливъ Себя, Богъ облекся въ члены тѣла, подобно тому какъ душа облечена ими? Это похоже на ересь Аполлинаріеву, по которой вмѣсто души въ Господѣ Исусѣ Христѣ было Божество. Что такое еще, что въ 12-мъ параграфѣ говорится о Богѣ, что Онъ во что угодно *преобразуется* для душъ достойныхъ и вѣрныхъ, даже въ градъ свѣта — Іерусалимъ, или гору — небесный Сіонъ? (Буквальный смыслъ первыхъ строкъ этого параграфа точно таковъ.) — Всѣ сіи мѣста я нарочито собираю во едино, чтобъ показать буквалистамъ, какъ опасно понимать въ буквальномъ смыслѣ всѣ фразы, содержащіяся въ означенныхъ параграфахъ. Буквалисты, строго держась буквального смысла, или сами должны принять всѣ означенныя еретическія мысли, чтобъ явить себя учениками св. Макарія, буквально понимаемаго, или, свою оберегая честь, на св. Макарія навлечь тѣмъ, будто онъ не понималъ самыхъ простыхъ христіанскихъ истинъ. Одно изъ двухъ, — или то и другое для нихъ неизбежно. Если же, во избѣжаніе сего неумолимаго

слѣдствія, они скажутъ, что тутъ говорится не о воплощеніи Бога Слова, а вообще о приближеніи милостиваго Бога къ разумнымъ тварямъ (какъ, по моему, и должно понимать сіи параграфы); то они должны согласиться, что слово: *оплототворилъ*, многократно здѣсь употребленное, должно понять не въ буквальномъ, а переносномъ смыслѣ. И прекрасно. И мы съ ними совершенно соглашаемся; попросимъ только ихъ не понимать буквально ужъ и того мѣста, гдѣ говорится, что Ангель, душа и демонъ — тѣло. Упорствовать нельзя будетъ, ибо чего ради другія мѣста будутъ понимать они не буквально, а это одно буквально? Поступая такъ, они обличаютъ въ себѣ предубѣжденіе; а это считается нечестнымъ въ ученомъ кругу. Въ сложномъ словѣ: *оплототворилъ* — *esomatopriise* стоитъ вѣдь не *sarx*, а *soma*. Какъ же это, разъ пять на трехъ страницахъ слово *soma* — тѣло будетъ имѣть переносное значеніе, а однажды только собственное? Притомъ, удержится это собственное значеніе для того, чтобъ чрезъ это утвердить ученіе, небывалое въ Хр. мірѣ, о тѣлесности Ангеловъ и душъ; тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, именно для устраненія понятій небывалыхъ въ Хр. мірѣ, слову сему дается переносное значеніе. Непостижимо, какъ криво тутъ поступаютъ брошюры!! (Можно догадываться, что брошюры не понимаютъ содержанія сихъ словъ въ буквальномъ смыслѣ, а видятъ здѣсь мысль вообще о приближеніи Бога къ разумнымъ тварямъ... см. Приб. къ сл. о см. стр. 15, 16).

Итакъ, общій выводъ изъ разсмотрѣнія мѣста, въ которомъ св. Макарій говоритъ, что Ангелъ и душа — тѣло, есть тотъ, что его ни подъ какимъ видомъ буквально понимать не слѣдуетъ.

Я. Едва ли можно удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Ибо если не хотите понимать буквально, скажите, какъ надо понимать?

Стар. Сказать это никакъ не обязательно. Отвѣчаю просто: а какъ должно сіе понять, не понимаю. Вѣдь у св. Макарія, не здѣсь только, а во всемъ составѣ его писаній, очень много непонятнаго. Желая, какъ можно болѣе, приблизить къ уразумѣнію высокія истины духовныя, онъ ни о чемъ почти не говоритъ безъ уподобленій. Оттого у него всюду образы и сравненія, которыя нерѣдко никакъ не поймешь, какъ примѣнить къ дѣлу и объяснить себѣ. Потому и читать и пользоваться имъ надобно со всею осторожностію. Возьмите вы первую бесѣду! Въ параграфѣ 2-мъ говорится, напр., что «душа, Духа Божія пріявшая, становится *вся лицомъ, вся окомъ*... вся исполнена очей, и не имѣетъ никакой *послѣдней или задней стороны*, но отсюда представляется *лицемъ*». — Видите, какое сравненіе! Его и съ самимъ-то собою не сообразишь. Если она вся — лице, то какъ вся — око? Если вся око — очевидно одно, какъ исполнена очей? Если нѣтъ задней стороны, а и тамъ лице, то какъ одно лице? Если сзади лице, и справа лице, и слѣва лицо... стало нѣсколько лицъ? Не правда ли, что трудно вообразить самое даже уподобленіе, а что значить оно, еще труднѣе уразумѣть. Но всяко очевидно, что буквально его понимать нельзя.

Приходитъ мнѣ на память, что брошюры, опираясь на словахъ св. Макарія въ другихъ мѣстахъ, утверждаютъ, что душа имѣетъ всѣ члены, какъ и видимое тѣло, т. е. голову, глаза, уши, руки, весь станъ, ноги. Они буквально понимаютъ эти фразы св. Макарія, которыя точно встрѣчаются у него. А я буквально пойму приведенное предъ симъ мѣсто и буду твердить: неправда; въ душѣ нѣтъ всѣхъ частей, а она вся — око, или она вся — лице. Еслижъ, чтобъ не пустословить, послѣднее мѣсто надо понять въ переносномъ смыслѣ; то на какомъ основаніи будемъ въ собственномъ смыслѣ понимать мѣсто, брошюрами приводимое, что душа и Ангель имѣютъ видъ, какой обыкновенно имѣетъ человѣкъ? — Брошюры такъ хотятъ!? Но имъ, какъ по всему видно, законъ не писанъ. У св. Макарія помнится, и ветхій въ насъ человѣкъ имѣетъ всѣ члены видимаго человѣка. А потомъ и сатана одѣвается во всю душу и членами своими къ членамъ ея прилагается. Да, естественно душа имѣетъ всѣ члены. Сколько же это соберется у грѣшнаго человѣка головъ и рукъ, и ногъ, и прочихъ членовъ? А тутъ еще вотъ что! Въ 1-й же бесѣдѣ въ параграфѣ 5-мъ говорится о душѣ грѣшной: «движутся въ ней змѣи и страшные черви, т. е. лукавые духи и темныя силы питаются, гнѣздятся, пресмыкаются тамъ, поядаютъ и растлѣваютъ ее». — Вообразите же изъ всего сего вмѣстѣ, что такое эта душа?!

Я. Что же это? Всѣмъ, что вы сказали, можно подать невыгодное понятіе о св. Макаріи.

Стар. Нѣтъ, не о немъ, а о буквалистахъ. Состояніе грѣшной души и души облагодатствованной, дѣйствія

благодати Божіей въ обращеніи, очищеніи и освященіи человека, хитрости злыхъ духовъ и изворотливости грѣхлюбиваго сердца никто, думаю, такъ хорошо не понималъ, какъ св. Макарій. Какъ самъ ясно ихъ понималъ, такъ хотѣлъ уяснить ихъ и въ сознаниіи учениковъ своихъ. И для того высокіе и таинственные предметы духовные облакалъ въ образы. Очевидно, сіи образы и сравненія — не самые предметы. Кто будетъ понимать ихъ буквально, многихъ наберется несообразностей. Но виноватъ будетъ не св. Макарій, а самъ читающій! Читай, да разумѣй, что къ чему идетъ. Вотъ и брошюры поняли буквально одно мѣсто св. Макарія, и твердятъ: Ангелъ — тѣло, душа — тѣло. Такъ-де учитъ св. Макарій. А св. Макарій совсѣмъ такъ не учитъ. Это брошюрамъ угодно видѣть въ немъ такую мысль. На нихъ вся вина кривотолкованія пусть и падеть. Ликъ св. Макарія, преподобнаго и богоноснаго отца нашего, пребываетъ чистъ и незапятнанъ въ нашемъ сознаниіи!

Я. Но неужели же у св. Макарія все образы, и онъ никогда не говорилъ о душѣ и Ангелахъ безъ образовъ?! Хорошо было бы, если бъ вы привели такія мѣста, гдѣ онъ говоритъ о семъ не уподобительно.

Стар. Хорошо. — Да вотъ въ первой же бесѣдѣ, въ <1>7-мъ параграфѣ, говорится: «душа есть *тварь умная, прекрасное подобіе и образъ Божій*»!!.. Тварь умная? Стало — не тѣло. Образъ и подобіе Божіе? Стало опять не тѣло; ибо иначе какъ она будетъ образъ и подобіе Бога, который не есть тѣло? Богъ духъ есть. Должна быть духомъ и душа — образъ и подобіе Его. А если душа

такова, то и Ангелы. И Ангеловъ св. Макарій признавалъ духами. Ибо, говоря напр. о благодатномъ огнѣ въ сердцѣ (въ бесѣдѣ 25, парагр. 10), онъ учитъ: «сей огонь согрѣвалъ сердце Клеопы и спутника его, когда говорилъ съ нимъ Спаситель по воскресеніи. И Ангелы — служебные духи причащаются свѣтлости сего огня, по сказанному: *творяй Ангелы своя духи и слуги своя огонь палящъ*» (Евр. 1:7). Какъ благодать духовна, такъ и пріемники ея должны быть духовны, т. е. наши души и Ангелы.

Не стану больше приводить подобныхъ мѣстъ. Изъ всего сказаннаго достаточно видно, что св. Макарій не могъ имѣть такихъ грубыхъ понятій объ Ангелахъ и душѣ, какія навязываютъ ему брошюры, свою болѣзнь слагая на чужую голову.

Я. Такимъ образомъ главныя затрудненія, мнѣ думается, преодолѣли. Выражу вамъ свое удовольствіе. Какъ я радъ, что у св. Макарія, тѣмъ паче у св. Дамаскина, нѣтъ этого темнаго ученія, которое проповѣдуется брошюрами! И я вѣдь не думалъ, чтобъ у нихъ была подобная мысль; но, поди же, все оставалось какая-то тѣнь. Теперь я совершенно свободенъ отъ всякихъ недоумѣній. Но, кажется, можно намъ дать теперь себѣ и не большой отдыхъ.

Стар. Не худо. Такъ до свиданія; я не промедлю.

Разсмотрѣніе свидѣтельствъ св. Отцевъ, приводимыхъ брошюрою, — св. Василія великаго, Григорія Нисскаго, Кирилла, Іоанна Златоустаго

Скоро пришелъ старецъ, и я говорю ему: не все вѣдь еще кончено о св. Отцахъ. Тамъ, въ брошюрахъ, указываются многіе другіе отцы, кромѣ св. Іоанна Дамаскина и Макарія вел., и между ними стоятъ великія свѣтила — св. Златоустъ и Василій вел. Нельзя же думать, чтобъ брошюры ссылались на нихъ наобумъ.

Стар. Вотъ ужъ этого оборота рѣчи я отъ васъ не ожидалъ. Едва только кто читать умѣетъ, и тотъ, прочитавши, что приводится въ брошюрахъ изъ сихъ святителей, увидитъ, что они совсѣмъ о другомъ говорятъ въ тѣхъ мѣстахъ, а не о томъ, что разумѣютъ брошюры. Найдите-ка и читайте.

Я. Нахожу и читаю. Стр. 27 Прибав. къ сл. о см. «Западный писатель говоритъ, что св. Василій, св. Аѳанасій, св. Кирилль, св. Григорій Нисскій, св. Іоаннь Златоустъ и другіе восточные отцы признавали сотворенныхъ духовъ существами чисто духовными. Справедливо ли это?»

Стар. Совершенно справедливо. Имѣемъ отъ сихъ св. Отцевъ поразительныя свидѣтельства, что Ангелы и души невещественны, а духовны. Но напередъ посмотримъ, что изъ нихъ приводитъ въ свою пользу брошюра.

Я. Читаю. «Св. Василій великій говоритъ, что касается его (діавола) естества, то оно безплотное, по словамъ Апостола: нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ духовомъ злобы (Еф. 6:12)... Мѣсто начальства его (діавола) — воздухъ, какъ тотъ же Апостоль сказалъ: по князю власти воздушныя (Еф. 2:2).» Далѣе, въ томъ же словѣ св. Василій говоритъ, что «полчища демоновъ,

подчиненныхъ князю ихъ, пребываютъ въ воздухѣ; что подъ словомъ воздухъ надо разумѣть все пространство между небомъ и землею». (Изъ слова о томъ, что Богъ не есть виновникъ зла.)

Стар. И только изъ св. Василия великаго?

Я. Только. Далѣе слѣдуетъ выписка изъ св. Аѳанасія.

Стар. Ну, судите же сами, что доказываютъ эти слова св. Василия великаго? — Совершенно ничего въ пользу брошюръ, а все въ пользу нашу. Говоритъ онъ, что естество злыхъ духовъ безплотно. Да; потому что они не имѣютъ никакой плоти, ни грубой, ни тонкой, потому, т. е., что суть чистые духи. Что такова мысль св. Василия, — видно изъ текста, который онъ приводитъ въ подтвержденіе сего: *нѣсть наша брань къ плоти и крови...* Какая это брань? Совсѣмъ не плотская, а духовная, въ помышленіяхъ и движеніяхъ сердца совершающаяся. Помысль злый всѣвается и помысломъ благимъ отрывается. Есть ли тутъ что тѣлесное? — И быть не можетъ. Почему и говорить въ другомъ мѣстѣ Апостоль: *оружія воинствованія нашего не плотскія... и вся брань происходитъ въ низложеніи помышленій* (2 Кор. 10:4). Если брань, на которую указываетъ св. Василий въ подтвержденіе своей мысли о безплотности воюющихъ на насъ, есть духовная; то очевидно, что, называя естество ихъ безплотнымъ, онъ понималъ его чисто духовнымъ. Что мѣстомъ пребыванія духовъ св. Василий, вслѣдъ за Апостоломъ, полагаетъ воздухъ, это ровно ничего не доказываетъ. Ибо гдѣ нибудь надобно быть духамъ. Не въ томъ сила, что они находятся въ извѣстномъ мѣстѣ, а въ томъ, какъ

находятся. Объ этомъ Василій вел. ничего не говоритъ; а какъ сіе понимать должно, мы видѣли у св. Дамаскина, т. е. что они бывають въ извѣстномъ мѣстѣ умно, духовно, и самое мѣсто, гдѣ они бывають, называется умнымъ мѣстомъ; изъ чего видно, что ни подъ мѣстомъ ихъ, ни подъ пребываніемъ въ немъ не должно разумѣть ничего плотскаго и тѣлеснаго.

Итакъ очевидно, что приводимое брошюрою мѣсто изъ Василія великаго не ея мысль подтверждаетъ, а скорѣе нашу. Сказавши это, можно бы перейти къ другимъ свидѣтельствамъ брошюры, посоветовавъ ей, если хочеть имѣть на своей сторонѣ свидѣтельство Василія великаго, поискать другихъ. Но избавимъ ее отъ сего труда, указавъ прямое ученіе св. Василія вел. о духовности души и Ангеловъ; тогда имъ нечего будетъ искать, ибо св. Отець противорѣчить самъ себѣ не можетъ.

Потрудитесь-ка найти, какъ св. Василій вел. учитъ о твореніи Ангельскаго міра. Это въ 1-мъ том. бесѣд. 1-я стр. 7.

Я. Нахожу и читаю. «Было нѣчто, какъ вѣроятно, и прежде сего міра; но сіе, хотя и постижимо для нашего разумѣнія, однакоже не введено въ повѣствованіе, какъ несоотвѣтствующее силамъ новообучаемыхъ и младенцевъ разумомъ. Еще ранѣе бытія міра, было нѣкоторое состояніе, приличное премірнымъ силамъ, превысшее времени, вѣчное, приснопредолжающееся. Въ немъ-то Творецъ всяческихъ совершилъ созданія — мысленный свѣтъ, приличный блаженству любящихъ Господа, разумныя и невидимыя природы и все украшеніе

умосозерцаемыхъ тварей, превосходящихъ наше разумѣніе, такъ что нельзя избрѣсти для нихъ наименованій. Онѣ то наполняютъ собою сущность невидимаго міра, какъ научаетъ насъ Павелъ, говоря: яко Тьмъ создана быша всяческая, аще видимая, аще невидимая, аще престолы, аще господствія, аще начала, аще власти (Кол. 1:16).

Стар. Ясно, какъ день, что Ангелы, по св. Василию, не могутъ имѣть ничего вещественнаго и тѣлеснаго. Ибо созданы прежде всякаго вещества. Почему и суть они у него силы премірныя, мысленный свѣтъ, разумныя природы, умосозерцаемая твари. Эта мысль одинакова у Василия вел. съ Григоріемъ Богословомъ, и встрѣчается у него не разъ, какъ и у того. Стало, это не случайно вырвавшаяся фраза, а обдуманное и въ общую систему ихъ ученія вошедшее положеніе. Основываясь на семъ, мы можемъ всѣ, встрѣчающіяся у Василия вел., выраженія, подобныя вышеприведеннымъ, считать за выраженіе его понятія объ нихъ, какъ о духахъ невещественныхъ и безтѣлесныхъ. А такихъ выраженій очень много. Перескажу ихъ, какъ они у меня замѣчены.

Т. 2, стр. 255, изд. Моск. Акад. «Серафимъ есть нѣкоторая премірная сила.» Если премірная сила, то какъ будетъ тѣло и какое либо вещество? Ибо внѣ міра нѣтъ тѣль, и нѣтъ никакого вещества. Тоже самое слово приложено у него къ Серафимамъ и немного повыше, на стр. 251. 250. — На стр. 250, сверхъ того, всю совокупность тварей раздѣляетъ онъ на мысленныя и чувственныя, какъ и Григорій Богословъ. А на 249 стр. Ангеловъ, посылаемыхъ на помощь святымъ, именуеть

Божественными силами. Подъ мысленными тварями, конечно, не разумѣть онъ ничего тѣлеснаго и вещественнаго: ибо въ тѣлѣ и веществѣ какая мыслительность; равно какъ и подъ Божественными или Богоподобными силами: ибо въ Богѣ ничего нѣтъ вещественнаго.

Въ 3-мъ т. на стр. 287 Ангельскія премірныя силы названы чистыми и духовными. Подъ духомъ же, на стр. 264—5, онъ разумѣть нѣчто безплотное, чисто невещественное и несложное.

Думаю, что всякій непредубѣжденный удовольствуется приведенными свидѣтельствами и согласится признать, что св. Василиій вел. почиталъ Ангеловъ чистыми духами. Но полагаю, что эти свидѣтельства получаютъ еще большую твердость и убѣдительность, если къ нимъ присоединить мѣста св. Василия, въ которыхъ онъ выражаетъ свое понятіе о душѣ, какъ о силѣ духовной, совершенно невещественной. Приведу нѣсколько свидѣтельствъ и объ этомъ. —

Такъ т. 4 на стр. 34, Василиій вел. рѣшаетъ вопросы, что мы, что наше и что около насъ? И отвѣчаетъ: «душа и умъ — это мы!» Душа же и умъ у него, не какъ одно въ другомъ, а тождественны (т. 5, стр. 390). Слѣд. то, что сознаетъ себя въ насъ, или что дѣлаетъ насъ нами, а не другимъ чѣмъ, отличительная, характеристическая часть наша — это есть душа-умъ. Но кто когда считалъ умъ тѣломъ, или чѣмъ либо вещественнымъ? По Василию же великому что есть умъ? — «Умъ есть, говоритъ, нѣчто прекрасное, есть то, что дѣлаетъ насъ

созданными по образу Божию» (т. 7, стр. 155). А Богъ развѣ тѣло, чтобъ думать, что и душа-умъ есть тѣло?! Почему, — когда Василій вел. вообще опредѣляетъ человѣка такими словами: «вотъ что человѣкъ, — умъ, тѣсно сопряженный съ приспособленною къ нему и приличною плотію» (т. 4, стр. 330), — никому и въ голову не придетъ, чтобъ онъ подъ словомъ умъ-душа разумѣлъ что либо тѣлесное и вещественное. — Почитая умъ-душу духовною, св. Василій и пищу ей назначаетъ духовную. «Какъ человѣкъ, говоритъ, двойственъ, состоитъ изъ души и тѣла; такъ и пища у него двойкая!!.. Пища души — подвиги благочестія, догматы вѣры, уроки нравственности. Отъ нихъ растетъ и крѣпнетъ душа. Напротивъ, кто не вкушаетъ спасительныхъ и животворныхъ ученій; тотъ изнуряетъ свой умъ-душу» (т. 2, стр. 54, 55). Скажите, какъ вещество, какъ бы тонко оно ни было, питать духовною, умовою пищею?!

Кажется бы и довольно. Но мнѣ очень желательно указать вамъ еще одно мѣсто, которое, какъ только прочитаете, сами согласитесь, что не слѣдовало пропускать его. — Найдите т. 5, стр. 391.

Я. Нахожу и читаю. «Душевная сила двойка, хотя душа одна и таже; именно же одна — собственно жизненная сила тѣла, а другая — сила, созерцающая, которую называютъ также разумною... Но душа, поелику соединена съ тѣломъ естественно, вслѣдствіе сего соединенія, а не произвольно, сообщаетъ тѣлу жизненную силу. Ибо какъ солнцу, возсіявъ, невозможно не освѣщать того, на что простерло лучи: такъ невозможно душѣ не оживлять тѣла, въ которомъ пребываетъ. А

сила созерцательная приводится въ движеніе по произволению.»

Стар. Ну что хорошо мѣсто?

Я. Прекрасное. Оно отнимаетъ всякій предлогъ не только къ тому, чтобъ душу считать тѣломъ, но и къ тому, чтобъ придумывать какое либо средство для связи души съ тѣломъ въ нѣкоей тонкой оболочкѣ души.

Стар. Да. Вѣдь душа есть дѣйствительная, живая сила, хотя умная, чисто духовная. Своею бытевою, такъ сказать, физическою стороною она устрояетъ тѣло, оживляетъ его, движетъ и дѣйствуетъ чрезъ него. А другою стороною — высшею въ тоже время сознаетъ себя, свободно дѣйствуетъ, созерцаетъ пренебесное, размышляетъ о земномъ и стремится къ Божественному и вѣчному. — Изъ сего я хочу вывести еще то заключеніе, что если душѣ свойственна сила дѣйствовать на вещественное, пока она въ тѣлѣ, то нѣтъ основанія представлять ее неимѣющею сей силы, когда она разлучится съ тѣломъ, и что потому, какъ Ангеламъ свойственна естественная сила дѣйствовать на вещественныя стихіи, такъ такая же сила свойственна и душамъ отшедшихъ, и что слѣд., когда отшедшіе изъ сей жизни являются, для объясненія сего нѣтъ нужды предполагать, что они имѣютъ оболочку, и тѣмъ менѣе думать, что суть тѣло, а достаточно убѣдиться, что душѣ естественно свойственна сила дѣйствовать на стихіи, которыя она можетъ привлекать къ себѣ и отрывать отъ себя, когда требуется. Помнится мнѣ, что эта мысль пространно изложена у Григорія Нисскаго, но мѣста

того указать теперь не умѣю (вѣроятно, въ разговорѣ о душѣ и воскресеніи. 4-я ч.).

Я. Можетъ быть, какъ-нибудь послѣ нападѣмъ на него, а теперь поспѣшимъ докончить пересмотръ свидѣтельствъ изъ св. Отцевъ, приводимыхъ брошюрою.

Стар. Да, надо поспѣшить. Протянулось дѣло. Какъ-то не утерпишь, — все хочется до конца договорить. Впрочемъ вѣдь мы, кажется, не изъ пустаго въ порожнее пересыпаемъ. — Кто тамъ еще слѣдуетъ?

Я. Слѣдуетъ Аѳанасій великій. Но мы его уже пересматривали и нашли, что онъ совсѣмъ не на сторонѣ брошюръ, поминали и о томъ, что мѣста, приводимыя брошюрою изъ св. Аѳанасія, именно — отрывки изъ рѣчи Антонія вел., помѣщенной св. Аѳанасіемъ въ житіи сего св. отца, ничего не доказываютъ. Они изображаютъ явленія злыхъ духовъ и козни ихъ, о природѣ же ихъ не говорятъ ничего. Одна какая-то есть фраза и та не въ пользу брошюръ.

Стар. Такъ на этомъ мѣстѣ нечего и останавливаться. Пойдемте далѣе. — Кто тамъ?

Я. Слѣдуетъ св. Іоаннъ Златоустый. Читать?

Стар. Нѣтъ; дайте-ка мнѣ брошюру, я самъ буду пересматривать и замѣчать, что нужно.

Стр. 31. Первое мѣсто св. Златоуста, неизвѣстно откуда заимствованное, говоритъ, что воздухъ наполненъ Ангелами, которые защищаютъ насъ отъ злыхъ духовъ — враговъ мира. — Этого и мы не отвергаемъ; но, исповѣдуя, что они посылаются въ служеніе къ хотящимъ наслѣдовать спасеніе, признаемъ ихъ чистыми духами. Какъ это мѣсто брошюры

обращаютъ въ свою пользу, не понимаю. Оно не говоритъ о природѣ Ангеловъ.

Второе свидѣтельство Златоуста, изъ 22 бесѣды на кн. Бытія, приведено не словами Златоуста, а перифразировано. Но и въ перифразѣ удержано, что св. Златоустъ называетъ Ангеловъ *безплотными*. Какъ же брошюра хочетъ этимъ доказать свою мысль, что Ангелъ — тѣло? Поистинѣ непостижимо. Ужъ когда они безплотны, стало, — не плоть и не тѣло. — Приищите-ка, посмотримъ, какъ стоитъ у св. Златоуста.

Я. Ищу и читаю (на кн. Б. т. 1. бесѣд. 22. стр. 396). «Не безумно ли говорить, будто Ангелы низошли до сожителства съ женами, и безтѣлесная природа унизилась до совокупленія съ тѣлами?.. Развѣ не слышишь, что говоритъ Христось о *естествѣ Ангельскомъ*: въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи суть (Мѡ. 22:30). Да и невозможно, чтобъ безтѣлесная (Ангельская) природа возымѣла когда нибудь такое (плотское) вожделѣніе.»

Стар. На мой взглядъ это рѣшительно говоритъ противъ брошюръ. Очевидно, что св. Златоустъ признаетъ Ангеловъ безтѣлесными; безтѣлесными? — стало, не вещественными; а не вещественное — духъ. Намъ остается только благодарить брошюру за указаніе свидѣтельства Златоуста въ нашу пользу.

Я. Но смотрите-ка, что дальше-то писано? — Это побѣдоносное свидѣтельство св. Златоуста въ противность мнѣнію брошюръ. Вѣдь онѣ постоянно твердятъ, что видимое въ Ангелахъ являющихся, — это и есть ихъ естество, что они являются въ своемъ естествѣ,

что видимые въ нихъ члены суть ихъ собственные. А Златоустъ говорить совсѣмъ напротивъ. Слушайте. (Тамъ же далѣе) — «Сверхъ того должно подумать, что принять такое мнѣніе было бы величайшею нелѣпостію. Ибо если святые и Духа Святаго удостоенные мужи не въ силахъ были переносить даже явленія Ангеловъ; если и мужъ желаній, узрѣвъ присутствіе Ангела, не самое существо (ибо какъ можно видѣть безтѣлесное существо?), но воспринятый имъ образъ, лишился силъ и едва не самой жизни, если и столь великій и высокій мужъ упалъ почти бездыханнымъ: то кто, и самый легкомысленный, согласится съ этими лукавыми и крайне безумными словами, будто безтѣлесная и духовная природа имѣла совокупленіе съ тѣлами?»

Стар. Рѣшительно побѣдоносно. Св. Златоустъ называетъ Ангеловъ *безтѣлесною* и *духовною* природою; а брошюра говорить, что они — тѣло. Св. Златоустъ говорить, что ангелы, являясь, принимаютъ образъ, а брошюры учатъ, что у Ангеловъ свой образъ и видъ, какой имѣетъ человѣкъ въ своемъ тѣлѣ. Св. Златоустъ говорить, что когда видятъ Ангела, зрятъ только присутствіе Ангела, а не самое естество, котораго, какъ безтѣлеснаго, видѣть нельзя; а брошюра утверждаетъ, что Богъ отверзаетъ очи достойныхъ, — и видятъ Ангеловъ въ естествѣ ихъ. (См. приб. къ сл. о см. стр. 26 и 27.) — Но я помню, что у св. Златоуста есть еще мѣсто, объясняющее явленіе Ангеловъ не по мыслямъ брошюры. Это, кажется, въ 7-мъ словѣ противъ аномеевъ. Тамъ говорится, что Ангелы часто на землѣ являлись въ человѣческомъ образѣ, и даже — самъ Богъ:

но являемое не было истина плоти, а снисхождение. Т. е. являемое было не истинная плоть, а такое явление, которое устроялось изъ снисхожденія къ немощи человѣка (См. по изд. Migne t. 1. стр. 765). — Вотъ и здѣсь св. Златоустъ говорить, что являемое не есть истинная плоть: а брошюра говорить: нѣтъ это есть истинное тѣло — самъ Ангелъ.

Третье свидѣтельство изъ Св. Златоуста говорить о явленіяхъ Ангеловъ добрыхъ и злыхъ, при одрѣ умирающихъ. — Мы уже видѣли, что выводить изъ явленія Ангеловъ въ тѣлесномъ образѣ заключеніе, что они суть тѣло, значить грѣшить противъ логики, допуская неправильное умозаключеніе — *petitio principii*.

Четвертое свидѣтельство Златоуста изъ Слова о непостижимомъ. Описывается явленіе Ангела Даніилу тоже самое, которое приведено впереди изъ бесѣдъ на кн. Бытія. Но по особымъ цѣлямъ, какія имѣлъ Св. Златоустъ, въ Слово о непостижимомъ опущены, при описаніи явленія Даніилу, тѣ пояснительныя мысли, которыя находятся въ бесѣдѣ на книгу Бытія, и которыя такъ сильно опровергають мнѣніе брошюръ. Стало, здѣсь одно описаніе явленія Ангела, которое ничего не доказываетъ.

Пятое свидѣтельство изъ Златоуста говорить, что бѣсы носятся въ воздухъ и могутъ показать намъ свой страшный образъ (изъ толк. на 41-й псаломъ). — Что изъ того? И Ангелы наполняютъ воздухъ. Быть въ воздухъ возможно и для безтѣлесныхъ и невещественныхъ. И показать образъ свой

привлекательный могутъ Ангелы. Но намъ уже извѣстно, какъ Златоустъ понимаетъ этотъ образъ. Они принимаютъ его. Но если добрые Ангелы принимаютъ пріятный образъ; то что мѣшаетъ бѣсамъ принимать образъ страшный? — Вотъ это мѣсто ничего не говоритъ въ пользу мнѣнія брошюръ.

Наконецъ послѣднее свидѣтельство изъ 34-й бесѣд. на Ев. Матѳея, гдѣ Златоустый говоритъ, что демоны скитаются по гробамъ. — Чтожъ изъ того? Какое тутъ указаніе на природу бѣсовъ? Никакого. За чѣмъ же было и приводить это мѣсто?

Такимъ образомъ брошюрка не указала ни одного мѣста изъ св. Златоуста, которое бы, хоть какънибудь косвенно, подтверждало ея мнѣніе. Напротивъ свидѣтельство, которое въ ней приведено перифразомъ очень сокращеннымъ, въ полномъ составѣ очевидно содержитъ ученіе объ Ангелахъ, совершенно противное мнѣнію брошюръ. И надобно сказать, что это только одно мѣсто изъ св. Златоуста и говоритъ о природѣ Ангеловъ. Всѣ же прочія не говорятъ о семъ. Слѣд. совсѣмъ не направлены къ дѣлу. Второе же свидѣтельство, въ совокупности съ другими нами приведенными, довольно точно опредѣляютъ мысли св. Златоуста объ Ангелахъ. Именно — они показываютъ, что онъ признаетъ ихъ безтѣлесными, т. е. не только не тѣломъ, хотя бы тонкимъ; но и не имѣющими тѣла, и что когда являются они, то являемое не есть истинная плоть, но принимаемый образъ. Послѣ этого искать другихъ свидѣтельствъ у св. Златоуста въ нашу пользу считаю совершенно излишнимъ.

Достаточно и этого. Укажемъ только одно-другое мѣсто о природѣ души.

Гдѣ это лучше увидѣть, какъ не въ описаніи сотворенія человѣка? Что же тутъ говорится? — Въ бесѣдѣ 13 на кн. Быт. стр. 204 читаемъ: когда услышишь, что Писаніе говоритъ: *сотвори Богъ человѣка*, понимай эти слова въ томъ же смыслѣ, какъ выраженіе: да будетъ; также когда слышишь что *Богъ вдуну въ лице его (человѣка) дыханіе жизни*, — разумѣй, что онъ какъ произвелъ *бестѣлесныя силы*, такъ благоволилъ, чтобъ и тѣло человѣка, созданное изъ персти, имѣло *разумную душу*, которая могла бы пользоваться тѣлесными членами. Св. Златоустъ внушаетъ здѣсь, что разумная душа въ тѣлѣ есть *бестѣлесная сила*. — Бестѣлесное въ тѣлѣ конечно уже и не тонкое какое либо тѣло.

Тутъ же далѣе, на стр. 205. «Усматривай и различіе между созданиемъ этого чуднаго разумнаго животнаго и созданиемъ *безсловесныхъ*. Объ нихъ Богъ говоритъ: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ*, — и тотчасъ произошли изъ водъ одушевленные животныя. И о землѣ опять такимъ же образомъ: *да произведетъ земля душу живу*. Съ *человѣкомъ* было не такъ; но прежде создается тѣло изъ персти, а потомъ дается ему жизненная сила, которая и составляетъ существо души. Вотъ почему и сказалъ Моисей о *безсловесномъ*, что *кровь его душа его есть* (Лев. 17:11). А въ *человѣкѣ* есть *бестѣлесная и безсмертная сущность*, имѣющая великое преимущество предъ тѣломъ, и именно такое, какое прилично (имѣть) *бестѣлесному предъ тѣломъ*.» Опять *бестѣлесное въ тѣлѣ*. Какъ можно понимать подъ нимъ что либо

тѣлесное? Ибо тогда слѣдовало бы сказать: въ грубомъ тѣлѣ тонкое тѣло, а не безтѣлесная сила. Отсюда видно, что слово — безтѣлесный — у Златоуста означаетъ совершенную безтѣлесность и невещественность, или что тоже, чистую духовность. Поелику Златоустъ столько разъ именовалъ Ангеловъ безтѣлесными, то во всѣхъ тѣхъ случаяхъ не допустимъ иной смыслъ, какъ тотъ, что онъ понималъ Ангеловъ чистыми духами.

На 228. стр. того же 1 т. на кн. Быт. Бесѣд. 14, къ концу, сказавъ о нареченіи Адамомъ животныхъ, св. Златоустъ наводитъ: «кто назвалъ такъ животныхъ, не исполненъ ли былъ премудрости и разума? Заключай же отсюда, какъ велика сила онаго вдунавенія, и какъ велика мудрость, которою Господь одарилъ *безтѣлесную душу*, составивъ изъ двухъ существъ чудное и разумное животное и *безтѣлесное существо души* соединивъ съ тѣломъ, какъ прекраснаго художника съ орудіемъ». Тутъ говорится, что само существо души безтѣлесно. Брошюры же твердятъ: существо души — тѣло. — И пусть говорятъ; но за чѣмъ увѣрять, что и св. Златоустъ одинаково съ ними учить?

Такъ, и по св. Златоусту, какъ душа, такъ и Ангелы невещественны, — суть и безтѣлесны. Слѣдовательно, всѣ три великія свѣтила церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ на нашей сторонѣ. Мы ихъ ученики, а они наши учителя. Но какъ они учатъ, такъ и вся Церковь. У кого же, спрашивается, учились брошюры? Кто ихъ учителя? и какая церковь есть ихъ церковь? Писатели брошюръ принадлежатъ къ

числу тѣхъ людей, которые не вѣдаютъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго.

Осталось и еще одно свидѣтельство — св. Кирилла Іерусалимскаго. Указывается здѣсь только содержаніе выписки изъ св. Кирилла, помѣщенной въ Слово о смерти. Но изъ этого краткаго указанія видно, о чемъ тутъ идетъ дѣло. О томъ, какъ души, разлучающіяся съ тѣломъ, видятъ Ангеловъ добрыхъ и злыхъ бѣсовъ, какъ по исходѣ изъ тѣла проходятъ мытарства и потомъ или помѣщаются въ райскія обители, или низвергаются въ адъ. Но есть ли тутъ хоть слово о природѣ Ангеловъ и душъ? Нѣтъ. За чѣмъ же это указаніе? За тѣмъ, что оно живо изображаетъ видѣніе духовъ и образы ихъ, и даже душъ. У кого живо воображеніе, тотъ, можетъ быть, и не поидеть далѣе сихъ образовъ, и ими удовольствовавшись, и самъ станетъ твердить: на-вотъ, и Ангелъ — тѣло и душа — тѣло; видишь, какой у нихъ видъ-то, вотъ это и есть они, и больше не спрашивай. Но у кого воображеніе не такъ поворотливо, или у кого преслѣдуется оно и остепеняется разсудкомъ съ неразлучными его вопросами: отъ чего и какъ? — тотъ конечно скажетъ: подожди-ка, ты объясни мнѣ прежде, что значать самыя видѣнія сіи? Видѣніе мое и въ чувственныхъ предметахъ не всегда представляетъ то, что есть на дѣлѣ: какъ же сразу ему повѣрить, когда видишь, что невидимое въ обыкновенномъ порядкѣ? И резонно. И въ этихъ обстоятельствахъ явленіе духовъ и видѣніе ихъ имѣетъ тоже значеніе, что и все подобное, упоминаемое въ словѣ Божіемъ, и въ житіяхъ, и писаніяхъ св. мужей. Надо прежде объяснить ихъ, и

потомъ изъ нихъ дѣлать выводъ. А безъ этого мы и здѣсь будемъ доказывать тѣмъ, что само требуетъ доказательства. А что и эти случаи требуютъ объясненій, укажу на одно обстоятельство, на разность и даже противоположность вида Ангеловъ и бѣсовъ. Послѣдніе видятся безобразными страшилищами, а первые благообразными юношами. Если являются и видятся духи въ своемъ естествѣ, то есть тѣлѣ, которое и суть они; то откуда такая противоположность? Грѣхъ не измѣняетъ естества. Человѣкъ грѣшникъ не становится скотомъ. Почему же у духовъ такъ вышло?! Пусть брошюры толкуютъ это какъ хотятъ; а я держусь словъ Златоуста, что Ангелы видятся не въ своемъ естествѣ, а въ принятомъ ими образѣ. Но въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякая возможность доказать что нибудь видѣніями и явленіями, на которыя указываютъ. Брошюры лучше бы сдѣлали, если бы потрудились поискать у св. Кирилла прямого ученія о природѣ душъ и Ангеловъ. Тогда и спорить было бы нечего. Но какъ не сдѣлано это существенное; то и поднимается споръ и — небезосновательный. Давайте-ка восполнимъ этотъ недостатокъ и поищемъ въ писаніяхъ св. Кирилла такихъ мѣстъ, которыя бы опредѣляли природу душъ и Ангеловъ. У васъ есть св. Кирилль. Несите-ка его сюда.

Я. Да что — какъ нибудь сократить бы это дѣло. Ужъ уморились. Роешься, роешься, — голова заболитъ.

Стар. Пожалуй. Полѣниться и я не прочь. Но вѣдь ужъ и довольно понашли въ свою защиту. Всѣ отцы за насъ. Вѣрно и св. Кирилль не будетъ противъ. У меня

впрочемъ есть три-четыре вымѣтки. Укажу ихъ, и довлѣетъ намъ.

Сколько помню, какъ ни случится Св. Кириллу говорить объ Ангелахъ, вездѣ онъ ихъ называетъ разумными. Такъ т. 11. стр. 23. на кн. Быт. по изд. Migne, Ангелы названы святыми и разумными тварями. Равно въ Thesaurus t. VIII. стр. 187 называются они разумными высшими тварями. Тоже самое и во многихъ другихъ мѣстахъ. Разумность, такимъ образомъ, поставляемая отличительнымъ какъ бы свойствомъ естества Ангельскаго, конечно не благопріятствуетъ мнѣнію, что оно — тѣло: ибо тѣло какъ назвать разумнымъ? Но еще яснѣе это открывается изъ ученія его о человѣкѣ и душѣ его.

Не разъ случалось св. Кириллу давать опредѣленіе человѣка, и онъ вездѣ у него есть животное разумное, обладающее умомъ и вѣдѣніемъ. Разумное, умомъ и знаніемъ обладающее, конечно по душѣ. Отдѣльно же душа что есть по св. Кириллу? *Естество истинно безтѣлесное* (t. 5 толк. на Еван. отъ Лук. гл. 11, ст. 3). Такимъ образомъ, если разумная душа у него безтѣлесна и невещественна; тѣмъ паче разумные Ангелы, которыхъ онъ вездѣ ставитъ гораздо выше человѣка. А вотъ одно мѣсто, въ которомъ одинаково и душѣ и Ангеламъ приписывается духовность. Это въ книгѣ противъ антропоморфистовъ (t. 9, стр. 1083—4). Здѣсь говоритъ онъ, что образъ Божій не въ тѣлѣ; ибо Богъ чуждъ вещества тѣлесности, и образъ Божій — «въ свойствахъ нрава, въ томъ духовномъ видѣ, который слагается изъ благообразія добродѣтелей». Сіе же

свойственно и Ангеламъ святымъ — симъ высшимъ и разумнымъ силамъ.

Ограничимся этимъ. Какъ ни кратки впрочемъ эти замѣтки, не думаю, чтобъ кто, сообразивъ все въ совокупности, дозволилъ себѣ предполагать въ св. Кириллѣ какое либо помышленіе о тѣлесности естества душъ и Ангеловъ. Каждая изъ нихъ больше имѣетъ вѣса въ опредѣленіи мнѣнія св. Кирилла о природѣ душъ и Ангеловъ, нежели какъ выписки брошюръ. Онѣ прямо относятся къ предмету, о которомъ рѣчь, тогда какъ послѣдніе говорятъ совсѣмъ о другомъ.

Я. Конечно, такъ. И вотъ мы, кажется, уже кончили разсмотрѣніе св. Отцевъ, на которыхъ хотѣли опираться брошюры. Но мнѣ думается, что надо обратить вниманіе на св. Іоанна Кассіана, который приводится въ Словѣ о смерти, въ примѣчаніи на стр. 15.

Стар. Объ немъ что много разсуждать? — Самое содержаніе выписки, которая значится въ указанномъ вами мѣстѣ, показываетъ, что у св. Кассіана не та мысль, которой держится брошюра. Св. Кассіанъ говоритъ, что Ангелы, Архангелы и прочія силы имѣютъ соотвѣтственное тѣло, въ которомъ существуютъ, хотя несравненно тончайшее нашего тѣла; и къ этимъ-то тѣламъ, въ которыя облечены Ангелы, и относить тѣла небесныя, о которыхъ поминаетъ Апостоль говоря: и *тѣлеса небесная, и тѣлеса земная...* и проч. А брошюры утверждаютъ, что Ангелы суть тѣла тонкія, — сами Ангелы суть тѣла, такъ что кромѣ тѣла у нихъ ничего нѣтъ. Но это два мнѣнія, по моему, совершенно

противоположныя. Еслибъ брошюры говорили только, что Ангелы имѣютъ тѣла, можно бы и не спорить. Я совершенно убѣжденъ, что Ангелы суть чистые духи, не имѣютъ тѣла; но спорить съ допускающими эту мысль не стану. Ибо при этомъ главною господственною стороною у Ангеловъ поставляется все же разумно-свободный духъ. Но когда говорится, что Ангелъ есть тѣло; тогда надобно отрицать у него разумно-свободность и сознание; ибо сіи качества не могутъ принадлежать тѣлу, какое ни придумай. Допустивъ это, и не могши, однакожъ, не видѣть въ Ангелахъ разумности и свободы, для объясненія ихъ остается сказать: это Богъ въ нихъ дѣйствуетъ, и придемъ прямою дорогою къ пантеизму. Ибо послѣ Ангеловъ, далеко ли сказать, что и во всемъ прочемъ дѣйствуетъ Богъ, и Себя проявляетъ. Итакъ, говорю, мнѣніе Св. Кассіана не въ пользу брошюръ. Было нѣсколько и другихъ Отцевъ, которые такъ думали. Но большинство и корифеи Отцевъ признавали ихъ чистыми духами.

Я. Стало, теперь и заключать можно.

Стар. Пожалуй и заключать. Но прочтите-ка, какихъ Отцевъ свидѣтельства хотѣла брошюра въ свою обратить пользу, на перекоръ западному писателю.

Я. Сей часъ найду... Вотъ: св. Василія Великаго, св. Аѳанасія, св. Кирилла, св. Григорія Нисскаго, св. Іоанна Златоустаго...

Стар. Точно, у всѣхъ ихъ чаяла найти брошюра оправданіе своего мнѣнія, но не нашла. Только одного опустила, именно — Григорія Нисскаго. Чего бы ради?! Ну-те-ка, я посмотрю, что есть въ моихъ замѣткахъ изъ

сего св. Отца!.. И-и! — благодать Господня! слушайте: перечитаю все скороговоромъ.

У св. Григорія Нисскаго очень-очень мало объ Ангелахъ. Но о душѣ есть намѣренныя изслѣдованія, въ особыхъ статьяхъ, каковы напр. о душѣ и воскресеніи, и объ устроеніи человѣка.

Въ первой вотъ что есть (часть 4-я Моск. Акад. пер.).

Стр. 213. «Она (душа) невещественна и безплотна, и движется сообразно съ своею природою и свойственныя ей движенія обнаруживаетъ тѣлесными органами.»

Стр. 214. «Душа есть сотворенная сущность, сущность живая и разумная, органическому тѣлу сообщающая собою жизненную и воспріемлющую чувственное силу.»

Стр. 215. «Органы чувствъ не даютъ познанія: мысль руководитъ ихъ къ вѣдѣнію, какъ и философъ одинъ (Епихармъ) говоритъ: *и видитъ умъ, и слышитъ умъ*».

Стр. 221. (По описаніи, какъ доходить человѣкъ до устроенія автоматовъ). «Не явно ли, что въ человѣкѣ есть какой-то умъ, — иное нѣчто съ видимымъ; и онъ тѣмъ, что есть въ собственной его природѣ невидимо и духовно, предуготовляетъ въ себѣ это примышленіями, и потомъ составляющуюся, такимъ образомъ, внутри мысль, при помощи вещества, приводитъ въ видимость.»

Стр. 222. (Что есть это невидимое?) «Оно не есть что либо вещественное.»

Стр. 223. (Что значить это невещественное, — или что есть *умъ-душа* въ самой его сущности?) «Кто не сомнѣвается въ бытіи того, о чемъ у насъ рѣчь, такъ какъ сіе доказываетъ намъ дѣйствіе этого, хочеть же знать, что это такое, тотъ достаточнымъ для себя найдетъ

признать, что это не что либо постигаемое чувствомъ, не цвѣтъ, не очертаніе, не упругость, не тяжесть, не количество, не протяженіе по тремъ измѣреніямъ, не мѣстное положеніе, и вообще не что либо изъ усматриваемаго въ веществѣ.»

Вотъ положенія, совершенно отвергающія положенія брошюръ, отвергая въ душѣ очертаніе, протяженіе, мѣстное положеніе.

За тѣмъ, на вопросъ: (таже стр.) отрицая одинъ за другимъ вещественные признаки въ душѣ, не приведемся ли къ мысли, что ея вовсе нѣтъ? — отвѣчается (стр. 224): «Если чрезъ отрицаніе признаковъ вещественныхъ необходимо приходитъ къ отрицанію бытія того существа, въ которомъ они отрицаются; то по такому ходу умствованія надо будетъ отрицать и бытіе Бога; ибо извѣстно, что Божеское естество *безплотно и не имѣетъ вида*. Если же послѣднее нелѣпо, то и первое».

Отсюда выводится недоумѣніе, что при такомъ послѣдованіи мыслей, мы придемъ въ другую крайность, — должны будемъ признать умъ, (или душу) однимъ и тѣмъ же съ естествомъ Божиимъ.

Возраженіе брошюръ, такъ рельефно у нихъ выставляемое! и вотъ отвѣтъ св. Отца! —

Стр. 224—5. «Не говори: признать однимъ и тѣмъ же; потому что рѣчь сія нечестива, но, какъ научень Божественнымъ словомъ, скажи: признать одно подобнымъ другому. Ибо сотворенное по образу, конечно, во всемъ имѣетъ уподобленіе первообразу, *умственное — умственному и безплотное — безплотному*, свободно отъ всякаго времени, какъ и первообразъ,

подобно ему избѣгаетъ всякаго пространственнаго измѣренія, но по свойству природы есть нѣчто иное съ нимъ, потому что не было бы образомъ, если бы во всемъ было одно и тоже съ первообразомъ; напротивъ того, какими чертами въ несозданномъ естествѣ отличается первообразъ, съ тѣми же самыми созданная природа показываетъ образъ; и какъ часто въ маломъ осколкѣ стекла, когда случится лежать ему подъ лучемъ, бываетъ видимъ цѣлый кругъ солнца, показываясь въ немъ не въ собственной своей величинѣ, но въ какомъ объемѣ круга вмѣщаетъ въ себѣ его малость осколка, такъ и въ малости нашей природы сіяютъ образы невыразимыхъ оныхъ свойствъ Божества, такъ что руководимый ими разумъ не уклоняется отъ представленія ума въ его сущности, при изслѣдованіи предмета, очищеннаго отъ тѣлеснаго свойства, и опять не приводитъ въ равенство съ невидимымъ и пречистымъ естествомъ естества малаго и привременнаго, но хотя признаетъ сущность умною, потому что она образъ умной сущности, однакоже образа не называетъ тождественнымъ съ первообразомъ.»

Вотъ полный отвѣтъ брошюрамъ, изъ непостижимости и безпредѣльной высоты Божества заключавшимъ къ необходимости признать душу и Ангела — тѣломъ.

Стр. 248—9. «Мъстное положеніе свойственно однимъ тѣламъ, а душа, какъ безплотная, по естеству не имѣетъ никакой нужды содержаться въ какихъ либо мѣстахъ.»

Стр. 249. «Три состоянія разумаго естества, одно, въ началѣ получившее безплотную жизнь, которое

именуемъ Ангельскимъ, другое, сопряженное съ плотію, которое называемъ человѣческимъ, и еще другое, отрѣшенное отъ тѣла — посредствомъ смерти, какъ усматривается это въ душахъ.»

Вотъ и объ Ангелахъ слово — краткое.

Стр. 258. (Замѣч. на прит. о бог. и Лаз.) «Безплотному и духовному какой трудъ перелетѣть бездну, даже самую широкую, потому что духовное по естеству, гдѣ бы ни пожелало быть оно, является тамъ, не тратя на сіе времени.»

А брошюры все затрудняются объяснить движеніе Ангеловъ и душъ, если признать ихъ духами!!!

Тѣже самыя мысли св. Григорій Нисскій излагаетъ и въ статьѣ — *объ устроении челоуѣка* (часть 1-я, по Моск. из. пер.). Приведу только такія, которыя имѣютъ какой либо новый оттѣнокъ. Здѣсь напр. говорится, что въ основаніе устройства полагаетъ (Богъ) въ челоуѣкѣ *сугубое начало, смѣшавъ съ земнымъ Божественное*, чтобъ ради того и другаго имѣть ему наслажденіе, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь и *Богомъ по естеству Божественному*, и земнымъ по однородному съ нимъ чувству (стр. 85); что душа показываетъ въ себѣ *далекость отъ матеріи, тѣмъ самымъ, что, не подчиняясь, свободно, полновластно располагаетъ своими желаніями* (стр. 88); что какъ Божество есть умъ и слово, такъ недалеко отъ этого и *естество челоуѣческое* (стр. 90); что *стремиться къ совершенству житія въ Богъ* есть принадлежность духа (стр. 100); что *безплотное естество* не объемлется какими либо мѣстными очертаніями (на вопросъ: въ сердцѣ, или

въ мозгу — умъ? (стр. 113); что (у насъ не три души) — душа по естеству одна, умная, невещественная, посредствомъ чувствъ — соединенная съ естествомъ вещественнымъ (стр. 132) и проч. и проч...

Все это въ совокупности не требуетъ толкованій. Ясно, какъ день, что св. Григорій Нисскій признавалъ душу чистымъ духомъ. Можно и не жалѣть, что мы не можемъ привести изъ него особыхъ мѣстъ о природѣ Ангеловъ. Ибо если душа — духъ; то тѣмъ паче — Ангель. Впрочемъ одна мысль его прямо объ Ангелахъ мимоходомъ высказана имъ и нами приведена уже. Подобная же мысль содержится и въ 4-мъ словѣ о молитвѣ (т. 1 стр. 436. Моск. Ак. перев.) гдѣ говорится, что вся разумная тварь дѣлится на естество безплотное и на облеченное плотію; безплотное естество есть Ангельское, а другой видъ естества — мы люди. Рѣшительная опредѣленность ученія св. Григорія Нисскаго о духовности души — одной разумной твари отнимаетъ всякую возможность кривотолковать безплотность тонкоплотностію. — Но вотъ одно мѣсто, гдѣ онъ прямо Ангеловъ называетъ не безтѣлесными только, но и совсѣмъ невещественными! «Тебя, человѣкъ, Ангель касается, и, будучи безтѣлеснымъ и невещественнымъ, не гнушается тебя, изъ плоти и крови составленнаго.»

Этимъ кончимъ наше разсмотрѣніе втораго доказательства, употребленнаго брошюрами въ подтвержденіе своей мысли, разсмотрѣніе, т. е. ряда свидѣтельствъ св. Отцевъ и учителей св. Церкви. Всякій непредубѣжденный безспорно согласится, что на

сторонѣ брошюръ не остается ни одного св. Отца. Малая тѣнь ихъ мнѣнія виднѣется у св. Макарія, но очень неопредѣленная. Св. Іоаннѣ—Дамаскинѣ совсѣмъ не имѣлъ въ мысли того, что изъ него выводятъ брошюры. Прочіе св. отцы прямо противоположно стоятъ брошюрамъ. Имѣя теперь сей облакъ свидѣтелей, и во главѣ ихъ великихъ учителей и святителей — Василия великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, кто изъ православныхъ согласится, хоть на одну минуту допустить мысль, будто Ангелъ тѣло и душа — тѣло? Намъ остается только приложить: сего здраваго образа отеческихъ словесъ и держитесь всегда, братіе и отцы, матери и сестры!

Я. Благодареніе Господу, просвѣщающему немощь нашу и ограждающему насъ отъ уклоненій въ тьму великими свѣтилами Церкви, подобно солнцу, освѣщающими земные пути для незаблуднаго по нимъ шествія!

Стар. Благодареніе Господу! Самое трудное дѣло нами кончено. Осталось еще легонькое — разобрать соображенія ума, которыя дѣлаютъ въ защиту свою брошюры. Легонькимъ называю его по малозначительности его въ дѣлѣ познанія истины св. православной Вѣры. Не умъ — учитель въ Церкви, а Господь, — Господь, изрѣкшій истину самъ и чрезъ Апостоловъ, Духомъ Святымъ исполненныхъ, и изрекающій ее устами св. Церкви и единодушнымъ голосомъ всѣхъ Отцевъ, кои суть въ такомъ случаѣ истинные хранители Богооткровенно преданнаго ученія. — Хотя бы мы и ни слова не могли сказать

противъ сихъ соображеній, можно сказать: Церковь такъ не учитъ, — отойди съ своими соображеніями, — и остаься спокойными.

Я. Ужь не оставить ли разсмотрѣніе ихъ? Растянулась рѣчь наша. Скорѣе бы конецъ.

Стар. Нѣтъ, нельзя. Они могутъ смущать не только умствующихъ при изученіи истинъ вѣры; потому что сіи соображенія имѣютъ своего рода хитросплетеніе, которое не всякій разберетъ; но, — и паче, — простыхъ, потому что сіи соображенія обставлены обращеніями къ такимъ предметамъ, которыми всякій дорожитъ, — напр., къ религиозному чувству, что-де станешь иначе думать, въ богохульство впадешь и пр. — Нѣтъ ужъ надобно и ихъ вывести на арену и учинить съ ними посильную борьбу.

Я. Хорошо. Но не отложить ли этого до другаго времени? Голова освѣжится отъ утомленія, и рѣчь пойдетъ живѣе.

Стар. Пожалуй, отдохнемъ, хоть надъ этимъ не долго копаться намъ придется.

Такъ мы и еще разошлись на время.

Но потомъ старецъ заболѣлъ, и бесѣдамъ нашимъ угрожала опасность — остаться недоконченными. Между тѣмъ и у меня самого возросъ интересъ видѣть разрѣшеніе недоумѣній, возбуждаемыхъ соображеніями брошюръ. Это и заставило меня, не дожидаясь выздоровленія старца, чтобъ начать снова бесѣды, просить его — изложить на бумагѣ свои замѣчанія объ умственныхъ соображеніяхъ брошюръ, какими хотятъ онѣ подтвердить свое мнѣніе, будто

Ангелъ — тѣло и душа — тѣло. Старець охотно согласился. И вотъ его отвѣтъ!

3. ПИСЬМО СТАРЦА, ГДѢ РАЗБИРАЮТСЯ УМСТВЕННЫЯ СООБРАЖЕНІЯ БРОШЮРЪ

Съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе, тѣмъ болѣе, что моя болѣзнь не мѣшаетъ работать головѣ. Это избавить меня и отъ скуки, за неимѣніемъ дѣла сидѣть поджавши руки, и сократить срокъ выздоровленія. За дѣломъ не видишь какъ летитъ время. — Не буду, однакожь, распространять рѣчей въ этомъ родѣ, — и скорѣе къ дѣлу.

Буду вести свои замѣтки строка за строкою брошюръ. Полнѣе соображенія ихъ о тѣлесности Ангеловъ и душъ помѣщены въ Прибавленіи къ слову о смерти. Съ нимъ и поведу рѣчь.

Здѣсь первое слово начинается (стр. 12) изображеніемъ безконечной высоты Божескаго естества, безконечнаго разстоянія Его отъ тварей, Его непостижимости и неприступности. Брошюра хочетъ какъ бы сказать: видишь, какъ высоко и далеко отъ тварей Богъ. Но Богъ есть духъ. Какъ же ты хочешь, чтобъ душа и Ангелъ — твари были духъ? Говоря такъ, ты тварь ставишь на одну линію съ Богомъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ. — Въ этомъ умствованіи похвально благоговѣніе предъ величіемъ Божиимъ; но выводъ, дѣлаемый изъ того, нельзя считать основательнымъ.

Тварь всякая, и самая высшая, не имѣетъ ничего своего. Все, что есть въ ней, есть даръ Божій. Но всякое благо, видимое въ тваряхъ, есть частичка блага полнаго,

сущаго въ Богѣ. Что въ Богѣ безконечно совершенно и полно, то въ твари является въ многоразличной степени ограниченности. Такъ Богу вся возможна суть; и тварь можетъ дѣлать, но только кое-что, въ своемъ кругу, въ мѣрѣ силъ своихъ. Богъ всевѣдущъ; и тварь разумная вѣдаетъ, но не много и не всегда безошибочно. Богъ всеблагъ; и тварь бываетъ блага, но очень необширную и не всегда разумною благостію. Если перебрать, такимъ образомъ, все доброе въ тваряхъ, окажется, что все оно есть въ ограниченной степени причастіе безконечнаго добра Божескаго. Богу угодно было даровать тварямъ отъ Себя все добро, какого онѣ способны быть причастными и даровать независтно; такъ что ничего не осталось не дарованнымъ, что могло быть даровано. Такъ видимъ, что очень многому, безконечному въ Богѣ, сія безконечность не препятствовала явиться въ тваряхъ въ ограниченной степени.

Теперь, чтобъ имѣть право основательно заключить къ отрицанію ограниченной духовности въ тваряхъ изъ представленія безконечной духовности въ Богѣ, надлежало доказать, что духовность есть такое благо между другими Божескими благами, котораго невозможно сообщить тварямъ, когда онѣ содѣлались причастными прочихъ Божескихъ благъ. Но этого-то никакъ сказать и нельзя. Ибо естество Божеское непостижимо. Не можетъ быть постигнуто и то, какое изъ безконечныхъ добротъ Божескаго естества можетъ быть сообщено тварямъ въ ограниченной степени, и какое нѣтъ. Если же говорить что, то слѣдуетъ склониться на возможность сообщенія ограниченной

духовности тварямъ, а не на отрицаніе ея. Ибо, съ одной стороны, извѣстно намъ, что благодѣтель Божій въ твореніи хотѣла излить въ тварь всякое вмѣстимое въ ней благо: а съ другой видимъ слѣды духовныхъ явленій въ тваряхъ, коихъ именуемъ мы разумными. Имѣя сіе въ мысли, не можемъ отрицать возможности сообщенія и естества духовнаго. И еще то надо сказать, что дать бытіе труднѣе, нежели окачествовать бытіе. Если безконечная полнота Божескаго бытія не положила преградъ, а напротивъ послужила источникомъ тому, чтобъ даровать бытіе конечнымъ тварямъ, то какое основаніе полагать, что безконечная его духовность будетъ преградою къ тому, чтобъ явились твари съ ограниченою духовностію? Напротивъ того, не слѣдуетъ ли заключить, что поелику есть безконечная духовность, то должна быть и духовность конечная?

Смотрите, какъ далеко отдалилъ отъ насъ Тріединого Бога св. Григорій Богословъ? «Троица, говоритъ, премірная и превысшая времени, ... невидима. Единая входитъ въ святая святыхъ, всякую же тварь оставляетъ внѣ, и отдѣляетъ иныхъ первою, а другихъ второю завѣсою. Такъ первою отдѣлены отъ Божества существа небесныя и Ангельскія, второю же отдѣлено наше естество отъ существъ небесныхъ...» (1 ст. 239. сл.).

Видите, какъ далеко. — И Ангелы оставлены внѣ, а мы даже внѣ Ангеловъ. — Между тѣмъ однакожь, не смотря на созерцаніе сей отдаленности и сокровенности Божескаго естества отъ тварей, когда сталъ онъ изображать сотвореніе тварей, не усомнился сказать, что Богъ во первыхъ творитъ сродныя Себѣ твари, то есть

разумныхъ духовъ. Его умъ, столько благоговѣйный и высокосозерцательный, не видѣлъ невозможности существовать конечнымъ духамъ по дару единого Духа безконечнаго, безконечная духовность не поглощала у него возможности духовности конечной. Какъ ни высокъ и ни отдаленъ Богъ отъ тварей, однакожь это не попрепятствовало, по мыслямъ св. Богослова, быть между тварями, сроднымъ Ему тварямъ. Сродны же Богу природы умныя. Мы уже видѣли это мѣсто (т. 3, стр. 240, и 4, стр. 157—8) при разсматриваніи ученія св. Богослова объ Ангелахъ.

Посмотримъ теперь, какъ обстаиваетъ свою мысль брошюра (стр. 12. Приб. къ сл. о см.). «Богъ, говоритъ, есть существо всесовершенное, неимѣюще ничего общаго съ существами сотворенными.» Можно ли такъ рѣзко отрѣзывать тварь отъ Творца? Высоко естество Божіе, но любообщительна благодать. Возможно ли, чтобъ Творецъ не былъ видѣнъ въ твари? А если видѣнъ, какъ нѣтъ въ ней ничего общаго съ Творцемъ! Есть твари, о которыхъ Самъ Творецъ сказалъ, что онѣ созданы по образу Божію. Неужели же и тутъ ничего нѣтъ общаго, гдѣ образъ? Опять, когда возстановляются падшіе, Самъ Возстановитель поставляетъ цѣлю возстановительныхъ дѣйствій и учрежденій Богообщеніе, молясь: *да и ти въ насъ едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ...* и тѣ, кои прильпляютъ къ Нему, сподобляются общенія съ Богомъ Отцемъ и Сыномъ Его Иисусомъ Христомъ (1 Ин. 1). Ужели и тутъ ничего общаго нѣтъ?!

(Слова брош.) «Онъ (Богъ) есть собственно существо: *Азъ есмь сый*, сказалъ Онъ о Себѣ (Исх. 3:14)». Пусть Богъ есть собственно существо; тѣмъ неменѣе однакожъ и твари истинно существуютъ. И когда онѣ существуютъ, это существованіе не есть Божіе въ нихъ существованіе, а ихъ собственное, хотя Богомъ дарованное. Такъ и въ отношеніи къ духовности, — собственно Духъ есть Богъ; но тѣмъ не менѣе есть и твари-духи, и эта духовность въ нихъ есть собственная духовность, хотя Богомъ дарованная.

(Слова брош.) «Существованіе разумныхъ тварей и жизнь ихъ отличаются отъ жизни Бога, подобно тому, какъ отличается свѣтъ, который издають изъ себя предметы, освѣщенные солнцемъ, отъ свѣта, изливающагося собственно изъ солнца, изъ источника свѣта.» Позволяю себѣ думать, что это мѣстечко не въ пользу мнѣнія брошюры. Никто и не говоритъ, чтобъ духовность разумныхъ тварей была одинакова съ духовностію Бога. Она подобна духовности Божіей, но въ достоинствѣ несравненно ниже ея. При всемъ томъ, однакожъ, все она есть духовность, подобно тому, какъ свѣтъ отраженный, хотя слабѣе солнечнаго, но все же есть свѣтъ, и свѣтъ солнечный.

Равнымъ образомъ и что далѣе приводится (въ брош.) изъ св. Іоанна Дамаскина, подаетъ поводъ дѣлать наведенія, противныя мнѣнію брошюры. Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: Благій, всеблагій и преблагій Богъ, будучи весь благодать, по безмѣрному богатству Своей благодати, не потерпѣлъ, чтобъ благо, то есть, Естество Его, пребывало одно и никто не былъ причастникомъ

его!! Если естество Божеское духовно: то чего, посему не потерпѣла благодѣть Божія? Не потерпѣла, чтобъ никто не былъ причастникомъ сей духовности. Если не потерпѣла, то какъ же не быть между тварями духовнымъ тварямъ, съ Богоподобною духовностию? Онъ и есть, какъ далѣе говоритъ св. Дамаскинъ: «Для сего Онъ сотворилъ умныя и небесныя силы (чисто духовныя), потомъ — видимый и чувственный міръ, наконецъ — человѣка изъ умнаго и чувственнаго (духъ — въ плоти) естества»!!

Это мѣсто почти слово въ слово взято изъ св. Григорія Богослова. А у него, какъ мы видѣли, умныя и небесныя силы называются сродными Богу, или Богоподобными естествами.

Далѣе слѣдуетъ (на стр. 13—16) пространная выписка изъ св. Іоанна Златоуста и св. Макарія о неприступности и непостижимости Божескаго естества. Но не объ этомъ у насъ рѣчь. Изъ неприступности слѣдуетъ только, что Богъ, любя разумныя твари и желая приблизиться къ нимъ, употребляетъ снисходительныя приспособленія, чтобъ онѣ возмогли вступить въ общеніе съ нимъ. Но чтобъ твари сіи не могли быть духами, — не слѣдуетъ. Скорѣе, удостовѣряясь въ благоснисхожденіи неприступнаго Бога и желаніи Его доставить общеніе съ Собою Ангеламъ и людямъ, надо допустить въ сихъ послѣднихъ духовность, чтобъ была у нихъ сторона способная къ общенію съ Богомъ-Духомъ.

Слѣдующая за симъ выписка изъ св. Макарія была разобрана пространно прежде.

Итакъ я, кажется, имѣю право сказать, что брошюра изъ неприступности естества Божія не успѣла вывести рѣшительное отрицаніе — духовности въ тваряхъ. Напротивъ, и предварительныя мои соображенія, и замѣтки на выписки изъ брошюръ прямо ведутъ къ тому заключенію, что между тварями должны быть духовныя естества, — Богоподобныя.

Брошюра сама чувствовала, что благодати Творческой ничто не могло помѣшать дать бытіе духовнымъ тварямъ. Почему отъ Творческой неприступности переходить къ тварной ограниченности, и наводить, что духовность несовмѣстна съ тварною ограниченностію. Пусть бы и хотѣлъ Богъ, чтобъ были твари съ духовною сущностію, но тварь, поколику тварь ограниченная, не можетъ вмѣстить сей духовности. И это есть второе соображеніе брошюры. Вотъ слова ея (стр. 17): «если сотворенные духи — ограничены: то и существо ихъ и свойства — ограничены. Если существо ихъ и свойства — ограничены: то и духовность ихъ — ограничена. Если духовность ихъ — ограничена: то они по необходимости должны имѣть извѣстную степень вещественности, свойственную ихъ природѣ. Напротивъ того, если припишемъ имъ совершенную невещественность, то есть, неограниченную духовность, то вмѣстѣ съ симъ, по необходимости, должны приписать имъ неограниченность существа, потому что только одно неограниченное существо можетъ имѣть и должно имѣть неограниченныя свойства».

Всѣ эти положенія группируются около одного средоточнаго пункта: «если духовность сотворенныхъ

духовъ ограниченна: то они по необходимости должны имѣть извѣстную степень вещественности, свойственную ихъ природѣ». Спрашивается теперь, какимъ образомъ ограниченная духовность необходимо должна быть въ извѣстной степени вещественна? — Откуда вытекаетъ эта необходимость? Здѣсь этого не видно. Дополнимъ сіе соображеніе изъ Слова о смерти. Тамъ въ примѣчаніи, на стр. 16, читаемъ: «Ангелы подчинены времени и пространству. Понятіе о подчиненіи пространству неразлучно отъ понятія о подчиненіи формѣ. Отринувъ понятіе о подчиненіи Ангеловъ пространству, должно или вовсе отвергнуть ихъ существованіе, или признать ихъ безпредѣльными, то есть, приписать имъ вездѣсущіе Божеское. Только двѣ неопредѣленныя величины — ничто и безконечное — не подчиняются никакой формѣ, всякая напротивъ того, опредѣленная величина, какъ бы ни была велика или мала, непременно имѣетъ форму, по самой опредѣленности своей. Согласившись, что Ангелы ограниченны, необходимо должно принять и то, что они по отношенію къ пространству имѣютъ форму, а по отношенію къ тонкости естества имѣютъ извѣстную степень этой тонкости, то есть неизбежно суть тѣла, какъ бы эти тѣла ни были тонки. Форма ограниченаго существа непременно обрисовывается, такъ сказать, самими его предѣлами, оконечностями; обрисованное такимъ образомъ существо имѣетъ свой видъ. Безконечное не подчинено никакой формѣ, какъ не имѣющее ни въ какомъ направленіи никакаго окончанія; по этой же причинѣ оно не можетъ имѣть никакого вида.

Бога никтоже видѣти нигдѣже (Ин. 1:18). Безконечное Существо не можетъ быть тѣломъ, потому что Оно тоньше всякой превосходнѣйшей тонкости, Оно — вполнѣ духъ».

Вотъ доказательство! — Доказательно ли оно? Если, говоря о Богѣ, что Онъ есть Существо безконечное, нельзя иного разумѣть, какъ то, что Божеское *естество* ни въ какомъ направленіи не имѣетъ окончанія, то есть, что оно безконечно по протяженію; то само собою будетъ слѣдовать, что и конечное конечно по протяженію, то есть имѣетъ окончанія по всѣмъ направленіямъ; слѣдовательно, занимаетъ извѣстное пространство, по тремъ измѣреніямъ, имѣетъ свою форму и есть потому тѣло. Но если безконечное не означаетъ этого неокончанія ни въ какомъ направленіи, не означаетъ, то есть, безконечности по протяженію, то никакъ не будетъ слѣдовать, что конечное необходимо уже есть тѣло.

Теперь опредѣлить надобно намъ точный смыслъ слова — безконечный.

Въ латинскомъ нарѣчій есть два слова: *indefinitus* и *indefinitus*. И у насъ тоже два имѣютъ соотвѣтствующія слова: безконечный или безпредѣльный, и неопредѣленный. Два термина, выражающіе понятія совершенно различныя. Неопредѣленный — значитъ — неимѣющій точныхъ границъ и очертаній, а безпредѣльный и безконечный — значитъ — неимѣющій степеней совершенства, или всесовершенный во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ; — полнота бытія, жизни, совершенства. Отношеніе къ

пространству и времени тутъ не берется во вниманіе. Ибо безпредѣльный внѣ сихъ отношеній. Нельзя о немъ говорить — ни бесконечно продолжающійся во времени, ни бесконечно протяженный въ пространствѣ. — Онъ есть вѣчный, чѣмъ отрицается временность, и вездѣсущій, чѣмъ отрицается пространственность. Еслибъ въ брошюрахъ поимѣлось сіе послѣднее въ мысли, не было бы тѣхъ выводовъ, какіе выведены. Вся ошибка ихъ состоитъ въ неправильномъ понятіи о бесконечности Божескаго существа. Если бесконечное понять такъ, что оно ни въ какомъ направленіи не имѣетъ окончанія, то есть во всякомъ направленіи протяженно безъ конца; то оно исчезнетъ въ неопредѣленности, какъ то, о чемъ у насъ говорятъ: разлетѣлось въ воздухъ. Почему, если брошюра, говоря, что бесконечное не подчинено формѣ... или далѣе, — что оно не имѣетъ вида, разумѣетъ подъ симъ эту неоконченность въ протяженіи, то она, превознося Бога на словахъ, по смыслу уничтожаетъ Его бытіе. Математическая величина неопредѣленная — тоже есть ничто.

Вижу даже, что и о духовности Божеской брошюра имѣетъ неправильное понятіе. Ибо говорить о бесконечномъ: «бесконечное не можетъ быть тѣломъ». Почему? Потому что оно тоньше всякой превосходнѣйшей тонкости, оно — вполнѣ духъ. Выходитъ, что Божеское существо потому Духъ, что оно тоньше всякой превосходнѣйшей тонкости, — то есть, высочайшая, совершеннѣйшая тонкость, выше и совершеннѣе которой уже и быть никакая тонкость не

можетъ. На такія мысли наводятъ термины брошюры. Какъ тонкость вообще есть принадлежность вещества; то и высшая — послѣдняя степень тонкости тоже будетъ указывать на вещество. Отсюда прямо будетъ слѣдовать, что, по понятію брошюры, и Богъ есть вещественъ. Брошюра, конечно, откажется отъ такого вывода; но онъ прямо вытекаетъ изъ ея терминовъ и, слѣдовательно, понятій; такъ у ней — два исходныхъ понятія неправильныхъ. И выводы у ней въ отношеніи къ Ангеламъ дѣлаются изъ того и другаго, то есть, какъ изъ понятія о безконечности, какъ неимѣніи окончанія ни въ какомъ направленіи, или безконечномъ протяженіи, такъ и изъ понятія о духовности, какъ о послѣдней степени тонкости. Именно это дѣлается въ слѣдующемъ положеніи: «Согласившись, что Ангелы ограничены, необходимо должно принять и то, что они по отношенію къ пространству, имѣютъ извѣстную форму, а по отношенію къ тонкости естества имѣютъ извѣстную степень сей тонкости, то есть, неизбѣжно суть тѣла, какъ бы тѣла эти ни были тонки». Не явно ли, что неограниченность разумѣется какъ неограниченная, безформная пространственность, и духовность, какъ совершеннѣйшая тонкость?

Изъ такихъ-то неправильныхъ понятій исходя, брошюра и построила все свое толкованіе о тѣлесности Ангеловъ и душъ. Но если законъ непредложенъ, что какъ скоро неправильны исходныя понятія, то и все выводимое изъ нихъ неправильно; то все построеніе брошюръ фальшиво. Если неограниченное безконечное существо не означаетъ неограниченности

пространственной; то и ограниченность существа не означаетъ необходимо ограниченности по отношенію къ пространству, не требуетъ, потому, чтобъ существо сіе необходимо имѣло форму, чтобъ обрисовывалось своими предѣлами и оконечностями, и имѣло видъ. Все сіе можетъ быть умѣстно въ ограниченномъ, только не вытекаетъ изъ понятія о безконечномъ, не какъ о неограниченной пространственности. Равнымъ образомъ, не вытекаетъ и слѣдующее положеніе: «отвергнувъ понятіе о подчиненіи Ангеловъ пространству, должно или вовсе отвергнуть ихъ существованіе, или признать ихъ безпредѣльными, то есть, приписать имъ вездѣсущіе». Если неограниченность или безпредѣльность есть безконечная протяженность, или занятіе неопредѣленнаго какаго, а всевозможнаго протяженія и пространства; то будетъ необходимо слѣдовать, что коль скоро Ангелы не подчинены опредѣленному пространству, а всего пространства по ограниченности занимать не могутъ; то ихъ нѣтъ. Но если они есть и опредѣленному пространству не подчинены; то остается одно допустить, что они все исполняютъ пространство, или суть (по брошюрамъ) вездѣ. Все такъ выходитъ, коль скоро возьмемъ въ основу неправильное понятіе о безконечномъ, будто оно есть существо, ни въ какомъ направленіи неимѣющее окончанія. Поставьте вначалѣ другое понятіе о безконечномъ, весь выводъ этотъ рушится самъ собою.

Вотъ я прошелъ всѣ предложенія или выводы брошюры изъ ея понятія о безконечномъ; но какъ

понятіе сіе у ней не вѣрно; то не вѣрны и всѣ выводы. Изъ правильнаго понятія о безконечномъ нельзя сдѣлать такихъ выводовъ. Изъ правильнаго понятія о безконечномъ, какъ о всесовершенномъ, выходитъ, что всякое ограниченное существо можетъ имѣть только извѣстную долю совершенства и притомъ въ извѣстной степени. Но чтобъ оно необходимо занимало пространство, — имѣло всѣ три измѣренія, имѣло свою форму и видъ, и было потому тѣло, сего никакъ не слѣдуетъ. Сіи принадлежности выводятся изъ другихъ положеній о тварныхъ существахъ — именно, изъ положенія о тваряхъ вещественныхъ. Съ понятіемъ о веществѣ необходимо соединено понятіе о протяженіи; понятіе о протяженіи ведетъ къ понятію о формѣ; оформленное протяженное вещество есть тѣло. Изъ понятія же о тваряхъ невещественныхъ выходятъ другія положенія: вмѣсто протяженія, или, какъ говорятъ, количества экстенсивнаго, въ нихъ качествуетъ количество интенсивное, степень напряженія духовныхъ силъ и умственно-нравственныхъ качествъ. Такое свойство духовныхъ существъ не требуетъ, чтобъ они непременно оформлялись въ пространствѣ, хотя дѣятельность ихъ непременно должна проявляться гдѣ либо¹. Они существуютъ гдѣ либо, но не занимаютъ пространства, какъ занимаетъ или наполняется оно тѣломъ; а только являютъ свое въ немъ присутствіе дѣятельностію духовныхъ или умныхъ силъ,

¹Василій Великій т.6 стр.28. Ограниченнымъ называю не только естество, объемлемое мѣстомъ, но и... которое можно обнимать познаніемъ.

составляющихъ ихъ сущность. Не оформляясь въ пространствѣ, они не имѣютъ очертаній; не имѣя очертаній, не имѣютъ вида. Вотъ прямыя слѣдствія изъ правильнаго понятія о безконечномъ и конечномъ! — слѣдствія, діаметрально противоположныя выводамъ брошюръ. Спора въ выводахъ не можетъ быть. Весь споръ, если ему умѣстно быть, долженъ быть въ кругѣ понятія о безконечномъ. Чье понятіе о безконечности вѣрно, на сторонѣ того и правда.

Въ Пространномъ Хр. катихизисѣ такъ сказано о существѣ Божіемъ: «Богъ есть духъ, вѣчный, всеблагій, всевѣдущій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный, всеблаженный» (чл. 1 стр. 26). Все же сіе въ совокупности однимъ словомъ сказать: всесовершенный, или безконечно совершенный.

Въ Богословіи преосв. Макарія говорится: «Называя Бога *безпредѣльнымъ*, мы разумѣемъ, что Онъ не только свободенъ отъ всякаго ограниченія и недостатка, въ какомъ бы-то ни было отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ всѣми возможными совершенствами (существенностями — *realitatibus*) и притомъ въ высочайшей степени, или безъ всякой степени и мѣры» (т. 1, стр. 76). На стр. 78 значится: «Должно помнить, что *безпредѣльность* или всесовершенство въ Богѣ не есть какое либо частное свойство Божіе, а общее, объемлющее собою всѣ прочія: Богъ, говоритъ св. Кирилль Іерусалимскій, совершенъ во всемъ..., совершенъ въ вѣдѣніи, совершенъ въ силѣ, совершенъ въ величіи, совершенъ въ предвѣдѣніи, совершенъ въ

благости, совершенъ въ правосудіи, совершенъ въ чловѣколюбіи» (Огл. поуч. VI п. 8. стр. 105 въ рус. пер.).

Вотъ такъ надо понимать безпредѣльность Божескаго естества! Нигдѣ тутъ не помянуто, хоть бы намекомъ какимъ, что оно потому безконечно, что не имѣетъ окончанія ни въ какомъ направленіи. Слѣдовательно, Ангеловъ и души не слѣдуетъ понимать такъ, какъ понимаютъ ихъ брошюры, основываясь на послѣднемъ неправильномъ понятіи о безпредѣльномъ. Не должно думать, чтобъ Ангеламъ и душамъ, поколику они конечны, необходимо должно принадлежать очертаніе, фигура, видъ, определенное протяженіе въ пространствѣ по тремъ измѣреніямъ.

Какъ Ангелы и душа суть въ пространствѣ, пониманію сего научились мы у св. Іоанна Дамаскина, по которому они такъ суть въ пространствѣ, что отъ этого не получаютъ вида или образа, и необходимости имѣть три измѣренія. А что души не имѣютъ ни очертанія, ни количества, ни протяженія по тремъ измѣреніямъ, ни мѣстнаго положенія, — сему научилъ насъ св. Григорій Нисскій, котораго ученіе надо считать не единоличнымъ, но совмѣщающимъ въ себѣ согласіе и Василія Великаго, и Григорія Богослова. Св. же Григорій Нисскій устранилъ и то недоумѣніе, которое рождается изъ отрицанія сихъ качествъ въ душѣ (и прибав. Ангелѣ), будто, то есть, поэтому должно считать ее одного естества съ Богомъ — безконечнымъ, — устранилъ, объяснивъ, что Богоподобіе не есть единосущіе.

Такимъ образомъ желаніе брошюръ — изъ ограниченности Ангеловъ и душъ вывести, что они суть тѣло, можно считать — очень неудачнымъ. Почему слѣдующее за тѣмъ (на 20 стр. Прибав. къ сл. о см.) обращеніе къ религіозному чувству, что-де смотрите, приписывая и тварямъ, — Ангеламъ и душамъ, — духовность, вы свойства Творца усвоите тварямъ и, слѣдовательно, впадаете въ богохульство (такой смыслъ должно имѣть это мѣсто), — оказывается излишнимъ, послѣ сдѣланныхъ предъ симъ объясненій. Даже можно съ подобною же рѣчью обратиться къ брошюрамъ, что-де смотрите, вѣдь вы, желая Бога защитить, указъ Ему предписываете, что Онъ можетъ и что не можетъ создать, и тогда какъ Онъ самъ свидѣтельствуешь, что Имъ созданы твари, подобныя Ему, вы своимъ отрицаніемъ говорите какъ бы Ему: гдѣ Тебѣ создать?! Равно, почитая Ангеловъ духами, не думаемъ впасть въ излишество почитанія; напротивъ опасаемся, какъ бы, назвавши ихъ тѣломъ, не оскорбить ихъ, ниже о нихъ думая, нежели что они есть. За излишекъ почитанія кто оскорбится? А за невоздаяніе должнаго, можетъ быть, и негодовать станутъ они на насъ.

Третьимъ соображеніемъ считаю то, что читаемъ на 41 стр. Приб. къ сл. о смер..., именно: «Связь души съ тѣломъ доказываетъ, что, не смотря на значительное различіе между тѣломъ и душою, тѣло и душа имѣютъ и нѣчто общее, имѣютъ — употребимъ выраженіе химіи — сродство. Если бъ не было сродства, не могло бы быть никакой связи. Если же есть сродство; то душа

необходимо должна имѣть нѣкоторую свойственную себѣ вещественность».

Всегда почти слышится возраженіе, вызывающее психологовъ, признающихъ душу духовною субстанціею, на объясненіе: какъ душа соединена съ тѣломъ, и какъ дѣйствуютъ они взаимно другъ на друга? Слишкомъ велико кажется разстояніе между духомъ и тѣломъ. И вотъ, чтобъ сблизить ихъ и тѣмъ ослабить силу предлагаемыхъ вопросовъ, говорятъ: и духъ — тѣло, только тонкое. Облегчается ли этимъ затрудненіе? — Кто какъ взглянетъ. Иной можетъ думать, что недоумѣніе остается въ прежней силѣ, и сверхъ того, не облегчая объясненія одной стороны (союза и взаимодействія души и тѣла), непреодолимая воздвигаетъ затрудненія съ другой (духовныхъ дѣйствій души — сознанія, свободы мысли и проч.). И я къ такому пристаяю. Но не объ этомъ теперь слѣдуетъ говорить. Правда ли, что для того, что бы быть въ связи и взаимодействовать, надобно быть однородну? И необходимо ли, потому, душѣ, по естеству духовной, быть тѣломъ, чтобъ быть въ связи и взаимодействіи съ тѣломъ? По моему это не необходимо. Кромѣ матеріальнаго сродства есть сродство динамическое, интенсивное, состоящее въ единствѣ формъ и законовъ дѣйствованія. Довольно предположить, что душа, будучи духовною субстанціею, получила законы и формы, одинаковые съ законами и формами вещественнаго міра и своего тѣла, чтобъ понять, какъ она дѣйствуетъ посредствомъ ихъ на тѣло и обратно принимаетъ дѣйствіе отъ тѣла, не будучи сама тѣломъ.

Душа не есть отвлеченная сила, какъ показалось брошюрѣ (въ Приб. къ сл. о см. см. стр. 44, къ концу); но есть сила дѣйствительная, реальная, реально существующая между другими реальностями. Въ этой реальности бытія лежитъ основаніе возможности дѣйствовать на окружающее и отъ него принимать дѣйствіе. А чтобъ это взаимодѣйствіе не было разрушительно, оно ограждено подобонастроеніемъ внутреннимъ, одинаковостію законовъ и формъ дѣйствованія. Душа — духъ, реальная сила, физическою, выразимся такъ, стороною своею дѣйствуетъ и приводитъ въ движеніе все тѣло, и какъ духъ, выше вещества, является въ насъ преобладающею и господственною. Даже самое образованіе тѣла сею же стороною совершается помимо сознанія и самодѣятельности души. Разумѣя, такимъ образомъ, самое тѣло продуктомъ души-духа, не будемъ уже имѣть нужды рѣшать вопросъ, какъ соединена душа съ тѣломъ, и какъ они взаимодѣйствуютъ другъ на друга допущеніемъ, что душа — тѣло. Припомните одну нашу выписку изъ св. Василія Великаго о двоякой силѣ души — жизненной и разумной, и согласитесь, что моя мысль не собственно моя. Приведу и здѣсь то мѣсто. «Душевная сила, говоритъ онъ, двояка, хотя душа одна и та же; именно же: *одна* собственно жизненная сила тѣла, а другая — сила созерцающая существующее, которую называемъ также разумною. Но душа, поелику соединена съ тѣломъ, *естественно*, вслѣдствіе сего соединенія, а не произвольно, сообщаетъ тѣлу жизненную силу. А сила созерцательная приводится въ движеніе *по*

произволенію» (т. 5, стр. 391). Вотъ источникъ и особенная форма сродности тѣла душѣ, по которымъ никакъ не требуется, чтобъ они оба необходимо были тѣло.

Не говорю, чтобъ этимъ объясненіемъ секретъ союза души съ тѣломъ былъ раскрытъ. Но не могу не настаивать, что при немъ не настоятъ необходимости въ другихъ предположеніяхъ, тѣмъ паче въ такихъ странныхъ, по которымъ и душу слѣдовало бы признать тѣломъ. Душа прикасается къ тѣлу и дѣйствуетъ на него естественно, и обратное дѣйствіе тоже принимаетъ естественно.

Этимъ бы можно было окончить разсмотрѣніе третьяго соображенія брошюръ. Но меня особенно останавливаетъ въ немъ слово *сродство*, взятое изъ химіи, по которому можно означить и четвертое соображеніе брошюры. Оно испугало меня, когда встрѣтилъ я его здѣсь въ первый разъ, возродивъ опасеніе, не состоитъ ли теорія брошюръ въ союзѣ съ началами химіи. Опасеніе не было напрасно. Чрезъ двѣ страницы читаю (стр. 44): «Тѣло пребываетъ тѣломъ до той минуты, до которой не оставила его жизнь. Оставленіемъ его жизни начинается *разложеніе его*. Болѣе: этимъ *оставленіемъ разложеніе совершается*; дальнѣйшее разложеніе есть только послѣдствіе главнаго, существеннаго разложенія. *Разложеніе вещества*, по законамъ химіи, не иначе можетъ совершиться, какъ отдѣленіемъ отъ него *одной, или многихъ составныхъ частей его*. Здѣсь указаніе науки на *вещественность души*: отдѣленіе чего либо *невещественнаго, отвлеченнаго*, не произвело бы на вещество *накакаго вліянія*. Но душа

невидима. Что до того? Невидимъ и теплородъ. Онъ не взвѣшиваемое начало, но *отдѣляется онъ химически* отъ воды отдѣленіемъ незамѣтнымъ и непостижимымъ для чувства, и вода обращается въ *другое вещество* — въ ледъ». Читаешь, и глазамъ не вѣришь! Что ни слово, то неслыханная новость! Подумаешь, одно слово, вырвавшееся, можетъ быть, невзначай, разумью сродство, вотъ къ чему привело! Душа попала въ химическіе элементы тѣла!!! Кто когда слыхалъ, или читалъ подобную новость?! Переройте всѣ химіи, новѣйшія, конечно, достигшія величайшаго развитія (таже стр. въ нач.), и намека не найдете на это. Вѣрно, это самое новенькое открытіе, невошедшее еще ни въ какую печатную химію. У меня есть подъ руками физика Писаревскаго, въ которой очерчены и начала химіи (ч. 1 съ 539 стр.). Хоть бы тебѣ словечко какое въ этомъ родѣ. Но то было вѣдь давно. Мой экземпляръ изданія 1854 года. Въ этотъ промежутокъ времени куда можно шагнуть. Приходитъ на мысль, ужъ не открытіе ли это самихъ брошюръ, и самымъ химикамъ еще не вѣдомое?! Если такъ, то есть надежда, что не всѣ химики примутъ его; расколъ между ними произойдетъ. А то, пожалуй, и никто не приметъ. Судя по тому, какъ ведетъ свои дѣла химія, надо ожидать, что она не приметъ души въ семью своихъ элементовъ, хоть бы сама просилась. Куда мнѣ, скажетъ, сладить съ тобою! Мнѣ надо закупорить тебя во чтонибудь, взвѣсить, соединять съ другими и разъединять. А тебя уловишь?!.. У меня вонъ теплота, электричество, свѣтъ тутъ же около меня и со мною хлопчуть; а все я ихъ не

записываю въ одинъ списокъ съ своими. Электричество иногда и самому даетъ такого толчка, что не опомнишься. Слышно же, что и тебя ставятъ въ одинъ разрядъ съ этакими, или еще ты тоньше. Такъ нѣтъ ужъ, убирайся. Нечего мнѣ съ тобою дѣлать! Довольно съ меня и этихъ насмѣшницъ надъ моимъ искусствомъ овладѣвать элементами.

Прошу извинить за этотъ тонъ. Выписанная сентенція и не стоитъ серьезнаго!

Самостоятельная независимая область химическихъ процессовъ есть неорганическая природа. Есть химическіе продукты и въ растеніяхъ, но процессы химическіе здѣсь состоятъ въ зависимости отъ иного начала, котораго химія не понимаетъ, какъ и сама брошюра (на сей же стр.) говоритъ. Пока это начало въ дѣйстви, химіи нѣтъ входа въ ея лабораторію. Но когда отойдетъ оно, и останется одно тѣло, имъ произведенное; тогда химія беретъ ея продукты, разлагаетъ и все опредѣляетъ, какой ея элементъ въ какую часть, въ какой мѣрѣ поступилъ; но самаго производства дѣла не знаетъ. По изслѣдованіи всего ей остается только сказать: видишь, что надѣлало это начало — жизнь! А какъ, кто ее знаетъ?! Въ животномъ самое растительное начало видимъ въ подчиненіи иному началу, отъ котораго сообщается чувство, движеніе, смысленность. А въ человѣкѣ видимъ и еще высшее начало, надъ всѣмъ этимъ господствующее, и всего того высшее. Такова лѣствица силъ! За что же это сталкивается душа на послѣднюю ступеньку? Чѣмъ провинилась? Кажется, у ней все по старому!

Чтобъ не подумали, что это я самъ такъ разсуждаю о постепенности въ лѣствицѣ жизненной, и потому не сочли сего слова за ничто, привожу ученіе св. Григорія Нисскаго о семъ предметѣ. «Едва не забыли мы того порядка въ твореніи, по которому предшествуетъ прозябаніе растеній изъ земли, и за симъ послѣдуютъ безсловесныя животныя, и потомъ по устройеніи ихъ — человѣкъ... Мнѣ кажется, что Моисей излагаетъ въ этомъ нѣкое сокровенное ученіе, и таинственно сообщаетъ любомудріе о душѣ, о которомъ мечтала и внѣшняя ученость, но не уразумѣвала его въ ясности. Ибо Слово учитъ насъ, что въ трехъ различіяхъ усматривается жизненная и душевная сила. Есть нѣкая сила растительная только и питательная; пріемля годное къ приращенію питаемаго, называется она естественною, и усматривается въ растеніяхъ, потому что и въ произрастающемъ можно примѣчать нѣкую жизненную силу, лишенную чувствъ. Но кромѣ сего, есть другой видъ жизни, которому принадлежитъ и первый, и къ нему присоединена способность управлять собою по чувству; такова жизнь въ естествѣ безсловесныхъ: они не питаются только и растутъ, но имѣютъ чувственную дѣятельность и чувственное пониманіе. Совершенная же жизнь въ тѣлѣ усматривается въ естествѣ словесномъ, разумѣю естество человѣческое, питаемое, чувствующее, имѣющее даръ слова и управляемое разумомъ... Посему Законодатель (то есть Моисей) говоритъ, что послѣ неодушевленнаго вещества, какъ бы въ нѣкое основаніе существъ одушевленныхъ, прежде всего образована эта естественная жизнь, осуществившаяся въ

прозябениі растений, потомъ вводитъ въ бытіе тварей, управляемыхъ чувствомъ... Послѣднимъ послѣ растений и животныхъ устроены челоуѣкъ. Всякаго вида души срастворены въ этомъ словесномъ животномъ — челоуѣкъ... Онъ питается, съ растительною же (питательною) силою соединена чувствительная... Потомъ съ тѣмъ, что есть тонкаго и свѣтоноснаго въ естествѣ чувствующемъ, совершается нѣкое освоение и срастворение умопредставляемой сущности, чтобы челоуѣкъ составленъ былъ изъ сихъ трехъ естествъ.

Такъ подобное сему дознали мы отъ Апостола, когда говорилъ онъ Солунянамъ, желая имъ, да сохранится всесовершенная благодать и тѣла и души и духа въ пришествіе Господа (1 Сол. 5:23), и питательную часть называя тѣломъ, чувствующее означая словомъ: душа, а умопредставляемое словомъ: духъ... Отсюда Апостоль знаетъ три различныя произволенія, и именуетъ плотскимъ то, которое занимается чревомъ и его услажденіями; душевнымъ, которое, въ срединѣ между добродѣтелию и порокомъ, возвышается надъ порокомъ, но не вполнѣ причастно добродѣтели, и духовнымъ, которое имѣетъ въ виду совершенство житія по Богу» (Ч. 1. стр. 97—100. Тоже есть въ 4 ч. стр. 239—40).

Таково полное изображеніе силъ, дѣйствующихъ въ тваряхъ!.. Подобное же ученіе можно видѣть въ 166 пунктѣ увѣщанія Антонія вел., что помѣщено въ *Добротолюбіи* и у Исаака Сиріанина — въ статьяхъ о трехъ степеняхъ разума. Нарочно привожу все это и указываю, чтобъ сказать, что мой взглядъ на лѣствицу жизни есть не одного моего скуднаго ума взглядъ!

Это я мимоходомъ помянулъ о лѣствицѣ силъ, за тѣмъ только, чтобъ рельефнѣе видна была неправость брошюры, столкнувшей душу нашу въ разрядъ химическихъ элементовъ. Если уже не хочешь признать души тѣмъ, что она есть, молчи по крайней мѣрѣ; молчи потому, что «современная наука ничего объ этомъ не понимаетъ». «Жизнь тѣла, говоритъ сама брошюра, недоступна для постиженія нашего» (на той же стр.). И это еще органическая жизнь — растительная; тѣмъ больше недоступна жизнь животнаго, имѣющая, сверхъ первой, еще чувство и движеніе произвольное и смысленность; и еще несравненно болѣе недоступна жизнь человѣка, у коего душа или духъ, способный къ Боговѣдѣнію, къ Богоощущенію, къ совершенно свободной дѣятельности, не зависящей ни отъ чего внѣшняго, къ составленію обзрѣній всего сущаго, къ стремленіямъ, отъ всего отрѣшающимъ сознание и сердце. Если все это невѣдомо; то законъ велитъ не составлять никакихъ положеній о невѣдомомъ, ни объ органической жизни, ни о животной, ни тѣмъ паче о жизни человѣческой. И вотъ, однакожь, составляется положеніе, и составляется именемъ науки, — что наша душа вещественна, — и именно есть въ насъ въ качествѣ химическаго элемента, отдѣленіе котораго полагаетъ начало, или даже совершаетъ разложеніе нашего тѣла.

Послѣднее указаніе опыта, — что исходомъ души полагается начало разложенія тѣла, послужило, какъ видится, поводомъ къ такому положенію. Ибо брошюра, какъ значитъ въ нашей выпискѣ, умствуешь такъ: разложеніе вещества, то есть, какого либо

химически сложеннаго тѣла, по законамъ химіи, не иначе можетъ совершиться, какъ отдѣленіемъ отъ него одной или многихъ составныхъ частей его. Такъ какъ душа, отдѣляясь отъ нашего тѣла, совершаетъ разложеніе его; то, очевидно, она есть составная часть тѣла. И какъ, далѣе, тѣло наше вещественно; то и всѣ составныя части его вещественны; слѣд. и душа вещественна, какъ соотвѣтственная часть его. И вотъ знаменитое указаніе науки на вещественность души, по умствованію брошюръ! Отдѣленіе чего либо невещественнаго, отвлеченнаго, не произвело бы на вещество (тѣло) никакого вліянія.

Аминь, — кончено. Какъ гвоздьми, плотно прибита вещественность души, этою цѣпью силлогизмовъ. Не вывернется! Страшная вещь — эти силлогизмы!!

Но вотъ является возраженіе, что-де душа вѣдь невидима. Стоитъ обращать вниманіе на эту мелочь. Что изъ того? Невидимъ и теплородъ, но отдѣляется онъ химически отъ воды, и вода обращается въ другое вещество, въ ледъ. Существованіе чего либо вещественнаго, не имѣющаго дѣйствія на наши чувства, или имѣющаго дѣйствіе, котораго не понимаемъ и не замѣчаемъ, не только непротивно ея (химіи) ученію, но явствуется изъ ея ученія (стр. 45 въ конц.).

Такимъ образомъ совсѣмъ управилась брошюра съ этою духовностію духовъ. Теперь не пикни. Съ помощію современной-то науки какъ-то выходитъ удобнѣе, а изъ писанія и св. Отцевъ не такъ ясно выходитъ. Но тогда химіи чай совсѣмъ не было, а если и была, что за химія?! Нынѣ она — такъ уже не такъ!.. Такъ и забираетъ

радость, что наше (брошюръ) ученіе о духахъ, яко тѣлахъ, нисколько непротивно химіи и математикѣ; но совпадаетъ и согласуется съ положительною теоріею этихъ наукъ (стр. 46 — начало).

Такъ какъ же тутъ быть-то?! Химіи не знаешь, математикѣ на мѣдный грошъ учился. Стало, на основаніи ихъ говорить что нибудь въ свою пользу страшно. Брошюра пишетъ: «вводитъ чловѣковъ въ обманъ именемъ науки — недобросовѣстно» (стр. 45 — съ нач.). Вѣдь это про насъ написано, которые признаемъ духовъ — духами чистыми, невещественными, не справясь съ химіею и математикою. Стать поперечить, больше и больше будешь погрязать въ недобросовѣстности. Со всѣхъ сторонъ бѣда! И уступить не хочется.

Попробую себѣ смахнуть на современность. Провозглашаю, что химія и математика не компетентные судьи въ духовныхъ предметахъ. Компетентный и не компетентный — вѣдь это современное слово: авось вывезетъ. Но ужъ — вырвалось. Вывози! Такъ говорю: судьи некомпетентные, эти науки въ нашемъ дѣлѣ. Впрочемъ математика тутъ подстала ни къ селу, ни къ городу. Главное у насъ дѣло съ химіею. Такъ химія не компетентно судить о духовномъ. По старымъ законамъ такъ надо сказать; отвожу этого свидѣтеля и доказывателя: онъ состоитъ въ родствѣ, кумовствѣ и хлѣбосольствѣ съ моимъ противникомъ. Да. Химія вѣдь ничего не знаетъ, кромѣ вещественнаго. Какая ей стать поперечить вамъ, когда вы говорите, что духъ — тѣло? Ну пусть тѣло, скажетъ

она. Что такое тѣло, — я понимаю. Хотя и не понимаю, что такое духъ, и почему онъ тѣло; но коли онъ — тѣло, пусть: тѣло понимаю. Больше этого химія не можетъ сказать. Что дѣйствительно духъ — тѣло, это вы извольте доказать другимъ образомъ, и когда докажете, представьте его покровительству химіи. И вотъ тогда уже, какъ химія возьметъ его въ свое завѣдываніе, тогда скажите только: химія, — и все преклонить главу. — Но пока все это не сдѣлано, напрасно ссылаетесь на химію.

Но бѣда съ этими мудреными науками! Чай, я промахнулся, сказавши, что химія судья не компетентный въ нашемъ дѣлѣ; между тѣмъ приходится взять ее въ защиту свою, избрать ее своимъ адвокатомъ противъ брошюръ. Впрочемъ, ничего. Тутъ она будетъ судить не о духовности душъ и духовъ; а о томъ, что брошюры, желая имѣть ее на своей сторонѣ, наговорили на нее много такого, что совсѣмъ чуждо ей. То есть, она прямо себя только будетъ защищать, и сама за себя стоять; нашу же руку потянетъ уже стороною.

Воображаю себѣ, что вотъ выступаетъ химія и такую простираетъ рѣчь къ брошюрамъ: вы, брошюры, превознесли меня до небесъ; говорите, что и я вмѣстѣ съ другими естественными науками достигла, въ новѣйшее время, высочайшаго развитія, многія услуги оказала... доказала положительно то и то, отвергаю младенческое, и проч. Между тѣмъ приписываете мнѣ то, чего я знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Думаете вашими похвалами зажать мнѣ ротъ. Нѣтъ. За похвалы благодарствую. Но согласіемъ съ вами и позволеніемъ вамъ именемъ моимъ вводить чловѣковъ въ обманъ, не хочу пятнать

моей совѣсти, и протестую противъ вашихъ утвержденій.

1) Откуда вы взяли, — будто я потворствую распространенію мнѣній о существованіи такихъ веществъ, которыя не имѣютъ дѣйствія на наши чувства, или если имѣютъ *дѣйствіе*, то такое, котораго *замѣтить нельзя*. Это совершенная ложь! Что лежитъ за предѣлами нашихъ чувствъ и чего *дѣйствія не замѣчаемы*, этого ни я, ни всѣ мои сестры (естественныя науки) знать не знаемъ и знать не хотимъ. Касаться того, не наше дѣло. Наше дѣло замѣчать, что поддается замѣчанію, подводить подъ разныя чувства, дѣлать опыты, сличать, обобщать, дѣлать наведенія, и проч. Но все это въ области замѣчаемой если не всѣми, то хоть однимъ чувствомъ. Что до моего дѣла то у меня кислородъ, водородъ, азотъ — самыя тонкія, тоньше ихъ нѣтъ у меня, не имѣютъ ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса, но все же они не суть не замѣчаемы. Я ихъ добываю, закупориваю въ банки, взвѣшиваю, соединяю, опредѣляю паи, въ какихъ они съ какимъ веществомъ соединяются, и проч. Они въ моихъ рукахъ, подъ непрестанными моими замѣтками; я слѣжу за ихъ дѣйствіями всюду и тѣмъ опредѣляю ихъ. Вообще² же предметъ мой — явленія, производимыя силою сродства. Слагала я и разлагала, и нашла 62 основныхъ элемента. Вотъ мои дѣтища, и моя область. А въ числѣ ихъ смотрите-ка какія есть: сѣра, фосфоръ, мышьякъ, желѣзо, кобальтъ, цинкъ, мѣдь, свинецъ, ртуть, олово,

² Химическія понятія и термины взяты изъ Физики Писаревского ч. 1.

серебро, золото, платина и проч.³ Какова тонкота, невидимость, и неосязаемость. Вотъ мои духи! А какихъ вы тамъ придумываете, пожалуста мнѣ ихъ не навязывайте. Объ нихъ я, ни да, ни нѣтъ.

Подслушавши эту рѣчь, могу только прибавить отъ себя, что существованіе духовъ въ томъ видѣ, какъ проповѣдуетъ брошюра, не противно химіи, вѣрно потому только, что сей послѣдней до нихъ дѣла нѣтъ. Будь они, не будь, ей все равно.

2) (Химія продолжаетъ.) Вы, брошюры, сказали, будто теплородъ по моему (химически) отдѣляется отъ воды, и вода обращается чрезъ то въ другое вещество — въ ледъ. Въ своемъ вы умѣ, или нѣтъ?!! Теплородъ ни соединяется, ни отдѣляется по моему (химически). Онъ — великій мой сотрудникъ⁴, такъ что безъ него мнѣ шагу сдѣлать нельзя. Но къ моей области онъ не принадлежитъ, и я никакъ не могу опредѣлить, сколько паевъ его входить бы должно въ то или другое соединеніе. Не дается. Стало, за чѣмъ же его навязывать мнѣ, или ему навязывать мои приемы? А это что такое: ледъ — другое вещество, а не вода, замерзшая только? Кто когда такъ говорилъ? По вашему и опилки будутъ не желѣзо. Лучше бы вы меня не хвалили. Отпуская такія сентенціи, вы подаете поводъ думать, что и похвала ваша мнѣ — такая же очевидная ложь.

3) Судя по этимъ двумъ такъ очевиднымъ ошибкамъ, всякой и безъ меня пойметъ, что вѣрно и главный вашъ силлогизмъ тоже криво стоитъ. Вы смѣшали, и

³ Физика Писар. ч. 1. стр. 540.

⁴ Стр. 550.

смѣшали совершенно незаконно, разложеніе тѣлъ въ неорганической природѣ, гдѣ мои процессы полные господства, съ разложеніемъ тѣлъ органическихъ, гдѣ они состоятъ въ услугахъ у другой наибольшей госпожи, которую зовутъ жизненнымъ началомъ. Эта госпожа сама есть прехитрый химикъ. Органическое тѣло у ней — лабораторія. Береть она мои же элементы, весьма немногіе впрочемъ, и изъ нихъ ухитряется устроить всѣ разнообразныя части, напр. тѣла человеческого. Какъ она это дѣлаетъ, уму моему не постижимо. Пока въ тѣлѣ эта госпожа, она держитъ всѣ свои издѣлія въ организмѣ въ своемъ видѣ и составѣ и не даетъ имъ разлагаться. Когда же она выйдетъ изъ тѣла, тогда части организма⁵, лишась производящей ихъ и поддерживающей жизнедѣятельности, подчиняются внѣшнему вліянію воздуха, теплоты и влаги, и начинаютъ разлагаться на составляющіе ихъ элементы. Отдѣленіемъ жизненнаго начала не совершается разложеніе; ибо сіе начало не есть составная часть организма, а есть производящая его и поддерживающая сама. По исходѣ его тѣло все бываетъ цѣло въ своемъ составѣ; но какъ оно оставляется самому себѣ, остается безъ охраны и поддержки; то и начинаетъ разлагаться. Разложеніе тутъ только и начинается. Исходъ же жизненнаго начала не есть разложеніе, а только дарованіе свободы и простора разлагающимъ процессамъ. Вотъ тутъ начинаютъ выдѣляться составныя части и совершаться чрезъ то разложеніе. Вотъ тутъ собственно вступаютъ въ силу мои законы, о коихъ вы

⁵ У Писар. стр. 594.

говорите; въ исходѣ жизненнаго начала они неучаствуютъ. То — невѣдомая для меня область. Въ неорганической природѣ — другое дѣло. Здѣсь не предшествуетъ разложенію исходъ какого либо высшаго начала, а прямо самый актъ отдѣленія какого либо элемента есть разложеніе, за которымъ тѣло тотчасъ пропадаетъ. Нагрѣвайте смѣсь сѣры и ртути⁶, выйдетъ киноварь, тѣло химически составленное. Положите въ киноварь желѣзо и нагрѣвайте, — сѣра соединится съ желѣзомъ, а ртуть отдѣлится, и киноварь не станетъ. Это въ самый актъ отдѣленія составныхъ частей. А тамъ не такъ... Жизненное начало отойдетъ, а тѣло остается цѣло, какъ было.

Химія кончила свою апологію. Прибавлю и съ своей стороны одно-другое слово. Такъ какъ же вы, брошюры, насъ браните, что мы недобросовѣстно, именемъ науки, вводимъ въ обманъ, говоря, что душа — духъ, а сами на десяти строкахъ напутали столько ошибочныхъ положеній?! И это за тѣмъ, чтобъ именемъ науки ввести простыхъ въ заблужденіе, будто душа вещественна! — Добросовѣстно это?!!

Предложу вамъ еще одинъ вопросъ отъ своей простоты: если исходомъ души изъ тѣла разложеніе тѣла совершается, совершается, то есть, тлѣніе; то какъ есть у насъ нетлѣнныя мощи?! Если въ нихъ тлѣніе уже совершилось, скажите, чего ради славятся они, яко нетлѣнныя?! По вашему нечего сказать. А по нашему такъ бываетъ: душа праведная отходить ко Господу; тѣлу же оставшемуся, но еще такому, въ которомъ не

⁶ Писар. стр. 539—40.

совершилось разложеніе-тлѣніе, слѣдовало бы по закону естества разлагаться и тлѣть; но дѣйствіе сіе природы силою Божіею пріостановляется, и тѣло остается нетлѣннымъ.

Предложу вамъ еще одно! По вашимъ словамъ въ приведенномъ мѣстѣ выходитъ, что вы полагаете, будто всякое отдѣленіе чего либо отъ другаго есть химическое разложеніе. Исходя изъ такого понятія, вы и отдѣленіе тепла назвали химическимъ. Но если всякое отдѣленіе есть химическое; то и всякое соединеніе тоже есть химическое. Ни то, ни другое не вѣрно. Химія уже оговорила, что тепло входитъ въ тѣло и выходитъ изъ него безъ всякаго химическаго при семъ процесса. Тоже можно сказать и объ электричествѣ, что оно является въ тѣлѣ и исчезаетъ; химическаго же при семъ ничего не бываетъ. Если въ осязаемыхъ веществахъ сіе бываетъ; не тѣмъ ли паче законно предположить сіе въ душѣ, которая есть самое, по вашему, тонкое вещество? Такъ слѣдовало бы вамъ по вашимъ же мыслямъ заключить. Нѣтъ, вамъ хочется бѣдную душу какъ можно глубже заковать въ вещество, срастворить съ этими грубыми элементами тѣла — химически, и химически освободить его. Непонятно, какъ вяжется эта мысль въ вашей головѣ! Вѣдь состоящіе въ химическомъ соединеніи элементы каждый теряетъ свои природныя свойства, и изъ соединенія ихъ слагается совсѣмъ новое тѣло, непохожее ни на тотъ, ни на другой элементъ. Если душа химически соединена съ тѣломъ; то она тутъ не душа, а становится душею только по выходѣ изъ тѣла. Какъ же мы зовемъ ее душею? Если же она душа здѣсь

въ химическомъ соединеніи съ организмомъ; то по освобожденіи изъ него уже не душа, а другое что либо. И вамъ слѣдовало озаботиться дознаніемъ ея собственнаго имени по выводѣ изъ тѣла?

Приложу и еще одно! Вамъ кажется, что душа становится отвлеченіемъ какимъ-то, когда признають ее духовною. Нѣтъ, признавая ее духовною, мы никакъ не думаемъ, что она есть какая либо идея, а есть дѣйствительная сила, реально существующая. Отдѣленіе ея отъ тѣла производитъ вліяніе на организмъ потому, что она оживляетъ тѣло. Отходитъ душа, жизни уже нѣтъ. Чтобъ отдѣленіемъ своимъ произвести ей такое дѣйствіе на организмъ, нѣтъ, слѣдовательно, никакой нужды быть ей вещественною, и тѣмъ менѣе быть въ химическомъ сродствѣ и союзѣ съ организмомъ.

Но помиритеcь ли вы съ нами, если мы выставимъ вамъ о душѣ и ея отношеніи къ тѣлу ученіе св. Григорія Нисскаго?

Вотъ что говоритъ онъ о душѣ: «Душа есть сотворенная сущность, сущность живая, разумная, органическому и чувствительному тѣлу сообщающая собою жизненную и воспріимляющую чувственную силу, до тѣхъ поръ, пока способное къ пріятію сего естество оказывается состоятельнымъ» (ч. 4. стр. 214).

Это онъ говоритъ о душѣ, пока она въ тѣлѣ. Что происходитъ, когда она выходитъ изъ тѣла?

«Когда... эта жизненная причина, которая находилась нѣкогда въ тѣлѣ, вдругъ дѣлается невидимою и непримѣтною, подобно тому, какъ въ погашенномъ свѣтильникѣ горѣвшій дотолѣ пламень (там. стр. 203);

тогда по расторженіи сродства стихій въ тѣлѣ, въ каждой изъ нихъ происходитъ стремленіе къ состоящему съ нею въ свойствѣ, такъ какъ самое естество стихій по какому-то необходимому влеченію возвращаетъ однородному свойственное ему...» (там. стр. 206).

Если таково слѣдствіе отдѣленія души отъ тѣла, то не есть ли потому она сама стихія тѣлесная?

Нѣтъ, душа «существуетъ сама по себѣ, особымъ естествомъ, отличнымъ отъ тѣлесной дебелости» (стр. 212). Она невещественна, безплотна, дѣйствуетъ и движется сообразно съ своею природою, и свойственныя ей дѣйствія обнаруживаетъ тѣлесными органами. *Органическое устройство тѣла въ полной мѣртви тоже и въ умершихъ; но остается неподвижнымъ и бездѣятельнымъ, по отсутствію въ немъ душевной силы»* (стр. 212—23).

Желалось бы знать какъ же она существуетъ въ тѣлѣ?

«Умъ (душа, духъ) у насъ не заключается въ какихъ либо частяхъ, а равно есть во всѣхъ и по всѣмъ, и не объемля ихъ отвнѣ, и не содержась внутри ихъ. Общеніе же ума съ тѣлеснымъ составомъ состоитъ въ какомъ-то невыразимомъ и непримыслимомъ соприкосновеніи; оно и не внутри происходитъ, потому что безтѣлесное не удерживается тѣломъ; и не объемлетъ отвнѣ, потому что безтѣлесное не окружаетъ собою чего либо. Напротивъ того, чуднымъ и недомыслимымъ какимъ-то способомъ умъ, приближаясь къ естеству и соприкасаясь съ нимъ, примѣчается и въ немъ и около него, но не въ немъ возсѣдая и не объемля его собою, а

такъ, что сего сказать, или представить умомъ невозможно» (ч. 1 стр. 135).

Выписываю все это въ надеждѣ, что и брошюры не станутъ этому поперечить; но ужъ конечно, въ полной увѣренности, что всѣ любители отеческихъ ученій никакъ не согласятся оставаться на сторонѣ брошюръ, пока онѣ будутъ упорствовать въ своемъ предубѣжденіи.

Но позвольте и еще одно слово! Вы заключаете откровенное признаніе своего побратимства съ химіею и математикою слѣдующимъ замѣчаніемъ (стр. 46): «Эти науки, отдѣливъ Бога отъ тварей безконечною разницею, какъ бы отворяютъ дверь вѣрѣ, объясняя необходимость откровеннаго Богопознанія. Отвергнуть его онѣ не могутъ, по причинѣ признаннаго ими всемогущества Божія и независимости дѣйствій Его отъ сужденія человѣческаго». Химія и математика отодвинули идею о Богѣ подальше, чтобъ совсѣмъ обойтись безъ Бога. Помышленіе о Богѣ они забросили за себя назадъ. Химія не знаетъ ничего кромѣ вещества; математика тоже въ приложеніяхъ своихъ выкладокъ все упираетъ только на вещественное. Плохіе онѣ руководители къ вѣрѣ въ Бога. Не отворяютъ, а затворяютъ они дверь сію. Къ нимъ точь въ точь идетъ то, что св. Григорій Нисскій говоритъ объ Епикурѣ..., что «предѣломъ естества существъ было у него видимое, и мѣрою постиженія вселенной полагалъ онѣ ощущеніе, совсѣмъ смѣживъ чувствилище души, и не имѣя возможности обратить взоръ на что либо умственное и безплотное, какъ заключенный въ какой либо хижинѣ, остается невидящимъ небесныхъ чудесъ, потому что

стѣны и потолокъ препятствуютъ ему видѣть, что внѣ хижины. Ибо все чувственное, что только усматривается во вселенной, подлинно, есть какая-то земляная стѣна, которая людямъ несильнаго ума преграждаетъ собою путь къ возрѣнію на умственное. Таковой видитъ только землю, воду, воздухъ и огонь; а откуда каждая изъ сихъ стихій, или въ чемъ она состоитъ, или чѣмъ содержится въ своемъ мѣстѣ, не можетъ этого усмотрѣть по низости ума. И хотя иной, увидѣвъ одежду, заключаетъ о ткачѣ, по кораблю уразумѣваетъ кораблестроителя, и вмѣстѣ со взглядомъ на зданіе въ мысли зрителей представляется рука здателя; однакожь они, взирая на міръ, остаются слѣпыми для усмотрѣнія Указуемаго имъ» (ч. 4. стр. 208). Вотъ чего ожидать надо отъ этихъ наукъ. Особенно химія воткнулась въ стихіи, и гдѣ ей приподнять голову, чтобъ возрѣть на небо! Есть у меня стихіи, говоритъ она, да законъ сродства, чего еще хотѣть? Ни въ какой сторонней силѣ не имѣю я нужды. Благочестивый химикъ и математикъ, изумляясь, какъ все премудро устроено мѣрою, вѣсомъ и числомъ, будетъ тѣмъ возгрѣвать въ себѣ религіозное чувство. Но самыя науки, какъ науки, въ производствахъ своихъ работъ совершенно обходятся безъ помышленія о Богѣ. «Бога отвергнуть они не могутъ!» Отъ чего же это нынѣ съ преобладаніемъ направленія къ естествовѣденію развилось охлажденіе къ вѣрѣ въ Бога и Его промышленіе? Отъ того, что науки сіи не хотятъ знать могущества Божія. Для нихъ ничего нѣтъ могущественнѣе законовъ природы. Идею о Богѣ отодвинули онѣ въ сторону. Вотъ и вы вмѣстѣ съ ними...

ревнуете какъ можно подальше отъ насъ отдалить Бога. Поведеть ли это къ чему либо хорошему?

Этимъ кончу мои замѣтки на умозрѣнія брошюръ. Кажется, на все стоящее вниманія обращено вниманіе. Есть кое-гдѣ и еще оговорки въ родѣ той, напр., что духомъ душа зовется отъ нашего дыханія (стр. 41), тогда какъ, по св. Григорію Богослову, скорѣе отъ вдуновенія Божія (смот. 4 ч. стр. 240, 243), или что слово *духъ* о душѣ употребляется, не соотвѣтствуя дѣлу, подобно тому, какъ говорятъ, солнце восходитъ, не выражая того, что на дѣлѣ, чѣмъ залагается мысль, будто духовность душѣ придается въ словѣ семъ общенароднымъ повѣрьемъ, ученый же людъ слово тоже употребляетъ, а мысль другую держитъ. Но на этихъ и подобныхъ имъ выраженіяхъ не останавливаемся. Просмотрите впрочемъ сами повнимательнѣе, не слѣдуетъ ли еще о чемъ потолковать. Вотъ еще не много, я выду, и поговоримъ. Теперь же — довольно. Прошу извиненія, что, можетъ быть, по легкости мысли въ больной головѣ, слово не вездѣ соотвѣтствуетъ важности предмета. Что сдѣлаешь съ своенравіемъ помышленій?! Такъ формировались, и — не уладишь. До свиданія! —

4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СОБЕСѢДОВАНИЕ СЪ СТАРЦЕМЪ

Прошло нѣсколько дней; приходитъ старецъ. Началась опять рѣчь о томъ же.

Стар. Ну что, — просмотрѣли?

Я. Просматривалъ, и ничего не представилось, что бы еще стоило выставлять на видѣ.

Стар. И мнѣ тоже думается. Но считаю нужнымъ приложить одно объясненіе о задушевномъ моемъ намѣреніи при разборѣ сихъ брошюръ.

Я. Да, ужъ надобно сдѣлать какой либо финалъ, чтобъ не казалась рѣчь наша конченною ex abrupto.

Стар. Нѣтъ, не этого ради дѣлаю приложеніе. Оно относится къ существу бесѣдъ нашихъ.

Я. Тѣмъ лучше. Что же это такое у васъ?

Стар. А вотъ что! Всѣмъ извѣстенъ авторъ брошюръ. Онъ значится на самихъ брошюрахъ, вошедшихъ потомъ въ составъ аскетическихъ опытовъ. Между тѣмъ мы всю рѣчь вели такъ, что и намека не дѣлая на автора, всю строгость свою изливали на безличныя брошюры. Это можетъ многимъ не показаться. Вотъ и надобно объяснить, чего ради такъ дѣлано.

Я. И я это зналъ, и мнѣ часто приходило на мысль спросить, чего ради такъ дѣлается? Тогда не спросилъ, — теперь прошу сказать; въ самомъ дѣлѣ, было какое преднамѣреніе въ этомъ, или такъ случайно пришлось?

Стар. Нѣтъ, не случайно это сдѣлалось, а намѣренно велъ я такъ рѣчь, чтобъ отдѣлать автора отъ брошюръ.

Я. Какъ отдѣлать?! Это вѣрно, чтобъ имѣть свободу говорить такъ рѣзко, какъ душѣ угодно.

Стар. Нѣтъ, нѣтъ. Отдѣлать за тѣмъ, что мысль брошюръ не есть полная мысль автора.

Я. Это что такое? Хитрите!

Стар. Помилуй Богъ. Говорю то, что дѣйствительно имѣю на душѣ.

Я. Въ самомъ дѣлѣ? Какъ я радъ. Признаюсь, мнѣ очень тяжело ложились на душу многія обличенія брошюръ, вами сдѣланныя, при глубокомъ уваженіи моемъ къ автору ихъ. Теперь прошу даже, отгоните ихъ отъ него подальше.

Стар. Объ этомъ нечего просить. Это должно сдѣлать. Въ благоговѣйномъ уваженіи къ автору, я поспорю съ самыми близкими къ нему учениками. Самъ я ученикъ его, далекій, конечно, отъ него по обстоятельствамъ, но не по чувству. Поэтому можете судить, что когда говорилъ я что либо рѣзко противъ брошюръ, онѣ уже были отдѣльны у меня отъ автора: ибо иначе то чувство не позволило бы многого, а пожалуй и всего.

Я. Какъ это будетъ пріятно для всѣхъ почитателей его!

Стар. Не одну пріятность или непріятность имѣю въ виду, говоря такъ. Самая истина того требуетъ. Безъ сего, можетъ быть, нечего было бы и объясненіе сіе прилагать. Ибо и язычники говорили: *magis amica veritas*. И намъ указывается *истинствовать при всей любви* (Еф. 4:15).

Я. Особенно теперь это будетъ кстати, когда не стало самага автора. Мнѣ даже приходило на мысль — прекратить разборъ брошюръ, или направить критику въ другую сторону, напр. на журналъ, который помѣщалъ нѣчто брошюрское.

Стар. Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, почившаго смертію праведника! Но не прекращать слѣдуетъ теперь подобной рѣчи, а теперь-то тѣмъ паче

надо возвышать голосъ. Когда живъ былъ авторъ, онъ могъ всѣхъ вразумить самъ, а теперь, когда нѣтъ его, всякій знающій его, изъ уваженія къ нему, обязаннымъ себя сочтетъ умствовать по брошюрамъ, въ увѣренности, что тутъ изрѣчено послѣднее слово автора.

Я. Очень натурально. Но чего же ради онъ этого не сдѣлалъ самъ гласно?!

Стар. Не встрѣтилось вопроса. Никто не предложилъ своихъ недоумѣній. Онъ раскрывалъ одну сторону предмета, или лучше — полагалъ только начатки изслѣдованія о душѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія пресѣкла смерть. Тамъ, вѣроятно, раскрылся бы весь взглядъ автора — свѣтлый и чистый, какъ все, выходящее изъ подъ его пера. Теперь нашъ долгъ пресѣчь вредъ, могущій произойти отъ недосказанія авторомъ своихъ мыслей. Лучше бы всего, конечно, не споря, досказать ихъ. Но кто вѣсть, яже въ человѣкѣ, точію духъ человека живущій въ немъ? (1 Кор. 2:11).

Осталось одно — разорить все пока высказанное, чтобъ пресѣчь могущее возникнуть отъ сего разномысліе въ средѣ христіанъ. Послѣднее, если оно, къ несчастію, случится, можетъ наложить вящее пятно на почившаго. Долгъ уваженія моего къ нему руководилъ мною, когда я такъ строго судилъ брошюры. Когда я это дѣлалъ, у меня въ головѣ не было лица автора, а однѣ мысли брошюръ, и тѣ лица, которыя, неосновательно считши ихъ законченными, начали уже будто слѣдовать имъ. Се истину говорю!

Я. И я совершенно съ вами согласенъ, что лучшаго приѣма избрать нельзя. Но вамъ надо выставить

основанія, почему вы считаете мысли автора недоконченными.

Стар. Конечно, надобно. — Но вѣдь этого нельзя сдѣлать такъ осязательно, какъ бы иной желалъ. Довольно указать хоть слабые намеки на то. Намекъ же видѣнь въ самой брошюрѣ.

Я. Въ чемъ же это именно?

Стар. Въ томъ, что въ обѣихъ брошюрахъ авторъ не коснулся существенныхъ чертъ, коими характеризуются свойства и дѣйствія духа. Всякому вѣдь извѣстно, что душа въ насъ не жизненное только начало, но есть по преимуществу то, что сознаетъ себя въ насъ, мыслить и свободно дѣйствуетъ. Но эти, — сознание, мысль, свобода — характеристическія черты на челѣ души нашей, суть вмѣстѣ характеристическія черты и вообще всякаго духа, коими отличается онъ въ средѣ другихъ существъ. Авторъ брошюръ не раскрываетъ ихъ. Слѣдовательно ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ считать мысли въ брошюрахъ послѣдними мыслями автора ихъ о душѣ и духахъ. Ибо кто бы ни сталъ писать о душѣ и духахъ, если хочетъ написать вполнѣ все, непременно долженъ коснуться и этихъ существенныхъ чертъ души и на основаніи ихъ восходить къ понятію о естествѣ ихъ. Если не дѣлаетъ этого, значитъ не имѣлъ намѣренія сказать все, а коснулся только одной стороны. Точь въ точь въ такомъ положеніи авторъ брошюръ. Вотъ это *первое основаніе*, почему я не считаю брошюры полнымъ выраженіемъ мыслей автора о душѣ и духахъ.

Второе мое основаніе то, что вѣдь авторъ всюду говоритъ, что душа — тѣло, ангелъ — тѣло, между тѣмъ

сознанія, мысли, свободной дѣятельности никто изъ имѣющихъ умъ въ здоровомъ состояніи не можетъ приписать никакому вещественному тѣлу, какъ бы оно тонко ни было. Эти качества несомѣстимы съ вещественностію. Кто говоритъ — вещество, тотъ отрицаетъ эти качества, и кто говоритъ эти качества, тотъ отрицаетъ вещество. Отъ столь высокообразованнаго и такого благоговѣйнаго мужа можете вы ожидать смѣшенія этихъ простыхъ понятій?! Конечно, нѣтъ. Такъ не считайте же брошюрь послѣднимъ его словомъ о душѣ и духахъ.

Третіе мое основаніе — то, что въ брошюрахъ не разъ упоминается, что душа и духъ имѣютъ, какъ особое нѣчто, умъ, разумъ и даже духъ, — способность не только мыслить, но и ощущать духовно (см. стр. 18 Приб. сл. о см.). Спрашивается теперь, что это такое? Это суть силы чисто духовнаго свойства. Принадлежностію вещества или его способностію онѣ никакъ быть не могутъ. Что же онѣ? Въ брошюрахъ не объяснено. Стало, нерѣшеннымъ остается существенный вопросъ, — вопросъ, на который онѣ сами наводятъ. Какъ же теперь думать, что въ брошюрахъ авторъ все сказалъ, когда не досказана эта, такъ настойчиво требуемая, мысль?!

Я. Вы совсѣмъ перевернули мои мысли о брошюрахъ. Признаюсь, какъ ни хотѣлось иногда, чтобъ инья мѣста не клали тѣни на автора, но все иногда и осудишь его. Теперь ясно, какъ день, что на все содержаніе ихъ надо смотрѣть иначе. Но скажите, неужели самъ авторъ не видѣлъ этой незаконченности,

и того, къ какимъ превратнымъ мыслямъ она можетъ подать поводъ?!

Стар. Онъ не могъ этого не видѣть. Но почему не высказался вполнѣ, и почему особенно оставилъ послѣдній пунктъ необъясненнымъ, то есть, что такое умъ или духъ въ душѣ и духахъ, кои суть тѣло, этого мы можемъ не знать. Почему нибудь онъ счелъ нужнымъ такъ повести свой трактатъ о душѣ и духахъ. Вѣдь онъ не какой нибудь опрометчивый человѣкъ, дѣйствующій какъ попало. Должна быть какая нибудь тому причина — его субъективная, а какая — кто его знаетъ?! Онъ говоритъ, что душа — тѣло и духъ — тѣло; но, считая ихъ тѣлами, говоритъ вмѣстѣ, что въ нихъ есть, какъ нѣчто особое, умъ или духъ, способный мыслить и ощущать духовно. Естественно спросить, — въ какомъ же отношеніи онъ поставлялъ эти особенности? Кому изъ двухъ принадлежитъ, по его мысли, господство? Душѣ ли, въ смыслѣ брошюръ, или уму и духу? Само собою очевидно, кому должно принадлежать господство, и сомнѣніе не должно быть, чтобъ авторъ понималъ его иначе, и считалъ возможнымъ подчинить духовное вещественному. А въ такомъ случаѣ мы возвращаемся къ помышленію о различіи внутренней и внѣшней стороны нашей разумносвободной жизни. Помнится, Тертуллианъ, въ трактатѣ о душѣ, которую онъ называлъ тѣломъ (*corpus*), задавалъ себѣ вопросъ: въ душѣ есть умъ или духъ, что же между ними господственно? Отвѣтъ былъ тотъ, что господствуетъ душа, а умъ есть способность души. Но извѣстно, что у Тертуллиана слово *corpus* (тѣло) означаетъ не

вещественность какую, а вообще дѣйствительность. Когда говорилъ онъ, что душа — *corpus*, то разумѣлъ, что душа есть дѣйствительное — реальное существо, а не отвлеченная какая идея. Такъ толкуютъ Тертуллиана всѣ ученые, говоря притомъ, что онъ и Бога называлъ *corpus* съ тою единственно мыслию, что Онъ дѣйствительно существуетъ. Нельзя ли и автору брошюръ приписать того же понятія о душѣ и духахъ, то есть, что онъ называетъ ихъ тѣломъ, разумѣя только подъ симъ, что они дѣйствительно существуютъ, а не суть отвлеченности? Можетъ быть, и онъ такъ же думалъ, какъ Тертуллианъ. Фраза его, нами уже разобранныя, что отдѣленіе отъ тѣла чего либо отвлеченнаго не произвело бы никакого вліянія на тѣло (стр. 44), подаетъ поводъ думать, что точно онъ называлъ душу тѣломъ, изъ опасенія, будто, не смѣшавъ бы ее съ идеею отвлеченною, и не поставитъ бы ее въ рядъ явленій, самостоятельной дѣйствительности не имѣющихъ. Это очень возможно, но такъ ли было, кто знаетъ. Или можетъ быть, у него мысли о составѣ естества нашего похожи на мысли св. Григорія Нисскаго, приведенныя нами. Но и это кто знаетъ? Я настаиваю только на томъ, что мысли брошюръ не представляютъ полнаго ученія автора о душѣ и духахъ, что онѣ оставляютъ многое недосказаннымъ, оставляютъ серьезные вопросы нерѣшенными. А какъ досказать недосказанное, и какъ рѣшить нерѣшенное по духу и началамъ автора, — кто можетъ взяться за это?

Я. Но въ такомъ случаѣ за чѣмъ же мы столько толковали? Объяснить бы въ началѣ что говорите вы теперь, — и конецъ.

Стар. О, нѣтъ. Брошюры надо разбить во всѣхъ пунктахъ, даже строже, чѣмъ сдѣлали мы. Для чего? Для того, чтобъ отбить у всякаго, неразумно читающаго ихъ всякое помышленіе понимать ихъ буквально. Вотъ вѣдь ужъ нашелся человѣкъ, который, злоупотребляя именемъ автора брошюръ, подтверждаетъ его авторитетомъ свою бредню, будто душа — тѣло и больше ничего. Вотъ противъ этого всѣ у насъ разсужденія и направлены. Такъ и просимъ всѣхъ понимать трудъ нашъ въ разъясненіи истины. Мы преслѣдуемъ ложную мысль, какую могутъ образовать въ себѣ читающіе брошюру, чистымъ и свѣтлымъ въ совѣсти своей содержа ликъ достоуважаемаго автора. Я думаю, что еслибъ онъ былъ присуць при нашемъ спорѣ, непременно одобрилъ бы приемы наши.

Я. Тѣмъ кончимъ?!

Стар. Да. Все высказано.

Я. Премного вамъ благодарень.

Стар. Даруй Господи, чтобъ наши строки послужили дѣлу святой и безпримѣсной истины.

Я. Даруй Господи! Помолимся ко Владыкѣ!

Старецъ и я. Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, преосвященнаго Игнатія, и всели его въ мѣста злачна, въ мѣста покойна, отонюду же отбѣже всяка болѣзнь, печаль и воздыханіе. Аминь.

**ДУША И АНГЕЛЪ НЕ ЕСТЬ НЪЧТО
ТЪЛЕСНОЕ, А ЧИСТЫЙ ДУХЪ.**

ПОЗДНЯЯ РЕДАКЦІЯ

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

ДУША И АНГЕЛЪ НЕ ЕСТЬ НѢЧТО ТѢЛЕСНОЕ, А ЧИСТЫЙ ДУХЪ (·)¹

Въ 1863 г. появилось въ печати *Слово о смерти*, — слово многопоучительное, въ которомъ однакожь, высказаны были, между прочимъ, мнѣнія мало извѣстныя въ христіанскомъ мірѣ, каково, на примѣръ, мнѣніе о нѣкоторой тѣлесности естества души и ангеловъ. Въ «Странникѣ» 1863 г., за сентябрь мѣсяць, сдѣланы были краткія, но сильныя замѣтки на эти новости. Замѣтки эти вызвали противозамѣтки, которыя и явились отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: *Прибавленіе къ слову о смерти*. Цѣль *Прибавленія* была собрать побольше доказательствъ

(·) Статья эта первоначально была напечатана въ «Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и издана отдѣльною книжкою. По нашей просьбѣ, она исправлена и дополнена самимъ высокоуважаемымъ авторомъ. Редакторъ.

на всѣ окритикованныя мысли *Слова о смерти*, и особенно на мнѣніе о тѣлесности естества души и ангеловъ. Подвергалъ ли кто разсмотрѣнію эти доказательства — не умѣю сказать. Но видно, что мысль о нѣкоторой тѣлесности естества души и ангеловъ принялась, и кому-то показалось очень твердо доказанною. Вступивъ въ споръ съ спиритами, возставалъ онъ противъ Кардека, признающаго, что душа имѣетъ тонкую вещественную оболочку, въ пользу Пьерара, который твердитъ, что то и есть душа, что Кардекъ признаетъ оболочкою: душа есть эфирное тѣло, и больше ничего. Чтобы дать больше вѣса своей защитѣ Пьерара, авторъ прибавилъ, что мнѣніе его и у насъ окончательно доказано, именно, въ упомянутыхъ статьяхъ. Потому-то и родилось желаніе просмотрѣть, точно ли оно доказано. Я просмотрѣлъ всѣ показанія и предьявленія статей въ пользу этого взгляда до малѣйшихъ подробностей, и нигдѣ не открылъ опоры ему, а напротивъ вездѣ, гдѣ статьи думали найти подтвержденіе своей мысли, встрѣчалъ положенія, совершенно ей противоположныя. Итогъ моихъ изысканій предлагаю вниманію любителей духовнаго чтенія, которые, если не поскучаютъ пробѣжать ихъ, удостовѣрятся, что эта новость, — тѣлесность души и ангеловъ, — нисколько не доказана, а что, по старому, остается вполнѣ доказанною и непреложною древняя истина, что *душа и ангель — не тѣлесны, а духъ чистый*.

Долгомъ считаю предьявить, что, возставая противъ показанныхъ статей, я не касаюсь лица автора, котораго глубоко уважаю, и буду вести рѣчь съ однимъ его ученіемъ.

Епископъ **Θεοфанъ**.

Сущность новаго ученія состоитъ въ слѣдующемъ: «Ангелы и души, хоть и очень тонки по существу своему, однако, при всей тонкости своей, суть тѣла или безтѣлесны. Они тѣла тонкія, эфирныя, тогда какъ, напротивъ, наши земныя тѣла очень вещественны и грубы. Грубое человѣческое тѣло служитъ одеждою для тонкаго тѣла, для души. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащія душѣ, надѣты подобныя же члены тѣла. Когда душа разлучается съ тѣломъ посредствомъ смерти, она совлекается его, какъ бы одежды (7). Ангелы, подобно душѣ, имѣютъ члены — голову, очи, уста, перси, руки, ноги, власы, — словомъ, все подобіе видимаго человѣка въ его тѣлѣ (8). Одинъ Богъ Духъ чистый. Нѣтъ существа одноестественнаго Богу. И потому, кромѣ Бога, нѣтъ другаго существа чисто духовнаго по естеству» (9).

Спросить кто: такъ кому же въ насъ, (а по заключенію отъ насъ и въ ангелахъ), принадлежитъ сознание, свобода, разсужденіе, страхъ Божій, совѣсть? Тому же тонкому тѣлу эфирному, которое есть душа. «Мужи разумные, говорится въ «Прибавленіи къ слову о смерти» (10), поняли, что человѣкъ отличается отъ животныхъ внутреннимъ свойствомъ, особенною способностію души человѣческой. Эту способность они называли *силою словесности*, собственно *духомъ*. Сюда отнесены не только способность мыслить, но и

(7) Стр. 11, Слово о см.

(8) Тамже, стр. 13.

(9) Тамже, стр. 15.

(10) Стр. 42.

способность къ ощущеніямъ духовнымъ, каковы: ощущение высокаго, ощущение изящнаго, ощущение добродѣтели.

Но не есть ли эта способность, названная собственно духомъ, особая, не тѣлесная сила, обитающая въ тонкомъ эфирномъ тѣлѣ, которая есть душа, какъ бы особое духовное существо, облеченное въ эфирное тѣло? Нѣтъ. Тогда все же было бы чисто духовное существо въ кругу тварей, а этого допустить нельзя⁽¹¹⁾. Ктому же тогда слѣдовало бы сказать, что, по смерти человѣка, выходитъ изъ тѣла духовное существо, облеченное въ эфирное тѣло, какъ оболочку; а посему и объ ангелахъ слѣдовало бы говорить, что они суть духи, облеченные въ эфирное тѣло. Это же рѣшительно должно быть отвергнуто, ибо св. отцы не признавали ангеловъ облеченными въ тонкое тѣло, а самое существо, самую сущность ихъ признавали нѣкоторымъ тонкимъ тѣломъ⁽¹²⁾. Таковыже и души.

И такъ, тонкое эфирное тѣло, то есть, вещество нынѣ разсуждаетъ, сознаетъ себя, свободно дѣйствуетъ, являетъ совѣстность и страхъ Божій, вообще, обнаруживаетъ всѣ тѣ духовныя дѣйствія, которыя разумные люди никакъ не могли и не могутъ приписывать веществу.

Я нарочно выставляю всѣ эти стороны новаго ученія, чтобъ видна была главная мысль, доказыванія которой ожидать должно.

(11) См. Сл. о см. 11—77, въ прим.

(12) Въ 10 и 20 выпискахъ Приб. къ сл. о см. Стр. 6 и 10.

Доселѣ, какъ извѣстно, было и есть два мнѣнія объ образѣ бытія души и ангеловъ: одни думали и думаютъ, что души и ангелы суть духовныя существа, облеченныя тонкою вещественною оболочкой; другіе полагали и полагаютъ, что души и ангелы суть чистые духи, не имѣющіе никакой оболочки. По первому мнѣнію, — въ составѣ человѣка, духовное существо посредствуется въ союзѣ съ этимъ грубымъ тѣломъ, тѣломъ тонкимъ, эфирнымъ, — и то, что выходитъ изъ тѣла по смерти человѣка, будетъ духъ, облеченный эфирною или, вообще, вещественною тонкою оболочкою; равно и ангелъ, являющійся, или самъ въ себѣ сущій въ своей области, тоже будетъ духъ, облеченный подобною же оболочкой. Это образъ представленія бытія души и ангеловъ самый удобный для понятія, совершенно мирящійся со всѣми сказаніями о явленіяхъ ангеловъ и душъ, и легко рѣшающій всѣ относящіяся сюда вопросы. По второму, духъ — не отвлеченность какая либо мысленная, а существо, реально существующее между другими реальностями, которое, въ силу этой реальности своего существованія, непосредственно входитъ, въ человѣкѣ, въ союзъ съ тѣломъ, и въ ангелахъ, въ воздѣйствіе на міръ внѣшній. Въ этомъ случаѣ духъ (душа), выходящій изъ тѣла по смерти человѣка, воздѣйствуетъ на тонкій эфиръ, служащій какъ бы субстратомъ всему вещественному міру, и въ области, гдѣ дѣйствуютъ духовныя существа, обнаруживаетъ слѣдъ свой свѣтовою полосою, не соединяясь физически съ веществомъ. Тотъ же слѣдъ воздѣйствія сопровождаетъ всюду ангеловъ. Но когда они являются

людямъ, то временно принимаютъ образъ, всегда почти человѣческой.

Изъ этихъ двухъ мнѣній кто какого хочетъ держаться, того и держись. Потому что и въ первомъ, которое слабѣе, и во второмъ, которое есть настоящая истина, существенное въ ангелѣ и человѣкѣ, мыслящее, свободно дѣйствующее, себя сознающее, признается существомъ духовнымъ; а на это, въ ученіи о естествѣ души и ангеловъ, главнымъ образомъ и настаивать должно. Мнѣніе же, выраженное въ *Словѣ о смерти* и поддержанное въ *Прибавленіи* къ нему, терпимо быть не можетъ. Это ультра-матеріализмъ, или матеріализмъ, вышедшій изъ своихъ предѣловъ. Настоящій матеріализмъ боится допустить отдѣльное существованіе души, ибо знаетъ, что логика неотступно потребуеъ отъ него признать вслѣдъ за тѣмъ и духовность ея, по невозможности присвоить веществу всѣ тѣ явленія и дѣйствія, коихъ производителницею считается душа. Поэтому строгій матеріализмъ и говоритъ, что души, какъ отдѣльнаго существа, нѣтъ у человѣка; все, что приписывается ей, есть отраженіе гармоническаго устройства тѣла. Хоть сознаніе, рѣзко отдѣляющее себя отъ тѣла и независимо отъ него дѣйствующее, громко обличаетъ его и неумолимо тѣснить, но онъ нейдетъ далѣе, по чувству самосохраненія. Ибо только скажи онъ, что душа отдѣльно существуетъ, тотчасъ долженъ будетъ признать и ея духовность; а это значитъ посягать на свою собственную жизнь. Вотъ онъ и упорствуетъ. Взглядъ нашего автора смѣлѣе, и это конечно, потому,

что оно не ставило себя лицомъ къ лицу съ вопросомъ: какъ объяснить совершенно духовныя дѣйствія души, когда она есть эѳирное тѣло. Только въ одномъ мѣстѣ, какъ мы видѣли уже, мимоходомъ сказано, что мысль и прочія высшія проявленія духовности суть способность души, какъ и обыкновенно говорятъ, забывъ какъ будто про свое положеніе, что душа наша есть эѳиръ — не болѣе, тотъ эѳиръ, изъ котораго точныя науки производятъ свѣтъ, теплоту, электричество и проч. Сколько въ этомъ несообразности — очевидно. Но мы возвратимся еще къ этому предмету.

Такимъ образомъ, составляется мнѣніе необычное, и составляется не во имя науки, (хоть и ей тутъ дается маленькое ученіе), требованіями которой законно или незаконно привыкли нынѣ прикрываться, а по началамъ св. вѣры христіанской, на основаніи Слова Божія и отеческихъ писаній... Спрашивается: неужели же вопросъ о естествѣ души и ангеловъ не рѣшенъ доселѣ въ Церкви Божіей? Нѣтъ, — рѣшенъ, и рѣшенъ очень опредѣленно.

Въ «Православномъ Исповѣданіи», въ отвѣтъ на вопросъ 18-й, читаемъ: «Богъ есть Творецъ видимыхъ и невидимыхъ созданій... и создалъ Онъ умный оный міръ... потомъ міръ сей вещественный... наконецъ, человекъ, сложеннаго изъ невестественной и разумной души и вещественнаго тѣла. Одинъ и тотъ же есть Создатель обоихъ міровъ, невестественнаго и вещественнаго». А въ отвѣтъ на 19-й вопросъ прямо сказано, что *ангелы суть духи.*

Въ «Пространномъ Христіанскомъ Катихизисѣ» въ первомъ членѣ, на вопросъ: «что должно разумѣть, въ символѣ вѣры, подѣ — именемъ невидимыхъ» — отвѣчается: *«невидимый или духовный міръ, къ которому принадлежать ангелы»*. На вопросъ же: «что такое ангелы», — говорится: *«духи безплотные, одаренные умомъ, волею и могуществомъ»*. Въ томъ же членѣ вопросъ: «что такое дыханіе жизни, вдутое Богомъ въ человека при сотвореніи его», — рѣшается такъ: *«душа, существо духовное и безсмертное»*.

Отсюда вытекаютъ слѣдующія, неопровержимыя положенія: *ангелы суть невидимые, безплотные духи, составляющіе умный — міръ, противоположный вещественному; души тоже суть существа духовныя и разумныя, невидимыя и невещественныя*.

Такимъ образомъ, по ученію св. православной Церкви, въ естествѣ душъ и ангеловъ рѣшительно отрицается вещественность, и, надобно разумѣть, *всякая* вещественность, не грубая только, но и тонкая, потому что утонченность вещества не дѣлаетъ его невещественнымъ. Какъ ни тонокъ эфиръ, однако никто не назоветъ его невещественнымъ; слѣдовательно, отрицая вещественность въ естествѣ души и ангеловъ, св. Церковь отрицаетъ и ихъ эфирность. Еслибы подѣ словами: *«душа и ангелы невидимы, невещественны»*, — надлежало разумѣть только, что они не имѣютъ грубой вещественности, — осязаемой и видимой, то это непременно было бы пояснено для того, чтобы христіане, обучаемые истинамъ вѣры православной, могли имѣть о естествѣ души и ангеловъ точныя

понятія, безъ опущенія такихъ существенныхъ чертъ. А такъ какъ этого не сдѣлано, то словамъ этимъ мы обязаны придавать общій—утвердительный смыслъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же стоятъ слова: *умный міръ, разумныя души*, — термины, которыхъ никто не прилагалъ и не прилагаетъ ни къ какому вещественному тѣлу, какъ бы тонкимъ оно ни разумѣлось. Когда ангелы именуются умнымъ или мысленнымъ міромъ, то этимъ внушается, что какъ мысль не имѣетъ ничего вещественнаго, такъ ничего вещественнаго не имѣетъ и естество ангеловъ умныхъ, а вмѣстѣ съ ними и душъ разумныхъ.

Такое ученіе у насъ всюду проповѣдуется и преподается, и съ церковной кафедръ, и въ семинаріяхъ и въ академіяхъ, и въ университетахъ, и въ гимназіяхъ, и во всѣхъ училищахъ — вездѣ, гдѣ читается Катихизисъ. Всѣ у насъ такъ и исповѣдуютъ, что души и ангелы суть духовныя существа, пока не отобьютъ кого отъ сего исповѣданія какія либо научныя воззрѣнія.

Какъ же теперь, — если таково ученіе и если всѣ православные такъ вѣруютъ, то, стало быть, изложенный взглядъ идетъ противъ ученія Церкви и противъ всеобщаго христіанскаго вѣрованія?.. Очевидно такъ. Но само оно этого не сознаетъ. Оно никакъ не думаетъ, что отступаетъ отъ непреложной истины, а увѣрено, что истолковываетъ подлинно ученіе Церкви, которое будто бы богословы наши попортили, учась почти исключительно по западнымъ учебникамъ и незаботясь провѣрять изучаемое въ нихъ настоящими документами православной истины. Оно держитъ такой

тонъ, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ открываетъ вновь истину, измѣненную во лжу. А такъ какъ противъ такого утвержденія стоитъ очевидность его собственнаго отступленія отъ ученія православнаго и общаго пониманія сихъ предметовъ; то оно спѣшитъ, съ первыхъ почти словъ, отвратить могущее возникнуть изъ сего невыгодное о немъ мнѣніе, особымъ толкованіемъ словъ: *невидимый, невещественный, духовный*, которыми всѣ отличаютъ души и ангеловъ отъ другихъ существъ.

«Словъ этихъ, говорить, не слѣдуетъ понимать въ собственномъ смыслѣ. Невидимы души и ангелы только для нашихъ грубыхъ чувствъ; сами же по себѣ, въ естествѣ своемъ, они видимы, и бываютъ дѣйствительно видимы, когда кому открываются очи видѣть ихъ. Равно, когда они называются духовными, то этимъ не означается особое качество ихъ естества, а выражается тоже самое, что и словомъ *невидимый*. Хотя и Св. Писаніе и св. Отцы Церкви вообще называютъ и Бога духомъ, и ангеловъ, и демоновъ, и души человѣческія — духами: но этимъ выражается только то, что какъ Богъ, такъ и ангелы и демоны и души невидимы для тѣлесныхъ очей нашихъ. Называются они безплотными, невещественными по той причинѣ, что не подлежатъ нашимъ чувствамъ, и тѣмъ отличаются отъ разряда предметовъ вещества, подлежащаго нашимъ чувствамъ. Въ общеупотребительномъ образѣ выраженія, котораго держатся и ученые внѣ своихъ кабинетовъ, подверженное нашимъ чувствамъ называется вещественнымъ, а не подверженное — духовнымъ,

невещественнымъ. Общій образъ выраженія употребляется наиболѣе Св. Писаніемъ и св. Отцами, такъ какъ цѣлю и Писанія и Отцевъ было то, чтобы слово, возвѣщаемое ими, было удобопонятно для всѣхъ человѣковъ» (13).

Выходитъ, что точно, какъ когда говоримъ о солнцѣ: «восходитъ и заходитъ», то одно говоримъ, а другое думаемъ; такъ же когда говоримъ о душѣ и ангелахъ: «невидимы, невещественны, духовны», — мы должны подъ этимъ разумѣть другое, а не то, что выражаютъ слова сіи, — и не только другое, но совсѣмъ противоположное, именно, — подъ невидимымъ разумѣть видимость, подъ невещественнымъ — вещественность, подъ духовнымъ — тонкотѣлесность. Законно ли такое толкованіе? Вѣдь о солнцѣ, въ обыкновенной рѣчи, и ученые говорятъ: «восходитъ и заходитъ»; а когда дѣло коснется самаго предмета, или когда приходится отвѣчать на вопросъ: «стоитъ солнце, или движется», — то и неученые нынѣ отвѣчаютъ, что оно стоитъ, движеніе же его есть обманъ зрѣнія. О душахъ же и ангелахъ, и въ кабинетѣ ученыхъ, и въ книгахъ, и въ разговорахъ, всегда и всѣ со словами: «невидимый, невещественный, духовный», соединяютъ прямой смыслъ, и какъ говорятъ, такъ и думаютъ, что они невещественны и духовны. Въ «Книгѣ Наума о мірѣ Божіемъ», для народа, хотъ вездѣ говорится о солнцѣ и звѣздахъ: «восходятъ и заходятъ», — но въ своемъ мѣстѣ растолковано, что они стоятъ, и объяснено, отъ чего

(13) Стр. 18 Приб. къ сл. о см.

кажутся движущимися. О душѣ же и ангелахъ ни въ одномъ катихизисѣ, когда заходитъ рѣчь объ ихъ естествѣ, не протолковано, что невидимость ихъ есть только кажущаяся, и духовность — тонкотѣлесность. Доселѣ никому и въ голову не приходило видѣть въ словахъ этихъ иносказаніе. Отъ чего такъ? Отъ того, что въ отношеніи къ ангеламъ и душамъ не доказанъ еще обманъ зрѣнія, или умозаключенія. О солнцѣ прежде открытія его стоянія никто и думать не думалъ, что оно стоитъ, и всѣ такъ и убѣждены были, какъ говорили, что оно движется. Потомъ, когда открылось, что оно стоитъ, рѣчь хоть осталась прежняя, но мысль вошла другая. Такъ надлежитъ сдѣлать и въ отношеніи къ душѣ и ангеламъ. Прежде надобно открыть, что они вещественны и тѣлесны, и потомъ ужъ толковать, что если и говорится о нихъ, что они невестественны и духовны, то это по старому общеупотребительному образу выраженія; на самомъ же дѣлѣ они вещественны и тѣлесны. До того же времени такого рода толкованіе означенныхъ словъ не имѣетъ законности.

Открылъ ли мнѣніе автора въ томъ, что считалось невестественнымъ — вещественность, и въ томъ, что считалось духовнымъ — тѣлесность, — это покажетъ разборъ основаній, на которыхъ оно опирается, къ чему мы и приступаемъ.

Основанія сіи со всею подробностію изложены въ «Прибавленіи къ слову о смерти». Здѣсь, на первыхъ же страницахъ, дабы скрыть, что возстаютъ противъ господствующаго у насъ вѣрованія, дѣлаются выписки

изъ одного Западнаго богослова, которыя потомъ и опровергаются: этимъ дается видъ, что не нашей Церкви ученіе подвергается критикѣ, а западное. Оставляемъ безъ особыхъ замѣчаній эту диверсію, и выписываемъ только послѣднія строки изъ этого отдѣла «Прибавленія къ слову о смерти». «Западный писатель думаетъ основать свое мнѣніе на Священномъ Писаніи, на Отцахъ Церкви и наукъ. Въ этихъ трехъ отношеніяхъ, мы, говоритъ авторъ, обязаны представить удовлетворительное опроверженіе»⁽¹⁴⁾. Этими послѣдними словами новое ученіе о тѣлесности души и ангеловъ предъявляетъ, будто оно имѣетъ за себя поруку и въ Слово Божіемъ, и у св. Отцевъ, и въ наукъ, или, вообще, въ соображеніяхъ здраваго разума. Подъ эти три рубрики и мы будемъ собирать всѣ мысли и показанія, которыя обстаиваетъ себя ученіе. Позволяемъ себѣ, впрочемъ, нѣсколько отступить отъ того порядка, котораго держится сказанная статья, — и 1) прежде рассмотримъ свидѣтельства, приводимыя имъ изъ св. Отцевъ; 2) потомъ перейдемъ къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ изъ Слова Божія и 3) наконецъ, къ соображеніямъ научнымъ ума.

1) Разсмотрѣніе свидѣтельствъ св. Отцовъ о естествѣ души и ангеловъ

Будемъ обращать вниманіе на ученіе св. Отцовъ о семъ предметѣ не только тѣхъ, коихъ свидѣтельства буквально приводятся, но и всѣхъ тѣхъ, какиихъ статья автора какимъ либо образомъ касалась, намекая, что

⁽¹⁴⁾ Стр. 12.

она можетъ имѣть ихъ на своей сторонѣ. Прежде другихъ, подвергнемъ разсмотрѣнію свидѣтельства а) св. Іоанна Дамаскина и св. Макарія Египетскаго, такъ какъ они главные въ этомъ дѣлѣ; за тѣмъ обратимся къ ученію б) вселенскихъ великихъ учителей и святителей — Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; а потомъ уже в) и ко всѣмъ прочимъ св. отцамъ: а) Аѳанасію Великому, б) Кириллу Александрійскому, с) Меѳодію и Кассіану, d) Августину Блаженному, е) Θεодориту, f) Максиму Исповѣднику, и g) Григорію Нисскому.

А) Свидѣтельства св. Дамаскина и св. Макарія Великаго

Изъ всѣхъ отеческихъ свидѣтельствъ, которыми хочеть оградиться новое ученіе, только свидѣтельства сихъ двухъ отцовъ и можетъ оно хотъ какъ нибудъ тянуть на свою руку. Свидѣтельства другихъ св. отцовъ, приводимыя имъ, говорятъ совсѣмъ не то, чего хочеть оно; между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ тѣже отцы ясно произносятъ сужденія, совершенно ему противоположныя. Слѣдовательно, стоитъ только отнять силу доказательности у сихъ первыхъ свидѣтельствъ, и новое ученіе останется, съ этой стороны, безъ доказательствъ.

Начинаю съ св. Іоанна Дамаскина. Собственно онъ одинъ есть свидѣтель вѣскій, намѣренно разсуждающій о естествѣ ангеловъ, тогда какъ св. Макарій выражаетъ свое мнѣніе мимоходомъ. Мнѣніе св. Дамаскина, собственными его словами, очень коротко впрочемъ,

приведено только въ «Словѣ о смерти»⁽¹⁵⁾ а въ «Прибавленіи» къ сему слову⁽¹⁶⁾ взято изъ Догматическаго Богословія, — учебника, гдѣ оно, по требованію системы, выражено болѣе перифразомъ. Но въ отрывкахъ что увидишь? Надо прочитать все ученіе св. Дамаскина объ ангелахъ въ связи, и откроется, что св. Дамаскинъ совсѣмъ не тѣхъ мыслей, какихъ держится новое ученіе.

Такимъ образомъ, въ кн. 2 о прав. вѣрѣ, въ гл. 3 читаемъ: «Онъ (Богъ) есть ангеловъ творецъ и создатель, изъ несущаго приведшій ихъ въ бытіе, по образу Своему сотворившій ихъ — *естество безтѣлесное, какъ бы духъ нѣкій и огонь невещественный*, какъ говоритъ Божественный Давидъ: *творяй ангелы Своя духи и слуги Своя огонь палящъ*».

Замѣтьте эти слова: *естество безтѣлесное, какъ бы нѣкій духъ и огонь невещественный*. Св. Дамаскинъ говоритъ здѣсь точь въ точь словами св. Григорія Богослова, который, сказавъ: *какъ бы духъ нѣкій и огонь невещественный*, и опасаясь, какъ бы кто не введенъ былъ этими словами въ заблужденіе и не приписалъ ангеламъ какой либо вещественности, прибавилъ: «духомъ же и огнемъ называется естество сіе (ангельское), частію, какъ мысленное, частію какъ очистительное (а не какъ, то есть что нибудь вещественное, хотя бы и тонкое); потому что и первая сущность (Богъ) пріемлетъ тѣже именованія»⁽¹⁷⁾.

⁽¹⁵⁾ Стр. 15.

⁽¹⁶⁾ Стр. 19.

⁽¹⁷⁾ Слово 28 въ концѣ г. 3 стр. 50.

Видите, какая мысль у св. Богослова! Какъ въ Богѣ, когда именуется Онъ духомъ и огнемъ, не должно видѣть что либо вещественное, такъ — ничего вещественнаго не должно видѣть и въ ангелахъ. Такова же мысль и св. Дамаскина, то есть, и онъ не видѣлъ въ ангелахъ ничего вещественнаго.

Далѣе тутъ же читается: «И такъ, ангель есть естество *мысленное, присно-движное, самовластное, безтѣлесное*, Богу служащее, по благодати въ природѣ (своей) бессмертіе пріявшее, каковаго естества видъ и предѣлъ вѣдаетъ одинъ Творецъ. Безтѣлеснымъ же и невещественнымъ называется оно, поколику поставляется въ сравненіе съ нами: ибо все, будучи поставляемо въ сравненіе съ Богомъ, единымъ несравненнымъ, оказывается грубымъ и вещественнымъ. Одно Божество есть собственно невещественно и безтѣлесно».

Вотъ это и есть главное мѣсто, на которомъ думаетъ опереться новое ученіе. Остановимся на немъ всѣмъ вниманіемъ, чтобъ опредѣлить, есть ли тутъ рѣшительное ученіе о тѣлесности естества ангельскаго, или нѣтъ. Я утверждаю, что такого ученія здѣсь нѣтъ, и вывожу это утвержденіе, — вопервыхъ, изъ разсмотрѣнія самаго мѣста, во вторыхъ, изъ сличенія его съ другими мѣстами тойже главы.

1) Самое мѣсто говоритъ ли рѣшительно, что ангель — тѣло, какъ хочеть новое ученіе? Не говоритъ. Оно говоритъ только, что если поставить естество ангельское въ сравненіе съ Богомъ, то оно окажется

грубымъ и вещественнымъ, пребывая невещественнымъ само въ себѣ (ибо таково главное положеніе ученія объ ангелахъ), и въ отношеніи къ намъ. Говорить: будучи сличаемо, то есть, когда взглянешь на ангельское естество послѣ созерцанія ни съ чѣмъ несравнимаго Божескаго естества, то оно оказывается грубымъ и вещественнымъ, подобно тому, — прибавлю я, — какъ съ ярко освѣщеннаго солнцемъ надворья вошедши въ не такъ свѣтло освѣщенную комнату, находятъ ее мрачною, или какъ разгоряченною въ горячей водѣ рукою коснувшись теплой воды, находятъ ее холодною. Но какъ здѣсь послѣ тотъ же самый, кто въ указанныхъ случаяхъ считалъ комнату темною и воду холодною, признаетъ комнату свѣтлою, когда глазъ освободится отъ впечатлѣнія яркаго солнечнаго свѣта, воду теплою, когда прохладится разгоряченная рука, признаетъ, то есть, что въ комнатѣ нѣтъ отсутствія свѣта, и въ водѣ — тепла, какъ ему показалось: такъ и въ отношеніи къ ангеламъ, когда смотрятъ на нихъ прямо, не могутъ не признать, что они суть духи. Такова мысль св. Дамаскина. Онъ не отрицаетъ духовности ангеловъ и душъ, а утверждаетъ только, что ихъ духовность такова, что если сравнить ее съ Божескою, то она покажется грубою. Въ рѣчи человѣческой очень много такихъ оборотовъ. Вообще и св. Дамаскинъ и другіе св. Отцы, когда, послѣ созерцанія Бога, обращаются умомъ къ тварямъ, не видятъ въ послѣднихъ ничего существенно твердаго, хотя по дару Бога Творца они обладаютъ многими совершенствами. Есть бессмертныя твари, но въ сравненіи съ Богомъ никто не бессмертенъ

(св. Дамаскинъ въ тойже главѣ); есть простыя, но въ сравненіи съ Богомъ ничто не просто (Васил. Вел. т. 6, стр. 27); есть благія, но въ сравненіи съ Богомъ никто не благу; наконецъ, все твореніе имѣетъ бытіе, дарованное ему Богомъ, но въ сравненіи съ Богомъ, Который единъ есть Сый, все есть какъ бы призракъ и ничто. Но какъ въ послѣднихъ случаяхъ не отрицается у тварей ни бытіе, ни простота, ни безсмертіе въ свойственной имъ степени: такъ и въ первомъ не отрицается невещественность ангеловъ, хотя признаются они оказывающимися вещественными, если сравнить ихъ съ Божескимъ естествомъ. Въ тваряхъ Божіихъ бытіе, простота, благодать, безсмертіе хотя суть не иначе, какъ по благодати Божіей (разумѣется, конечно, благодать творенія), но все же суть въ естествѣ ихъ, какъ о безсмертіи Ангеловъ утверждаетъ св. Дамаскинъ: «по благодати въ естествѣ безсмертіе пріившіе». Значитъ, все-же онъ признаетъ ангельское естество безсмертнымъ. Такъ точно должно толковать и его понятіе о невещественности ангеловъ, то есть, что она въ нихъ есть, хотя есть по благодати и въ извѣстной, совмѣстной съ тварностію, степени. Когда говоритъ онъ, на примѣръ, (въ тойже кн. 12 гл., въ ученіи о человѣкѣ), что *бестѣлесно, невидимо и безформно — одно по естеству, какъ Богъ, а иное — по благодати, каковы ангелы, демоны, души*, то какъ сомнѣваться, что онъ признавалъ сихъ послѣднихъ въ своемъ родѣ невещественными и бестѣлесными? И такъ, тѣ, кои желая выразить мысль св. Дамаскина о естествѣ ангеловъ и душъ, прямо говорятъ, что онъ признавалъ ихъ невещественными

только сравнительно съ нами, — поступаютъ весьма несправедливо. Прямая мысль св. Дамаскина та, что они суть существа мысленныя, невещественныя, безтѣлесныя; та же мысль, что они таковы сравнительно съ нами, ставится въ оговоркѣ; а это не одно и то же, что прямо говорить. Въ приведенномъ мѣстѣ онъ положительно свидѣтельствуешь о невещественности естества ангельскаго, а потомъ дѣлаетъ оговорку объ относительности этой невещественности. Еще очевиднѣе выражаетъ онъ главную мысль свою о ествѣ ангельскомъ, когда въ 12 гл. той же книги приступаетъ къ ученію о человѣкѣ. «Такъ, говоритъ онъ, Богъ создалъ *естество мысленное*, то есть, ангеловъ и всѣ небесныя чины», — давая разумѣть, что, по его ученію, они суть природы мысленной, а не тѣлесной. Вотъ его главное положеніе объ ангелахъ! Прибавка же о сравнительной духовности предостерегаетъ только, какъ бы кто не сравнивалъ естества ангеловъ съ ествомъ Божескимъ: ибо хотя ангелы богоподобны, но не единосущны Богу. Значитъ, напрасно новое ученіе опирается на приведенное нами мѣсто св. Иоанна Дамаскина. Оно не имѣетъ той мысли, какую хочетъ оно въ немъ видѣть. Дѣлая же изъ него рѣшительный выводъ о вещественности естества ангеловъ и душъ, допускаетъ фальшь въ умозаключеніи, софизмъ а *dicto secundum quid ad dictum absolute*.

2. Посмотрите теперь, что далѣе говоритъ св. Дамаскинъ объ ангелахъ, и вы согласитесь, что ни подъ какимъ видомъ нельзя въ немъ предполагать мысль о вещественности ангельскаго естества.

Послушайте, напримѣръ, о томъ, какъ св. Дамаскинъ объясняетъ взаимное общеніе между собою ангеловъ.

«Ангелы, говоритъ онъ, суть свѣты мысленные, вторые отъ перваго и безначальнаго свѣта имѣющіе просвѣщеніе, не нуждающіеся въ языкъ и слухъ, но безъ произносимаго языкомъ (προφορικῶν) слова передающіе другъ другу свои помышленія и желанія» (18).

Какая тутъ вещественность? Еслибъ св. Дамаскинъ признавалъ ихъ вещественными, онъ сказалъ бы, что ангелы имѣютъ языкъ, очи и прочіе члены, видятъ другъ друга, бесѣдуютъ другъ съ другомъ, другъ друга посѣщаютъ. А новое ученіе признаетъ ангеловъ вещественными, потому и утверждаетъ, что у нихъ есть и голова, и очи, и уста, и перси, и руки, и ноги, и волосы, словомъ — все, что и у человѣка (19). Если св. Дамаскинъ ничего такого не допускаетъ, а, напротивъ, взаимное общеніе ангеловъ объясняетъ духовнымъ, мысленнымъ образомъ; то очевидно, что онъ не признаетъ ангеловъ вещественными. Послушайте еще, какъ понимаетъ св. Дамаскинъ отношеніе ангеловъ къ мѣсту.

«Какъ умы, они въ мысленныхъ мѣстахъ суть, не будучи описуемы подобно тѣламъ: ибо, по естеству своему, они не имѣютъ вида или образа подобно тѣламъ, не имѣютъ и трехъ измѣреній, но мысленно бываютъ присуши и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ имъ

(18) Кн. 2, 3 г.

(19) Стр. 13 сл. о см.

повелѣно, и не могутъ въ одно и тоже время быть и дѣйствовать здѣсь и тамъ»⁽²⁰⁾.

Это совершенно освобождаетъ естество ангеловъ отъ тѣхъ грубыхъ формъ, въ какихъ представляетъ ихъ новое ученіе, основываясь на явленіяхъ ангеловъ и перенося образъ явленія на образъ естества. А св. Дамаскинъ учитъ, что хотя нѣтъ ихъ на небѣ, когда они на землю посылаются, и хотя не могутъ они въ одно и тоже время быть здѣсь и тамъ; но когда бывають на какомъ мѣстѣ, то бывають не такъ, чтобъ очерчивались здѣсь какою либо формою, протяженною въ высоту, длину и широту. Такихъ измѣреній они не имѣють, не имѣють и никакого вида, какъ свойственно имѣть тѣламъ. Потому можно сказать только, что они здѣсь, а не тамъ, что они здѣсь оказываютъ свое дѣйствіе, а не тамъ. Чтобъ не сочли, что я самовольно толкую слова св. Дамаскина объ отношеніи ангеловъ къ мѣсту, названному у него мѣстомъ «мысленнымъ», выписываю, какъ понимаетъ свое «мысленное» мѣсто самъ св. Дамаскинъ.

«Есть же мысленное мѣсто то, гдѣ созерцается и есть мысленное и безтѣлесное естество, гдѣ оно присуще и дѣйствуетъ мысленно, а не объемлясь тѣлесно или подобно тѣламъ. Ибо оно не имѣетъ вида, чтобъ быть объяту тѣлесно.»⁽²¹⁾

Ну вотъ, какъ есть безтѣлесное въ извѣстномъ мѣстѣ! Есть, присуще, дѣйствуетъ, но не занимаетъ его и не обнимается имъ. А вотъ еще слова его собственно о мѣстѣ ангельскомъ.

⁽²⁰⁾ Тамже.

⁽²¹⁾ Кн. 1. гл. 13.

«Ангель не содержится въ мѣстѣ подобно тѣламъ, такъ чтобы принималъ образъ какой или видъ. Но говорится, что онъ бываетъ въ извѣстномъ мѣстѣ ради того, что мысленно присуць въ немъ и дѣйствуетъ по своему естеству, и что въ то же время не бываетъ въ другомъ мѣстѣ, но тамъ мысленно представляется, гдѣ и дѣйствуетъ. Ибо не можетъ онъ въ одно и то же время дѣйствовать въ разныхъ мѣстахъ» (22). Но если такимъ образомъ, по св. Дамаскину, ангелы не занимаютъ мѣста и не обнимаются имъ, если не имѣютъ никакого протяженія и вида; то очевидно, что, по его же ученію, они не имѣютъ и никакой вещественности, какою бы тонкою ее ни воображали; потому что ничто вещественное не можетъ быть безъ этихъ принадлежностей; а что не имѣетъ ихъ, то уже и невещественно. Новое же ученіе, какъ только признало ангеловъ вещественными, то и начало уже твердить, что они «подчинены пространству, имѣютъ форму, обрисовываются своими предѣлами и окончностями, имѣютъ свой видъ» (23); стало, то есть, твердить совершенно противное тому, что утверждаетъ св. Дамаскинъ.

Но есть и еще одно мѣсто у св. Дамаскина не въ угоду новому ученію, именно — о времени сотворенія ангеловъ.

«Нѣкоторые утверждаютъ, говорить онъ, что ангелы сотворены прежде всякаго творенія, какъ говорить и св. Григорій Богословъ: “во первыхъ измышляетъ (Богъ)

(22) Там же.

(23) Сл. о см. стр. 16—17.

ангельскія, небесныя силы, и мысль стала дѣломъ...". Совершенно согласуюсь съ Богословомъ и я. Ибо надлежало прежде быть создану мысленному естеству, потомъ — чувственному и наконецъ — человѣку, единому изъ обоихъ» (24).

Того же точно мнѣнія и Василій Великій. Вотъ три свидѣтеля! При троихъ же свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголь. Но какой? Конечно, не глаголь новаго ученія, а нашъ. Ибо если ангелы сотворены прежде всего тѣлеснаго и вещественнаго безъ ограниченія, то какъ можно думать, чтобъ они были тѣло, хотя бы тонкое? Не говорятъ св. Отцы, что прежде сотворены тонкія тѣла — ангелы, а потомъ другія тѣла — грубыя; а вообще утверждаютъ, что ангелы сотворены прежде всякой вещественной твари. Слѣдовательно, по ихъ ученію, въ ангелахъ не должно видѣть рѣшительно ничего вещественнаго.

И такъ, заключаю относительно свидѣтельства приводимаго изъ св. Дамаскина, въ доказательство мнѣнія о тѣлесности души и ангеловъ, что изъ разсмотрѣнія самаго мѣста и изъ соображенія всего вообще ученія св. Дамаскина объ ангелахъ, выходитъ неопровержимо, что св. Іоаннъ Дамаскинъ не имѣлъ мысли о тѣлесности души и ангела. Потому новое мнѣніе не можетъ указывать на св. Іоанна, какъ на своего патрона и предшественника, проложившаго будто бы первыя его черты.

Перехожу къ свидѣтельству, приводимому изъ св. Макарія Великаго.

(24) Тамже.

«Безпредѣльный, неприступный и несозданный Богъ, говоритъ св. Макарій, по безпредѣльной и недомыслимой благодати Своей, оплототворилъ Себя и, такъ сказать, какъ бы умалился въ неприступной славѣ, чтобы можно было Ему войти въ единеніе съ видимыми Своими тварями, разумью же души святыхъ и ангеловъ, и возмогли они быть причастными жизни Божества. А всякая тварь, и ангелъ и душа и демонъ, по собственной природѣ своей, суть тѣло; потому что, хотъ и утончены они, однакожь въ существѣ своемъ, по отличительнымъ чертамъ и по образу, соотвѣтственно утонченности своего естества, суть тѣла тонкія, тогда какъ наше тѣло, въ существѣ своемъ, дебело.»⁽²⁵⁾

Сообразивъ это мѣсто съ предъидущимъ и послѣдующимъ, должно сказать, что очень трудно дойти до подлинной мысли св. Макарія. По нѣкоторымъ фразамъ можно думать, что и здѣсь нѣтъ той мысли, какую хочетъ видѣть авторъ «Слова о смерти». Впрочемъ, если и докажетъ кто, что св. Макарій точно былъ того мнѣнія, какое соединяютъ съ его словами, — и тогда поставимъ общее положеніе, что частное, одному отцу принадлежащее мнѣніе не можетъ выражать ученія Церкви, и ни для кого не обязательно, — и потому останемся спокойно при своемъ мнѣніи. Возьмите во вниманіе одно то, что ни въ одномъ изданіи твореній св. Макарія не остается это мѣсто безъ особаго примѣчанія. И въ теперешнемъ изданіи Московской Академіи, и въ прежнихъ переводахъ (а св. отцы издаются у насъ съ разрѣшенія

(25) Бес. 4 гл. 10<?>

св. Синода) подъ этимъ мѣстомъ стоитъ нота, что его должно разумѣть въ смыслѣ не отрѣшенномъ, а относительномъ. Это значить, что у насъ никогда этого мѣста буквально не понимали. Статьи, разбираемыя нами, первыя стали придавать ему буквальный смыслъ. Если теперь разсуждать объ этомъ обстоятельстве по началамъ Церкви, гдѣ беретъ перевѣсъ общность мнѣнія, а не частное возрѣніе, то надобно положить, что у св. Макарія нѣтъ мысли о тѣлесности души и ангела, потому что доселѣ никто не видѣлъ такой тамъ мысли. Навязывать такую мысль св. Макарію стало только «Слово о смерти». Это и есть потому частное возрѣніе, которое, дивиться надобно, какъ дерзнуло явиться въ средѣ православныхъ, изъ которыхъ никто не смотрѣлъ и не смотритъ на это мѣсто такими очами.

Послѣ сего общаго замѣчанія, я ограничусь только разъясненіемъ, почему этого мѣста нельзя понимать буквально.

Выше приведеннаго мѣста вотъ что стоитъ: «намѣреваюсь, по мѣрѣ силъ своихъ, изречь нѣкоторое тонкое и глубокомысленное слово. Поэтому выслушайте разумно».

Остановимся на этомъ словѣ. Видите, самъ св. Макарій говоритъ, что у него будетъ рѣчь не обыкновенная, и приглашаетъ слушать его не просто. Разсудите же, — въ чемъ тутъ необыкновенность, тонкость и глубокомысленность. Что за тонкость и глубокость въ словахъ: «и ангелъ, и душа, и демонъ — тѣло?» Если буквально разумѣть ихъ, то онѣ гораздо проще и понятнѣе, нежели какъ еслибъ сказано было,

что ангель, душа и демонъ суть чистые духи. И стоило ли бы въ такомъ случаѣ предупреждать: «смотрите, я хочу сказать нѣчто особенное?» Но потому-то самому, что слова просты, а между тѣмъ обѣщается передать чрезъ нихъ нѣчто тонкое и глубокое, — по тому самому не должно понимать ихъ въ собственномъ смыслѣ. И когда св. Макарій говоритъ: «слушайте разумно», то этимъ, конечно, хочетъ внушить: смотрите, не обольститесь простотою рѣчи и не поймите ее буквально. А это тоже значить, что — «смотрите, хоть и говорится: ангель, душа и демонъ — тѣло, но разумѣть это надо иначе».

Остановимся и на первой половинѣ приведеннаго мѣста. «Безпредѣльный, неприступный и несозданный Богъ, по безпредѣльной и недомыслимой благодати Своей, оплототворилъ Себя и, такъ сказать, какъ бы умалился въ неприступной славѣ, чтобъ можно было Ему войти въ единеніе съ видимыми своими тварями, разумью же души святыхъ и ангеловъ, и возмогли онѣ быть причастными жизни Божества.»

Буквальный смыслъ этой рѣчи, очевидно, показываетъ, что здѣсь говорится о воплощеніи Сына Божія, ибо Онъ умалилъ Себя, зракъ раба пріимъ: но для чего воплотился Единородный Сынъ Божій? Конечно, отвѣтъ долженъ быть словами символа вѣры: *насъ ради человекъ и нашего ради спасенія*. Зачѣмъ же тутъ вставлены ангелы? Отпали отъ Бога мы, а не они. Чтобъ возсоединить насъ съ Собою, Онъ Самъ снисходитъ къ намъ и воплощается; ангелы же добрые не падали, но всегда пребывали въ единеніи съ Богомъ, а

возсоединеніе злыхъ считается дѣломъ невозможнымъ. Какъ же тутъ говорится, что Богъ воплотился ради единенія съ ангелами? Ангелы, значитъ, ставятся наряду съ нами, и выходить, будто воплощеніе было столько же необходимо и для нихъ, какъ и для насъ. Кто такъ думалъ въ Церкви Божіей, и даже внѣ Церкви? Такимъ образомъ, открывається, что, говоря такъ, св. Макарій, мужъ духоносный, не зналъ первыхъ начатковъ христіанскаго богословія... Это — выводъ самый прямой и натуральный. Кто буквально понимаетъ этотъ параграфъ, тотъ не убѣжитъ отъ этого вывода. Новое ученіе или пусть откажется отъ буквального смысла, чтобъ охранить честь св. Макарія, или, строго держась буквального смысла, въ угоду своему суемудрію, необходимо навлечетъ такое нареканіе на богоноснаго отца. Намъ нечего опасаться такой бѣды. Внимая предостереженію св. Макарія — слушать разумно, мы не понимаемъ буквально ни этого 9-го параграфа, ни слѣдующихъ за нимъ, — съ 10-го до 17-го. Во всѣхъ ихъ идетъ иносказаніе глубокое, которое трудно изъяснить. Видна только общая мысль, что любообщительный Богъ всячески готовъ умалиться, чтобъ только войти въ общеніе съ разумными тварями. Но въ подробностяхъ многія здѣсь фразы рѣшительно непонятны.

Пусть объяснятъ намъ, напримѣръ, почему здѣсь въ 9-мъ параграфѣ не отбѣняется словомъ, что воплотился Единородный Сынъ Божій, тогда какъ этого требовала точность выраженія? Что опять за мысль въ словахъ: оплототворилъ Себя безпредѣльный, чтобъ можно Ему было войти въ единеніе съ душами святыхъ и ангеловъ?

Души святыхъ понятны, а души ангеловъ что такое?⁽²⁶⁾ Вслѣдъ за симъ ангелы названы тонкимъ тѣломъ. Стало быть, по мысли св. Макарія, у тонкотѣлыхъ ангеловъ есть, кромѣ тѣла, и душа, или они суть духи, облеченные тонкимъ тѣломъ. Стало быть, далѣе и тѣломъ они названы по этой внѣшней сторонѣ бытія своего, будучи, по внутренней сторонѣ, духами чистыми. А такъ какъ души наши равноангельны, то, стало быть, и онѣ названы тѣломъ тоже только по внѣшней сторонѣ, а не по разумно-духовной сущности своей. Изъ этого мѣста должно заключить, что св. Макарій принадлежитъ къ тѣмъ св. Отцамъ, кои и душу и ангеловъ признавали облеченными въ тонкое эфирное тѣло. Если это такъ, то св. Макарій не на сторонѣ новаго ученія.

Кому не извѣстно, что впостасное соединеніе Божества съ человѣчествомъ есть только въ Господѣ и Спасителѣ нашемъ, Иисусѣ Христѣ? Какъ же въ 10-мъ параграфѣ говорится, что недомыслимый Богъ, входя въ единеніе съ вѣрными душами, бываетъ съ ними впостась въ впостась? Не подается ли этимъ мысль, что Онъ впостасно воплощается въ каждомъ вѣрующемъ? И опять, какъ тутъ же сказано, что, умаливъ Себя, Богъ облекся въ члены тѣла, подобно тому, какъ душа облечена ими? Это похоже на ересь Аполлинаріеву, по которой, вмѣсто души, въ Господѣ Иисусѣ Христѣ признавалось Божество. Что такое еще, что въ 12-мъ параграфѣ говорится о Богѣ, что Онъ во что угодно *преобразуется* для душъ достойныхъ и вѣрныхъ, даже въ

⁽²⁶⁾ Прибавл. къ Слову о см.

градъ свѣта — Іерусалимъ, или гору — небесный Сіонъ? Всѣ эти мѣста я нарочно собираю во едино, чтобъ показать, какъ опасно понимать въ буквальномъ смыслѣ всѣ фразы, содержащіяся въ означенныхъ параграфахъ. Новое ученіе, строго держась буквального смысла, или само должно принять всѣ означенныя неправыя мысли, чтобы явить себя ученикомъ св. Макарія, буквально понимаемаго, или, оберегая свою честь, на св. Макарія навлечь тѣмъ нареканіе, будто онъ не понималъ самыхъ простыхъ христіанскихъ истинъ. Одно изъ двухъ, — но то или другое для него неизбежно. Если же, во избѣжаніе сего неумолимаго вывода, оно скажетъ, что тутъ говорится не о воплощеніи Бога Слова, а вообще о приближеніи милостиваго Бога къ разумнымъ тварямъ; то оно должно будетъ согласиться, что слово: *оплототворилъ*, многократно здѣсь употребленное, должно понять не въ буквальномъ, а переносномъ смыслѣ. Если же такъ, то не слѣдуетъ понимать буквально ужъ и того мѣста, гдѣ говорится, что ангелъ, душа и демонъ — тѣло; ибо иначе почему же другія мѣста будутъ понимаемы не буквально, а это одно буквально? Въ сложномъ словѣ: *оплототворилъ* стоитъ вѣдь не $\sigma\alpha\rho\acute{\xi}$, а $\sigma\omega\mu\alpha$ ($\epsilon\sigma\omega\mu\alpha\tau\omicron\pi\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\epsilon$) равно какъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что ангелъ и душа — тѣло. Какъ же это, — разъ пять на трехъ страницахъ слово $\sigma\omega\mu\alpha$ (тѣло) будетъ имѣть переносное значеніе, а однажды только — собственное и притомъ, для того именно, чтобъ утвердить ученіе, небывалое въ христіанскомъ мірѣ, о тѣлесности ангеловъ и душъ; тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, собственно для

устраненія понятій тоже небывалыхъ въ христіанскомъ мірѣ, этому слову дано будетъ переносное значеніе?

И такъ, общій выводъ изъ разсмотрѣнія мѣста, въ которомъ св. Макарій говоритъ, что ангель и душа — тѣло, есть тотъ, что его ни подъ какимъ видомъ буквально понимать не слѣдуетъ.

Но скажетъ кто либо, если не хочешь понимать буквально, то скажи, какъ надо понимать?

Отвѣчаю прямо: не знаю какъ. Вѣдь у св. Макарія не здѣсь только, а во всемъ составѣ его писаній очень много непонятнаго. Желая, какъ можно болѣе приблизить къ уразумѣнію высокія истины духовныя, онъ почти ни о чемъ не говоритъ безъ уподобленій. Отъ того у него всюду образы и сравненія, которыя тогда, въ живой бесѣдѣ, можетъ быть, съ поясненіями, и были понимаемы, а теперь иныхъ никакъ не поймешь, никакъ не примѣнишь къ дѣлу и не объяснишь себѣ. Потому и читать и пользоваться имъ надобно съ великою осторожностію. Возьмите хоть первую бесѣду. Въ параграфѣ 2-мъ говорится, на примѣръ, что «душа, Духа Божія пріявшая, становится *вся лицомъ, вся окомъ, вся исполнена очей, и не имѣетъ никакой послѣдней или задней стороны, но отъсюду представляется лицомъ*». Видите, какое сравненіе! Его и съ самимъ-то собою не сообразишь. Если душа вся — лицо, то какъ же она вся — око? Если вся око, очевидно одно око, то какъ же исполнена очей? Если нѣтъ задней стороны, а и тамъ лицо, то какъ одно лицо? Если сзади лицо и справа лицо и слѣва лицо, стало быть, нѣсколько лицъ? Не правда ли, что трудно вообразить самое даже

уподобленіе, а что значить оно, еще труднѣе уразумѣть. Но всячески очевидно, что буквально его понимать нельзя. Припомнимъ при—этомъ, что брошюры, опираясь на словахъ св. Макарія, въ другихъ мѣстахъ утверждаютъ, будто душа имѣеть всѣ члены, какъ и видимое тѣло, то есть голову, глаза, уши, руки, весь станъ, ноги. Онѣ буквально понимаютъ эти фразы св. Макарія, которыя точно встрѣчаются у него. А мы буквально поймемъ приведенное предъ симъ мѣсто и будемъ твердить: неправда; въ душѣ нѣтъ всѣхъ частей, а она вся — око, или она вся — лицо. Еслиже, чтобъ не пустословить, послѣднее мѣсто надо понять въ переносномъ смыслѣ: то законно ли будетъ въ собственномъ смыслѣ понимать мѣсто, приводимое брошюрами, что душа и ангелъ имѣють видъ, какой обыкновенно имѣеть человѣкъ? Законно ли опять будетъ и вообще въ словахъ св. Макарія видѣть мысль о тѣлесности естества души и ангеловъ?

Понуждаюсь, наконецъ, приложить мое предположеніе, родившееся при ближайшемъ разсмотрѣніи теченія рѣчи во всей 4-й бесѣдѣ св. Макарія, и сличеніи содержанія параграфовъ, — съ 9 по 13, — съ предыдущими и послѣдующими параграфами. Читайте 13-й параграфъ. Дошедши до послѣдняго его пункта, начинающагося словами: «а душа, которая сподобилась... принять силы свыше, имѣеть огонь небесной жизни и отрѣшается отъ узъ порока», нельзя не замѣтить, что этотъ пунктъ, хоть и связанъ частицею *α* съ предыдущею рѣчью параграфа, гдѣ говорится о томъ, что Богъ разнообразно является

святымъ, какъ Самъ благоволитъ, но стоитъ съ нею въ совершенномъ разладѣ. Взглянувъ на это, я подумалъ сначала, что этотъ пунктъ — есть прибавка, не сюда принадлежащая. Но восходя отъ него выше, по 13, 12, 11, 10 и 9 — параграфамъ, — въ которыхъ разнообразно толкуется о томъ, какъ Богъ всячески плототворитъ и преобразуетъ Себя, иногда въ выраженіяхъ, дающихъ очень странный смыслъ, и остановясь на концѣ 8-го параграфа, вижу, что конецъ 13-го параграфа состоитъ въ совершенномъ согласіи съ этимъ концомъ 8-го, и со всѣмъ параграфомъ, гдѣ тоже говорится о прибытіи Духа, и очищеніи оскверненнаго порокомъ естества нашего, — и даже въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ; ибо какъ въ 8-мъ параграфѣ говорится, что со многими моленіемъ, прошеніемъ, съ вѣрою, молитвою... принимается благодать; такъ и въ концѣ 13-го съ великимъ вождельніемъ и чаяніемъ, съ вѣрою и любовію принимается сила свыше. Это родило мысль, что конецъ 13-го параграфа разлученъ съ роднымъ своимъ 8-мъ параграфомъ непринадлежащею сюда вставкою.

Итакъ, изъ всего сказаннаго о мѣстѣ, приводимомъ изъ бесѣдъ св. Макарія выходитъ, что оно не можетъ доставлять новому ученію прочной опоры: ибо если оно подлинно, то по ходу рѣчи не должно быть понимаемо буквально; если же неподлинно, то нечего и ссылаться на него. Не лучше ли, при повѣркѣ своихъ мыслей ученіемъ св. Макарія, останавливаться на тѣхъ мѣстахъ, которыя ясны, никакого иносказанія не предполагаютъ,

а главное — не содержать ничего новаго, особящагося отъ ученія всего сонма св. Отцевъ?

Свидѣтельства вселенскихъ великихъ учителей и святителей: 1) Василия Великаго, 2) Григорія Богослова и 3) Иоанна Златоустаго

Намѣренно совокупаются во едино сіи великіе святители, ибо они одни сильны рѣшить споръ. Изъ нихъ авторъ брошюръ самъ приводитъ въ свое оправданіе мѣста только изъ св. Василия Великаго и св. Златоуста. О св. Григоріѣ упоминаетъ въ 15-ой выпискѣ изъ западнаго писателя, но такъ, что считаетъ его на своей сторонѣ.

О всѣхъ мѣстахъ изъ св. Отцевъ, приводимыхъ авторомъ, должно сказать, какъ уже замѣчено, что онѣ совсѣмъ не о томъ говорятъ, что онѣ хотятъ видѣть въ рѣчахъ ихъ, какъ это обнаружится при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, что и заставляло его отъ приведенныхъ мѣстъ обращаться къ другимъ мѣстамъ тѣхъ же Отцевъ, дабы точнѣе опредѣлить ихъ ученіе о естествѣ души и ангеловъ. Таковъ и будетъ общій порядокъ слѣдующихъ за симъ замѣтокъ.

Изъ св. Василия Великаго приводится только одно, слѣдующее мѣсто:

«Св. Василій Великій говоритъ: «что касается его (діаволова) естества, то оно безплотное, по словамъ Апостола: нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ духовомъ злобы (27). Мѣсто начальства его (діавола) —

(27) Еф. 6:12.

воздухъ, какъ тотъ же Апостоль сказалъ: *по князю власти воздушныя*» (28). Далѣе, въ томъ же словѣ св. Василій говоритъ, что «полчища демоновъ, подчиненныхъ князю ихъ, пребываютъ въ воздухъ; что подъ словомъ воздухъ надо разумѣть все пространство между небомъ и землею» (29).

Что же доказываютъ эти слова св. Василия Великаго? Совершенно ничего въ пользу мыслей автора, а все въ пользу нашу. Говоритъ онъ, что естество злыхъ духовъ безплотно. Надобно много толковать, чтобы, когда говорится: «естество безплотно» заставить разумѣть подъ симъ естество тѣлесное. Безплотно естество духовъ потому, что они не имѣютъ никакой плоти, ни грубой, ни тонкой, потому, то есть, что они — чистые духи. Что такова мысль св. Василия, — видно изъ текста, который онъ приводитъ въ подтвержденіе сего: *нѣсть наша брань къ плоти и крови...* Какая эта брань? Совсѣмъ не плотская, а духовная, въ помышленіяхъ и движеніяхъ сердца совершающаяся. Злой помысль всѣвается и отрѣвается помысломъ благимъ. Есть ли тутъ что тѣлесное? Потому-то Апостоль и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *оружія воинствованія нашего не плотская* (30), и *вся брань происходитъ въ низложеніи помышлений*. Если брань, на которую указываетъ св. Василій въ подтвержденіе своей мысли о безплотности воюющихъ на насъ, есть духовная; то очевидно, что, называя

(28) Еф. 2:2.

(29) Стр. 27. Приб. къ сл. о смерти. Изъ слова о томъ, что Богъ не есть виновникъ зла.

(30) 2 Кор. 10:4.

естество ихъ безплотнымъ, онъ понималъ его чисто духовнымъ. Что мѣстомъ пребыванія духовъ св. Василиій, вслѣдъ за Апостоломъ, полагаетъ воздухъ, это ровно ничего не доказываетъ, ибо гдѣ нибудь да надобно же быть духамъ. Не въ томъ сила, что они находятся въ извѣстномъ мѣстѣ, а въ томъ какъ находятся. Объ этомъ Василиій Великій ничего не говоритъ; а какъ это понимать должно, мы видѣли у св. Дамаскина, то есть, что они бывають въ извѣстномъ мѣстѣ умно, духовно, и самое мѣсто, гдѣ они бывають, называется умнымъ мѣстомъ. Изъ этого видно, что ни подъ мѣстомъ ихъ, ни подъ пребываніемъ въ немъ не должно разумѣть ничего плотскаго и тѣлеснаго.

Итакъ, очевидно, что приводимое авторомъ статей мѣсто изъ Василия Великаго не его мысль подтверждаетъ, а скорѣе нашу.

Приведу теперь другія мѣста изъ писаній св. Василия, чтобы всякій самъ увидѣлъ — каково ученіе сего вселенскаго учителя о естествѣ души и ангеловъ.

Вотъ какъ св. Василиій Великій учитъ о твореніи міра ангельскаго.

«Было нѣчто, какъ вѣроятно, и прежде сего міра; но сіе, хотя и постижимо для нашего разумѣнія, однакоже не введено въ повѣствованіе, какъ несоотвѣтствующее силамъ новообучаемыхъ и младенцевъ разумомъ. Еще ранѣ бытія міра было нѣкоторое состояніе, приличное премірнымъ силамъ, превысшее времени, вѣчное, присно продолжающееся. Въ немъ-то Творецъ всяческихъ совершилъ созданія — мысленный свѣтъ, приличный блаженству любящихъ Господа, разумныя и

невидимыя природы и все украшеніе умосозерцательныхъ тварей, превосходящихъ наше разумѣніе, такъ что нельзя изобрѣсти для нихъ наименованій. Онѣ-то наполняютъ собою сущность невидимаго міра, какъ научаетъ насъ Павелъ, говоря: *яко Тьмъ создана быша всяческая, аще видимая, аще невидимая, аще престолы, аще господствія, аще начала, аще власти*» (31).

Прочитавъ это мѣсто, кто не увѣрится, что ангелы, по св. Василию, не могутъ имѣть ничего вещественнаго и тѣлеснаго? Они созданы прежде всякаго вещества; потому и суть они у него силы премірныя, мысленный свѣтъ, разумныя природы, умосозерцаемыя твари. Эта мысль одинакова у Василія Великаго съ Григоріемъ Богословомъ, и встрѣчается не разъ какъ у того, такъ и у другаго; стало быть, это не случайно вырвавшаяся фраза, а обдуманное и въ общую систему ихъ ученія вошедшее положеніе. Основываясь на этомъ, мы можемъ всѣ, встрѣчающіяся у Василія Великаго, выраженія, подобныя вышеприведеннымъ, считать за выраженіе понятія о нихъ, какъ о духахъ невещественныхъ и безтѣлесныхъ. А такихъ выраженій очень много. Перечислю ихъ.

Въ т. 2 на стр. 255 говорится: «серафимъ есть нѣкоторая премірная сила». Если премірная сила, то какъ онъ будетъ тѣло или какое либо вещество? Превыше міра нѣтъ тѣль, и нѣтъ никакого вещества. Тоже самое слово приложено у него къ серафимамъ немного повыше, на стр. 251, 250. На стр. 250, сверхъ того, всю совокупность тварей раздѣляетъ онъ на мысленныя и

(31) Бесѣд. 1, на шестодневъ, стр. 7, 8.

чувственныя, какъ и Григорій Богословъ. А на 249 стр. ангеловъ, посылаемыхъ на помощь святымъ, именуеть *Божественными* силами. Подъ мысленными тварями, конечно, не разумѣеть онъ ничего тѣлеснаго и вещественнаго, ибо въ тѣлѣ и веществѣ какая мыслительность, равно какъ и подъ божественными или богоподобными силами? Въ Богъ нѣтъ ничего вещественнаго.

Въ 3-мъ т. на стр. 287, ангельскія премірныя силы названы *чистыми* и *духовными*. Подъ духомъ же, тамъ же на стр. 264—5, онъ разумѣеть нѣчто *безплотное, чисто невещественное и несложное*.

Думаю, что всякій непредубѣжденный удовольствуется приведенными свидѣтельствами и согласится признать, что св. Василиій Великій почиталъ ангеловъ чистыми духами. Но полагаю, что эти свидѣтельства получаютъ еще большую твердость и убѣдительность, если къ нимъ присоединить мѣста св. Василия, въ которыхъ онъ выражаетъ свое понятіе о душѣ, какъ о силѣ духовной, совершенно невещественной. Приведу нѣсколько свидѣтельствъ и объ этомъ.

Т. 4 на стр. 34, Василиій Великій рѣшаетъ вопросы: «что мы, что около насъ?» И отвѣчаетъ: «душа и умъ — это мы!». Душа же и умъ у него, не какъ одно въ другомъ, а тождественны (т. 5, стр. 390). Слѣдовательно то, что сознаеть себя въ насъ нами, а не другимъ чѣмъ, отличительная, характеристическая часть наша — это есть душа-умъ. Но кто когда считалъ умъ тѣломъ, или чѣмъ либо вещественнымъ? По Василию же Великому,

что есть умъ? — «Умъ есть, говоритъ онъ, нѣчто прекрасное, есть то, что дѣлаетъ насъ созданными по образу Божию» (т. 7, стр. 155). А Богъ развѣ тѣло, чтобъ думать, что и душа-умъ есть тѣло? Посему, когда Василій Великій вообще опредѣляетъ человѣка такими словами: «вотъ что человѣкъ: умъ, тѣсно сопряженный съ приспособленною къ нему и приличною плотію», — (т. 4 стр. 330) никому и въ голову не придетъ, чтобъ онъ подъ словомъ умъ-душа разумѣлъ что либо тѣлесное и вещественное. Почитая умъ-душу духовною, св. Василій и пищу ей назначаетъ духовную. «Какъ человѣкъ, говоритъ онъ, двойственъ, состоитъ изъ души и тѣла; такъ и пища у него двоякая. Пища души — подвиги благочестія, догматы вѣры, уроки нравственности; отъ нихъ растутъ и крѣпнеть душа. Напротивъ, кто не вкушаетъ спасительныхъ и животворныхъ ученій, тотъ изнуряетъ свой умъ-душу» (т. 2 стр. 54, 55). Скажите, какъ вещество, какъ бы тонко оно ни было, можно питать духовною, умовою пищею?!

Кажется и довольно бы. Но считаю нужнымъ указать еще одно мѣсто, въ которомъ опредѣляется отношеніе души къ тѣлу. Въ т. 5 на стр. 381 пишется:

«Душевная сила двояка, хотя душа одна и таже; именно же одна — собственно жизненная сила тѣла, а другая — сила созерцающая, которую называютъ также разумною... Но душа, поелику соединена съ тѣломъ естественно, въ слѣдствіе сего соединенія, а не произвольно, сообщаетъ тѣлу жизненную силу. Ибо какъ солнцу возсіявшему невозможно не освѣщать того, на что простерло лучи, такъ невозможно душѣ не

оживлять тѣла, въ которомъ пребываетъ. А сила созерцательная приводится въ движеніе по произволѣнію».

Мѣсто это отнимаетъ всякій предлогъ не только къ тому, чтобъ душу считать тѣломъ, но и къ тому, чтобъ придумывать какое либо средство для связи души съ тѣломъ въ нѣкоей тонкой оболочкѣ души. Вѣдь душа есть дѣйствительная, живая сила, хотя и умная, чисто духовная. Своею бытовою, такъ сказать, физическою стороною она устрояетъ тѣло, оживляетъ его, движетъ и дѣйствуетъ чрезъ него; а другою стороною — высшею въ тоже время сознаетъ себя, свободно дѣйствуетъ, созерцаетъ пренебесное, размышляетъ о земномъ и стремится къ Божественному и вѣчному. Изъ этого выводится еще и то заключеніе, что если душѣ свойственна сила дѣйствовать на вещественное, пока она въ тѣлѣ, то нѣтъ основанія представлять ее не имѣющею этой силы, когда она разлучится съ тѣломъ, и что какъ ангеламъ свойственна естественная сила дѣйствовать на вещественныя стихіи, такъ свойственна такая же сила и душамъ отшедшихъ и что, слѣдовательно, когда отшедшіе изъ сей жизни являються, — для объясненія этого нѣтъ нужды предполагать, что они имѣютъ оболочку, а тѣмъ менѣе думать, что они суть тѣло, а достаточно убѣдиться, что душѣ естество-свойственна сила дѣйствовать на стихіи, которыя она можетъ привлекать къ себѣ и отрѣвять отъ себя, когда требуется. Помнится мнѣ, что эта мысль пространно изложена у Григорія Нисскаго, въ разговорѣ о душѣ и воскресеніи.

Этимъ и кончимъ выписку свидѣтельствъ изъ св. Василія Великаго. Обратимся теперь къ св. Григорію Богослову.

Изъ св. Григорія Богослова «Прибавленіе къ Слову о смерти» само не приводитъ свидѣтельствъ, но, указывая изрѣченія св. Отцевъ, поставлявшія въ затрудненіе западнаго богослова, признающаго душу и ангела духомъ, оно на первомъ мѣстѣ ставитъ: «Григорій Богословъ говоритъ, что ангелъ — существо огненнаго свойства или духъ (дыханіе) разумный». — Мы уже упоминали объ этомъ, при разборѣ свидѣтельства изъ св. Дамаскина, и видѣли, что оно не только не должно затруднять признающихъ духовность естества души и ангеловъ; а, напротивъ, смѣло можетъ быть ими приводимо въ свое оправданіе и опроверженіе противоположнаго мнѣнія. Ибо св. Григорій, назвавъ ангела огнемъ и духомъ, тотчасъ поясняетъ, что эти слова также надобно и понимать, какъ онѣ понимаются, когда прилагаются къ Первой Сущности, то есть, что съ ними не должно соединять ничего вещественнаго. Это мѣсто находится въ III т. на стр. 50. Вознесшись мыслию къ мысленному, небесному, нетѣлесному естеству, онъ говоритъ, что «оно называется огнемъ и духомъ; ибо говорится, что (Богъ) творитъ ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный... Духомъ же и огнемъ называется естество сіе, частью какъ мысленное, а частью какъ очистительное; потому что и Первая Сущность пріемлетъ тѣже наименованія. Впрочемъ, да будетъ оно у насъ нетѣлесно». Въ слѣдствіе сего, нѣсколько строкъ

спустя, св. Григорій опредѣляетъ естество ангеловъ такими чертами: «они суть умныя силы, и умы, природы чистыя, безпримѣсныя».

Изъ этого уже видна мысль св. Григорія о ествѣ ангеловъ. И вездѣ, гдѣ ни случилось ему говорить о нихъ, они изображаются имъ такъ, что съ словами его никакъ нельзя соединять ничего вещественнаго, хоть большею частію, по своему поэтическому настроенію, онъ говорить о нихъ образно.

Такъ, въ т. IV на стр. 229, онъ говорить объ ангелахъ: «помыслимъ о существахъ первыхъ отъ Бога и окрестъ Бога, то есть, объ ангельскихъ и небесныхъ силахъ, которыя первыя пьютъ отъ Перваго Свѣта, и, просвѣтляемыя словомъ истины, сами суть свѣтъ и отблески совершеннаго Свѣта». Если ангелы суть отблески совершеннаго Свѣта и сами свѣтъ, — то какъ назвать ихъ вещественными? Совершенный Свѣтъ, то есть, Богъ есть Духъ чистѣйшій; а потому и отблески Его должны быть тоже духи чистые.

Еще очевиднѣе мысль св. Григорія объ ангелахъ высказана имъ въ III т. на стр. 22, гдѣ онъ, доказывая, что Богъ не можетъ быть тѣломъ, между прочимъ ставитъ такія положенія, которыя отрицаютъ всякую тѣлесность у ангеловъ. «Назовешь ли, говоритъ онъ, Божество тѣломъ? Но какъ же его назовешь (если такъ) безконечнымъ, не имѣющимъ ни предѣловъ, ни очертанія, неосязаемымъ, незримымъ? Если же скажешь, что Богъ есть тѣло невещественное и притомъ, какъ думаютъ нѣкоторые, простое и круговращающееся (пусть будетъ допущено и невещественное и простое), а

если угодно, даже *бездѣльное тѣло*, такъ какъ у нихъ слова носятся и составляются произвольно: то къ какому роду движимыхъ — и переносимыхъ будетъ принадлежать тѣло сіе?.. Что же опять движетъ его? Чѣмъ движется все? Чѣмъ приводится въ движеніе то, отъ чего все движется? А потомъ, что движетъ и это самое? — и такъ до безконечности.»

Такимъ образомъ, по св. Григорію, тѣлу, хотябы оно было самое тонкое, даже невещественное и бездѣльное тѣло, не свойственны движенія. Двигать его должна сторонняя сила; посему, если ангель и душа — тѣло, хотя бы невещественное тѣло, мы умѣстнымъ находимъ спросить: что же ихъ движетъ? И если движущее ихъ есть опять тончайшее тѣло, то опять вопросъ: что движетъ и это самое? — пока не остановимся на чемъ либо самодвижномъ, каковымъ не можетъ быть тѣло.

Далѣе — на стр. 24 св. Григорій говоритъ: «Но если скажутъ съ св. Богословомъ, что Богъ есть иное какое нибудь *тѣло*, хоть, на примѣръ, *ангельское*, то откуда известно, что ангелы *тѣлесны*, какія у нихъ *тѣла*?.. Вотъ слова, которыя прямо въ сердце поражаютъ новое ученіе. Св. Григорій Богословъ и думать не думалъ, чтобъ ангелы были тѣло или тѣлесны, и даже другихъ вопрошаетъ; откуда вы берете это?.. «Да сего, — прибавляетъ онъ дальше (хоть прямо относительно Бога, но можно относить это и ко всему сказанному выше, слѣдовательно, и къ мысли о тѣлесности ангеловъ) — да сего ни одинъ изъ богодухновенныхъ не допускалъ; такое ученіе не нашего двора»... Повторимъ и мы вслѣдъ за вселенскимъ учителемъ, что ученіе, будто

ангелъ — тѣло, есть ученіе не нашего двора, не св. Христовой Церкви ученіе.

Соберу теперь во едино тѣ мѣста, гдѣ ангелы у св. Богослова именуются такими именами, которыхъ никакъ не могъ бы онъ приложить къ нимъ, еслибъ понималъ ихъ тѣлами. Такъ (ч. 3 стр. 20) онъ говоритъ, что они суть *природы* высшія и *духовныя*, которыя, будучи ближе къ Богу, видятъ Его полнѣе (стр. 50, тойже ч.), что они *умныя-силы*, или умы, природы чистыя и *безпримѣсныя* (ч. 4-я, стр. 275), что ангелъ есть второй свѣтъ, нѣкоторая *струя*, или *причастіе Перваго Свѣта* (стр. 154... тамже), что ангелы суть существа первыя, *духовныя и чистыя* (стр. 242 тамъ же), что они суть чистые служители, непорочные умы (стр. 335), что они — *умы приснодвижныя, Божественныя духи*. — Послѣ всего этого, нѣтъ сомнѣнія, что ангелы, по ясному ученію Григорія Богослова, суть чистые духи, безпримѣсныя, то есть, не только не тѣло, но и не имѣющіе тѣль.

Приведу и то мѣсто, гдѣ св. Григорій обзрѣваетъ все твореніе. Тутъ видно будетъ вмѣстѣ и то, какъ разумѣлъ онъ душу. (Это въ 4-й ч. стр. 57 и далѣе.)

«Поелику для Благости не довольно было упражняться только въ созерцаніи Себя самой, а надлежало, чтобъ благо разливалось, шло далѣе и далѣе... то Богъ измышляетъ, во первыхъ, *ангельскія и небесныя силы*. И мысль стала дѣломъ, которое исполнено Словомъ и совершено Духомъ. Такъ произошли *вторыя свѣтлости*, — разумѣть ли подѣ

ними разумныхъ духовъ, или какъ бы невещественный и безплотный огонь.»

«Поелику же первыя твари были благоугодны Богу; то измышляетъ другой міръ — вещественный и видимый, и это есть стройный составъ неба, земли и того, что между ними... А симъ Богъ показаль, что Онъ силенъ сотворить не только сродное, но и совершенно чуждое Себѣ естество. Сродны же Божеству природы умныя, однимъ умомъ постигаемыя.» — А новое учение твердить, что есть нѣчто другое, сродное Богу. ⁽³²⁾

«И такъ, умъ и чувство, столь различныя между собою, стали въ своихъ предѣлахъ и изразили собою величіе зиждительнаго Слова... Но еще не было смѣшенія изъ ума и чувства — сего опыта высшей премудрости, сей щедрости въ образованіи естествъ, и не все богатство благодати было еще обнаружено. Восхотѣль и сіе показать: художническое Слово созидаетъ живое существо, въ которомъ приведены въ единство то и другое, то есть, невидимое и видимая природа, — созидаетъ, говорю, человѣка; и изъ сотвореннаго уже вещества взявъ тѣло, а отъ Себя вложивъ жизнь (что въ словѣ Божіемъ извѣстно подъ именемъ души и образа Божія), творить какъ бы нѣкоторый второй міръ, въ маломъ великій, поставляетъ на землѣ инаго ангела, изъ разныхъ природъ составленнаго, поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой, царя надъ тѣмъ, что на землѣ, подчиненнаго горнему царству,

(32) См. Приб. къ слову о см. стр. 20.

земнаго и небеснаго, временнаго и безсмертнаго, видимаго и умосозерцаемаго.»

На что яснѣе указанія, что, по св. Богослову, не ангелъ только, но и душа есть чистый духъ? Тѣже мысли изложены у него и въ 3-й ч. стр. 240; и въ стихотвореніи о душѣ ч. 4-я, стр. 240.

Въ послѣднемъ для насъ то особенно важно, что св. Григорій здѣсь порицаетъ всѣхъ, кто думалъ, что душа есть какое либо вещество.

«Душа, говоритъ онъ, не естество истребительнаго огня, не естество воздуха, не кровавый потокъ, пробѣгающій по тѣлу, не гармонія составныхъ частей тѣла... У меня не какая нибудь общая, *всѣмъ раздѣленная* и по воздуху блуждающая душа... И то не умныхъ людей ученіе, а пустая книжная забава, будто душа постоянно мѣняетъ разныя тѣла.»

Послѣ указанія этихъ ложныхъ толковъ, онъ излагаетъ потомъ свое мнѣніе, которое, по изяществу рѣчи и по полнотѣ созерцанія, стоить всякому заучить на память.

«Теперь выслушай наше превосходнѣйшее ученіе о душѣ. А мы постараемся усладить нѣсколько пѣснь, начавъ ее такъ.

“Было время, когда высокое Слово Ума, слѣдуя великому Уму Отца, водрузило несуществовавшій дотолѣ міръ. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это — земля, небо и море составило міръ, нужень сталъ зритель Премудрости — матери всего и благоговѣйный царь земной. Тогда Слово рекло: «пространное небо населяютъ уже чистые

и присноживущіе служители, непорочные умы, добрые ангелы, г҃снословцы немолчно воспѣвающіе славу Мою. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мнѣ создать такой родъ тварей, въ которомъ бы заключалось то и другое, — родъ тварей среднихъ между смертными и бессмертными, разумнаго челоука, который бы увеселялся Моими дѣлами, былъ бы мудрымъ таинникомъ небеснаго, великимъ владыкою земли, новымъ ангеломъ изъ персти, г҃снословцемъ Моего могущества и Моего ума.» — Такъ рекло Слово, и, взявъ часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образъ и удѣлило ему Своей жизни, потому что послало въ него духъ, который есть струя невидимаго Божества. Такъ изъ персти и дыханія созданъ челоукъ — образъ Бессмертнаго; потому что въ обоихъ царствуетъ естество ума. Посему, какъ земля, привязанъ я къ здѣшной жизни, а какъ частица Божественнаго, ношу въ груди любовь къ жизни будущей.»

Вотъ полное ученіе св. Григорія Богослова о естествѣ душъ и ангеловъ! Очевидно, что новому ученію нельзя представлять его порукою за свою состоятельность.

У св. Златоуста больше, чѣмъ у другихъ Отцевъ, ищетъ себѣ опоры новое ученіе; однакожь и въ этомъ случаѣ не можетъ оно похвалиться, чтобъ хоть одна выписка изъ его твореній оправдывала его. Ни одна изъ нихъ не говоритъ о тѣлесности естества ангеловъ и душъ, а, напротивъ, есть такія, которыя говорятъ совсѣмъ противное.

Первое мѣсто изъ св. Златоуста (Приб. къ сл. о см. стр. 31) говоритъ, что воздухъ наполненъ ангелами, которые защищаютъ насъ отъ злыхъ духовъ — враговъ міра. «Желаешь видѣть ангеловъ? — говоритъ въ началѣ св. Златоустъ. Открой очи вѣры, и смотри на это зрѣлище.»

Говоритъ ли это мѣсто о природѣ ангеловъ? Нѣтъ; оно говоритъ о томъ лишь, что они присуци въ воздухѣ. О природѣ же ихъ долженъ сдѣлать заключеніе уже самъ читающій, при мысли о семъ присутствіи. Какое же заключеніе? Авторъ желаетъ, чтобъ всѣ вывели отсюда то, что ангелы — тѣло, потому что присуци въ воздухѣ. Еслибъ иначе нельзя было понимать этого присутствія, какъ заниманіемъ соотвѣтственнаго мѣста, то, конечно, слѣдовало бы такъ. Но какъ, по св. Дамаскину, присутствіе духовъ въ извѣстномъ мѣстѣ есть мысленное, чуждое всякой тѣлесности; то и нѣтъ необходимости дѣлать такое заключеніе. И такъ, означенное мѣсто ничего не даетъ въ оправданіе новаго ученія.

Второе свидѣтельство Златоуста (тамъ же стр. 32) изъ 22 бесѣды на кн. Бытія, приведено не словами Златоуста, а кратко, своими словами. Но и въ этихъ не многихъ словахъ удержано, что св. Златоустъ называетъ ангеловъ *безплотными*. Какъ же новое ученіе хочетъ этимъ доказать свою мысль, что ангелъ — тѣло? Ужъ когда они безплотны, стало быть, не плоть и не тѣло.

Вотъ какъ стоитъ у св. Златоуста это мѣсто безъ сокращенія (на кн. Быт. 1. бесѣды 22. стр. 396): «Не безумно ли говорить, будто *ангелы* низошли до

сожителства съ женами, и безтѣлесная природа унизилаась до совокупленія съ тѣлами?.. Развѣ не слышишь, что говоритъ— Христось о естествѣ ангельскомъ: *въ воскресеніе ни женятся, ни посягають, но яко ангелы Божіи суть (Мѡ. 22:30)*. Да и невозможно, чтобъ безтѣлесная (ангельская) природа возымѣла когда нибудь такое (плотское) вожделѣніе.»

Это рѣшительно говоритъ противъ новаго ученія. Очевидно, что св. Златоустъ признаетъ природу ангеловъ безтѣлесною, — безтѣлесною, стало быть, невещественною, а невещественное — духъ.

Но тутъ же слѣдуетъ дальше побѣдоносное свидѣтельство св. Златоуста въ противность мнѣнію автора. Онъ постоянно твердитъ, что видимое въ ангелахъ являющихся и есть ихъ естество, что они являются въ своемъ естествѣ, что видимые въ нихъ члены суть ихъ собственные; а Златоустъ говоритъ совсѣмъ другое. Вотъ его слова: «Принять такое мнѣніе было бы величайшею нелѣпостью. Ибо если святые и Духа Святаго удостоенные мужи не въ силахъ были переносить даже явленія ангеловъ; если и мужъ желаній, узрѣвъ присутствіе ангела, не самое существо (ибо какъ можно видѣть безтѣлесное существо?), но воспринятый имъ образъ, лишился силъ и едва не самой жизни, если и столь великій и высокій мужъ упалъ почти бездыханнымъ: то кто, и самый легкомысленный, согласится съ этими лукавыми и крайне безумными словами, будто безтѣлесная и духовная природа имѣла совокупленіе съ тѣлами?»

Не очевидна ли противоположность ученія св. Златоуста съ новымъ ученіемъ? Св. Златоустъ утверждаетъ, что ангелы, являясь, принимаютъ образъ; а новое ученіе учитъ, что у ангеловъ свой образъ и видъ, какой имѣетъ человѣкъ въ своемъ тѣлѣ. Св. Златоустъ говоритъ, что когда видятъ ангела, зрятъ только присутствіе ангела, а не самое естество, котораго, какъ безтѣлеснаго, видѣть нельзя; а новое ученіе гласитъ, что видящіе ангеловъ видятъ ихъ въ естествѣ ихъ. ⁽³³⁾

У св. Златоуста есть и еще мѣсто, объясняющее явленіе ангеловъ не по мыслямъ автора. Это въ седьмомъ словѣ противъ аномеевъ. Тамъ говорится, что ангелы часто являлись на землѣ въ человѣческомъ образѣ, и даже — Самъ Богъ: но являемое не было истина плоти, а снисхожденіе; то есть, являемое было не истинная плоть, а такое явленіе, которое устроилось изъ снисхожденія къ немощи человѣка. ⁽³⁴⁾ Вотъ и здѣсь св. Златоустъ говоритъ, что являемое не есть истинная плоть; а новое ученіе говоритъ: нѣтъ, — это есть истинное тѣло, самъ ангелъ.

Третье свидѣтельство изъ св. Златоуста говоритъ о явленіяхъ ангеловъ добрыхъ и злыхъ, при одрѣ умирающихъ. По мнѣнію св. Златоуста, предъ симъ приведенному, это значить, что ангелы не только принимаютъ образъ, но и являются; и что видящіе ихъ видятъ не естество ангеловъ, а принимаемый ими образъ. Явленіе ангеловъ св. Златоустъ объясняетъ такъ же, какъ и Богоявленія. Видящіе Бога видятъ не

⁽³³⁾ См. приб. къ сл. о см. стр. 26 и 27.

⁽³⁴⁾ См. по изд. Migne t. 1 стр. 765.

существо Божіе, а къ нимъ *приспособленный образъ*. Послѣднюю мысль Златоуста приводитъ и Прибав. къ сл. о см. на стр. 15.

Четвертое свидѣтельство Златоуста изъ слова «о непостижимомъ». Тамъ описывается явленіе ангела Данилу тоже самое, которое приведено нами изъ бесѣдъ на кн. Бытія. Но, по особымъ цѣлямъ, какія имѣлъ св. Златоустъ, въ словѣ «о непостижимомъ» опущены, при описаніи явленія ангела Данилу, тѣ пояснительныя мысли, которыя находятся въ бесѣдѣ на книгу Бытія, и которыя такъ сильно опровергають новое ученіе. Стало быть, здѣсь одно описаніе явленія ангела, которое ничего не доказываетъ.

Пятое свидѣтельство изъ Златоуста говоритъ, что бѣсы носятся въ воздухѣ, и могутъ показать намъ свой страшный образъ (изъ толк. на 41-й псаломъ). Что жъ изъ этого? Присутствовать въ воздухѣ возможно и для безтѣлесныхъ и невещественныхъ. Показываютъ же образъ свой страшный бѣсы, по св. Златоусту, не такъ же ли, какъ, по его мнѣнію, ангелы показываютъ свой привлекательный образъ, то есть, и демоны принимаютъ образъ, какъ и ангелы? Послѣдняя мысль высказана и въ Прибав. къ сл. о см. на 27 стр., гдѣ читаемъ, что падшіе духи принимаютъ разные ложные образы, являясь человекамъ, чтобъ обольстить, смутить и погубить ихъ; и принимаютъ эти образы, имѣя на то природную способность. Образъ явленія одинаковъ и у бѣсовъ, и у ангеловъ; только цѣли различны.

Наконецъ, послѣднее свидѣтельство взято изъ 34-й бесѣды на Ев. Матѳея, гдѣ Златоустъ говоритъ, что

демоны скитаются по гробамъ (въ подлинникѣ: стекаются ко гробамъ Ч. 2. стр. 108 къ концу). Сила этого мѣста таже, что и перваго, гдѣ говорится, что ангелы и злые духи наполняютъ воздухъ. Потому о немъ нечего и говорить.

Такимъ образомъ «Прибавленіе къ сл. о смерти» не указало ни одного мѣста изъ св. Златоуста, которое хоть какъ нибудь косвенно, подтверждало бы его мнѣніе. Напротивъ, свидѣтельство, которое въ немъ приведено своими словами сокращенно, въ полномъ составѣ, очевидно, содержитъ ученіе объ ангелахъ, совершенно противное сему мнѣнію. И надобно сказать, что это только одно мѣсто изъ св. Златоуста и говорить о природѣ ангеловъ; всѣ же прочія не говорятъ объ этомъ; слѣдовательно, совсѣмъ нейдутъ къ дѣлу. Второе свидѣтельство, въ совокупности съ другимъ, нами приведеннымъ, довольно точно опредѣляютъ мысли св. Златоуста объ ангелахъ. Именно — они показываютъ, что онъ признаетъ ихъ безтѣлесными, то есть, не только не тѣломъ, хотя бы тонкимъ, но и не имѣющими тѣла, и что когда являются они, то являемое не есть истинная плоть, но принимаемый образъ. Послѣ этого искать другихъ свидѣтельствъ у св. Златоуста о природѣ ангеловъ считаю совершенно излишнимъ. Достаточно и этого. Укажу теперь только два-три мѣста о природѣ души.

Гдѣ лучше это увидѣть, какъ не въ описаніи сотворенія человѣка? Что же тутъ говорится? Въ бесѣдѣ 13 на кн. Бытія стр. 204 читаемъ: «когда услышишь, что Писаніе говоритъ: *сотвори Богъ человѣка,*

понимай эти слова въ томъ же смыслѣ, какъ выраженіе: *да будетъ*. Когда слышишь также, что *Богъ вдуну въ лице его* (человѣка) *дыханіе жизни*, — разумѣй, что Онъ какъ произвелъ *бестѣлесныя силы*, такъ благоволилъ, чтобъ и тѣло человѣка, созданное изъ персти, имѣло *разумную душу*, которая могла бы пользоваться тѣлесными членами». — Св. Златоустъ внушаетъ здѣсь, что разумная душа въ тѣлѣ есть бестѣлесная сила; а бестѣлесное въ тѣлѣ, конечно, уже и не тонкое какое либо тѣло.

Тутъ же далѣе, на стр. 205 говорится: «Усматривай и различіе между созданиемъ этого чуднаго разумнаго животнаго и созданиемъ безсловесныхъ. О нихъ Богъ говоритъ: *да изведутъ воды гады души живыхъ*, — и тотчасъ произошли изъ водъ одушевленные животныя; и о землѣ опять такимъ же образомъ: *да произведетъ земля душу живу*. Съ человѣкомъ же было не такъ; но прежде создается тѣло изъ персти, а потомъ дается ему жизненная сила, которая и составляетъ существо души. Вотъ почему и сказалъ Моисей о безсловесномъ, что *кровь его душа его есть* (Лев. 17:11). А въ человѣкѣ есть *бестѣлесная и безсмертная сущность*, имѣющая великое преимущество предъ тѣломъ, и именно такое, какое прилично (имѣть) бестѣлесному предъ тѣломъ». Опять бестѣлесное въ тѣлѣ! Какъ можно понимать подъ этимъ что либо тѣлесное? Тогда слѣдовало бы сказать: въ грубомъ тѣлѣ тонкое тѣло, а не бестѣлесная сила. Отсюда видно, что слово — бестѣлесный у Златоуста означаетъ совершенную бестѣлесность и невещественность, или что то же, чистую духовность.

На 228 стр. того же т. 1 на кн. Быт. Бесѣд. 14, къ концу, сказавъ о нареченіи Адамомъ животныхъ, св. Златоустъ наводитъ: «кто назвалъ такъ животныхъ, не исполненъ ли былъ премудрости и разума? Заключай же отсюда, какъ велика сила онаго вдуновенія, и какъ велика мудрость, которою Господь одарилъ *бестѣлесную душу*, составивъ изъ двухъ существъ чудное и *разумное животное*, и *бестѣлесное существо души* соединивъ съ тѣломъ, какъ прекраснаго художника съ орудіемъ». Тутъ говорится, что самое существо души бестѣлесно; а новое ученіе твердитъ: существо души — тѣло.

Такимъ образомъ, и по св. Златоусту, какъ душа, такъ и ангелы невещественны и бестѣлесны. Слѣдовательно, всѣ три великія свѣтила Церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ противъ новаго ученія. А какъ они учатъ, такъ учить и вся Церковь. Неправда ли послѣ этого, что новое ученіе есть ученіе не нашего двора? — какъ выразился св. Григорій Богословъ.

Въ писаніяхъ св. Аѳанасія о естествѣ ангеловъ почти ничего не говорится. Есть нѣсколько мѣстъ, и сильныхъ мѣстъ, о подчиненіи ихъ Богу-Слову и поклоненіи Ему; о естествѣ ихъ не приходилось ему говорить. Есть, впрочемъ, два краткихъ изреченія и объ этомъ предметѣ. Въ богословіи преосв. Макарія приводится одно изреченіе св. Аѳанасія, именно: «ангелъ есть существо разумное, невещественное (*απλοῦ*) пѣснословающее, безсмертное»; но я не умѣлъ найти его въ подлинникѣ. Всячески, однакожь, нѣтъ сомнѣнія, что

это есть подлинное изреченіе св. Аѳанасія. Въ жизнеописаніи св. Антонія, именно, въ рѣчи преподобнаго къ братьямъ о козняхъ злыхъ духовъ, говорится: «что удивительнаго, если они, пользуясь тончайшими паче человѣческаго тѣлами (λεπτωτεροῖς ἡρώμενοι σωμασί) и увидѣвъ вступившихъ въ путь, предваряютъ ихъ въ шествіи и возвѣщаютъ о нихъ». Употребленное здѣсь слово: ἡρώμενοι, — пользуясь, — даетъ намъ право видѣть у св. Аѳанасія ту мысль, что демоны не суть тѣло и не носятъ тѣла, а только временно пользуются имъ, когда нужно, какъ пользуется иной какимъ либо орудіемъ, которое беретъ, когда нужно, и отлагаетъ, когда оказывается оно ненужнымъ. Но если понять и такъ, что они постоянно пользуются симъ тончайшимъ тѣломъ, — все таки надобно отличать пользующагося отъ того, чѣмъ онъ пользуется, — и слѣдовательно, все таки у св. Аѳанасія та мысль, что падшіе ангелы суть духи, лишь облеченные тончайшими тѣлами. А если падшіе духи таковы, то таковы же и непадшіе, ибо паденіе не перемѣнило естества. Какъ ни понимайте этого мѣста, оно все таки противъ новаго ученія. Не смотря, впрочемъ, на то, что только два изреченія мы можемъ привести изъ св. Аѳанасія, всякій непредубѣжденный согласится, что, судя по нимъ, нельзя предполагать въ св. Аѳанасіи мысли о тѣлесности ангеловъ.

Въ «Прибав. къ сл. о смерти», стр. 28, дѣлается пространная выписка изъ св. Аѳанасія, съ цѣлію показать, что онъ признавалъ духовъ тѣлами. Но какъ она ни пространна, а нимало не доказываетъ того, что

хотятъ ея доказать. Выписка эта взята изъ той же рѣчи, изъ которой мы предъ симъ взяли одно мѣсто, ясно намѣкающее на мысль св. Антонія и св. Аѳанасія о безтѣлесности духовъ. Во всей рѣчи только и есть это мѣсто, которое можетъ быть отнесено къ опредѣленію естества духовъ. Она изображаетъ разныя явленія духовъ злыхъ и козни, какія употребляютъ они для соблазна подвижающихся, и научаетъ, какъ ихъ разгадывать и противостоятъ имъ. Но изъ явленія духовъ выводитъ мысль о тѣлесности естества ихъ незаконно и опасно, ибо и Богъ являлся. Слѣдовательно, вся эта длинная выписка сдѣлана напрасно.

Пришло мнѣ на мысль попробовать, не *восполнимъ* ли мы недостатокъ свидѣтельствъ св. Аѳанасія о безтѣлесности ангеловъ свидѣтельствами его о невещественности души. Если докажется словами св. Аѳанасія, что душа — не тѣло, то уже это одно будетъ противъ новаго ученія, такъ какъ по нему, вообще ничего нѣтъ нетѣлеснаго, кромѣ Бога.

Въ словѣ на язычниковъ св. Аѳанасій счелъ нужнымъ (часть 1-я стр. 50—55) для простыхъ людей вкратцѣ доказать и то, что всякій человѣкъ имѣетъ *душу*, и душу *разумную*; потому что иные, особенно еретики, отрицаютъ и сіе, полагая, что человѣкъ есть не болѣе, какъ «*видимый образъ тѣла*». Это какъ разъ противъ «Слова о смерти», по которому (стр. 12) и душа есть эфирное, весьма тонкое, летучее тѣло, имѣющее весь видъ нашего грубаго тѣла, всѣ его члены, даже волосы, характеръ его лица, — словомъ, полное сходство съ нимъ. Значить, въ человѣкѣ вообще ничего нѣтъ, кромѣ

видимаго образа тѣла, то грубаго, то эѳирнаго. Св. Аѳанасій, отвергая ту мысль, что въ человѣкѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимаго образа тѣла, отвергаетъ вообще мысль, что душа вещественна.

«Первымъ, говоритъ онъ, не малымъ признакомъ того, что душа человѣческая разумна, служитъ отличие ея отъ бесловесныхъ; ибо по естественной привычкѣ называемъ мы ихъ бесловесными потому самому, что родъ человѣческій разуменъ. А потомъ, немаловажнымъ будетъ доказательствомъ и то, что одинъ человѣкъ о находящемся внѣ его мысленно представляетъ, чего нѣтъ предъ нимъ, и опять разсуждаетъ и обсуждаетъ, чтобъ изъ обдуманнаго избрать лучшее (дѣйствія совершенно несвойственныя никакому веществу, какъ бы тонкимъ его ни воображали). Бесловесныя видятъ то одно, что предъ ними, стремятся къ тому одному, что у нихъ предъ глазами, хотя бы въ послѣдствіи былъ отъ того имъ вредъ; но человѣкъ стремится не къ видимому, а, напротивъ того, видимое глазами обсуждаетъ разсудкомъ (то есть, не подчиняется закону взаимовпечатлѣній и взаимовлеченій, царствующему между тѣлами, даже и тонкими, а стоитъ внѣ ихъ, потому что имѣетъ душу совершенно невещественную, и, въ слѣдствіе того, способную отрѣшаться отъ законовъ необходимости, какимъ связано все вещественное). Нерѣдко, устремившись уже (человѣкъ), разсудкомъ бываетъ удержанъ, и что имъ обдуманно, обдумываетъ снова. (Удержите-ка вы что либо вещественное, когда оно возбуждено! Остановите

электричество, когда оно уже въ движеніи. Надобно прекратить токъ, и оно остановится. Но душа, не переставая дѣйствовать въ себѣ, прекращаетъ одно направленіе и принимаетъ другое. Ясно, что характеристика ея совсѣмъ не похожа на характеристику силъ вещественныхъ, даже самыхъ тонкихъ.) И всякій, если только онъ другъ истины, сознаетъ, что умъ человѣческой — не одно и тоже съ тѣлесными чувствами (и, прибавимъ, душа человѣческая — съ тѣломъ и всѣмъ тѣлеснымъ вообще: это противоположности по свойствамъ и дѣйствіямъ). Потому (умъ), какъ нѣчто иное, бываетъ судіею самыхъ чувствъ. Дѣло глаза — видѣть только, дѣло ушей — слышать, усть — вкушать, ноздрей — принимать въ себя запахъ, рукъ — касаться; но разсуждать, что должно видѣть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять, — уже не дѣло чувствъ; судятъ же о семъ душа и умъ ея.» (Есть ли хоть слабая тѣнь подобной распорядительности въ кругу веществъ самыхъ утонченныхъ? Тамъ царствуетъ законъ необходимости, и обсужденіе дѣйствій тамъ неумѣстно. Не ясно ли, что гдѣ оно умѣстно, тамъ должна быть сила совершенно невещественная?)

Стр. 52. «Душа разсуждаетъ и знаетъ, что дѣлать и какъ поступать. Но сіе свойственно только людямъ, и сіе-то есть разумность человѣческой души, пользуясь которою, отличается она отъ безсловесныхъ, и доказываетъ о себѣ, что она дѣйствительно не одно и тоже съ видимымъ въ тѣлѣ», и вообще — со всѣмъ тѣлеснымъ, самымъ даже тонкимъ. Эта способность

обсуждать, останавливать и начинать свои дѣйствія по своему усмотрѣнію, давать себѣ и всему своему то или другое направленіе, совершенно не соображаясь съ тѣмъ, что есть въ тѣлѣ и внѣ тѣла, ясно доказываетъ, что душа совершенно невещественна, потому что ничему вещественному не можетъ приличествовать такая свободная и независимая, изнутри, а не извнѣ опредѣляемая самодѣятельность. Въ веществѣ, тонко ли оно или грубо, все водится неумолимымъ закономъ взаимоотношеній и взаимодействій, который остановить можно только разрушеніемъ вещественнаго тѣла.

«Тѣло часто лежитъ на землѣ, а человѣкъ представляетъ и созерцаетъ чтó на небѣ. Тѣло часто покоится, безмолвствуетъ и сидитъ, а человѣкъ — внутренно въ движеніи, и созерцаетъ чтó внѣ его... Чтоже это такое, какъ не разумная душа, которая въ человѣкѣ размышляетъ и представляетъ чтó выше его?» — Самодѣятельность, дѣятельность внутри и изнутри совершенно противоположна веществу. Электричество спитъ. Чтобъ оно стало дѣйствовать, надо его возбудить извнѣ. И возбуждено будучи, оно совсѣмъ не зависитъ отъ себя ни въ силѣ, ни въ направленіи. Душа же приснодвижна и самодѣятельна. Внѣшнія впечатлѣнія — только поводъ къ ея дѣятельности, а не источникъ ея или причина. Осязательное указаніе, что естество души нельзя признавать вещественнымъ!

«Тѣло по природѣ смертно, — почему-же человѣкъ размышляетъ о безсмертіи, и нерѣдко, изъ любви къ

добродѣтели, самъ на себя навлекаетъ смерть? Или, тѣло — временно; почему же человекъ представляетъ себѣ вѣчное, и по этому пренебрегаетъ тѣмъ, что у него подъ ногами, вожделѣваетъ же вѣчнаго? Тѣло само по себѣ не помыслить ничего подобнаго; оно не помыслило бы и о томъ, что внѣ его. Необходимо же быть чему либо другому, что помышляло бы о противоположномъ и неестественномъ тѣлу. Итакъ, что же это опять будетъ, какъ не душа разумная и бессмертная? Не совнѣ, но внутри, въ тѣлѣ, какъ музыкантъ на лирѣ, производитъ она совершеннѣйшіе звуки.» — Если душа есть тѣло, хоть бы даже эфирное, то откуда въ ней эти стремленія отрѣшаться рѣшительно отъ всего вещественнаго? Откуда у ней стремленіе къ безконечному, когда вещество, еслибъ дать ему мысль, могло бы простираться сею мыслию только дотолѣ, доколѣ достигаетъ само, когда оно даже не помыслило бы о томъ, что внѣ тѣла? Какъ ни тонко тѣло, все оно тяготѣло бы къ тѣлесному: откудажъ эти наслажденія умственными созерцаніями и построеніями? Если душа — эфиръ, а свѣтъ солнечный эфирнаго свойства: то какъ люди, лучшіе по стремленіямъ, слѣдовательно эфирнѣйшіе, лишали себя свѣта иногда на цѣлую жизнь? Нѣтъ, — должно быть въ насъ что нибудь совершенно невещественное, что помышляло бы о противоположномъ и неестественномъ тѣлу.

Стр. 54. «И такъ, думаю, сказаннымъ доселѣ доказано, что въ людяхъ есть разумная душа. Но... надобно знать, что душа и бессмертна... Если въ словѣ

нашемъ доказано, что душа — не одно и тоже съ тѣломъ, тѣло же по природѣ смертно, то необходимо душѣ быть безсмертною, потому самому, что она неподобна тѣлу. И опять, если душа движеть тѣло, а сама ничѣмъ другимъ не приводится въ движеніе; то слѣдуетъ изъ сего, что душа самодвижна, и, по сложении съ себя тѣла въ землю, опять будетъ сама себя приводить въ движеніе... Если бы душа приводима была въ движеніе тѣломъ, то, по разлучении съ движущимъ ее, ей слѣдовало бы умереть. А если душа движеть и тѣло; то тѣмъ паче необходимо ей приводить въ движеніе и себя. Приводя же себя въ движеніе, по необходимости, будетъ она жить и по смерти тѣла; потому что движеніе души есть не что иное, какъ жизнь ея.» — Самодвижность души есть разительнѣйшее доказательство не безсмертія только, но паче того, что она не есть какое либо тѣло утонченное, эфирное. Косность, неподвижность (*vis inertiae*) есть неотъемлемая принадлежность вещества. Электричество пребудетъ въ бездѣйствіи вѣкъ, если не возбудить его; и эфиръ не свѣтитъ, если не приводится въ сотрясеніе, или, какъ говорятъ, дрожательное состояніе. Но и то и другое производится воздѣйствіемъ совнѣ. Самодѣятельности и слѣда нѣтъ въ этихъ, повидимому, очень тонкихъ веществахъ. Откуда же возьмется самодѣятельность въ душѣ, если она по естеству — эфиръ? И если она самодѣятельна, не значить ли это, что она не эфиръ? И опять, всякое вещество, будучи приведено въ движеніе, движется въ данномъ направленіи, и, вообще, движеніе въ веществѣ

опредѣлено однообразною формою, отъ которой отступленіе немислимо. Посмотрите на дѣятельность души, — какая тутъ неисчерпаемость разнообразія!.. Что дѣлается, напримѣръ, когда душа разсуждаетъ? Сводитъ представленія, пріобрѣтенныя нерѣдко неизвѣстно — когда и какъ; ставитъ одно подлѣ другаго совершенно различное, и открываетъ сходство, или совершенно сходное, и открываетъ различіе; отвлекаетъ то или другое свойство, и только его разсматриваетъ независимо отъ предмета; нерѣдко разлагаетъ весь предметъ на его черты, и потомъ снова слагаетъ ихъ въ яснѣйшемъ уже представленіи цѣлаго; къ дѣйствию пріискиваетъ причину, часто невидимую и безвѣстную, а изъ дѣйствующаго начала выводитъ слѣдствія, которыхъ слѣдовъ нѣтъ еще на опытѣ; построиваетъ цѣпь причинъ и дѣйстви, средствъ и цѣлей; иногда отвлекаясь отъ всего опытнаго, разнообразнаго, созерцаетъ все въ единомъ цѣломъ и проч. Въ какомъ веществѣ, самомъ тонкомъ и возбудительномъ, можно видѣть что либо подобное? Одна и таже сила, — скажемъ, примѣняясь къ видимымъ движеніямъ въ веществѣ, — движется прямо и косвенно, отъ себя и къ себѣ, вверхъ и внизъ, въ право и въ лѣво, кругообразно, эллиптически, діагонально, подъ углами, зигзагами, волнами и проч., все это измѣняя во мгновеніе ока и переходя отъ одной противоположности къ другой, безъ потрясеній, имѣя притомъ возможность самое разгоряченное и разнообразное движеніе прекратить и снова начать. Еслибъ указалъ кто подобную физическую силу, тогда можно бы сравнить съ нею самодѣятельную

душу. Но и тогда, можетъ быть, можно было бы указать на то, что ни одна физическая сила не оставляетъ въ себѣ слѣда прошедшихъ движеній, тогда какъ душа хранить въ себѣ всю свою разнообразную дѣятельность, и ея издѣліями питаетъ себя, и отъ того крѣпнеть, полнѣетъ, совершенствуется, и — что еще? — чаеть быть одобренною, или осужденною отъ Владыки всяческихъ на судѣ Его нелицемѣрномъ... Всѣ такія проявленія возможны ли въ какомъ-либо веществѣ? Конечно, нѣтъ. Ну, такъ и надо бросить мысль, будто душа есть тѣло-эѳиръ.

Стр. 55. «Душа, заключенная въ тѣлѣ и соединенная съ нимъ, не ограничивается малостію тѣла и не соразмѣряется съ оною: тѣло лежитъ иногда на одрѣ, и, какъ бы уснувъ смертнымъ сномъ, пребываетъ недвижимо; а душа, по силѣ своей, бодрствуетъ, возвышается надъ природою тѣла, и хотя пребываетъ въ тѣлѣ, но, какъ бы переселясь изъ него, представляетъ и созерцаетъ чтó превыше земли, нерѣдко же, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ ангеламъ, пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ, и бесѣдуетъ съ ними... Душа имѣетъ понятіе о созерцаніи Бога, и сама для себя дѣлается путемъ, не совнѣ заимствуя, но въ себѣ самой почерпая вѣдѣніе и разумѣніе о Богѣ своемъ.» — О невозможности предположить подобныя занятія, стремленія и вѣдѣнія въ существѣ, естество котораго тѣлесно, уже было помянуто; да это очевидно и само собою. Но останавливаю особенное вниманіе на слѣдующихъ словахъ: «душа нерѣдко, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ и ангеламъ,

пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ». Какая тутъ мысль? Мысль та, что святые и ангелы безтѣлесны, и не только безтѣлесны, но и не-тѣлесны, то есть, по естеству невещественны. Замѣтитъ иной: пребываютъ внѣ земныхъ тѣлъ грубыхъ, но не внѣ эѳирныхъ тѣлъ. Скажу на это: пусть такъ, пусть ангелы — не внѣ эѳирныхъ тѣлъ. Это будетъ значить, что они — въ эѳирныхъ тѣлахъ, какъ въ оболочкѣ, облечены ими, носятъ ихъ: но сами все же не тѣло эѳирное, а души, облеченные эѳирнымъ тѣломъ. Такимъ образомъ, и эта мысль противъ новаго ученія. Еслибъ авторъ нашъ такъ думалъ, мы, можетъ быть, и не стали такъ много спорить съ нимъ, а сказали бы только: какъ хотите; вы такъ, а мы такъ. Но онъ все твердитъ: душа — тѣло, ангелъ — тѣло, самое естество ихъ тѣлесно. Вотъ ужъ тутъ не удержишься, чтобъ не сказать, что такъ нельзя думать, потому никто изъ святыхъ такъ не думалъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о мнѣніи св. Аѳанасія. Беру, во первыхъ, буквально слова: *внѣ земныхъ тѣлъ*, понимая ихъ такъ: внѣ всякихъ тѣлъ, ибо эѳирное тѣло — выдумка, безъ нужды придумываемая, и никакой ясности собою въ ученіе о духовномъ мірѣ не приносящая. Вывожу, во вторыхъ, эту мысль изъ сопоставленія въ семъ мѣстѣ ангеловъ со святыми. Все рассматриваемое нами мѣсто св. Аѳанасія раскрываетъ одну мысль, что душа — не тѣло. Въ сдѣланныхъ нами замѣчаніяхъ приложены пояснительныя мысли, что душа не есть не только грубое тѣло, но даже и не эѳирное. И еслибъ св. Аѳанасій зналъ о подобномъ предположеніи, то конечно онъ употребилъ бы

обороты рѣчи противъ него. Говорю: обороты рѣчи; ибо мысли его и въ теперешнемъ видѣ совершенно отрицають всякую вообще тѣлесность въ душѣ и утверждаютъ неоспоримо, что душа есть духъ, чуждый всякой вещественности. Въ предпоследней выпискѣ у него та мысль, что душа выходитъ изъ тѣла, какою есть въ тѣлѣ. Но если она, по его учению, духъ — въ тѣлѣ, то духъ — и внѣ тѣла. Слѣдовательно, св. Аѳанасій признаеть, что святые отшедшіе, въ теперешнемъ состояніи, суть духи чистые. Но если наряду съ ними поставляетъ онъ и ангеловъ, то, значить, признаеть и ихъ чистыми духами, то есть, не только невещественными, но и безтѣлесными.

Этимъ заключимъ разсмотрѣніе свидѣтельствъ изъ св. Аѳанасія о природѣ душъ и ангеловъ.

2) Отъ лица св. Кирилла Александрійскаго, въ «Словѣ о смерти»⁽³⁵⁾ помѣщена пространная выписка изъ слова его на исходъ души. Въ «Прибавленіи же къ слову о смерти»⁽³⁶⁾ указывается кратко только содержаніе той выписки, такими словами: «св. Кирилль называетъ демоновъ страшными, дикими, жестокими. Онъ говоритъ, что душа умирающаго *видитъ ихъ*, что душу, изшедшую изъ тѣла, держать св. ангелы; что она съ ними проходитъ чрезъ воздухъ, отъ земли къ небу; что злые духи препятствуютъ этому восходу, обличая душу въ содѣланныхъ ею грѣхахъ; что св. ангелы стоятъ противъ демоновъ и препираются съ ними о душѣ. Святый говоритъ, что благочестивые души восходятъ къ

⁽³⁵⁾ Стр. 48.

⁽³⁶⁾ Стр. 34.

Богу, а душу отверженную демоны получаютъ въ свою власть, разверзаютъ землю, низводятъ душу во внутренность земли и заключаютъ тамъ въ темницы адскія».

Въ «Словѣ о смерти», послѣ выписки изъ слова св. Кирилла на исходъ души, приводятся сказанія умиравшихъ и возвращенныхъ къ жизни о томъ, что съ ними было, именно, сказанія Таксіота воина, Петра мытаря, Ареѡы печерскаго и св. Ѳеодоры. Въ этихъ сказаніяхъ примѣрами подтверждается то, что св. Кирилль изобразилъ только словами.

Сила доказательства тѣлесности естества ангеловъ и душъ, выводимаго изъ сихъ словъ, сказаній и видѣній, заключается въ томъ, что тутъ представляются событія внѣ міра сего совершающіяся, живописуется какъ бы бытъ міра духовнаго. Когда являются ангелы, демоны и святые живущимъ на землѣ, можно, вслѣдъ за св. Златоустомъ, объяснять явленіе ихъ тѣмъ, что они принимаютъ приспособленный образъ. Но когда души, отрѣшась отъ тѣла, входятъ въ другой міръ и видятъ тамъ ангеловъ, святыхъ и бѣсовъ въ такомъ же видѣ, въ какомъ являются они на землѣ, то есть, въ образѣ подобномъ человѣческому; то очень неотступно навязывается мысль, что они таковы и на самомъ дѣлѣ, ибо тамъ нѣтъ нужды принимать имъ приспособленный къ душѣ образъ, когда душа, изшедъ изъ тѣла, становится такою же, какъ и они.

Изъ всѣхъ документовъ, какіе приводятся авторомъ въ подтвержденіе своей мысли, этотъ послѣдній есть,

можно сказать, самый впечатлительный. При всемъ томъ, наведеніе, дѣлаемое изъ него о тѣлесности естества душъ и ангеловъ нельзя считать основательнымъ и чуждымъ предубѣжденія.

Сразу видно, что выводъ этотъ *шире* того, что заключаетъ фактъ. Фактъ говоритъ, что душа, по выходѣ изъ тѣла, вступаетъ въ область духовъ, гдѣ какъ она, такъ и духи являются дѣйствующими по тѣмъ же формамъ, какія видны на землѣ между людьми: видятъ другъ друга, говорятъ, ходятъ, спорятъ, дѣйствуютъ. Разница только въ томъ, что тамъ область утонченнаго вещества, эѳирная, и въ нихъ все потому утонченно-вещественно и эѳирно. Какой прямой отсюда выводъ? Тотъ, что въ мірѣ духовъ внѣшній образъ бытія и взаимныхъ отношеній такой же, какъ и между людьми на землѣ. О тѣлесности естества духовъ, о томъ, что существо ихъ есть только тѣло — фактъ не говоритъ. Этотъ выводъ заходитъ за предѣлы факта, говоритъ больше, чѣмъ сколько говоритъ самъ фактъ.

Но, съ другой стороны, этотъ выводъ *уже* факта, говоритъ менѣе его. Выводъ изъ факта слѣдуетъ дѣлать по всей широтѣ мыслей, на которыя онъ наводитъ можетъ. При выводѣ, останавливаться только на одной внѣшней формѣ духовъ, — незаконно. Должно все брать во вниманіе, — именно и то, что они разсуждаютъ, чувствуютъ, благожелаютъ или зложелаютъ, скорбятъ и радуются, и проч. Возьмемъ все это во вниманіе, — и что выйдетъ? Выйдетъ слѣдующее: какъ на землѣ, когда видимъ мы всѣ такія дѣйствія въ людяхъ, не относимъ ихъ къ тѣлу, хотя онѣ чрезъ тѣло обнаруживаются, но

всегда приписываемъ ихъ душѣ, какъ причинѣ, — душѣ, отдѣльной отъ тѣла, хотя пребывающей въ немъ: такъ, и когда сказанія говорятъ намъ о подобныхъ же дѣйствіяхъ духовъ, заключать должно, что и у нихъ не одно тонкое эфирное тѣло производитъ ихъ, но что въ этомъ видимомъ тонкомъ тѣлѣ пребываетъ отдѣльный отъ него духъ, который и разсуждаетъ, во взаимныхъ собесѣдованіяхъ, и дѣйствуетъ, и все то производитъ чрезъ эфирное свое тѣло, что, какъ видимъ, души производятъ у людей на землѣ, чрезъ это грубое тѣло. Это заключеніе такъ же неотвязно и непосредственно въ отношеніи къ духамъ на небѣ, какъ оно неотвязно и непосредственно, въ отношеніи къ людямъ на землѣ. Такимъ образомъ, и слово св. Кирилла, и сказанія оживавшихъ, взятыя во всей полнотѣ своего содержанія, наводятъ на мысль, что ангелы, души и демоны суть духи, облеченные въ тонкое эфирное тѣло. Если авторъ не такое вывелъ заключеніе, то ему помѣшало предубѣжденіе въ пользу своего, непостижимо какъ образовавшагося, мнѣнія.

При томъ сообразите всѣ эти сказанія и изображенія во всѣхъ чертахъ, и скажите искренно: можно ли рѣшительно положить, что все, представляемое въ нихъ, есть подлинность дѣла, есть и на дѣлѣ такъ, какъ оно изображается? Не вставлены ли здѣсь и сравнительные образы для живѣйшаго и полнѣйшаго представленія дѣйствительности, не въ такихъ образахъ бывшей? Вотъ, напримѣръ, черты, которыя нельзя не отнести къ послѣднему разряду. Св. Θεодора сказываетъ, что пришла смерть въ видимомъ образѣ, съ

орудіями, и стала отсѣкать у ней одинъ членъ за другимъ, и, наконецъ, дала горькое питіе, отъ котораго душа сотряслась и вышла изъ тѣла: дѣйствительность ли это или образное представленіе дѣйствительности, не въ этомъ образѣ бывшей? Является св. Василій и даетъ ангеламъ мѣшечикъ, наполненный золотомъ, изъ котораго потомъ ангелы заимствовали, чѣмъ погасить долги св. Θεодоры, предъявляемые духами злобы: дѣйствительность ли это, или образное представленіе дѣйствительности, не въ этомъ образѣ бывшей? Такіотъ воинъ видѣлъ, что ангелы держали въ ковчежцѣ всѣ его добрыя дѣла и, вынимая ихъ оттуда, сравнивали со злыми его дѣлами; Петръ мытарь и Ареѳа видѣли, какъ ангелы взвѣшивали на вѣсахъ добрыя и злыя дѣла ихъ: дѣйствительность ли это, или образное представленіе дѣйствительности, не въ этомъ образѣ бывшей? Всѣ эти образы впечатлительно выражаютъ дѣйствительность; но чтобы сама дѣйствительность была точно такова, никто, полагаю, и думать не можетъ несмотря на то, что всегда представляетъ ее не иначе, какъ подъ этими образами.

Но если эти и подобныя имъ черты необходимо признать сравнительными образами, которые употреблены для живѣйшаго представленія дѣйствительности; то какъ положить предѣлъ, до котораго простирается въ сихъ изображеніяхъ и сказаніяхъ такое допущеніе сравнительныхъ образовъ? Припомнимъ толкованіе св. Дамаскина о томъ, какъ говорятъ ангелы. Ангелы бесѣдуютъ, между собою, говорить онъ, безъ членораздѣльнаго, звучно

произносимаго слова; они непосредственно сообщаютъ свои мысли, изъ ума въ умъ, — то есть, у нихъ идетъ бесѣда умная, духовная, непохожая на нашу, — иначе, они говорятъ безъ языка. Почему же, примѣняясь къ сему, не допустить, что они и движутся безъ ногъ, и дѣйствуютъ безъ рукъ, одною силою воли и ея устремленій? Это тѣмъ удобнѣе принять, что, по св. Дамаскину, они въ мѣстѣ суть какъ бы безъ мѣста, находятся въ немъ, не занимая его, а только являя присутствіе свое силою своего дѣйствія духовнаго. Если по сему можно признать, что они въ мѣстѣ суть безъ мѣста; то какъ не признать, что они и въ образѣ суть безъ образа? Впрочемъ, изъ всего сего сопоставленія желательно, чтобъ выведено было одно заключеніе, что духовный міръ есть для насъ нѣчто таинственное, чего представить намъ въ подлинной его дѣйствительности нѣтъ возможности. Когда приходилось кому домыслиться до положенія тамошнихъ дѣлъ, или Господу угодно было дать откровеніе о томъ, — то и другое дѣлалось подъ образами нашей земной жизни. Эти образы представляютъ дѣйствительность, но не суть самая дѣйствительность. Она духовна, мысленна, не имѣющая въ себѣ ничего плотскаго. Апостоль Павелъ былъ восхищенъ на небо, — и что сказалъ о немъ? О томъ, что тамъ есть, говорить онъ, не дѣтъ есть глаголати человѣкамъ. Слово нѣтъ у насъ на выраженіе того. Наши слова грубы, чувственны, образны.

Принявъ во вниманіе эту замѣтку, надлежитъ намъ укротить свою умозаключительность, по поводу сказаній о томъ, что бываетъ въ духовномъ мірѣ. Читай,

углубляйся, назидайся; но положенія какія либо рѣшительныя выводить изъ того не спѣши. Ибо что тамъ, того око не видѣло, ухо не слышало, и на сердце человѣку не всходило.

Такимъ образомъ, мы въ правѣ сказать, что авторъ упоминаемыхъ статей изъ словъ св. Кирилла, въ связи съ сказаніями, относящимися къ тому же предмету, вывелъ заключеніе въ свое оправданіе слишкомъ поспѣшно. Для насъ такое рѣшеніе должно быть сочтено тѣмъ вѣрнѣйшимъ, что у св. Кирилла есть прямыя изреченія о духовности ангеловъ и душъ.

Сколько помню, какъ ни случится св. Кириллу говорить объ ангелахъ, вездѣ онъ ихъ называетъ разумными. Такъ т. 11<?> стр. 23 на кн. Быт. по изд. Migne, ангелы названы святыми и разумными тварями. Равно въ Thesaurus t. VIII, стр. 187 называются они разумными, высшими тварями. Тоже самое и во многихъ другихъ мѣстахъ. Разумность, такимъ образомъ, поставляемая отличительнымъ какъ бы свойствомъ естества ангельскаго, конечно, не благопріятствуетъ мнѣнію, что оно — тѣло: ибо какъ назвать тѣло разумнымъ? Но еще яснѣе это открывается изъ ученія его о человѣкѣ и душѣ его.

Не разъ случалось св. Кириллу давать опредѣленіе человѣка, и человѣкъ у него вездѣ животное разумное, обладающее умомъ и вѣдѣніемъ, и конечно, по душѣ. Отдѣльно же, что есть душа по св. Кириллу? *Естество истинно безтѣлесное* (т. 5 толк. на Еванг. отъ Лук. гл. 11<?>, ст. 3). Такимъ образомъ, если разумная душа у него безтѣлесна и невещественна; тѣмъ паче безтѣлесны

и невещественны разумные ангелы, которыхъ онъ вездѣ ставить гораздо выше человѣка. А вотъ одно мѣсто, въ которомъ одинаково и душѣ и ангеламъ приписывается духовность. Это въ книгѣ противъ антропоморфитовъ (t. 9, стр. 1083—4). Здѣсь онъ говоритъ, что образъ Божій не въ тѣлѣ, ибо Богъ чуждъ вещества и тѣлесности, а «въ свойствахъ нрава, въ томъ *духовномъ видѣ*, который слагается изъ *благообразія добродѣтелей*». А это свойственно и ангеламъ святымъ, этимъ высшимъ и разумнымъ силамъ.

Ограничимся, впрочемъ, этимъ. Какъ ни кратки эти замѣтки, — не думаю, чтобы кто, сообразивъ все въ совокупности, дозволилъ себѣ предполагать въ св. Кириллѣ какое либо помышление о тѣлесности естества душъ и ангеловъ. Каждая изъ нихъ больше имѣетъ вѣса въ опредѣленіи мнѣнія св. Кирилла о природѣ душъ и ангеловъ, нежели длинныя выписки, нами читанныя. Онѣ прямо относятся къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, тогда какъ послѣднія говорятъ о томъ не прямо.

Въ 15 выпискѣ изъ западнаго богослова приведено слѣдующее мнѣніе св. Меѳодія: «души суть тѣла разумныя (мысленныя)». «Прибавленіе къ слову о смерти» думаетъ потому видѣть его на своей сторонѣ.

Не означено, откуда взято это изреченіе, и не имѣется возможности посмотрѣть — въ какомъ смыслѣ стоитъ у св. отца выраженіе: *тѣла разумныя*. Ибо, по обычному понятію, эти два понятія несочетаемы. Если тѣла, то неразумныя; если разумныя, то не тѣла. Не въ такомъ ли смыслѣ слово *тѣло* употреблено у него какъ

и у Тертуллиана, у котораго, говорятъ, оно означаетъ вообще субстанцію, въ какомъ смыслѣ прилагается и къ Богу? ⁽³⁷⁾ Въ такомъ случаѣ это изреченіе не въ оправданіе новаго ученія, а противъ него. Такъ и слѣдуетъ думать: ибо у св. Меѳодія есть другія опредѣленные мѣста, говоряція о духовности естества души. Такъ въ *пиръ двѣвъ*, въ концѣ втораго слова ⁽³⁸⁾, происхожденіе душъ производитъ онъ отъ непосредственнаго дѣйствія Божія, подобно какъ и при сотвореніи перваго человѣка, говоря: «неразумные и неразумительные люди, можетъ быть, и послушаютъ того, кто сталъ бы говорить, что этотъ плотской хитонъ души, засѣменяемый человѣками, образуется самъ по себѣ безъ особаго дѣйствія Божія; но тому, кто сталъ бы учить, что и безсмертное естество души всѣвается вмѣстѣ съ смертнымъ тѣломъ, никто не повѣритъ. Ибо безсмертное и нестарѣющееся вдыхаетъ въ насъ только Вседержитель, только Творецъ существъ невидимыхъ и неразрушающихся. *Вдуну, говорится, въ лице его дыханіе жизни и бысть человекъ въ душу живу*».

Еслибы св. Меѳодій сказалъ только, что душа, облеченная хитономъ тѣла, безсмертна и невидима, можно бы еще, кому охотно, разумѣть подъ душою тонкое тѣло; но когда при этомъ онъ производитъ ее прямо отъ Бога, и именно отъ дыханія Божія, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ признавалъ душу духовною и невещественною, такъ какъ происхожденіе чрезъ дыханіе Божіе, указывая на особое общеніе съ

⁽³⁷⁾ Богосл. Пр. Макарія г. 1. § 65.

⁽³⁸⁾ 2 Сл. 1 гл. 7.

существомъ Божиимъ, чисто духовнымъ, устраняетъ всякое помышленіе о тѣлесности, хотя бы самой тонкой.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о сотвореніи души по образу Божию, онъ ту же мысль высказываетъ еще ближе. «Въ неизреченной и Премудрости сродной красотѣ явились мы въ міръ сей, ибо душу устроила по образу своему, невещественная, нерожденная, ни начала ни конца неимѣющая, все творящая и все содержащая Красота. Посему душа разумна и безсмертнаю.»⁽³⁹⁾

Если невещественная Красота устроила душу по образу Своему, то, конечно, и душа невещественна: ибо иначе какъ она будетъ по Ея образу?

Этихъ не многихъ извлеченій изъ св. Меѳодія считаемъ достаточными къ тому, чтобъ лишить новое ученіе права считать сего отца на своей сторонѣ.

Въ той же 15 выпискѣ значится и мнѣніе блаженнаго Августина, будто бы душа есть въ нѣкоторомъ смыслѣ тѣло, — съ присовокупленіемъ, что это мнѣніе поставило въ затрудненіе западнаго писателя, утверждающаго, что душа невещественна и духовна.

Если душа, по блаженному Августину, есть тѣло только въ нѣкоторомъ смыслѣ, то ужь, конечно, не тѣло, какъ обыкновенно его понимаютъ. Это тѣмъ несомнѣннѣе можно сказать о мнѣніи блаженнаго Августина, что у него цѣлая книга *de quantitate animae*, направлена къ разъясненію и показанію положенія, что душа не тѣло, — и въ трактатѣ о Пресв. Троицѣ, одна

⁽³⁹⁾ Сл. 6, гл. 1.

глава (40) вся занята опроверженіемъ ложныхъ мнѣній о тѣлесности души.

Вотъ нѣсколько мыслей—изъ первой книги. «Душа отъ Бога и Богу подобна. Не думай, что Богу трудно было создать что либо Себѣ подобное. Какъ бессмертный, Онъ и душу создалъ бессмертную, по Образу Своему.

О душѣ никакъ нельзя говорить: длинна, широка, высока. Это тѣлесныя принадлежности, а душа нетѣлесна. Потому-то видимъ, что кто хочетъ содѣлаться таковымъ, каковымъ былъ созданъ отъ Бога, то есть, богоподобнымъ, тотъ все тѣлесное презираетъ, и отъ всего міра отвращается, потому что міръ тѣлесенъ.

Изъ того, однакожь, что душа ни длинна, ни широка, ни высока, не слѣдуетъ, что ея нѣтъ. Много есть предметовъ, кои не имѣютъ сихъ принадлежностей, и однакожь признаются существующими. Кто, напримѣръ, сомнѣвается, что правда есть? Но о ней нельзя говорить, ни того, что она длинна, ни того, что широка или высока.

Душа не изъ земли, ни изъ огня, ни изъ другаго какого элемента, ни изъ всѣхъ вмѣстѣ, ни изъ нѣсколькихъ (41) Богомъ создана, и не есть субстанція, ни земная, ни огненная, ни воздушная, ни водяная: но есть субстанція разумная, госпожа тѣла.

(40) Lib. X c. VII.

(41) Если бы тогда знали про эфиръ, то, конечно, блаж. Августинъ сказалъ бы: ни изъ эфира.

А такъ какъ душа не тѣло, то она и сильна созерцать не тѣлесное. Не будучи же тѣломъ, не имѣетъ она и пространственныхъ измѣреній. Все пространственное она содержитъ въ памяти, а сама не пространственна. Душа не тѣлесна, непротяжена въ долготу, не растянута въ широту, не натянута въ высоту, — и однакожь въ тѣлѣ такую имѣетъ силу, что въ ея рукахъ правленіе всѣхъ членовъ, и она держитъ какъ бы рычагъ для производства всѣхъ тѣлесныхъ движеній».

Этихъ выписокъ достаточно, чтобъ видѣть мысль блаженнаго Августина, которая должна приводить въ затрудненіе не признающихъ душу духовною и учащихъ, будто душа — тѣло.

Изъ блаженнаго Θεодорита авторъ нашъ не приводитъ свидѣтельствъ; но полагаетъ, что и у него, между прочимъ, заимствовалъ свое ученіе св. Дамаскинъ о признанной будто имъ тѣлесности естества ангеловъ.

Вотъ мѣста изъ блаженнаго Θεодорита, которыя говорятъ совсѣмъ противное.

Въ 69 вопр. на кн. Бытія, онъ пишетъ: «Писаніе говоритъ, что Авраамъ видѣлъ мужей. И такъ, если имѣть во вниманіи только букву, то мужи, а не ангелы вкушали. Если же вникнемъ въ смыслъ, то (скажетъ, что) *ангелы видимы были вкушающими*. Ибо какъ, имѣя естество безтѣлесное, и они, и Владыка ихъ казались имѣющими тѣла, въ какихъ были видимы, такъ и вкушающими они только казались, не влагая пищи въ уста и чрево, ибо не имѣли тѣлъ».

Здѣсь ангелы признаны неимѣющими тѣла, такъ же какъ и Господь. Но Господь Самъ невещественъ и тѣла не имѣеть никакого, слѣдовательно, таковы же, по Θεодориту, и ангелы.

Въ 69 вопр. на Исходъ, онъ спрашиваетъ: «Почему пророкъ назвалъ манну хлѣбомъ ангельскимъ?» и отвѣчаетъ: «Потому что ангелы послужили въ дарованіи ея. Само же безтѣлесное естество не имѣеть нужды въ пищѣ».

Вотъ и здѣсь ангелы — безтѣлесны. И нельзя думать, что безтѣлесными признаеть ихъ блаженный Θεодоритъ потому только, что у нихъ нѣтъ грубыхъ тѣлъ, ибо въ первомъ случаѣ они названы безтѣлесными наравнѣ съ Владыкою своимъ, у Котораго нѣтъ тончайшаго тѣла.

Въ толкованіи блаженнаго Θεодорита на 7 стихъ 12 главы пророка Даніила, читаемъ: «знаемъ, что природа ангеловъ безтѣлесна; а принимаютъ они образы на пользу видящихъ, и являются чаще кроткими по снисхожденію, а иногда и строгими для вразумленія».

Довольно и этихъ свидѣтельствъ, дабы видѣть, что блаженный Θεодоритъ считаетъ ангеловъ безтѣлесными, какъ безтѣлесенъ Самъ Владыка ихъ.

«Въ Словѣ о смерти»⁽⁴²⁾ приводится слѣдующее мѣсто изъ св. Кассіана римлянина: «хотя мы, говоритъ Кассіанъ, многія существа называемъ духовными, но ихъ никакъ не должно признавать безтѣлесными. Они

(42) Стр. 15 въ примѣч.

имѣютъ собственное тѣло, въ которомъ существуютъ, хотя несравненно тончайшее нашего тѣла». (43)

Самое содержаніе выписки показываетъ, что у св. Кассіана не та мысль, какой держится новое ученіе. Св. Кассіанъ говоритъ, что ангелы, архангелы и прочія силы имѣютъ соотвѣтственное тѣло, въ которомъ существуютъ, хотя несравненно тончайшее нашего тѣла; и къ этимъ-то тѣламъ, въ которыя облечены ангелы, и относить тѣла небесныя, о которыхъ поминаетъ Апостолъ, говоря: и *тѣлеса небесная, и тѣлеса земная*, и проч. А новое ученіе утверждаетъ, что ангелы суть тѣла тонкія, что сами ангелы суть тѣла, такъ что кромѣ тѣла у нихъ ничего нѣтъ. Но это два мнѣнія, совершенно различныя. Еслибъ новое ученіе говорило только, что ангелы имѣютъ тѣла, можно бы и не спорить; ибо при этомъ главною господственною стороною у ангеловъ поставляется все таки разумно-свободный духъ. Но когда говорится, что ангелъ есть тѣло; тогда надобно отрицать у него разумно-свободность и сознаніе; ибо эти качества не могутъ принадлежать тѣлу, какое ни придумай. Допустивъ это, и не имѣя возможности не видѣть въ ангелахъ разумности и свободы, для объясненія этого остается сказать, что Богъ въ нихъ дѣйствуетъ, и такимъ образомъ прійти прямою дорогою къ пантеизму. Ибо послѣ ангеловъ, долго ли сказать, что и во всемъ прочемъ дѣйствуетъ Богъ и проявляетъ Себя? И такъ, говорю, мнѣніе св. Кассіана не въ пользу новаго ученія. Было нѣсколько и другихъ отцевъ, которые такъ думали: но большинство и

(43) Собес. 7, глав. 13.

славнѣйшіе изъ отцовъ признавали ихъ чистыми духами.

«Прибавленіе къ Слову о смерти» хотѣло привести во свое оправданіе мнѣніе св. Григорія Нисскаго: но не исполнило обѣщанія. Посмотримъ же сами что у него есть.

У св. Григорія Нисскаго очень мало говорится объ ангелахъ, но о душѣ есть намѣренныя изслѣдованія, въ особыхъ статьяхъ, каковы, на примѣръ, о душѣ и воскресеніи, и объ устроеніи человѣка.

Въ первой вотъ что есть (часть 4-я).

Стр. 213. «Она (душа) *невещественна и безплотна, и движется сообразно съ своею природою, и свойственныя ей движенія обнаруживаетъ тѣлесными органами.*»

Стр. 214. «Душа *есть сотворенная сущность, сущность живая и разумная, органическому тѣлу сообщающая собою жизненную и воспріемлющую чувственную силу.*»

Стр. 215. «Органы чувствъ не даютъ познанія: мысль руководитъ ихъ къ вѣдѣнію, какъ и философъ одинъ (Епихармъ) говоритъ: *и видитъ умъ, и слышитъ умъ.*»

Стр. 221. По описаніи, какъ доходить человѣкъ до устроенія автоматовъ, св. Григорій говоритъ: «не явно ли, что въ человѣкѣ есть какой-то умъ, иное нѣчто противъ видимаго; и тѣмъ, что есть въ *собственной его природѣ невидимо и духовно, онъ предуготовляетъ въ себѣ это (т. е. какъ устроить автоматъ) измышленіями, и потомъ составляющуюся, такимъ образомъ, внутри*

мысль, при помощи вещества, приводитъ въ видимость».

Стр. 222. Что такое это невидимое? спрашиваетъ онъ. «Оно не есть что либо вещественное.»

Стр. 223. «Что значить это невещественное, — или что есть умъ-душа въ самой его сущности? Кто не сомнѣвается въ бытіи того, о чемъ у насъ идетъ рѣчь, тотъ достаточнымъ для себя найдетъ признать, что это не что либо постигаемое чувствомъ, не цвѣтъ, не очертаніе, не упругость, не тяжесть, не количество, не протяженіе по тремъ измѣреніямъ, не мѣстное положеніе и, вообще, не что либо изъ усматриваемаго въ веществѣ.»

Вотъ положенія, совершенно отвергающія положенія новаго ученія, по которому въ душѣ есть и очертаніе, и протяженіе, и мѣстное положеніе.

За тѣмъ, на вопросъ: отрицая одинъ за другимъ вещественные признаки въ душѣ, не придемъ ли мы къ мысли, что ея вовсе нѣтъ? — отвѣчается (стр. 224): «Если чрезъ отрицаніе признаковъ вещественныхъ необходимо приходитъ къ отрицанію бытія того существа, въ которомъ они отрицаются; то, по такому ходу умствованія, надо будетъ отрицать и бытіе Бога, ибо извѣстно, что Божеское естество *безплотно и не имѣетъ вида*. Если же послѣднее нелѣпо, то и первое.»

Отсюда выводится недоумѣніе, что, при такомъ послѣдованіи мыслей, мы впадемъ въ другую крайность, — должны будемъ признать умъ или душу однимъ и тѣмъ же съ естествомъ Божиимъ. Это

возраженіе автора, рельефно имъ выставяемое ⁽⁴⁴⁾; а вотъ отвѣтъ св. отца.

Стр. 224—5. «Не говори: признать однимъ и тѣмъ же, потому что рѣчь эта нечестива; но, какъ научень Божественнымъ словомъ, скажи: признать одно подобнымъ другому. Ибо сотворенное по образу, конечно, во всемъ имѣетъ уподобленіе первообразу, умственное — умственному и безплотное — безплотному, свободно отъ всякаго времени, какъ и первообразъ, подобно ему *избѣгаетъ всякаго пространственнаго измѣренія*, но, по свойству природы, есть нѣчто иное съ нимъ, потому что не было бы образомъ, еслибъ во всемъ было одно и тоже съ первообразомъ; напротивъ того, *какими чертами въ несозданномъ ествѣ* отличается первообразъ, съ *тѣми же* самыми созданная природа показываетъ образъ; и какъ часто въ маломъ осколкѣ стекла, когда случится лежать ему подъ лучемъ, бываетъ видимъ цѣлый кругъ солнца, показываясь въ немъ не въ собственной своей величинѣ, но въ такомъ объемѣ круга, въ какомъ вмѣщаетъ въ себѣ его малость осколка, такъ и въ *малости нашей природы сіяютъ образы невыразимыхъ оныхъ свойствъ Божества*, такъ что руководимый ими разумъ не уклоняется отъ представленія ума въ его сущности, при изслѣдованіи предмета, очищеннаго отъ тѣлеснаго свойства, и опять не приводитъ въ равенство съ невидимымъ и пречистымъ ествомъ ества малаго и привременнаго; но хотя признаетъ сущность умною, потому что она образъ умной сущности, однакоже

(44) Сл. о см. стр. 16 въ примѣч. прибав. стр. 17.

образа не называетъ тождественнымъ съ первообразомъ.»

Стр. 248—9. *«Мѣстное положеніе свойственно однимъ тѣламъ, а душа, какъ безплотная, по естеству не имѣетъ никакой нужды содержаться въ какихъ либо мѣстахъ.»*

Стр. 249. *«Три состоянія разумнаго естества, — одно, въ началѣ получившее безплотную жизнь, которое именуемъ ангельскимъ, другое, сопряженное съ плотію, которое называемъ человѣческимъ, и еще другое, отрѣшенное отъ тѣла посредствомъ смерти, какъ усматривается это въ душахъ.»*

А вотъ и объ ангелахъ краткое слово.

Стр. 258. *«Безплотному и духовному какой трудъ перелетѣть бездну, даже самую широкую, потому что духовное по естеству, гдѣ бы ни пожелало быть, является тамъ, не тратя на это времени.»*

А новое ученіе все затрудняется объяснить движеніе ангеловъ и душъ, если признать ихъ духами!..

Тѣже самыя мысли св. Григорій Нисскій излагаетъ и въ статьѣ *объ устройствѣ человѣка*. Приведу только такія, которыя имѣютъ какой либо новый оттѣнокъ. Здѣсь, на примѣръ, говорится, что *«въ основаніе устройства полагаетъ (Богъ) въ человѣкѣ сугубое начало, смѣшавъ съ земнымъ Божественное, чтобы ради того и другаго имѣть ему наслажденіе, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь и Богомъ, по естеству Божественному, и земнымъ, по однородному съ нимъ чувству»* (стр. 85). *«Душа показываетъ въ себѣ далекость отъ матеріи тѣмъ самымъ, что, не подчиняясь, свободно, полновластно располагаетъ своими желаніями»* (стр. 88).

Какъ Божество есть умъ и слово, такъ недалеко отъ этого и *естество* человеческое (стр. 90). «Стремиться къ совершенству житія въ—Богъ есть принадлежность духа» (стр. 100). «Безплотное *естество* не объемлетя какими либо мѣстными очертаніями» (стр. 113). «У насъ не три души, а одна, умная, невещественная, посредствомъ чувствъ соединенная съ естествомъ вещественнымъ» (стр. 132) и проч. и проч...

Все это въ совокупности не требуетъ толкованій. Ясно, какъ день, что св. Григорій Нисскій признавалъ душу чистымъ духомъ. Можно и не жалѣть, что мы не можемъ привести изъ него особыхъ мѣстъ о природѣ ангеловъ. Ибо если душа — духъ, то тѣмъ паче — ангель. Впрочемъ, одна мысль его прямо объ ангелахъ мимоходомъ высказана имъ и приведена уже нами. Подобная же мысль содержится и въ 4-мъ словѣ о молитвѣ (т. 1 стр. 436), гдѣ говорится, что вся *разумная тварь* дѣлится на *естество* *безплотное* и на облеченное плотію; *безплотное естество* есть *ангельское*, а другой видъ *естества* — мы — люди. Рѣшительная опредѣленность ученія св. Григорія Нисскаго о духовности души — одной разумной твари отнимаетъ всякую возможность кривотолковать *безплотность* тонкоплотностію. Но вотъ одно мѣсто, гдѣ онъ прямо ангеловъ называетъ не безтѣлесными только, но и совсѣмъ невещественными: «Тебя, *человѣкъ*, ангель касается, и, будучи *безтѣлеснымъ* и *невещественнымъ*, не гнушается тебя, изъ плоти и крови составленнаго».

Св. Максима Исповѣдника «Прибавленіе къ слову о смерти» ставитъ въ числѣ учителей св. Іоанна

Дамаскина, и поминаетъ о немъ, въ чаяніи, что и у него есть что нибудь о тѣлесности естества души и ангеловъ. Но, можно сказать, что надежды автора нигдѣ не такъ были обмануты, какъ въ этомъ случаѣ.

Св. Максиму Исповѣднику приходилось намѣренно разсуждать о естествѣ души и рѣшать прямо вопросъ: вещественна ли она? Сюда особенно относится небольшой трактатъ его о душѣ, и письмо его къ архіепископу (Кизическому) Іоанну о томъ, что душа невещественна и безтѣлесна. Сдѣлаемъ извлеченія изъ того и другаго.

Въ трактатѣ о душѣ⁽⁴⁵⁾, объяснивъ образъ познаванія души, доказавъ ея бытіе, и то, что она есть субстанція, св. Максимъ рѣшаетъ затѣмъ вопросъ: невещественна ли душа?

«Если, говоритъ онъ, душа — тѣло; то движеніе ея происходитъ или отвнѣ, или извнутри. Но оно ни отвнѣ не дается ей, потому что она не получаетъ толчковъ и не бываетъ влекома, подобно бездушнымъ, — ни извнутри, подобно одушевленнымъ; ибо неумѣстно говорить, что въ душѣ есть душа. Итакъ, душа — не тѣло, и, слѣдовательно, невещественна.»

«Если, продолжаетъ св. Максимъ, душа — тѣло, то она должна имѣть качества чувственныя (внѣшними чувствами познаваемыя) и питаться. Но она не питается, или если и питается, то не тѣлесною пищею, какъ питается тѣло, а безтѣлесною, ибо питается умомъ. Не имѣетъ она и чувственныхъ качествъ; ибо нельзя, напримѣръ, видѣть ни правды, ни мужества и ничего

(45) Patrol. graec. t. 91. стр. 356 и д.

подобнаго, а это суть качества души. И такъ, душа — не тѣло, слѣдовательно, невещественна.»

Объяснивъ, послѣ сего, что душа проста, безсмертна и разумна, онъ заключаетъ: «такимъ образомъ, что же такое душа? Душа есть существо невещественное и безтѣлесное, умное, въ тѣлѣ жительствующее и его оживляющее».

Въ письмѣ къ архіепископу Кизическому мысль о невещественности души разъясняется пространнѣе и всестороннѣе. Видно, что тогда были лица, возмущавшія покой христіанъ распространеніемъ ложнаго ученія о тѣлесности души. Архипастыръ Кизическій, поборовшись съ ними самъ, на основаніи Слова Божія и отеческихъ писаній, обратился къ св. Максиму съ просьбою собрать для него естественныя доказательства невещественности души, не касаясь Св. Писанія и св. Отцевъ. Св. Максимъ отвѣчалъ:

«Кто это такіе, которые утверждаютъ, будто ни одной твари нѣтъ невещественной и безтѣлесной? И какія ничтожныя выдумки и мечты противопоставляютъ они высказаннымъ вами непреложнымъ истинамъ!

Тѣло само по себѣ недвижимо. Если душа — тѣло, хотя бы то наитончайшее, какъ говорятъ; то и она, поколику тѣло, будетъ недвижима. Если же такъ: то откуда у насъ движеніе? Если отъ чего другаго, а то другое тоже — тѣло, то опять вопросъ: откуда у того движеніе? И эта цѣпь вопросовъ въ безконечность, пока не дойдемъ до твари невещественной. Если скажутъ, что насъ движетъ Богъ, то должны будутъ признать

Божество причиною и тѣхъ неумѣстныхъ и срамныхъ движеній, которыхъ у насъ, какъ извѣстно, очень много.

Всякое тѣлесное существо опредѣляется, по количеству и качеству, массою, видомъ (вещества), формою и цвѣтомъ. Опредѣленіе сихъ сторонъ полагаетъ конецъ изслѣдованію. Теперь если душа — тѣло; то и она такимъ же образомъ должна быть опредѣляема, — что нелѣпо; слѣдовательно, она — не тѣло.

Если они (спорщики) не сомнѣваются, что душа существуетъ; умъ же, признавая ее существующею, не можетъ приписывать ей качествъ, коими опредѣляется всякое тѣло, — ни цвѣта, ни формы, ни плотности, ни тяжести, ни массы, ни протяженія по тремъ измѣреніямъ, словомъ, никакихъ свойствъ, подъ коими обыкновенно представляется тѣло, то душа, не имѣя ничего такого, и, не будучи чѣмъ либо изъ таковыхъ, должна быть не тѣло, — невещественна, если существуетъ.

Если всякое сложеніе и разложеніе и разсѣченіе умѣстно только въ тѣлахъ, а то, что свободно отъ всякаго сложенія, разложенія и разсѣченія, необходимо должно быть признано не тѣломъ; то душа не тѣло, такъ какъ она непричастна ничему такому.

Если все тѣлесное бываетъ или одушевленно или неодушевленно; то и душа, если она — тѣло, будетъ или одушевленное, или неодушевленное существо. Если она существо одушевленное, то, конечно, одушевляться она будетъ чѣмъ нибудь одушевляющимъ, или *существомъ* какимъ, или *силою* или *принадлежностію*. Но и вообще

говорить, что душа одушевляется, какъ и говорить — свѣтъ освѣщается, или огонь согрѣвается, очень смѣшно. Если, далѣе, признаемъ, что душу одушевляетъ какое либо существо, то должны будемъ назвать его опять или тѣломъ или не тѣломъ. Если назовемъ тѣломъ, то опять вопросъ: что его одушевляетъ, — и должны будемъ тянуть такимъ образомъ безъ конца это изъ неумѣстныхъ неумѣстнѣйшее круженіе совопросничества, пока не признаемъ душу существомъ нетѣлеснымъ. Если же скажемъ, что душу одушевляетъ какая либо сила и способность ея, или какое качество и принадлежность; то, въ такомъ случаѣ, животворителемъ и движителемъ (самостоятельнаго) существа будетъ у насъ то, что само не есть существо (самостоятельное). При этомъ низвернется порядокъ, по которому одно господствуетъ, а другое подчиняется. Душа наша создана быть госпожею тѣла по естеству, какъ существо не тѣлесное; но если она тѣло, по мнѣнію этихъ, то будетъ состоять подъ господствомъ того, что есть не въ качествѣ существа (самостоятельнаго), а въ качествѣ силы и принадлежности; а между тѣмъ она, по общему суду и признанію, самостоятельное и самодѣятельное существо. Если скажемъ, что она есть тѣло неодушевленное; то она должна быть безъ чувствъ, безъ воображенія, безъ ума и разсудка. Но все это въ душѣ есть и сознается; и такъ душа — не тѣло. Что она имѣетъ это тѣло, разносущное съ нимъ, признать не отказываемся, зная, что это такъ есть; но признать смѣлое и невѣжественное положеніе, что она сама —

тѣло, несогласны, зная, что есть большое различіе между имѣть тѣло и быть тѣломъ.

Если они не соглашаются признать душу нетѣлесною, изъ опасенія, чтобъ не возвысить ее до равенства съ Богомъ, Котораго исповѣдуютъ не тѣлеснымъ, — боясь такимъ образомъ страха, гдѣ нѣтъ страха: то пусть ужь, чтобъ эта война ихъ неразумія явилась въ совершенствѣ, отнимутъ у насъ и все прочее, что присвоится намъ, какъ удостоеннымъ быть причастниками Божескихъ благъ, и что, обратно, по заключенію отъ насъ, приписывается Богу, какъ Творцу и Дарователю. Что же именно? Бытіе, жизнь, свѣтъ (сознаніе), благолюбіе, мысль, вѣдѣніе. Ибо какъ мы именуемъ существующими, живущими, свѣтами (себя сознающими), благими, мыслящими, разумными: такъ равно и Бога именуемъ сущимъ, живымъ, свѣтомъ, благомъ, умомъ, разумомъ. Ради того, что мы отъ Бога, какъ причины, таковы есмы и такъ именуемъ, — и Богу приписываемъ тоже, заимствуя имена отъ нашихъ совершенствъ, кои въ насъ отъ Него суть. Какой же у нихъ (спорщиковъ) смыслъ, если душа, при многомъ другомъ, такова есть и такъ именуется (какъ Богъ), и если тѣлесною она никакъ быть не можетъ, потому что таковъ Богъ. Надлежало бы ужь посему или намъ не именоваться ни однимъ изъ показанныхъ прежде именъ, потому что таковъ Богъ, или Бога не именовать таковымъ, потому что мы таковы. Но вѣдь мы таковы и такъ именуемъ не какъ равные Богу, но какъ дѣйствіе по причинѣ, какъ причастники благъ по дарователю, какъ получившіе бытіе по источнику его, — не

уравнительно или соименно, какъ свойственно единосущнымъ, но подобоименно, или, такъ сказать, по участію только въ имени, тогда какъ дѣйствительность одна отъ другой отстоитъ на безконечное разстояніе; ибо Богъ преестественъ и безконечно выше всякаго естества и всякой дѣйствительности.

Да какъ же, по ихнему, — если, то есть, уступить имъ, что душа — тѣло, — сохранится наше преимущество быть по образу Божию, когда допустимъ, что душа не во всемъ подобна первообразу? Какъ образъ мысленнаго мы называемъ ее мысленною, а какъ образъ безсмертнаго, нетлѣннаго и невидимаго, мы и въ ней признаемъ эти качества. Такимъ-же образомъ ничто не препятствуетъ признать ее, какъ образъ нетѣлеснаго, и не-тѣлесною, то есть, чуждою всякой вещественности, всякаго пространственнаго протяженія и измѣренія, хотя въ то же время она будетъ признаваема совершенно отличною отъ него; ибо иначе тутъ было бы не подобіе, а ничѣмъ не различаемое тождество. Въ какихъ чертахъ созерцается первообразъ въ несозданномъ, неизмѣняемомъ и безначальномъ естествѣ, въ такихъ же и тварное разумное естество представляется дѣйствительно являющимся, но никакъ нетождественно, не въ такой же степени и силѣ, а такъ, какъ послѣдній, почти исчезающій отзвукъ эха все еще показываетъ слѣдъ слова. И какъ отъ стройнаго сочетанія того, что есть и бываетъ во вселенной, любомудрый умъ, возносясь помышленіемъ своимъ къ чистому и невещественному, различаетъ движущаго отъ движимаго, и, понимая его единымъ, простымъ, изъ

себя сущимъ, всегда себѣ равнымъ, и творцемъ всяческихъ, при неизмѣнности своего тождества, признаетъ неприступнымъ для всего прочаго, но вмѣстѣ все содержащимъ, все устрояющимъ, и все прежде бытія вѣдущимъ, по безпредѣльности силы своей: такъ и чрезъ разнообразное и стройное движеніе частей и членовъ малаго міра, (разумѣю, человѣка), приникая къ причинѣ, приводящей въ насъ сей механизмъ въ движеніе, познаетъ другое нѣчто, по естеству отличное отъ этого органическаго строя тѣла, и созерцаетъ его не какъ тѣло въ тѣлѣ, какъ кажется новымъ нашимъ мудрецамъ и бездоказательнымъ догматистамъ, но простымъ и нераздѣльно единичнымъ, не опредѣляемымъ формою и предѣлами облегающаго его тѣла.»

Вотъ мудрое философствованіе св. Максима! Не очевидно ли, какъ оно во всѣхъ пунктахъ и съ какою силою опровергаетъ новое ученіе и нашихъ догматистовъ!

Этимъ кончимъ наше разсмотрѣніе перваго доказательства, употребленнаго авторомъ въ подтвержденіе своей мысли, — разсмотрѣніе, то есть, ряда свидѣтельствъ св. Отцевъ и Учителей Церкви. Всякій непредубѣжденный безспорно согласится, что на сторонѣ новаго ученія не оказалось ни одного св. Отца. Малая тѣнь такого мнѣнія виднѣется у св. Макарія, но очень, очень неопредѣленная. Св. Іоаннъ Дамаскинъ совсѣмъ не имѣлъ въ мысли того, что изъ него выводитъ авторъ, а прочіе св. Отцы прямо стоятъ противъ него. Имѣя такой облакъ свидѣтелей, и во главѣ ихъ великихъ

учителей и святителей — Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, кто изъ православныхъ согласится, хоть на одну минуту, допустить мысль, будто ангель — тѣло, и душа — тѣло?

РАЗСМОТРѢНІЕ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ СЛОВА БОЖІЯ О ЕСТЕСТВѢ ДУШЪ И АНГЕЛОВЪ

Переходя къ обсужденію мѣстъ Св. Писанія, въ которыхъ новое ученіе чаесть видѣть опору себѣ, напередъ замѣтимъ, что какъ ученіе о духовности души и ангеловъ не ново, а всегда было въ Церкви, то она прибрала для себя мѣста Писанія, которыя всегда всѣми и употребляются, когда приходится говорить о духовномъ естествѣ ангеловъ и душъ. Мѣста эти составляютъ, какъ говорится, *sedes doctrinae*. Новое ученіе и намека не сдѣлало на эти мѣста, какъ будто не слыхало о нихъ, и никто другой не знаетъ ихъ.

Такъ, въ доказательство духовности души всѣ приводятъ образъ созданія человѣка. Человѣкъ созданъ по образу Божію; образъ сей не въ тѣлѣ, а въ душѣ, ибо Богъ нетѣлесенъ. Въ душѣ же въ чемъ именно образъ Божій? Или въ естествѣ души, или въ ея стремленіяхъ, или въ томъ и другомъ. Но на чемъ ни остановись изъ сего, должно признать душу духовною. Если образъ Божій въ естествѣ души, то она духовна, потому что Богъ есть духъ. Если образъ Божій въ высшихъ духовныхъ стремленіяхъ; то, какъ духовныя явленія и дѣйствія не могутъ происходить отъ тѣлеснаго существа, а должны происходить отъ существа духовнаго, душу опять должно признать духовною, чтобы можно было

производить изъ нея духовныя дѣйствія, присутствіе въ душѣ и необходимая сила которыхъ всѣми сознаются. Всѣ св. Отцы, какъ мы уже видѣли, въ созданіи человѣка по образу Божію видѣли неотразимое доказательство духовности естества души. Образъ созданія человѣка, надо полагать, и въ родѣ человѣческомъ оставилъ убѣжденіе въ духовности души, которое въ язычествѣ затемнилось и затерялось, — въ народѣ же Божіемъ сохранилось во всей цѣлости и чистотѣ. Общую объ этомъ вѣру народа Божія выразилъ Екклесіастъ. *Возвратится, сказалъ онъ, персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, Иже и даде его.* Никто не сомнѣвался и не сомнѣвается, что подъ духомъ здѣсь разумѣется душа, какъ существо невещественное и безтѣлесное. Это вѣрованіе, какъ наслѣдіе отъ народа Божія, перешло и въ христіанскій міръ, для котораго оно, однакожь, получило особую печать утвержденія въ словахъ Господа, заповѣдавашаго не бояться *убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить,* и повелѣвашаго *Богу-Духу поклоняться духомъ и истиною.*

На послѣднее мѣсто мало обращаютъ вниманія; между тѣмъ оно очень рѣшительно въ занимающемъ насъ спорѣ. Чтобы кланяться Богу духомъ, надобно быть духомъ. Если даже подъ *духомъ* разумѣть здѣсь только одно духовное обращеніе къ Богу, то есть, указаніе не на естество души, а на духовныя дѣйствія отъ ней исходящія, подобно истинѣ; то и въ этомъ случаѣ заключеніе будетъ одно и то же, — что душа должна быть духомъ, ибо духовныя дѣйствія, такъ обязательно Господомъ возлагаемая на душу, не могутъ исходить

изъ тѣла, какъ ни будь оно тонко. Толковать это слово другимъ какимъ образомъ не допускаетъ сочетаніе, въ какомъ оно стоитъ здѣсь. Оно приложено здѣсь и къ Богу и къ душѣ. Если, въ отношеніи къ Богу, оно означаетъ духъ чистый, невещественный и безтѣлесный; то по какому же праву, въ отношеніи къ душѣ, давать ему другое значеніе, притомъ въ одномъ и томъ же изреченіи, и, наконецъ, тогда какъ имъ опредѣляется духовное отношеніе души къ Богу, на основаніи чистой духовности Божіей?

Таковы прямыя указанія Слова Божія на духовность души! Духовность естества ангельскаго утверждаетъ св. Апостоль Павель, прямо именуя ихъ *служебными духами, въ служеніе посылаемыми за хотящихъ наследовати спасеніе*. Какъ въ приведенной предъ симъ заповѣди Спасителя слово *духъ* означаетъ невещественное и безтѣлесное существо: такъ тоже значеніе имѣетъ оно и въ изреченіи Апостола, наученнаго таинствамъ вѣры отъ Самаго Господа. Этими двумя изреченіями окончательно утверждается библейское значеніе слова *духъ*, въ приложеніи къ душѣ и ангеламъ: оно значитъ въ этомъ отношеніи — существо невещественное и безтѣлесное, такъ же, какъ и по отношенію къ Богу. Посему мысль новаго ученія, будто между тварями нѣтъ духовныхъ существъ, противна ясному указанію Слова Божія.

Если въ словѣ Божіемъ многократно упоминается о явленіяхъ ангеловъ въ видимомъ тѣлѣ; то во всѣхъ такихъ случаяхъ они обнаруживали умъ и волю, и вообще дѣйствовали такъ, какъ свойственно дѣйствовать

разумно-свободнымъ, духовнымъ существамъ. Образъ человѣка, въ которомъ они являлись, не составляетъ ихъ самихъ, а представляетъ только видимость ихъ явленія; поэтому отнюдь не возмущаетъ увѣренности въ духовности ихъ естества, какъ и богоявленія не разстроиваютъ увѣренности въ духовности естества Божія.

Таковы основанія духовности естества душъ и ангеловъ, извлекаемыя изъ слова Божія учителями церковными! Новому ученію слѣдовало бы сначала разорить эти основанія, а потомъ полагать новыя, дабы благонадежнѣе воздвигать потомъ свое зданіе: но оно этого не сдѣлало. Если можно, въ обѣихъ брошюрахъ, указать что либо въ этомъ значеніи, то это лишь ложное толкованіе слова *духъ* и неправое примѣненіе сего толкованія къ дѣлу. Приведенныя мѣста Писанія ясно говорятъ, что ангелъ и душа — духъ; новое ученіе отводитъ глаза свои отъ яркости исходящаго отселѣ свѣта истины. Пусть такъ, — толкуетъ оно, — но духомъ они называются только какъ существа тонкія, и все таки вещественныя, — или: но этимъ выражается только то, что они невидимы для нашихъ тѣлесныхъ очей. Но какъ такія положенія выставляются безъ всякихъ доказательствъ, то ихъ должно счесть не имѣющими никакой силы, какъ всѣ голословныя утвержденія и отрицанія.

Я же, съ своей стороны, нахожу ихъ не только голословными, но и опасными. Ибо если слово это одинаково, и даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ прилагается и къ Богу, и къ ангеламъ и къ душамъ; то,

когда въ отношеніи къ симъ послѣднимъ дается ему значеніе только тонкотѣлесности невидимой, — мысль неопытная удобно можетъ перенести такое значеніе и на Божеское естество. Чтобы не впасть въ такое опасное заключеніе, авторъ не даетъ никакого руководства, не указываетъ никакого критерія для различенія значенія слова *духъ*, при употребленіи его въ отношеніи къ Богу, и въ отношеніи къ душамъ и ангеламъ. Напротивъ, есть у него такія сочетанія рѣчи, которыя прямо ведутъ къ такому заключенію. Напримѣръ, на стр. 18 «Прибавленія къ слову о смерти» читаемъ: «Св. Писаніе и св. Отцы называютъ и Бога духомъ, и ангеловъ, и демоновъ, и души человѣческія — духами. Этимъ выражается только то, что какъ Богъ, такъ и ангелы и демоны и души невидимы для тѣлесныхъ очей нашихъ». Здѣсь прямо говорится, что и въ отношеніи къ Богу слово *духъ* не означаетъ невещественности, а только указываетъ на невидимость. Невидимость же въ другомъ мѣстѣ протолкована тонкотѣлесностію. Такимъ образомъ выходитъ, что и Богъ есть духъ только по своей невидимой тонкотѣлесности. Авторъ напрасно твердитъ: «одинъ Богъ есть духъ»; если мы ужъ заподозрили его въ неосновательности убѣжденія, то имѣемъ право потребовать у него: укажите намъ мудрыхъ учителей, которые бы надлежащимъ образомъ понимали слово *духъ*, — такихъ учителей, въ которыхъ бы мы не сомнѣвались. А какъ указать, когда онъ говоритъ, что и Писаніе, и св. отцы, употребляя слово *духъ* въ отношеніи къ Богу, означали этимъ только невидимость для очей нашихъ грубыхъ? Другихъ

же учителей, несомнѣнно вѣрныхъ истинѣ, для насъ нѣтъ и быть не можетъ. Вотъ куда завело насъ новое ученіе!

Навожу все это за тѣмъ, чтобы яснѣе стало, какъ *солга неправда себѣ*. Лжи не утаишь; какъ ни прикрывай ее словоизвитіемъ, — она все наружу выходитъ. Слово *духъ*, приложенное въ Словѣ Божіемъ къ душѣ и ангелу въ такомъ же смыслѣ, какъ и къ Богу, прямо въ сердце поражаетъ новое ученіе; потому-то оно и старается всячески отвести ударъ этотъ, — но, отводя, наноситъ себѣ еще большіе удары.

Къ такимъ же неудачнымъ отводамъ должно отнести и другое толкованіе слова *духъ*, въ значеніи *воздуха, вѣтра, дыханія человѣческаго* ⁽⁴⁶⁾. Это толкованіе приводится за тѣмъ, чтобы раздвоить и чрезъ то ослабить и помутить крѣпко стоящее въ умѣ всѣхъ понятіе о *духѣ*, какъ существѣ невещественномъ. Показанія же сіи никакой силы не имѣютъ. Точно, — слово *духъ* имѣетъ иногда и такія значенія; но эти значенія суть побочныя, несобственныя. Собственное библейское значеніе сего слова, какъ мы видѣли, есть *духъ*, существо разумное, невещественное и безтѣлесное. Тоже значеніе соединялъ съ этимъ словомъ и весь сонмъ св. Отцевъ, какъ мы тоже видѣли. Понять нельзя, какъ можно было написать, что «словомъ *духъ*, въ писаніяхъ отеческихъ, по современному отцамъ понятію, недавно утратившемуся (?), всегда (?) именовались газы (газы? да знали ль тогда про нихъ?) и пары, наиболѣе воздухъ, вѣтръ, и дыханіе

⁽⁴⁶⁾ Сл. о см. стр. 14 въ примѣч.

человѣческое» (47). Это есть обобщеніе совершенно незаконное, противное и слову Божію, и отеческимъ писаніямъ. Эта незаконность принимаетъ и другой характеръ, когда самому автору статей извѣстно, что узаконить такое обобщеніе нельзя, и когда даже онъ самъ не *всегда* слово *духъ* употребляетъ въ такихъ значеніяхъ.

Видно, что значеніе слова *духъ*, такъ ясно выражаемое въ Словѣ Божіемъ и у св. Отцевъ, не давало покоя нашему автору. И вотъ онъ, наконецъ, прибѣгаетъ къ послѣднему убѣжищу, — истолкованію, откуда взялось самое слово *духъ*, чтобъ вывести отсюда, что имъ не означается что либо невещественное. «Слово *духъ*, говоритъ онъ, взято отъ дыханія. Дыханіе — признакъ жизни. Душа оставляетъ тѣло, при усиленномъ дыханіи. Съ выходомъ ея, прекращается жизнь. Естественно было по сему существо, живущее внутри тѣла, назвать духомъ и душею. Душа, по выходѣ изъ тѣла, невидима; естественно было назвать душу или *духъ* существомъ невидимымъ, безплотнымъ, невещественнымъ. Опять столько же естественно было признать въ душѣ свойственную ей вещественность, обозначаемую особенною полнотою дыханія, при которомъ она выходитъ» (48).

Можетъ быть, и таково происхожденіе словъ: *духъ* и *душа*. Но, что оно дѣйствительно таково, надлежало бы приложить какое либо основаніе. По одной только вѣроятности такого предположенія нельзя возвестъ его

(47) Там же.

(48) Стр. 41 Приб. къ сл. о см.

въ достоинство истины. Мы имѣемъ другое объясненіе, болѣе близкое къ существу дѣла, — не по исходу души изъ тѣла, а по входу въ него. Что было прежде — издыханіе или вдыханіе души? Вдыханіе. Такъ не лучше ли производить слова — *духъ* и *душа* отъ сего вдыханія? — И лучше и обязательно, по крайней мѣрѣ для разсуждающихъ по Писанію и св. Отцамъ. Вдунулъ Богъ дыханіе жизни, говорится въ Писаніи, и сталъ человѣкъ въ душу живу. Вотъ съ какой минуты стала извѣстна душа! Св. Григорій Богословъ говоритъ, что душа есть дыханіе Божіе, (т. 4 стр. 240) и что вложенная Богомъ жизнь въ человѣка извѣстна подъ именемъ души (тамже стр. 158). Вотъ истинное христіанское производство слова *душа* и за нею *духъ*! Но въ такомъ случаѣ изъ двухъ естественностей, выводимыхъ авторомъ изъ своего предположенія, умѣстною будетъ исключительно одна — признать душу существомъ невидимымъ, безплотнымъ, невещественнымъ, каковъ и Самъ Богъ, вдохнувшій ее; другая же, признающая въ душѣ свойственную ей вещественность, будетъ уже совершенно противоестественна.

Если, такимъ образомъ, всѣ уклончивыя толкованія слова *духъ* оказываются рѣшительно несостоятельными; то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ ни у кого не поколеблютъ здраваго понятія о духѣ, извлекаемаго изъ Слова Божія и отеческихъ писаній. Слѣдовательно, приведенныя нами доказательства изъ Слова Божія о духовности естества души и ангеловъ стоятъ во всей силѣ, и покушеніе новаго ученія парализовать эту силу такимъ пріемомъ надо счесть очень неудачнымъ.

Посмотримъ теперь, какія мѣста Писанія само оно ставитъ въ основу свою, или, вообще, какъ оно на основаніи Слова Божія доказываетъ себя.

«Священное Писаніе не излагаетъ отдѣльнаго, опредѣленнаго ученія о духахъ, какъ о многихъ другихъ предметахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе Свящ. Писанія о духахъ — ясно. Сотворенные духи называются безплотными *сравнительно* съ нами. *Духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща,* (49) сказалъ Спаситель ученикамъ Своимъ, явившись имъ по воскресеніи въ прославленномъ тѣлѣ, обличая и опровергая помышленіе ихъ, что они видятъ духъ. Сравненіе — *якоже Мене* есть сравненіе съ человѣческою плотію Богочеловѣка. Св. Василій Великій видитъ такое же сравненіе въ словахъ Апостола: *нѣсть наша брань ко плоти и крови, но къ духовомъ злобы* (50). Онъ говоритъ: «что же касается естества его (дѣвола), то оно — *безплотное*, по словамъ Апостола: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ духовомъ злобы*» (51).

«Священное Писаніе повсюду свидѣтельствуешь, что ангелы являлись по собственному изъявленію на то воли Божіей» (52). — Вслѣдъ за симъ приводятся многія изъ поминаемыхъ въ Словѣ Божіемъ ангелоявленій, именно — женѣ Маноя, женамъ муроносицамъ, Корнилію Сотнику, Иисусу Навину, Гедеону и проч... (53)

(49) Лк. 24:39.

(50) Еф. 6:12.

(51) Бесѣда о томъ, что Богъ не есть причина зла.

(52) Прибавл. къ Слову о см. стр. 22.

(53) Тамже стр. 23—26.

Тутъ же дѣлаются выводы изъ указанныхъ явленій, которые потомъ сведены въ концѣ къ тому, что ангелы имѣютъ видъ человѣка, зависимы отъ пространства и времени, имѣютъ движеніе, и заключается такъ: «Св. Писаніе, повѣствуя о явленіяхъ ангеловъ, всегда изображаетъ ихъ являющимися въ видѣ человѣковъ, и потому ученіе преподобнаго Макарія, что ангелы суть тонкія тѣла, невидимыя тѣлесными очами, и имѣющія такой образъ и видъ, какой имѣетъ человѣкъ въ своемъ тѣлѣ, основано на постоянномъ свидѣтельствѣ Св. Писанія».

Такъ какъ этотъ выводъ держится на мысли, что ангелы точно таковы и сами въ себѣ, какъ являются, — а противъ этого стоитъ другая мысль, что, можетъ быть, они принимаютъ тѣла; то авторъ эту послѣднюю мысль и спѣшитъ отвести слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Западный писатель говоритъ, что духи облакаются въ тонкія тѣла, когда являются человѣкамъ. Этого въ Писаніи нигдѣ не видно; не видно и того, чтобы ангелы измѣнялись при явленіи человѣкамъ; напротивъ того, Писаніе говоритъ, что Богъ отверзаетъ очи человѣка, когда Ему бываетъ благоугодно допустить человѣка до видѣнія ангеловъ. Падшіе духи принимаютъ разные образы ложные, имѣя на то природную способность. Западнему писателю войти бы въ разсужденіе — гдѣ хранятся тонкія тѣла, въ которыя облакаются духи для явленія человѣку». (54)

Вотъ, *in extenso*, все доказательство новаго ученія, взятое имъ изъ Слова Божія. Съ перваго раза видно, что

(54) Стр. 27.

оно имѣло въ виду только ангеловъ, оставивъ въ забвеніи душу человѣка, созданную, по образу Бога-Духа, и что, въ отношеніи къ ангеламъ, оно опирается главнымъ образомъ на ангелоявленіяхъ. Проидемъ все это доказательство подъ рядъ.

«Священное Писаніе не излагаетъ отдѣльнаго, *опредѣленнаго* ученія о духахъ, какъ и о многихъ другихъ предметахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе Св. Писанія о духахъ — ясно.»

Мимоходомъ замѣтимъ, какъ это Писаніе, не уча *опредѣленно*, учитъ ясно? Гдѣ нѣтъ опредѣлительности, какая же тамъ ясность? Св. Писаніе учитъ ясно и опредѣлительно о томъ, что ангелы существуютъ, что они суть духи, и что посылаются отъ Бога къ людямъ на помощь имъ въ дѣлахъ спасенія. Но что ангелы, будучи духами, не имѣютъ тѣла, это прямо не говорится, а выводится изъ снесенія мѣстъ Писанія. Такое ученіе для одного можетъ имѣть ясность и опредѣленность, а для другаго будетъ неясно и неопредѣлительно, пока онъ будетъ ограничиваться при этомъ однимъ Писаніемъ. Когда же приложить къ этому и ученіе, постоянно содержимое Церковію, то и такое ученіе о безтѣлесности ангеловъ получитъ для него ясность и опредѣленность рѣшительную.

«Сотворенные духи называются *безплотными, сравнительно съ нами.*»

Вотъ ужъ объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека въ Писаніи. И еслибы нѣкоторые изъ св. Отцевъ, по побужденіямъ, конечно, безукоризненнымъ, не

употребили фразы: *сравнительно съ нами*, — мы и помышленія не имѣли бы о такой сравнительной безплотности. Что это такъ — доказываетъ очень неудачный опытъ новаго ученія подтвердить такую мысль словомъ Божіимъ.

«Духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща, сказалъ Спаситель ученикамъ Своимъ, явившись имъ по воскресеніи въ прославленномъ тѣлѣ, обличая и опровергая помышленіе ихъ, что они видятъ духъ. Сравненіе — якоже Мене есть сравненіе съ человѣческою плотію Богочеловѣка.»

Рѣшительно непонятно, какъ тутъ можно видѣть мысль о сравнительной духовности ангеловъ! Вѣдь Спаситель, по воскресеніи, являлся точь въ точь также, какъ являются ангелы. Какъ они бываютъ видимы, и невидимы — тутъ же, въ одномъ мѣстѣ: такъ и Спаситель былъ видимъ, напримѣръ, въ Еммаусѣ и тотчасъ сталъ невидимъ. — Какъ ангелъ явился, напримѣръ, апостолу Петру въ темницѣ, двери которой были замкнуты: такъ и Господь ученикамъ Своимъ явился дверемъ затвореннымъ. Если теперь Господь, когда Апостолы, основываясь на этомъ сходствѣ явленія Его съ явленіями ангеловъ, подумали, что Онъ — духъ или ангелъ, сказалъ имъ, чтобъ они не смѣшивали Его съ ангеломъ, приводя въ основаніе то, что духъ, являющійся ангелъ, *плоти и кости не имать*: то этимъ показалъ, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ плоти, даже и такой, какая у Него, бывающая видимою и невидимою тутъ же, по Его желанію. У Него плоть, бывающая видимою

и невидимою и являющаяся дверемъ затвореннымъ, есть Его плоть. Онъ облеченъ ею, всегда носить ее; а у духовъ-ангеловъ нѣтъ этой плоти, они не облечены ею, не носятъ ее постоянно, хотя тоже и они бываютъ видимы и невидимы, и являются дверемъ затвореннымъ. Вотъ прямая мысль текста! Какъ ужъ новое ученіе тянетъ его на свою сторону — понять нельзя. Къ тому же надобно и то сказать, что это мѣсто само затруднительно для пониманія, само требуетъ уясненія. Надобно напередъ опредѣлить его мысль, чтобъ выводить изъ него что нибудь. Ибо непонятно, что это за тѣло у Спасителя, имѣющее плоть и кость, и между тѣмъ бывающее видимымъ и невидимымъ, и являющееся дверемъ затвореннымъ? И еще, — кого разумѣлъ Спаситель подъ *духомъ*, у котораго отрицалъ плоть и кость? Говоритъ: *осязите*, — но и ангелы бываютъ осязаемы, когда являются.

Можно и вотъ какъ думать. Обыкновенно плоть и кость, какъ есть у насъ, не можетъ являться дверемъ затвореннымъ. Посему, когда Спаситель говоритъ о плоти и кости въ Себѣ, ихъ нельзя разумѣть въ собственномъ смыслѣ; онѣ имѣютъ здѣсь значеніе переносное. Господь хотѣлъ сказать, что тѣло Его имѣетъ стойкость, осязаемость, не есть какъ бы нѣчто въ воздухѣ разливающееся. Но, примѣняя это къ являющимся ангеламъ, нельзя сказать, что они того не имѣютъ; ибо и они бываютъ осязаемы, и дѣйствуютъ на видимые предметы, напримѣръ, отваливаютъ камень. Посему, вѣроятно, когда Спаситель говоритъ: духъ плоти и кости не имѣетъ, то есть, духъ не имѣетъ

стойкости, осязаемости, — то указываетъ не на ангела, а на призракъ. Апостолы подумали, что видятъ призракъ, въ воздухѣ разливающійся, не имѣющій никакой стойкости. Господь и говоритъ имъ: «Я не таковъ: осяжите Меня; духа же, то есть, призрака осязать вы не можете». Вѣроятно, и здѣсь помышленіе Апостоловъ было тоже, какое имѣли они, когда увидѣли Спасителя, ходящаго по водамъ⁽⁵⁵⁾. Но если такъ понять это мѣсто, то изъ него никакого нельзя вывести заключенія, ни относительно тѣлесности, ни относительно безтѣлесности ангеловъ.

«Св. Василиій Великій видитъ такое же сравненіе въ словахъ Апостола: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но... къ духовомъ злобы*. Св. Василиій говоритъ: «что же касается естества его (діавола), то оно *безплотное*, по словамъ Апостола: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ духовомъ злобы*.»

Ни слова апостола Павла, ни толкованіе ихъ св. Василиемъ и намека никакого не дѣлаютъ на сравнительную безплотность духовъ. Еслибъ у св. Василия Великаго была мысль о сравнительной безплотности, онъ прибавилъ бы къ фразѣ: *оно* (естество духовъ) *безплотное* — пояснительную оговорку, что эта безплотность у нихъ относительная, сами же они суть тѣло. Но какъ онъ этого не сдѣлалъ, а говорилъ безъ ограниченій, что естество ихъ безплотно, значитъ — онъ признавалъ его именно таковымъ, признавалъ, то есть, что духи не только не суть тѣло по естеству, но совсѣмъ

⁽⁵⁵⁾ Мѡ. 14:26.

не имѣютъ никакого тѣла. Мы уже видѣли полное ученіе св. Василія, видѣли, что онъ признавалъ ангеловъ чистыми духами, созданными тогда, когда не было создано ничего вещественнаго; а теперь ограничимся этимъ замѣчаніемъ, чтобы только показать, что въ словахъ: *нѣсть наша брань* и проч. никакого нѣтъ указанія на сравнительную духовность духовъ.

«Св. Писаніе повсюду свидѣтельствуеть, что ангелы являлись, по особенному изъявленію на то воли Божіей», и далѣе... Тутъ главное доказательство новаго ученія. На сколько оно сильно, это мы сейчасъ увидимъ.

Все Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта исполнено описаніями явленій ангеловъ, равно въ сказаніяхъ о дѣяніяхъ св. Апостоловъ, о жизни святыхъ святителей, мучениковъ, преподобныхъ и богоносныхъ отцевъ, — всюду нерѣдко поминается объ этихъ явленіяхъ. Но всѣмъ этимъ фактамъ надпись одна: *не вси ли суть служебнии дуси, въ служеніе посылаемии за хотящихъ наследовати спасеніе?* Такъ какъ они за тѣмъ, между прочимъ, и созданы, чтобы способствовать намъ въ духовныхъ нуждахъ нашихъ: то и посылаются къ намъ и являются, когда нужно. О природѣ же ангеловъ изъ обстоятельствъ ихъ явленія прямо вывести ничего нельзя. Вѣдь нельзя же сказать такъ: поелику ангелы являлись въ тѣлесномъ видѣ, то они суть тѣло. Естественный ходъ разсужденія въ этомъ случаѣ долженъ быть таковъ: ангелы въ обыкновенномъ порядкѣ невидимы, но когда являются къ намъ, бывають видимы въ тѣлесномъ видѣ. Что это значитъ?

Это значить, — должно отвѣчать, — или то, что ангелы, духи невидимые и безтѣлесные, принимаютъ на себя тѣло, когда повелѣніемъ Божиимъ посылаются къ намъ, или то, что они носятъ постоянно, какъ естественную часть своего состава — тѣло, способное быть видимымъ и невидимымъ, осязаемымъ и неуловимымъ, или, пожалуй, въ угодность только новому ученію, то, что они суть тѣло. Если къ этому нельзя прибавить еще четвертаго предположенія, то слѣдовало бы потомъ умствовать такъ: но ни перваго, ни втораго сказать нельзя; слѣдовательно, остается вѣрнымъ третіе. Авторъ нашъ не сдѣлалъ этого; стало быть, онъ не хотѣлъ подчиниться подъ иго закономъ опредѣленнаго теченія мыслей, и поступилъ самолично и произвольно. Отъ того и выводъ, составляющій его основную мысль, есть выводъ произвольный, не имѣющій законнаго основанія въ приведенныхъ фактахъ. Слѣдовало ему напередъ доказать, что невозможно согласиться ни на то, что ангелы, духи неведественные и безтѣлесные, принимаютъ на себя тѣло, ни на то, что они, будучи внутренно духами, носятъ внѣшнее тонкое тѣло, способное дѣлаться видимымъ и осязаемымъ: тогда, можетъ быть, и вышло бы у него третье мнѣніе. А то прямо выведши такое третье мнѣніе, онъ, погрѣшивъ противъ логики, оставилъ мысль свою бездоказательною. Можно бы поступить такъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ неумѣстность первыхъ двухъ способовъ объясненія ангелоявленій была сразу очевидна; а то очевидна только неумѣстность того вывода, который дѣлается новымъ ученіемъ. Сами

посудите: если изъ того, что ангелы являлись тѣлесно, заключить, что они суть тѣло, то необходимо будетъ заключить, что и Богъ — тѣло, ибо и Богъ являлся тѣлесно. Такимъ образомъ, — къ Аврааму приходятъ три свѣтлыхъ юноши: одинъ изъ нихъ есть Господь, а другіе два — ангелы; но видимость и всѣ обстоятельства ихъ явленія одинаковы, — скажите же теперь: на какомъ основаніи вы станете заключать, что двое ангеловъ, явившихся Аврааму, потому самому, что явились тѣлесно, суть тѣло; а Господь, вмѣстѣ съ ними точно такъ же явившійся, какъ и они, не есть тѣло? Допустивъ одно, вы должны допустить и другое, то есть, если ангелы — тѣло, то и Господь — тѣло. Если же этой послѣдней мысли вы допустить никакъ не можете: то должны отказаться и отъ перваго вывода, и признать его неумѣстнымъ. Я взялъ только этотъ одинъ случай, но онъ не одинъ: ибо Господь Богъ являлся видимо неоднократно, съ самаго начала сотворенія человѣка. Богъ даетъ заповѣди первозданнымъ, слышится ходящимъ въ раю и произноситъ судъ надъ согрѣшившими; обличаетъ и осуждаетъ Каина, даетъ повелѣнія Ною, неоднократно являлся Аврааму, Исааку и Іакову, бесѣдуетъ съ ними и дѣйствуетъ видимо и осязаемо, являлся Моисею въ купинѣ и посылаетъ его вывести Израильтянъ изъ Египта; на Синаѣ словесно изрекаетъ заповѣди всему народу, перстомъ пишетъ десятословіе на скрижаляхъ, и проч. Въ Ветхомъ Завѣтѣ тѣлесно являлись Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ; въ Новомъ слышится гласъ Бога-Отца на Іорданѣ, Фаворѣ и въ храмѣ, и Духъ Святой являлся то въ видѣ

голубя, то въ видѣ огненныхъ языковъ... Видите, сколько въ Писаніи Богоявленій! Думаю, что не меньше ангелоявленій. Если станемъ философствовать такъ, какъ философствуетъ нашъ авторъ, то, собравъ всѣ свидѣтельства Писанія о Богоявленіяхъ, придемъ къ тому заключенію, что Св. Писаніе со всею очевидностію свидѣтельствуется, что Богъ есть тѣло тонкое, эфирное, огненное, да еще и положительное объ этомъ изреченіе Писанія приложимъ: *Богъ нашъ есть огонь поядаяй*. Но противъ такого вывода весь свѣтъ возстанетъ въ одинъ голосъ, — и возстанетъ законно, и новое ученіе ни слова не посмѣетъ сказать противъ него. Оно прибрѣло бы на это право, еслибъ, отказавшись отъ своего умствованія, созналось, что изъ явленій ангеловъ нельзя дѣлать заключенія о ихъ тѣлесности, безъ нарушенія законныхъ порядковъ умствованія, и безъ опасенія дать инымъ головамъ поводъ по этому способу дѣлать выводы о тѣлесности Божеской, которымъ громогласно поперечать и умъ и сердце.

Послѣ этого, очевидно само собою, что и всѣ другіе выводы, какіе дѣлаетъ авторъ изъ приведенныхъ имъ мѣстъ Писанія объ ангелоявленіяхъ, оказываются неумѣстными.

«Св. Писаніе, рассуждаетъ нашъ авторъ, со всею очевидностію свидѣтельствуется, что духи имѣютъ движеніе, подобное человѣческому.»

Когда духи являються въ образѣ человѣка, тогда и движеніе являються подобное человѣческому. Но и сами въ себѣ, въ своей безтѣлесности, они могутъ имѣть движеніе; ибо суть дѣйствительныя существа,

существующія среди другихъ тварей и одаренныя способностію дѣйствовать среди ихъ и на нихъ, а, слѣдовательно, и — двигаться. Дѣйствительное существованіе и дѣйствительное свидѣтельство о своемъ существованіи, посредствомъ дѣйствія и движенія, не приводитъ неотложно къ мысли, что существо, являющееся таковымъ, есть тѣло. Такъ умозаключать никакого нѣтъ основанія. Подобно человѣкамъ движутся и дѣйствуютъ ангелы, когда являются въ образѣ человѣческомъ; а пребывая въ себѣ, въ своей сферѣ, они, конечно, и движутся особеннымъ образомъ.

«Св. Писаніе, говоритъ авторъ, свидѣтельствуеть, что они находятся въ зависимости отъ мѣста и времени, но гораздо въ меньшей степени, нежели мы.»

Отъ времени зависятъ никакъ не меньше; относительно же мѣста, надо сказать — не гораздо меньше, а совсѣмъ иначе, нежели мы и всякое тѣло. Они существуютъ и дѣйствуютъ въ извѣстномъ мѣстѣ, и когда существуютъ и дѣйствуютъ въ одномъ мѣстѣ, то нѣтъ ихъ въ другомъ. Но бываютъ въ мѣстѣ, не наполняя мѣста, подобно тѣламъ; ибо не имѣютъ протяженія, а, слѣдовательно, и пространственныхъ измѣреній. Они бываютъ въ мѣстѣ духовно, какъ изъясняетъ св. Дамаскинъ: «будучи умами, ангелы и существуютъ въ мѣстахъ мысленныхъ, не ограничиваясь тѣлесно; ибо, по естеству, не облечены плотію и не имѣютъ протяженія; но духовно присутствуютъ и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ имъ повелѣно» (56).

(56) Излож. вѣры Кн. 11<?> гл. 3.

«Св. Писаніе свидѣтельствуеть, что они имѣють образъ и видъ.»

Образъ и видъ, въ какомъ являются, а не какой имѣють сами въ себѣ. Сами въ себѣ они имѣють образъ и видъ духовный, умственный, который состоитъ не въ какихъ либо внѣшнихъ очертаніяхъ, а въ соотношеніяхъ духовныхъ силъ и въ образѣ ихъ дѣйствовованія. Имѣють они сей образъ и видъ по тому философскому положенію, что *forma dat esse rei, forma dat distingui et operari*. Въ этомъ смыслѣ само Верховное Существо имѣеть свой образъ, и Единородный Сынъ Божій есть образъ *Упостаси Отчей*. Но, имѣя сей духовный образъ и видъ, они, по естеству своему, не имѣють вида и образа тѣлеснаго, подобнаго будто виду и образу человѣка; а только, когда являются, бываютъ видимыми въ образѣ *человѣческомъ*. Вотъ объ этомъ-то и свидѣтельствуеть Писаніе, а не объ образѣ ихъ существа. Заключение на основаніи сихъ случаевъ о *человѣкоподобной тѣлесности* *ангеловъ* совершенно незаконно, какъ незаконно вообще изъ явленія *ангеловъ* заключать, что они суть тѣло.

Сдѣлаю еще одно замѣчаніе о приводимыхъ авторомъ мѣстахъ Свящ. Писанія. Онъ приводитъ на стр. 25 слѣдующее: *ангелы на небесахъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго*. Это за тѣмъ, чтобъ показать, что у *ангеловъ*, по свидѣтельству Слова Божія, есть свое мѣсто жительства. Что должно думать о мѣстѣ *ангельскомъ* — сказалъ намъ св. *Дамаскинъ*; но какъ *ангелы* видятъ *лице Божіе*?

По новому ученію, у ангеловъ, какъ и у души, есть глаза, лицо, руки и прочіе члены. Такъ какъ существо ангеловъ, по новому ученію, есть тѣло, то, кромѣ тѣлесныхъ глазъ, у нихъ нельзя предполагать ничего другаго, на примѣръ, ока ума и умнаго зрѣнія. Слѣдовательно, когда ангелы видятъ лице Отца небеснаго, то видятъ не инымъ чѣмъ, какъ тѣлесными очами. Мы объясняемъ это видѣніе умнымъ зрѣніемъ, — говоримъ, что ангелы видятъ лице Отца небеснаго духовно, умно созерцаютъ Его, ибо суть духи умные, невещественные; а новое ученіе этого не можетъ сказать, ибо у него самое естество ангеловъ есть тѣло, хотя тонкое, у котораго умныхъ очей быть не можетъ. Смотрите же, что отсюда выходитъ. Ангелы, по естеству суще тѣломъ, видятъ, конечно, тѣлесными очами. Такъ какъ тѣлесными очами можно видѣть только тѣлесное: то слѣдуетъ, что и Отецъ небесный имѣетъ лице тѣлесное, или есть тѣло, какъ есть тѣло ангелъ, видящій Его. Это заключеніе выходитъ прямо изъ положеній новаго ученія, и отказаться отъ него оно не можетъ. Остается только приложить нерѣдко употребляющійся въ математикѣ оборотъ: нелѣпо положеніе, нелѣпо и слѣдствіе, изъ коего оно вытекаетъ; нелѣпо, то есть, думать, что естество ангеловъ — тѣло съ головою, лицомъ, глазами и прочими членами, какіе обычно видимъ у человѣка.

Не къ мѣсту также приведено, на той же страницѣ, мѣсто о вторичномъ возвращеніи нечистаго духа въ невнимательную душу съ семью другими духами злѣйшими. Во первыхъ, это мѣсто, равно какъ и то, гдѣ

говорится о легионѣ духовъ, вшедшихъ въ одного человѣка, весьма трудно къ уразумѣнію. Изъ того же, о чемъ трудно составить—опредѣленную мысль, какъ выводить что либо опредѣленное? Во вторыхъ, если уже выводить что отсюда, то надо вывести мысль совсѣмъ противную той, какую хочетъ видѣть нашъ авторъ. Не то отсюда слѣдуетъ, что ангелы зависимы отъ мѣста, а то, что, должно быть, они совершенно независимы отъ него: ибо какъ быть семи духамъ или цѣлому легиону въ человѣкѣ? Иначе нельзя, какъ такъ: быть, не занимая мѣста, какъ прежде замѣчено нами объ отношеніи ангеловъ къ мѣсту.

Такимъ образомъ, очевидно, что ангелоявленія не даютъ прочной опоры новому ученію. Посмотримъ теперь успѣло ли оно отстранить возможность чистымъ духамъ временно принимать тонкія тѣла.

«Западный писатель говоритъ, что духи одеваются въ тонкія тѣла, когда являются человѣкамъ. Этого въ Писаніи нигдѣ не видно.»

Въ Писаніи ясно видно, что ангелы суть силы разумныя, духи невещественныя, и что они являются людямъ въ человѣческомъ образѣ. Разсуждающему объ этомъ естественно спросить: откуда берется сей образъ, видимый и осязаемый, и потомъ взять у св. Отцевъ одно изъ рѣшеній его, наиболее общее и наиболее сообразное съ существомъ дѣла, именно то, противъ котораго говоритъ теперь нашъ авторъ. Что Писаніе о немъ не говоритъ, изъ этого нельзя выводить ни *за*, ни *противъ*. Самъ авторъ сказалъ, начиная приводить

мѣста Писанія, что въ немъ нѣтъ полнаго ученія о духахъ; стало быть, и ожидать нечего отъ него рѣшенія всѣхъ вопросовъ. Писаніе вообще говоритъ о небѣ и небесномъ съ той наиболѣе стороны, съ которой оно можетъ назидать; вопросъ же о естествѣ болѣе созерцательный; потому-то онъ и оставленъ не со всѣхъ сторонъ раскрытымъ.

«Не видно (въ Писаніи) и того, чтобъ ангелы *измѣнялись* при явленіи человѣкамъ.»

Разумѣть ли подъ словомъ *измѣнялись* то, что ангелы временно принимаютъ на себя тѣло, или то, что, постоянно будучи облечены тонкимъ тѣломъ, они огрубляютъ его, являясь человѣкамъ, — ни о томъ, ни о другомъ не говоритъ Писаніе, оставляя на свободу намъ самимъ рѣшать сей вопросъ. Молчаніе не есть ни утверженіе, ни отрицаніе, и изъ того, что Писаніе не говоритъ объ *измѣненіяхъ*, какія бываютъ у ангеловъ, когда принимаютъ они тѣло, не слѣдуетъ заключать, чтобы подобнаго *измѣненія* не было. Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ объ этомъ, въ противность нашему автору такъ: «когда ангелы, по волѣ Божіей, являются достойнымъ, то являются не такими, каковы сами по себѣ, но въ нѣкоемъ преобразованномъ видѣ, такъ что видящіе могутъ ихъ видѣть»⁽⁵⁷⁾. Такъ прежде его объясняли ангелоявленія св. Златоустъ и блаженный Θεодоритъ, какъ мы видѣли.

(57) Изл. вѣры кн. 11<?>, гл. 3.

«Писаніе говоритъ, что Богъ отверзаетъ очи человѣка, когда Ему угодно бываетъ допустить человѣка до видѣнія ангеловъ.»

Первый вопросъ относительно явленія ангеловъ, какъ *являются они*, св. отцы наибольшею частію рѣшали такъ: принимаютъ временно на себя тѣло и видимы бываютъ; и весьма немногіе рѣшали его тѣмъ, что ангелы имѣютъ постоянно тѣло естественное, которое, измѣняясь, становится видимымъ. Остается рѣшить второй вопросъ: какъ люди видятъ ангеловъ? Нашъ авторъ рѣшаетъ его такъ: «Богъ открываетъ очи ихъ, и видятъ». Рѣшеніе узко и не обнимаетъ всѣхъ случаевъ. Лучше рѣшить сообразно съ тѣмъ, какъ говорится объ этомъ въ Словѣ Божіемъ. Обыкновенно въ Писаніи говорится: «такой-то, или такая-то увидѣли св. ангела», и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ упоминается, что Богъ открывалъ очи, и видѣли. Такъ и рѣшимъ, что обыкновенный порядокъ видѣнія ангеловъ при ангелоявленіяхъ есть тотъ, что, по снисхожденію Божію къ человѣку, они до того отѣлесяются, что бываютъ видимы, какъ всѣ другіе видимые предметы; въ особенныхъ же чрезвычайныхъ случаяхъ ангелоявленій Богъ особеннымъ дѣйствіемъ открываетъ очи людей, потому болѣе, что Онъ же въ иныхъ случаяхъ и удерживаетъ очи людей отъ видѣнія. Принять же исключительно одинъ послѣдній способъ ангеловидѣнія и простираť его на всѣ случаи никакъ нельзя. Содомляне, напримѣръ, видѣли ангеловъ: неужели можно думать, что Богъ открылъ имъ очи, когда это видѣніе было имъ не на созиданіе? Равно трудно

согласиться, чтобы такимъ же образомъ видѣны были ангелы, когда ихъ видѣло множество людей, и добрыхъ и злыхъ, и вѣрныхъ и невѣрныхъ, какъ было, на примѣръ, въ отношеніи къ ангелу, руководившему Товію. Но еще несообразнѣе приложить этотъ же способъ къ видѣнію нечистыхъ духовъ. Природа у нихъ и по паденіи осталась ангельская, невидимая въ естественномъ порядкѣ ихъ бытія: ужели же, чтобъ и ихъ видѣть, отверзаетъ Богъ очи видящихъ? Быть не можетъ! Въ какихъ страшныхъ и безобразныхъ видахъ они являются! И Богъ станетъ открывать очи, чтобъ видѣть эти страшилища!!... Нѣтъ, имъ положень запретъ, чтобъ они не смѣли являться и возмущать покой людей. Ужь это по особому попущенію Божию бываетъ, что они являются; и когда являются, видимы бываютъ натурально. Но если для видѣнія ихъ не открываетъ Богъ очей у людей, а они сами являются и становятся видимыми естественно: то для чего же въ отношеніи къ нимъ однимъ мы допустимъ такую привиллегію?

Далѣе, авторъ говоритъ о нечистыхъ духахъ, что они, по лицемѣрству, злобѣ и лукавству, принимаютъ разные ложные виды, имѣя на то способность естественную. Какъ было натурально послѣ сего протянуть немного разсужденіе и сказать, что если духи нечистые, по естественной способности, принимаютъ разные виды, безъ особаго участія высшей силы, то и видятъ ихъ люди по естественной способности, безъ особаго дѣйствія при семъ Божія, а потомъ прибавить: если этотъ способъ видѣнія духовъ допустимъ въ

отношеніи къ духамъ нечистымъ, почему не допустить его въ отношеніи къ св. ангеламъ?

«Западному писателю, говоритъ авторъ, взойти бы въ разсужденіе, гдѣ хранятся тонкія тѣла, въ которыя облакаются духи для явленія человѣкамъ, когда въ этихъ тѣлахъ не имѣется нужды, потому что, по мнѣнію его, духи облакаются въ тонкія тѣла только тогда, когда имъ предстоитъ явиться человѣкамъ.»

Въ разсужденіе объ этомъ долженъ войти не одинъ западный писатель, но и всѣ тѣ, кои признають духовъ безтѣлесными. Берусь отвѣтить за себя, а пожалуй и за нихъ, если имъ угодно будетъ согласиться со мною. Спрашивается: гдѣ хранятся тонкія тѣла, въ которыя облакаются духи, являясь людямъ? Отвѣчаю: тамъ же, гдѣ хранилось тѣло Господа, въ которомъ Онъ явился Аврааму, въ которомъ боролся съ Іаковомъ, въ которомъ видимъ былъ въ раю и проч. Во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ Онъ принималъ тѣло на время, слѣдовательно, гдѣ нибудъ его бралъ. Такимъ образомъ, гдѣ бралъ тѣло Господь, тамъ берутъ его и духи, и гдѣ хранились тѣ Господни тѣла, тамъ хранятся и тѣла духовъ.

Скажутъ на это: такъ вѣдь то Господь, — повелить, и соберутся вокругъ Него стихіи и образуютъ тѣло; повелить снова, — стихіи разрѣшатся и не станутъ тѣла.

Но Тотъ же Господь, сотворившій духовъ по образу и подобію Своему, могъ даровать и имъ способность собирать вокругъ себя стихіи и облекаться въ видимое тѣло, когда это бываетъ нужно для исполненія святой Его воли. Я не вижу тутъ ничего невозможнаго. Не

невозможно это со стороны Бога: Онъ готовъ даровать твари всякое благо, которое она способна вмѣстить. Спрашивается: можетъ ли духъ вмѣстить такую способность? Отвѣчаю: можетъ; ибо онъ есть сила, дѣйствительно существующая среди другихъ тварей, и сила высшая всего вещественнаго, сколько бы сильнымъ и мощнымъ оно ни являлось. Высшее же по естеству можетъ натурально господствовать надъ естествами низшими, и низшія естества должны естественно покорствоваться и подчиняться высшимъ. Такъ я полагаю, что духамъ безплотнымъ Богъ даровалъ способность привлекать къ себѣ, когда это требуется, извѣстныя стихіи и образовывать изъ нихъ вокругъ себя извѣстную оболочку, и потомъ, когда минуется надобность, отрѣшати ихъ отъ себя и возвращать въ первое состояніе. Такимъ способомъ ангелы образуютъ себѣ какъ тѣло въ видѣ человѣческомъ, въ которомъ обыкновенно являются, такъ и одежду и все, съ чѣмъ и какъ являются; и такимъ же способомъ все это опять разлагается на свои стихіи. И мнѣ кажется, что этотъ способъ объясненія есть самый простой и натуральный, а главное — обнимающій всѣ случаи ангелоявленій. Возьмите вы магнитъ и помѣстите его среди опилокъ желѣзныхъ — они тотчасъ привлекутся къ нему и облѣпятъ его со всѣхъ сторонъ. Парализуйте какимъ либо способомъ силу магнита, — опилки всѣ отпадутъ, и магнитъ останется голымъ. Точно также и у духовъ есть естественная способность привлекать и отрѣшати стихіи, съ той только разницей, что то, что въ магнитѣ дѣйствуется механически, — у духовъ совершается въ

подчиненіи свободѣ и разуму. Душа наша, какъ учитъ св. Григорій Нисскій, сама образуетъ же себѣ тѣло. Но этотъ процессъ образованія очень длиненъ, и притомъ душа, образовавши себѣ тѣло, не имѣетъ свободы по желанію разрѣшить его. Духи же высшіе и образуютъ себѣ тѣла и разрѣшаютъ ихъ свободно, и притомъ по своему желанію, или Божію изволенію. Еще: душа наша во снѣ, а иногда и наяву воображаетъ себя въ разныхъ состояніяхъ и видахъ. Переносу это на духовъ и говорю: что́ душа можетъ воображать только, то́ духъ высшій можетъ для себя самимъ дѣломъ производить, конечно, по условіямъ своего высшаго духовнаго образа существованія и дѣйствованія и въ подчиненіи всемъ правящему Верховному Существу. Такъ объясняю я, откуда берутъ и куда дѣваютъ ангелы тѣла свои, въ которыхъ являются. Теперь, въ свою очередь, и я позволяю себѣ спросить автора: ангелы по естеству — тѣло; но принадлежности ихъ явленія, разная одежда, разные орудія — мечъ, напимѣръ, или жезлъ, также — разные возрасты, видъ юноши, мужа и проч. не принадлежать, конечно, къ естеству: откуда же все это? Пусть объясняетъ, какъ умѣетъ, только напередъ одного не могу допустить, именно, что ангелы чувственно живутъ, имѣютъ чувственныя жилища, чувственно одѣваются, питаются, взаимно обращаются, хотя эта чувственность признается самою тонкою. Это, по моему, грубо, и, при всей допускаемой утонченности, недостойно ни Бога, ни ангеловъ.

Вотъ все, что можно сказать о мѣстахъ Писанія, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе своего мнѣнія

о тѣлесности ангельскаго естества. Ясно, что онъ ничѣмъ изъ Писанія не доказалъ, дабы ангель былъ тѣло; напротивъ, почти изъ всего приведеннаго имъ мы имѣемъ законное основаніе выводить совершенно противоположное заключеніе. Между тѣмъ, тѣ мѣста Писанія, коими доказывается духовность души и ангела, и которыя приведены нами выше, стоятъ въ своей силѣ, ибо авторъ оставилъ ихъ неприкосновенными. Отсюда само собою слѣдуетъ, что общее положеніе новаго ученія, будто въ совокупности тварей нѣтъ духовъ, опровергается Словомъ Божиимъ самымъ очевиднымъ и убѣдительнымъ образомъ. Сдѣлаю однако объ этомъ одно общее наведеніе. Новое ученіе полагаетъ, что только одинъ Богъ есть духъ, а всѣ твари суть тѣло. Изъ Писанія же доказывается, что, кромѣ Духа-Бога, должны быть духи и твари; ибо въ Евангеліи отъ Іоанна говоритъ Господь: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоинъ кланяться*. Скажите, какъ Богу-Духу кланяться духомъ, когда между тварями нѣтъ духа? Чтобъ кланяться духомъ, надо имѣть естество духовное; ибо иначе — какъ будетъ тѣло кланяться духомъ? Итакъ, по требованію слова Божія, заключаю, что между тварями Божиими должны быть духовныя существа, подобныя Богу по духовности. Но когда такимъ образомъ доказано что, слово *духъ*, въ отношеніи къ тварямъ, въ одномъ мѣстѣ Писанія означаетъ духовность богоподобную; то мы не имѣемъ никакого основанія иначе толковать слово это, когда оно прилагается къ ангеламъ и душамъ въ другихъ мѣстахъ Писанія и разумѣть подъ нимъ какое-то тончайшее

эѳирное тѣло. Такъ, когда говорится объ ангелахъ: *не вси ли суть служебнии души*, — никто не имѣеть права разумѣть подъ этими словами иное что, кромѣ богоподобной духовности. Этимъ замѣчаніемъ и окончимъ разборъ свидѣтельствъ Писанія о естествѣ ангеловъ и души.

3) РАЗБОРЪ СООБРАЖЕНІЙ УМА ВЪ ОПРАВДАНИЕ НОВАГО УЧЕНІЯ

Послѣдняя опора, на которой чаеть установиться новое ученіе, суть научныя соображенія ума. Одни изъ этихъ соображеній, преимущественно объ ангелахъ, черпаются изъ богословскихъ понятій о безпредѣльности естества Божія и ограниченности ангеловъ⁽⁵⁸⁾; другія, преимущественно о душахъ, берутся изъ ея отношеній къ тѣлу истинныхъ, или предполагаемыхъ.

Первое соображеніе можно выразить такъ: Богъ ничего общаго не имѣеть съ тварями; Онъ отличенъ отъ нихъ безконечнымъ отличіемъ. Но Онъ есть духъ; посему, быть не можетъ, чтобъ были духи между тварями, и ставить тварь на одну линію съ Богомъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ. Въ этомъ умствованіи похвально благоговѣніе предъ величіемъ Божиимъ; но выводъ, дѣлаемый изъ того, нельзя считать основательнымъ.

Тварь всякая, и самая высшая, не имѣеть ничего своего. Все, что есть въ ней, — даръ Божій. Но всякое благо, видимое въ тваряхъ, есть частичка блага полнаго,

(58) Прибав. къ сл. о см. стр. 12—14.

сущаго въ Богѣ. Что въ Богѣ безконечно совершенно и полно, то въ твари является въ многоразличной степени ограниченности. Такъ, Богу вся возможна суть, и тварь можетъ дѣлать, но только кое-что, въ своемъ кругу, по мѣрѣ силъ своихъ. Богъ всевѣдущъ; и тварь разумная вѣдаетъ, но не много и не всегда безошибочно. Богъ всеблагъ; и тварь бываетъ блага, но очень необширною и не всегда разумною благостію. Если перебрать, такимъ образомъ, все доброе въ тваряхъ, то окажется, что все оно есть въ ограниченной степени причастіе безконечнаго добра Божескаго. Богу угодно было даровать тварямъ отъ Себя все добро, какого онѣ способны быть причастными и даровать независтно; такъ что ничего не осталось не дарованнымъ, что могло быть даровано. Такъ видимъ, что очень многому, безконечному въ Богѣ, эта безконечность не препятствовала явиться въ тваряхъ въ ограниченной степени.

Теперь, чтобъ имѣть право основательно заключить къ отрицанію ограниченной духовности въ тваряхъ изъ представленія безконечной духовности въ Богѣ, надлежало доказать, что духовность есть такое благо между другими Божескими благами, котораго невозможно сообщить тварямъ, когда онѣ содѣлались причастными прочихъ Божескихъ благъ. Но этого никакъ нельзя сказать, ибо естество Божеское непостижимо. Не можетъ быть постигнуто и то, какое изъ безконечныхъ добротъ Божескаго естества можетъ быть сообщено тварямъ въ ограниченной степени, и какое нѣтъ. Если же говорить что, то слѣдуетъ

склониться на возможность сообщенія ограниченной духовности тварямъ, а не на отрицаніе ея; ибо, съ одной стороны, извѣстно намъ, что благодѣ Божія въ твореніи хотѣла излить въ тварь всякое вмѣстимое въ ней благо: а съ другой, видимъ слѣды духовныхъ явленій въ тваряхъ, которыхъ именуемъ мы разумными. Имѣя это въ мысли, нельзя отрицать возможности сообщенія и естества духовнаго. Еще и то надо сказать, что дать бытіе труднѣе, нежели окачествовать бытіе. Если безконечная полнота Божескаго бытія не положила преградъ, а, напротивъ, послужила источникомъ тому, чтобъ даровать бытіе конечнымъ тварямъ, то какое основаніе полагать, что безконечная Его духовность будетъ преградою къ тому, чтобъ явились твари съ ограниченою духовностію? Напротивъ, не слѣдуетъ ли заключить, что поелику есть безконечная духовность, то должна быть и духовность конечная?

Смотрите, какъ далеко отдалилъ отъ насъ Тріединого Бога св. Григорій Богословъ: «Троица, говоритъ онъ, премірная и превысшая времени... невидима. Единая входитъ во святая святыхъ, всякую же тварь оставляетъ внѣ, и отдѣляетъ иныхъ первою, а другихъ второю завѣсою. Такъ, первою отдѣлены отъ Божества существа небесныя и ангельскія, второю же отдѣлено наше естество отъ существъ небесныхъ»...

Видите, какъ далеко! И ангелы оставлены внѣ, а мы даже внѣ ангеловъ. Между тѣмъ, однакожь, не смотря на созерцаніе такой отдаленности и сокровенности Божескаго естества отъ тварей, когда сталъ онъ изображать сотвореніе тварей, то не усумнился сказать,

что Богъ творить сродныя Себѣ твари, то есть, разумныхъ духовъ. Его умъ, столько благоговѣйный и высокосозерцательный, — не видѣлъ невозможности существовать духамъ конечнымъ по дару единого Духа безконечнаго; безконечная духовность не поглощала у него возможности духовности конечной. Какъ ни высокъ и ни отдаленъ Богъ отъ тварей, это не попрепятствовало, по мыслямъ св. Богослова, быть, между тварями, сроднымъ Ему природамъ; сродны же Богу природы только умныя. Впрочемъ, мы уже видѣли это мѣсто, при разсматриваніи ученія св. Богослова объ ангелахъ.

Посмотримъ теперь, какъ обстаиваетъ свою мысль нашъ авторъ. «Богъ, говоритъ онъ, есть существо всесовершенное, не имѣющее ничего общаго съ существами сотворенными». Можно ли такъ рѣзко отрѣзывать тварь отъ Творца? Высоко естество Божіе, — но любообщительна благодать. Возможно ли, чтобы Творецъ не былъ видѣнъ въ твари? А если видѣнъ, такъ какъ же нѣтъ въ ней ничего общаго съ Творцемъ? Есть твари, о которыхъ Самъ Творецъ сказалъ, что онѣ созданы по образу Его. Неужели же и тутъ, гдѣ образъ, ничего нѣтъ общаго? Опять, когда возстановляются падшіе, Самъ Возстановитель поставляетъ цѣлю возстановительныхъ дѣйствій и учреждений — богообщеніе, молясь такъ: *да и ти въ насъ едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ...* и тѣ, кои прилѣпляются къ Нему, сподобляются общенія съ Богомъ Отцемъ и Сыномъ Его Иисусомъ Христомъ.

Дабы вступить въ такое общеніе, надо имѣть нѣчто общее съ Богомъ въ естествѣ своемъ.

«Богъ, говоритъ авторъ, есть собственно существо: *Азъ есмь сый*, сказалъ Онъ о Себѣ.» Пусть Богъ есть собственно существо; однакожь и твари истинно существуютъ. А когда онѣ существуютъ, то существованіе ихъ не есть Божіе въ нихъ существованіе, а ихъ собственное, хотъ и дарованное Богомъ. Такъ и въ отношеніи къ духовности: собственно духъ есть Богъ; но тѣмъ не менѣе есть и твари-духи, и эта духовность въ нихъ есть собственная духовность, хотъ и дарованная Богомъ.

«Существованіе, толкуетъ авторъ, разумныхъ тварей и жизнь ихъ отличаются отъ жизни Бога, подобно тому, какъ отличается свѣтъ, который издають изъ себя предметы, освѣщенные солнцемъ, отъ свѣта, изливающагося собственно изъ солнца, изъ источника свѣта». Но это мѣсто, очевидно, не въ пользу новаго ученія. Никто и не говоритъ, чтобы духовность разумныхъ тварей была одинакова съ духовностію Бога. Она подобна духовности Божіей, но въ достоинствѣ несравненно ниже ея. При всемъ томъ, все таки она есть духовность, подобно тому, какъ свѣтъ отраженный, хотя слабѣе солнечнаго, но все же свѣтъ, и свѣтъ солнечный.

Равнымъ образомъ и то, что приводится далѣе изъ св. Іоанна Дамаскина, подаетъ поводъ дѣлать наведенія, противныя новому ученію. Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: «Благій, всеблагій и преблагій Богъ, будучи весь благодать, по безмѣрному богатству Своей благодати, не потерпѣлъ, чтобы благо, то есть, естество Его,

пребывало одно, и никто не былъ причастникомъ Его». Если естество Божеское духовно: то чего же не потерпѣла благодѣть Божія? Не потерпѣла, чтобъ никто не былъ причастникомъ сей духовности. Если не потерпѣла, то какъ же не быть между тварями духовнымъ тварямъ, съ богоподобною духовностію? Онъ и есть, какъ далѣе говорить св. Дамаскинъ: «для сего Онъ сотворилъ умныя и небесныя силы, потомъ — видимый и чувственный міръ, наконецъ — человекъ изъ умнаго и чувственнаго естества».

Это мѣсто почти слово въ слово взято изъ св. Григорія Богослова. А у него, какъ мы видѣли, умныя и небесныя силы называются сродными Богу или богоподобными естествами.

Далѣе слѣдуетъ пространная выписка изъ св. Іоанна Златоуста и св. Макарія о неприступности и непостижимости Божескаго естества: но не объ этомъ у насъ рѣчь. Изъ неприступности слѣдуетъ только то, что Богъ непосредственно познаваемъ нами быть не можетъ, а познается только по сообщенію сего познанія отъ Него Самаго, и притомъ въ ограниченной степени. Но изъ того самаго, что мы имѣемъ мысль о безконечности естества Божія и ощущаемъ стремленія къ безконечному, не слѣдуетъ ли заключить, что въ насъ есть нѣчто сродное съ Нимъ, нѣчто такое, что не существомъ, а стремленіями и мыслию силится совпасть, такъ сказать, съ безпредѣльными Его предѣлами? Эта черта безпредѣльности въ проявленіяхъ внутренней нашей жизни не наводитъ ли на то, что мы носимъ въ себѣ не тѣлесный духъ, не

связываемый предѣлами, какими связано все вещественное и тѣлесное?

Слѣдующая за симъ выписка изъ св. Макарія была разобрана нами пространно прежде.

И такъ авторъ нашъ изъ неприступности естества Божія не успѣлъ вывести рѣшительнаго отрицанія духовности въ тваряхъ. Напротивъ, самъ отчасти поруководствовалъ насъ къ заключенію, что между тварями должны быть существа духовныя, богоподобныя.

Авторъ нашъ самъ чувствовалъ, что благи Творческой ничто не могло помѣшать дать бытіе духовнымъ тварямъ. Посему отъ Творческой безпредѣльности онъ переходитъ къ тварной ограниченности, и наводитъ, что духовность несовмѣстна съ тварною ограниченностію: пусть бы- дескать и хотѣлъ Богъ, чтобъ были твари съ духовною сущностію, но тварь, поколику тварь ограниченная, не можетъ вмѣстить этой духовности. Это второе соображеніе нашего автора. Вотъ слова автора: «если сотворенные духи — ограничены: то и существо ихъ и свойства — ограничены. Если существо ихъ и свойства — ограничены: то и духовность ихъ — ограничена. Если *духовность ихъ — ограничена: то они, по необходимости, должны имѣть извѣстную степень вещественности, свойственную ихъ природѣ.* Напротивъ того, если припишемъ имъ совершенную невещественность, то есть, неограниченную духовность, то вмѣстѣ съ симъ, по необходимости, должны приписать имъ неограниченность существа, потому что

только одно неограниченное существо можетъ имѣть и должно имѣть неограниченныя свойства».

Всѣ эти положенія группируются около одного средоточнаго пункта: «если духовность сотворенныхъ духовъ ограничена, то они, по необходимости, должны имѣть извѣстную степень вещественности, свойственную ихъ природѣ». Спрашивается: изъ чего же слѣдуетъ, что ограниченная духовность необходимо должна быть въ извѣстной степени вещественна? Откуда вытекаетъ эта необходимость? «Ангелы, говоритъ авторъ, подчинены времени и пространству. Понятіе о подчиненіи пространству неразлучно отъ понятія о подчиненіи формѣ. Отринувъ понятіе о подчиненіи ангеловъ пространству, должно или вовсе отвергнуть ихъ существованіе, или признать ихъ безпредѣльными, то есть, приписать имъ вездѣсущіе Божеское. Только двѣ неопредѣленныя величины — ничто и безконечное — не подчиняются никакой формѣ; всякая, напротивъ того, опредѣленная величина, какъ бы ни была велика или мала, непременно имѣетъ форму, по самой опредѣленности своей. Согласившись, что ангелы ограничены, необходимо должно принять и то, что они, по отношенію къ пространству, имѣютъ форму, а по отношенію къ тонкости естества имѣютъ извѣстную степень этой тонкости, то есть, неизбѣжно суть тѣла, какъ бы эти тѣла ни были тонки. Форма ограниченаго существа непременно обрисовывается, такъ сказать, самыми его предѣлами, оконечностями; обрисованное такимъ образомъ существо имѣетъ свой видъ. Безконечное не подчинено никакой формѣ, какъ не

имѣющее ни въ какомъ направленіи никакого окончанія; по этой же причинѣ оно не можетъ имѣть никакого вида. Бога никтоже видѣти нигдѣже. Безконечное существо не можетъ быть тѣломъ, потому что оно тоньше всякой превосходнѣйшей тонкости: оно — вполнѣ духъ».

Вотъ вамъ доказательство! Но доказательно ли оно? Если, говоря о Богѣ, что Онъ есть Существо безконечное, нельзя иного разумѣть, какъ то, что Божеское *естество* ни въ какомъ направленіи не имѣетъ окончанія, то есть, что Оно безконечно по протяженію; то само собою будетъ слѣдовать, что и конечное — конечно по протяженію, то есть, имѣетъ окончанія по всѣмъ направленіямъ, и, слѣдовательно, занимаетъ извѣстное пространство по тремъ измѣреніямъ, имѣетъ свою форму, и потому есть тѣло. Но если безконечное не означаетъ этого неокончанія ни въ какомъ направленіи, не означаетъ, то есть, безконечности по протяженію, то никакъ не будетъ слѣдовать, что конечное необходимо уже есть тѣло.

Дадимъ, однакожь, точный смыслъ слову «безконечный».

Въ языкѣ латинскомъ есть два слова: *ininitus* и *indefinitus*. И у насъ тоже два соотвѣтствующія имъ слова: безконечный или безпредѣльный, и неопредѣленный, — два термина, выражающіе понятія совершенно различныя. Неопредѣленный значитъ — неимѣющій точныхъ границъ и очертаній, а безпредѣльный и безконечный значитъ — неимѣющій степени совершенства, или всесовершенный во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, — полнота бытія, жизни,

совершенства. Отношеніе къ пространству и времени тутъ не берется во вниманіе, ибо безпредѣльный внѣ этихъ отношеній. Нельзя о немъ говорить — ни бесконечно продолжающійся во времени, не бесконечно протяженный въ пространствѣ. Онъ есть вѣчный, чѣмъ отрицается временность, и вездѣсущій, чѣмъ отрицается пространственность. Еслибъ авторъ подержалъ это въ мысли, онъ не пришелъ бы къ тѣмъ выводамъ, какіе мы видѣли. Вся ошибка его состоитъ въ неправильномъ понятіи о бесконечности Божескаго существа. Если бесконечное понять такъ, что оно ни въ какомъ направленіи не имѣетъ окончанія, то есть, во всякомъ направленіи протяженно безъ конца; то оно исчезнетъ въ неопредѣлительности, какъ то, о чемъ у насъ говорятъ: «разлетѣлось въ воздухъ». Посему, если говоря, что бесконечное не подчинено формѣ, или что оно не имѣетъ вида, авторъ разумѣетъ подъ этимъ неоконечность въ протяженіи, то, превознося Бога на словахъ, по смыслу уничтожаетъ Его бытіе.

Авторъ, какъ видно, имѣетъ неправильное понятіе и о духовности Божеской. «Бесконечное, говоритъ онъ, не можетъ быть тѣломъ.» Почему? Потому что оно тоньше всякой превосходнѣйшей тонкости, оно — вполнѣ духъ. Выходитъ, что Божеское существо потому духъ, что оно тоньше всякой превосходнѣйшей тонкости, то есть, высочайшая, совершеннѣйшая тонкость, выше и совершеннѣе которой ужъ и быть никакъ тонкость не можетъ. Какъ тонкость вообще есть принадлежность вещества; то и высшая, послѣдняя степень тонкости

тоже будетъ указывать на вещество. Отсюда прямо будетъ слѣдовать, что и Богъ вещественъ.

Исходя изъ неправильныхъ понятій о безконечности и о духовности, авторъ нашъ построилъ все свое толкованіе о тѣлесности ангеловъ и душъ. Но если непреложенъ законъ, что какъ скоро неправильны исходныя понятія, то и все выводимое изъ нихъ неправильно; то по сему и все построение автора фальшиво. Если неограниченное, безконечное существо не означаетъ неограниченности пространственной; то и ограниченность существа не означаетъ необходимо ограниченности, по отношенію къ пространству, не требуетъ, потому, чтобы существо это необходимо имѣло форму, чтобы обрисовывалось своими предѣлами и оконечностями, и имѣло видъ. Все это можетъ быть умѣстно въ ограниченномъ, но только никакъ не вытекаетъ изъ правильнаго понятія о безконечномъ. Равнымъ образомъ, не вытекаетъ и слѣдующее положеніе: «отвергнувъ понятіе о подчиненіи ангеловъ пространству, должно или вовсе отвергнуть ихъ существованіе, или признать ихъ безпредѣльными, то есть, приписать имъ вездѣсущіе». Если неограниченность или безпредѣльность есть безконечная протяженность, или заниманіе неопредѣленнаго, всевозможнаго протяженія и пространства; то будетъ необходимо слѣдовать, что коль скоро ангелы не подчинены опредѣленному пространству, а всего пространства, по ограниченности своей, занимать не могутъ, — то ихъ нѣтъ. Но если они есть и опредѣленному пространству не подчинены; то

остается одно допустить, что они наполняютъ все пространство, или суть вездѣ. Такъ это выходитъ, коль скоро возьмемъ въ основу—неправильное понятіе о безконечномъ, будто бы оно есть существо, ни въ какомъ направленіи не имѣющее окончанія. Поставьте вначалѣ другое понятіе о безконечномъ, и весь этотъ выводъ рухнетъ самъ собою.

Изъ понятія о безконечномъ, какъ о всесовершенномъ, выходитъ, что всякое ограниченное существо можетъ имѣть только извѣстную долю совершенства и притомъ въ извѣстной степени. Но чтобъ оно необходимо занимало пространство, имѣло всѣ три измѣренія, имѣло свою форму и видъ, и было потому тѣло, это никакъ не слѣдуетъ. Эти принадлежности выводятся изъ другихъ положеній о тварныхъ существахъ, именно, изъ положенія о тваряхъ вещественныхъ. Съ понятіемъ о веществѣ необходимо соединено понятіе о протяженіи; понятіе о протяженіи ведетъ къ понятію о формѣ; оформленное протяженное вещество есть тѣло. Изъ понятія же о тваряхъ невещественныхъ выходятъ другія положенія: вмѣсто протяженія, или, какъ говорятъ, количества экстенсивнаго, въ нихъ качествуетъ количество интенсивное, степень напряженія духовныхъ силъ и умственно-нравственныхъ качествъ. Такое свойство духовныхъ существъ не требуетъ, чтобъ онѣ непременно оформлялись въ пространствѣ, хотя дѣятельность ихъ

непремѣнно должна проявляться гдѣ либо⁽⁵⁹⁾. Они существуютъ гдѣ либо, но не занимаютъ пространства, какъ занимается или наполняется оно тѣломъ; а только являютъ свое въ немъ присутствіе дѣятельностію духовныхъ или умныхъ силъ, составляющихъ ихъ сущность. Не оформляясь въ пространствѣ, они не имѣютъ очертаній; не имѣя очертаній, не имѣютъ вида. Вотъ прямыя слѣдствія изъ правильнаго понятія о безконечномъ и конечномъ, — слѣдствія, діаметрально противоположныя выводамъ новаго ученія! Спора въ выводахъ не можетъ быть. Весь споръ, если ему умѣстно быть, можетъ вращаться въ кругъ понятія о безконечномъ. Чье понятіе о безконечности вѣрно, на сторонѣ того и правда.

Въ Пространномъ Христіанскомъ Катихизисѣ такъ сказано о существѣ Божіемъ: «Богъ есть духъ, вѣчный, всеблагій, всевѣдущій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный, всеблаженный». Все это въ совокупности можно выразить однимъ словомъ: всесовершенный, или безконечно совершенный.

Въ Богословіи преосвященнаго Макарія говорится: «Называя Бога *безпредѣльнымъ*, мы разумѣемъ, что Онъ не только свободенъ отъ всякаго ограниченія и недостатка, въ какомъ бы-то ни было отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ всѣми возможными совершенствами (существенностями — *realitatibus*) и

⁽⁵⁹⁾ Василиій Великій т. 6 стр. 28. «Ограниченнымъ, говоритъ онъ, я называю не только естество, объемлимое мѣстомъ, но и то, которое можно обнимать познаніемъ».

притомъ въ высочайшей степени, или безъ всякой степени и мѣры» (томъ 1, стр. 76). На стр. 78 значитъся: «Должно помнить, — что — безпредѣльность или всесовершенство въ Богѣ не есть какое либо частное свойство Божіе, а общее, объемлющее собою всѣ прочія. Богъ, говоритъ св. Кирилль Іерусалимскій, совершенъ во всемъ... совершенъ въ вѣдѣніи, совершенъ въ силѣ, совершенъ въ величїи, совершенъ въ предвѣдѣніи, совершенъ въ благи, совершенъ въ правосудїи, совершенъ въ челоѡколюбїи». (Огл. поуч. VI, п. 8. стр. 105 въ русск. пер.)

Вотъ какъ надо понимать безпредѣльность Божескаго естества! Нигдѣ тутъ не помянуто, хотъ бы намекомъ какимъ, что оно потому безконечно, что не имѣетъ окончанїя ни въ какомъ направленїи. Слѣдовательно, ангеловъ и души не слѣдуетъ понимать такъ, какъ понимаетъ ихъ новое ученїе, основываясь на своемъ неправильномъ понятїи о безпредѣльномъ. Не должно думать, чтобъ ангеламъ и душамъ, поколику они конечны, необходимо должны принадлежать очертанїе, фигура, видъ, опредѣленное протяженїе въ пространствѣ по тремъ измѣренїямъ.

Какъ ангелы и душа суть въ пространствѣ, пониманїю этого научились мы у св. Іоанна Дамаскина, по которому они такъ суть въ пространствѣ, что отъ этого не получаютъ вида или образа, и необходимости имѣть три измѣренїя. А что души не имѣютъ ни очертанїя, ни количества, ни протяженїя по тремъ измѣренїямъ, ни мѣстнаго положенїя, — этому научилъ насъ св. Григорій Нисскій, котораго ученїе надо считать

не единоличнымъ, но совмѣщающимъ въ себѣ согласіе и Василя Великаго, и Григорія Богослова. А св. Григорій Нисскій устранилъ и то недоумѣніе, которое раждается изъ отрицанія этихъ качествъ въ душѣ (и прибавлю — ангелѣ), будто, то есть, поэтому должно считать ее одного естества съ Богомъ безконечнымъ, — устранилъ, объяснивъ, что богоподобіе не есть единосущіе. То же сдѣлалъ и св. Максимъ Исповѣдникъ.

Такимъ образомъ, желаніе нашего автора — изъ ограниченности ангеловъ и душъ вывести, что они суть тѣло, можно считать очень неудачнымъ. Почему слѣдующее за тѣмъ обращеніе къ религіозному чувству, что-де смотрите, приписывая и тварямъ, ангеламъ и душамъ духовность, вы свойства Творца усвоите тварямъ и, слѣдовательно, впадаете въ богохульство, — оказывается излишнимъ, послѣ сдѣланныхъ нами объясненій. Даже можно съ подобною же рѣчью обратиться къ самому автору: «смотрите, вѣдь вы, желая защитить Бога, указъ Ему предписываете, что Онъ можетъ и чего не можетъ создать; и тогда какъ Онъ Самъ свидѣтельствуешь, что Имъ созданы твари, подобныя Ему, вы своимъ отрицаніемъ какъ бы говорите Ему: гдѣ Тебѣ создать?!» Почитая ангеловъ духами, мы тоже не думаемъ впасть въ излишество почитанія; напротивъ, надо опасаться, какъ бы, назвавъ ихъ тѣломъ, не оскорбить ихъ, думая о нихъ ниже, чѣмъ они есть. За излишекъ почитанія кто оскорбится? А за невоздаяніе должнаго, можетъ быть, и негодовать они на насъ станутъ.

«Связь души съ тѣломъ, умствуеть нашъ авторъ, доказываетъ, что, не смотря на значительное различіе между тѣломъ и душою, тѣло и душа имѣютъ и нѣчто общее, имѣютъ, употребимъ выраженіе химіи, сродство. Если бъ не было сродства, то не могло бы быть никакой связи. Если же есть сродство, то душа необходимо должна имѣть нѣкоторую свойственную себѣ вещественность.» Всегда почти слышится возраженіе, вызывающее психологовъ, признающихъ душу духовною субстанціею, на объясненіе: какъ душа соединена съ тѣломъ, и какъ дѣйствуютъ онѣ взаимно другъ на друга? Слишкомъ велико кажется разстояніе между духомъ и тѣломъ. И вотъ, чтобы сблизить и тѣмъ ослабить силу предлагаемыхъ вопросовъ, говорятъ: и духъ — тѣло, только тонкое. Но облегчается ли этимъ затрудненіе? Кто какъ взглянетъ. Иной можетъ думать, что недоумѣніе остается и при этомъ въ прежней силѣ; и сверхъ того, эта уступка, не облегчая объясненія одной стороны (союза и взаимодѣйствія души и тѣла), воздвигаетъ непреодолимая затрудненія съ другой (духовныхъ дѣйствій души — сознанія, свободы, мысли и проч.). Къ таковымъ и мы пристаемъ. Но объ этомъ послѣ; теперь же обратимся къ главному основанію. Правда ли, что для того, дабы быть въ связи и взаимодѣйствовать, надобно быть однороднымъ? И необходимо ли, поэтому, душѣ, по естеству духовной, быть тѣломъ, чтобы быть въ связи и взаимодѣйствіи съ тѣломъ? По нашему, это не необходимо. Кромѣ матеріальнаго сродства, есть сродство динамическое, интенсивное, состоящее въ единствѣ формъ и законовъ

дѣйствованія. Довольно предположить, что душа, будучи духовною субстанціею, получила для своей дѣятельности, законы и формы, одинаковые съ законами и формами вещественнаго міра и своего тѣла, чтобы понять, какъ она дѣйствуетъ посредствомъ ихъ на тѣло и обратно принимаетъ дѣйствіе отъ тѣла, не будучи сама тѣломъ. Душа не есть отвлеченная сила, какъ показалось автору, но есть сила дѣйствительная, реальная, реально существующая между другими реальностями. Въ этой реальности бытія лежитъ основаніе возможности дѣйствовать на окружающее и отъ него принимать дѣйствіе. А чтобы это взаимодействіе не было разрушительно, оно ограждено подобонастроеніемъ внутреннимъ, одинаковостію законовъ и формъ дѣйствованія. Душа — духъ, реальная сила, физическою, выразимся такъ, стороною своею дѣйствуетъ и приводитъ въ движеніе все тѣло, и какъ духъ, выше вещества, является въ насъ преобладающею и господственною. Даже самое образованіе тѣла совершается этою же стороною, помимо сознанія и самодѣятельности души. Разумѣя, такимъ образомъ, самое тѣло продуктомъ души-духа, мы не будемъ уже имѣть нужды рѣшать вопросъ, какъ соединена душа съ тѣломъ, и какъ допущеніемъ, что душа есть тѣло, онѣ взаимодействуютъ другъ на друга. Припомните одну нашу выписку изъ св. Василія Великаго о двоякой силѣ души — жизненной и разумной, и согласитесь, что наша мысль не собственно наша. Приведемъ и здѣсь то мѣсто. «Душевная сила, говоритъ онъ, двояка, хотя душа одна и та же, именно: одна — собственно

жизненная сила тѣла, а другая — сила созерцающая существующее, которую называемъ также разумною. Но душа, поелику соединена съ тѣломъ, естественно, въ слѣдствіе сего соединенія, а не произвольно, сообщаетъ тѣлу жизненную силу. А сила созерцательная приводится въ движеніе по произволенію». Вотъ источникъ и особенная форма сродности тѣла душѣ, по которымъ никакъ не требуется, чтобъ онѣ оба необходимо были тѣлами.

Не говоримъ, чтобъ этимъ объясненіемъ секретъ союза души съ тѣломъ былъ раскрытъ; но не можемъ не настаивать, что при немъ нѣтъ необходимости въ другихъ предположеніяхъ, тѣмъ болѣе въ такихъ странныхъ, по которымъ и душу слѣдовало бы признать тѣломъ. Душа прикасается къ тѣлу и дѣйствуетъ на него естественно, и обратное дѣйствіе тоже принимаетъ естественно.

Остановимъ теперь вниманіе на словѣ *сродство*, взятомъ изъ химіи. Оно испугало насъ, когда мы встрѣтили его здѣсь въ первый разъ, возродивъ опасеніе, не состоитъ ли теорія автора въ союзѣ съ началами химіи. Опасеніе не было напрасно. На 44-й страницѣ «Прибавленія къ Слову о смерти» вотъ что стоитъ: «Тѣло пребываетъ тѣломъ до той минуты, до которой не оставила его жизнь. Оставленіемъ его жизнию начинается разложеніе его. Болѣе: этимъ оставленіемъ разложеніе совершается; дальнѣйшее разложеніе есть только послѣдствіе главнаго, существеннаго разложенія. Разложеніе вещества, по законамъ химіи, не иначе можетъ совершиться, какъ отдѣленіемъ отъ него одной,

или многихъ составныхъ частей его. Здѣсь указаніе науки на вещественность души: отдѣленіе чего либо невещественнаго, отвлеченнаго — не произвело бы на вещество никакого вліянія. Но душа невидима. Что до того? Невидимъ и теплородъ. Онъ не взвѣшиваемое начало, но отдѣляется химически отъ воды отдѣленіемъ незамѣтнымъ и непостижимымъ для чувства, и вода обращается въ другое вещество — въ ледъ». Читаешь, и глазамъ не вѣришь! Что ни слово, то неслыханная новость! Подумаешь, одно слово *сродство*, вырвавшееся, можетъ быть, невзначай, вотъ къ чему привело! Душа попала въ химическіе элементы тѣла!.. Кто когда нибудь слыхалъ, или читалъ подобную новость!?

Замѣтимъ предварительно, что самостоятельная, независимая область химическихъ процессовъ есть неорганическая природа. Есть химическіе продукты и въ растеніяхъ; но процессы химическіе состоятъ здѣсь въ зависимости отъ иного начала, котораго химія не понимаетъ, какъ говоритъ и самъ авторъ.

Пока это начало въ дѣйствиіи, химіи нѣтъ входа въ ея лабораторію. Но когда отойдетъ оно, и остается одно тѣло, имъ произведенное; тогда химія беретъ ея продукты, разлагаетъ, и все опредѣляетъ, какой элементъ въ какую часть, въ какой мѣрѣ поступилъ; но самаго производства дѣла не знаетъ. По изслѣдованіи всего, ей остается только сказать: видишь, что надѣлало это начало — жизнь — а какъ, кто ее знаетъ! Въ животномъ самое растительное начало видимъ въ подчиненіи иному началу, отъ котораго сообщается чувство, движеніе, смышленость. А въ человѣкѣ видимъ

и еще высшее начало, надъ всѣмъ этимъ господствующее, и всего того высшее. Такова лѣствица силъ!

Привожу ученіе св. Григорія Нисскаго объ этомъ предметѣ. «Едва не забыли мы того порядка въ твореніи, по которому предшествуетъ прозябеніе растеній изъ земли, и за симъ послѣдуютъ безсловесныя животныя, и потомъ, по устроеніи ихъ — человѣкъ... Мнѣ кажется, что Моисей излагаетъ въ этомъ нѣкое сокровенное ученіе, и таинственно сообщаетъ любомудріе о душѣ, о которомъ мечтала и внѣшняя ученость, но не уразумѣвала его въ ясности. Ибо Слово учитъ насъ, что въ трехъ различіяхъ усматривается жизненная и душевная сила. Есть нѣкая сила растительная только и питательная; приѣмля годное къ приращенію питаемаго, она называется естественною, и усматривается въ растеніяхъ, потому что и въ произрастающемъ можно примѣчать нѣкую жизненную силу, лишенную чувствъ. Но, кромѣ сего, есть другой видъ жизни, которому принадлежитъ и первый, и къ нему присоединена способность управлять собою по чувству; такова жизнь въ естествѣ безсловесныхъ: они не питаются только и растутъ, но имѣютъ чувственную дѣятельность и чувственное пониманіе. Совершенная же жизнь въ тѣлѣ усматривается въ естествѣ словесномъ, разумѣю естество человѣческое, питаемое, чувствующее, имѣющее даръ слова и управляемое разумомъ... Посему законодатель (то есть, Моисей) говоритъ, что, послѣ неодушевленнаго вещества, какъ бы въ нѣкое основаніе существъ одушевленныхъ, прежде всего

образована эта естественная жизнь, осуществившаяся въ прозябениі растений, потомъ вводитъ въ бытіе тварей, управляемыхъ чувствомъ... Послѣднимъ, послѣ растений и животныхъ, устроень челоуѣкъ. Всякаго вида души срастворены въ этомъ словесномъ животномъ — челоуѣкъ... Онъ питается, съ растительною же (питательною) силою соединена чувствительная... Потомъ съ тѣмъ, что есть тонкаго и свѣтоноснаго въ естествѣ чувствующемъ, совершается нѣкое освоение и срастворение умопредставляемой сущности, чтобы челоуѣкъ составленъ былъ изъ сихъ трехъ естествъ» (ч. 1, стр. 97—9.)

Таково полное изображеніе силъ, дѣйствующихъ въ тваряхъ! Подобное же ученіе можно видѣть въ 166 пунктѣ наставленій св. Антонія Великаго, въ *Добротолюбіи*, и у Исаака Сиріанина — въ статьяхъ о трехъ степеняхъ разума.

Мимоходомъ упоминается ученіе св. Отцевъ о лѣствицѣ силъ за тѣмъ, чтобы яснѣе видна была неправость автора, который столкнулъ душу челоуѣческую въ рядъ химическихъ элементовъ. И это дѣлается имъ въ угодность современной наукѣ, которая сама сознается, что не понимаетъ тѣла и тѣмъ болѣе жизни его. «Жизнь тѣла, говоритъ авторъ, недоступна для постиженія нашего», — и это еще органическая жизнь, растительная; тѣмъ больше недоступна жизнь животного, имѣющая, сверхъ первой, еще чувство и движеніе произвольное и смышленость; и еще несравненно болѣе недоступна жизнь челоуѣка, у коего душа или духъ, способный къ боговѣдѣнію, къ

богоощущенію, къ совершенно свободной дѣятельности, не зависящей ни отъ чего внѣшняго, къ составленію обзрѣній всего сущаго, къ стремленіямъ, отъ всего отрѣшающимъ сознание и сердце. Если все это невѣдомо для науки; то законъ велить не брать ее въ руководство при составленіи положеній, опредѣляющихъ сущность жизни человѣческой. И однакожь, составляется положеніе, и составляется отъ имени науки, что наша душа вещественна, — и есть въ насъ именно въ качествѣ химическаго элемента, отдѣленіе котораго полагаетъ начало, или даже совершаетъ разложеніе нашего тѣла.

Послѣднее указаніе опыта, — что исходомъ души полагается начало разложенія тѣла, — послужило, какъ видится, поводомъ къ такому положенію. Ибо авторъ, какъ значитъ въ нашей выпискѣ, умствуетъ такъ: разложеніе вещества, то есть, какого либо химически сложеннаго тѣла, по законамъ химіи, не иначе можетъ совершиться, какъ отдѣленіемъ отъ него одной или многихъ составныхъ частей его. Такъ какъ душа, отдѣляясь отъ нашего тѣла, совершаетъ разложеніе его; то очевидно, что она есть составная часть тѣла. И какъ, далѣе, тѣло наше вещественно; то и всѣ составныя части его вещественны; слѣдовательно, и душа вещественна, какъ соотвѣтственная часть его. И вотъ вамъ знаменитое указаніе науки на вещественность души! Отдѣленіе чего либо невещественнаго, отвлеченнаго, не произвело бы на вещество (тѣло) никакого вліянія...

Еслибъ даже по началамъ химіи что либо и выходило въ угоду новому ученію; то и тогда можно бы

не давать этому большаго вѣса. Химія совсѣмъ не тѣмъ кругомъ предметовъ занимается, къ какому принадлежитъ душа. Потому о душѣ она не можетъ быть судьею компетентнымъ. Хоть новое ученіе и сознаетъ себя непротивнымъ химіи и чаеъ найти въ ней оправданіе себѣ; но объяснить этого и доказать не могло. Чтобы какъ нибудь, по химіи, доказать вещественность души, нужно бы напередъ доказать, что она похожа на химическіе элементы тѣла и химически соединена съ тѣломъ. Душѣ же мѣшаетъ попасть въ сродство съ этими элементами ея невидимость и неосязаемость; такъ что этимъ свойствомъ души сразу можно отвергнуть всякую попытку доказать вещественность ея приѣмами, какіе заимствуются изъ химической лабораторіи. Новое ученіе спѣшитъ отстранить эту помѣху благоуспѣшности своихъ выводовъ, утверждая, что если душа невидима, то это ничего, и химіи непротивно существованіе неуловимаго и незамѣчаемаго.

Что невидимость души не мѣшаетъ ей поступить въ группу химическихъ элементовъ, это объясняется примѣромъ соединенія теплорода съ вещами.

«Душа невидима: что до того? Невидимъ и теплородъ. Но отдѣляется онъ химически отъ воды отдѣленіемъ незамѣтнымъ и непостижимымъ для чувства, и вода обращается въ другое вещество — въ ледь.» Что подобнымъ же образомъ совершается и химическое отдѣленіе души отъ тѣла, дѣлающагося, въ слѣдствіе того хладно-смертнымъ, это предоставляется дополнить читателямъ. Но сравненіе, еслибъ оно и

удачно было, еще не доказательство; а тутъ и доказательства нѣтъ, и сравненіе взято неудачное, — неудачное потому, что не на тѣ мысли наводитъ, какія хотѣлось автору прояснить ими. Теплота ни соединяется съ вещами, ни отдѣляется отъ нихъ химически. Это сила свободная отъ химической связности: входитъ и выходитъ по своимъ законамъ. Химія въ ея дѣлахъ не участвуетъ, а потому и не причисляетъ ее къ своимъ элементамъ. Стало быть, если дать этому примѣру свой смыслъ, то надо будетъ сказать, что душа не химически соединена съ тѣломъ; и, слѣдовательно, когда она выходитъ изъ него, то въ этотъ моментъ не совершается *главное существенное разложеніе*, — то есть, надо будетъ отвергнуть положеніе, на которомъ думало опереться новое ученіе, чтобъ, по законамъ химіи, вывести отсюда вещественность души.

Что вода, по отдѣленіи теплорода, обращается въ *другое* вещество, ледъ, — это можетъ быть нечаянная оговорка; но о незамѣтномъ и непостижимомъ для чувства отдѣленіи теплоты, кажется, упомянуто намѣренно, чтобъ это отдѣленіе болѣе походило на отдѣленіе души отъ тѣла. И опять неудачно, и не въ свою пользу! Хотя отдѣленіе теплоты незамѣтно для чувства; но у физиковъ есть чувствительнѣйшіе ихъ чувствъ инструменты, коими они узнаютъ и какъ бы осязаютъ дѣйствія теплоты во всѣхъ степеняхъ. А это вотъ къ чему далѣе вѣдетъ: есть у физиковъ инструменты для опредѣленія свойствъ и дѣйстви всѣхъ тончайшихъ вещественныхъ силъ — теплоты, электричества, свѣта, — всѣ эти силы считаются

проявленіями эѳира, и всѣ онѣ подлежатъ искусственнымъ опытнымъ наблюденіямъ. Почему же доселѣ еще никто и покушенія не имѣлъ изобресть какое либо орудіе для испытанія души, если и она эѳиръ, чтобъ наглядно опредѣлять ея собственное напряженіе, и за тѣмъ степени дѣйствія ея силъ — разума, воли, чувства, страстей? Не потому ли, что душа неудобна къ такого рода обращенію съ ней? Да. А неудобна почему? Потому, что принадлежитъ совсѣмъ къ другой области, чѣмъ всѣ, извѣстныя намъ, проявленія эѳира. Но кто съ этимъ согласится, — а не согласится нельзя, — тотъ не можетъ не согласиться и съ тѣмъ, что душа не только не есть какой либо химическій элементъ, но не есть и эѳирное тѣло. Такимъ образомъ, неудачное сравненіе, употребленное новымъ ученіемъ въ свое оправданіе, привело насъ къ заключеніямъ, подрывающимъ его.

Дабы показать, что неуловимость и неудобонаблюдаемость души не лишаетъ еще ее возможности принадлежать къ числу предметовъ, которыми занимается химія, взводится ложь на химію, въ слѣдующихъ словахъ: «существованіе чего либо вещественнаго, не имѣющаго дѣйствія на наши чувства, или имѣющаго дѣйствіе, котораго не замѣчаемъ, не только непротивно ученію химіи, но явствуетъ изъ ея ученія» (Пр. 45 въ концѣ).

Что лежитъ за предѣлами нашихъ чувствъ и дѣйствія чего не замѣчаемы, того ни химія, ни всѣ естественныя науки знать не знаютъ и знать не хотятъ. Касаться того, — не ихъ дѣло. Ихъ дѣло замѣчать, что

поддается замѣчанію, подводитъ подъ разныя чувства, дѣлать опыты, сличать, обобщать, дѣлать наведенія и проч. Но все это въ области замѣчаемой если не всѣми, то хоть однимъ чувствомъ. Что до химіи, то у ней кислородъ, водородъ, азотъ — самыя тонкія, тоньше ихъ нѣтъ, — не имѣютъ ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса, но все же они не суть незамѣчаемы. Она ихъ добываетъ, закупориваетъ въ банки, взвѣшиваетъ, соединяетъ, опредѣляетъ паи, въ какихъ они съ какимъ веществомъ соединяются и проч. Они въ ея рукахъ, подъ непрестанными ея замѣтками; она слѣдитъ за ихъ дѣйствіями всюду, и тѣмъ опредѣляетъ ихъ. Вообще же, предметъ ея — явленія, производимыя силою сродства. Слагала она и разлагала, и нашла 62 основныхъ элемента. Вотъ ея область! Чтò за предѣлами сего, того химія не касается, о томъ она ни да, ни нѣтъ. Не потому ли и существованіе духовъ, какъ предъявляетъ авторъ нашъ, не противно химіи, что ей до нихъ дѣла нѣтъ? Будь они, не будь — ей все равно.

Далѣе нельзя не укорить нашего автора въ смѣшеніи понятій. Онъ смѣшалъ, и смѣшалъ совершенно незаконно, разложеніе тѣлъ въ неорганической природѣ, гдѣ химическіе процессы — полные господа, съ разложеніемъ тѣлъ органическихъ, гдѣ они состоятъ въ услугахъ у другой, наибольшей госпожи, которую зовутъ жизненнымъ началомъ. Эта госпожа сама есть прехитрый химикъ. Органическое тѣло у ней — лабораторія. Беретъ она химическіе же элементы, весьма немногіе впрочемъ, и изъ нихъ ухитряется устроить всѣ разнообразныя части, напрімѣръ, тѣла

человѣческаго. Какъ она это дѣлаетъ — для химіи непостижимо. Пока въ тѣлѣ эта госпожа, она держитъ всѣ свои издѣлія въ организмѣ въ своемъ видѣ и составѣ и не даетъ имъ разлагаться. Когда же она выйдетъ изъ тѣла, тогда части организма, лишась производящей ихъ и поддерживающей жизнедѣятельности, подчиняются внѣшнему вліянію воздуха, теплоты и влаги, и начинаютъ разлагаться на составляющіе ихъ элементы. Отдѣленіемъ жизненнаго начала не совершается разложеніе; ибо это начало не есть стихійная часть организма, а есть производящая и поддерживающая его сила. По исходѣ этой силы, тѣло все остается цѣлымъ въ своемъ составѣ; но такъ какъ оно остается самому себѣ, остается безъ охраны и поддержки, то и начинаетъ разлагаться. Разложеніе тутъ только и начинается. Исходъ же жизненнаго начала не есть разложеніе, а только дарованіе свободы и простора разлагающимъ процессамъ. Вотъ тутъ-то и начинаютъ выдѣляться стихійныя части тѣла и совершаться разложеніе. Вотъ тутъ-то собственно и вступаютъ въ силу химическіе законы; въ исходѣ же жизненнаго начала они не участвуютъ: то — невѣдомая для нихъ область. Въ неорганической природѣ другое дѣло. Здѣсь не предшествуетъ разложенію исходъ какого либо высшаго начала, а прямо самый актъ отдѣленія какого либо элемента есть разложеніе, за которымъ тѣло тотчасъ пропадаетъ. Нагрѣвайте (Физика Писаревскаго, ч. 1, стр. 539 и д.) смѣсь сѣры и ртути, — выйдетъ киноварь, тѣло химически составленное. Положите въ киноварь желѣзо и нагрѣвайте, — сѣра соединится съ

желѣзомъ, а ртуть отдѣлится, и киновари не станеть. Это въ самый актъ отдѣленія составныхъ частей. А тамъ не такъ: жизненное начало отойдетъ, а тѣло остается цѣло, какъ было.

Послѣдній примѣръ подаеть поводъ къ слѣдующему замѣчанію. Состоящіе въ химическомъ соединеніи элементы каждый теряетъ свои природныя свойства, и изъ соединенія ихъ слагается совсѣмъ новое тѣло, непохожее ни на тотъ, ни на другой элементъ. Если душа химически соединена съ тѣломъ; то она тутъ не душа, а становится душею только по выходѣ изъ тѣла. Какъ же мы зовемъ ее душею? Если же она здѣсь въ химическомъ соединеніи съ организмомъ; то, по освобожденіи изъ него, уже не душа, а другое что-то. Новому ученію слѣдовало бы озаботиться дознаніемъ ея собственнаго имени, по выходѣ изъ тѣла?

Приложу и еще одно. Автору нашему кажется, что душа становится отвлеченіемъ какимъ-то, когда признають ее духовною. Нѣтъ, признавая ее духовною, мы никакъ не думаемъ, что она есть какая либо идея, а есть дѣйствительная сила, реально существующая. Отдѣленіе ея отъ тѣла производитъ вліяніе на организмъ потому, что она оживляетъ тѣло. Отходить душа, — жизни уже нѣтъ. Чтобъ отдѣленіемъ своимъ произвести ей такое дѣйствіе на организмъ, для этого нѣтъ никакой нужды быть ей вещественною, и тѣмъ менѣе состоять въ химическомъ сродствѣ и союзѣ съ организмомъ.

Чтобъ отвѣять эти непріятныя помышленія о душѣ, наводимыя новымъ ученіемъ, привожу слова св. Григорія Нисскаго о душѣ и ея отношеніи къ тѣлу.

Вотъ что говоритъ онъ о душѣ: «Душа есть сотворенная сущность, сущность живая, разумная, органическому и чувствительному тѣлу *сообщающая собою жизненную и воспріемающую чувственную силу, до тѣхъ поръ, пока способное къ пріятію сего естество оказывается состоятельнымъ*» (ч. 4, стр. 214).

Это онъ говоритъ о душѣ, пока она въ тѣлѣ. Что же происходитъ, когда она выходитъ изъ тѣла?

«Когда... эта жизненная причина, которая находилась нѣкогда въ тѣлѣ, вдругъ дѣлается невидимою и непримѣтною, подобно тому, какъ въ погашенномъ свѣтильникѣ горѣвшій дотолѣ пламень; тогда, по расторженіи сродства стихій, въ тѣлѣ, въ каждой изъ нихъ происходитъ стремленіе къ состоящему съ нею въ свойствѣ, такъ какъ самое естество стихій, по какому-то необходимому влеченію, возвращаетъ однородному свойственное ему...» (тамже, стр. 206).

Если таково слѣдствіе отдѣленія души отъ тѣла, то не есть ли потому она сама стихія тѣлесная?

Нѣтъ, душа «существуетъ сама по себѣ, особымъ естествомъ, отличнымъ отъ тѣлесной дебелости. Она невещественна, безплотна, дѣйствуетъ и движется сообразно съ своею природою, и свойственныя ей дѣйствія обнаруживаетъ тѣлесными органами. *Органическое устройство тѣла въ полной мѣртви тоже и въ умершихъ; но остается неподвижнымъ и*

бездѣятельнымъ, по отсутствію въ немъ душевной силы (Тамже, стр. 212 и д.).

Желалось бы знать, какъ же она существуетъ въ тѣлѣ?

«Умъ (душа, духъ) у насъ не заключается въ какихъ либо частяхъ, а равно есть во всѣхъ и по всѣмъ, и не объемля ихъ отвнѣ, и не содержась внутри ихъ. Общеніе же ума съ тѣлеснымъ составомъ состоитъ въ какомъ-то невыразимомъ и недомыслимомъ соприкосновеніи; оно и не внутри происходитъ, потому что безтѣлесное не удерживается тѣломъ; и не объемлетъ отвнѣ, потому что безтѣлесное не окружаетъ собою чего либо. Напротивъ того, чуднымъ и недомыслимымъ какимъ-то способомъ умъ, приближаясь къ естеству и соприкасаясь съ нимъ, примѣчается и въ немъ и около него, но не въ немъ возсѣдая и не объемля его собою, а такъ, что сего сказать или представить умомъ — невозможно» (ч. I, стр. 135).

Нельзя оставить безъ замѣчанія и послѣднихъ словъ этого скорбнаго отдѣла умствованія новаго ученія, гдѣ говоритъ оно о химіи и математикѣ. «Эти науки, отдѣливъ Бога отъ тварей безконечною разницею, какъ бы отворяютъ дверь вѣрѣ, объясняя необходимость Откровеннаго богопознанія. Отвергнуть его онѣ не могутъ, по причинѣ признаннаго ими всемогущества Божія и независимости дѣйствій Его отъ сужденія человѣческаго» (Пр. 46).

Химія и математика отодвинули идею о Богѣ подалше, чтобъ совсѣмъ обойтись безъ Бога. Помышленіе о Богѣ онѣ забросили за себя назадъ. Химія не знаетъ ничего, кромѣ вещества; математика

тоже, въ приложеніяхъ своихъ выкладокъ, все упираетъ только на вещественное. Плохіе онѣ руководители къ вѣрѣ въ Бога! Не отворяютъ, а затворяютъ они эту дверь. Къ нимъ точь въ точь идетъ то, что св. Григорій Нисскій говоритъ объ Епикурѣ, что «предѣломъ естества существъ было у него видимое, и мѣрою постиженія вселенной полагалъ онъ ощущеніе, совсѣмъ смѣживъ чувствовалище души и не имѣя возможности обратить взоръ на что либо умственное и безплотное, какъ заключенный въ какой либо хижинѣ, остается невидящимъ небесныя чудеса, потому что стѣны и потолокъ препятствуютъ ему видѣть то, что внѣ хижины. Ибо все чувственное, что только усматривается во вселенной, подлинно, есть какая-то земляная стѣна, которая людямъ несильнаго ума преграждаетъ собою путь къ воззрѣнію на умственное. Таковой видитъ только землю, воду, воздухъ и огонь; а откуда каждая изъ сихъ стихій, или въ чемъ она состоитъ, или чѣмъ содержится въ своемъ мѣстѣ, не можетъ этого усмотрѣть, по низости ума. И хотя иной, увидѣвъ одежду, заключаетъ о ткачѣ, по кораблю уразумѣваетъ кораблестроителя, и, со взглядомъ на зданіе, въ мысли зрителя представляется рука здателя; однакожь они, взирая на міръ, остаются слѣпыми для усмотрѣнія Того, Кого онъ указываетъ» (ч. 4, стр. 208). Вотъ чего ожидать надо отъ этихъ наукъ! Особенно химія воткнулась въ стихіи, и гдѣ ей приподнять голову, чтобъ воззрѣть на небо! Есть у меня стихіи, говоритъ она, да законъ сродства; — чего жъ еще хотѣть? Ни въ какой сторонней силѣ не имѣю я нужды. Благочестивый химикъ и

математикъ, изумляясь, какъ все премудро устроено мѣрою, вѣсомъ и числомъ, будетъ тѣмъ возгрѣвать въ себѣ религиозное чувство: но самыя науки, какъ науки, въ производствахъ своихъ работъ совершенно обходятся безъ помышленія о Богѣ. «Бога отвергнуть они не могутъ»: отъ чего же это нынѣ, съ преобладаніемъ направленія къ естествовѣдѣнію, развилось охлажденіе къ вѣрѣ въ Бога и Его промышленіе? Отъ того, что науки эти не хотятъ знать могущества Божія. Для нихъ ничего нѣтъ могущественнѣе законовъ природы. Идею о Богѣ отодвинули онѣ въ сторону. Вмѣстѣ съ ними ревнуетъ о томъ же и новое ученіе. Поведеть ли это къ чему либо доброму?

До сихъ поръ мы разсматривали новое ученіе въ его основаніяхъ, слѣдили за тѣмъ, какъ оно само себя развивало. Станемъ теперь съ нимъ лицомъ къ лицу и обсудимъ его по составу, въ которомъ оно сформировалось, и по тому положенію, въ которомъ выразилось.

Такимъ образомъ, прежде всего: согласно ли оно само съ собою и не противорѣчитъ ли себѣ? Далѣе, если принять его, какъ предположеніе для объясненія извѣстнаго круга явленій, то объясняетъ ли оно эти явленія? Отвѣтъ на первый вопросъ несложенъ. Новое ученіе говоритъ: «душа и ангелъ — полное тѣло, имѣющее весь образъ человѣка, голову, волосы, лицо, очи, уши, перси, руки, ноги». Чтобъ это разнообразіе частей могло имѣть мѣсто, и чтобы эти части отличались сами въ себѣ одна отъ другой и были отличаемы другими совнѣ, необходимо допустить въ

составѣ ихъ различіе элементовъ. Составъ глаза долженъ отличаться отъ состава руки и ноги и проч. Если такъ; то эти тѣла-души не могутъ состоять изъ одного ээира, какъ полагаетъ нашъ авторъ, ибо ээиръ признается самою простою изъ всѣхъ міровыхъ стихій, который самъ по себѣ не можетъ дать разнообразія составныхъ частей, для образованія души-тѣла въ цѣломъ ея видѣ.

Можно придумать и другія тонкія вещества, подобныя ээиру по тонкости, но разныя по свойствамъ, чтобъ составить душу. Но тогда все же нельзя сказать, что душа проста и несложна, а должно признать ее многосоставнымъ организмомъ, хотя бы то и тонкимъ.

Согласится ли новое ученіе дополнить себя этимъ положеніемъ? Если согласится, — а не согласится едва ли можно — то должно согласиться вмѣстѣ съ тѣмъ, что душа-тѣло не изъ ээира только, или сознаться въ своей несостоятельности.

Такимъ образомъ, существо духа необходимо требуетъ разнообразія стихій въ составѣ души-тѣла, хотя бы то наитончайшихъ. Ставъ на эту точку, мы спрашиваемъ: кто организаторъ этихъ разнообразныхъ частей стихій — тонкихъ и ээиро-образныхъ? Кто держитъ ихъ въ цѣлости и единообразномъ соотношеніи? Вѣдь долженъ же кто нибудь?! Въ организмѣ тѣла нашего все исходитъ изъ одной центральной силы жизненной и ею все хранится; такая же сила должна быть присуща и организму души-тѣла. Если не допустить такого организатора; то придемъ къ мысли, что всѣ части души-тѣла не состоятъ въ

жизненномъ взаимномъ сочетаніи, а такъ, приставлены одна къ другой. Отсюда, далѣе, все станетъ непонятно и затемнится — и движеніе, и чувство, и всякое дѣйствіе, даже въ самомъ простомъ его видѣ.

Признаетъ ли новое ученіе необходимость и этого дополненія? Если признаетъ, — а не признать нельзя, — то должно измѣнить свое главное положеніе, будто душа есть тонкій эѳирный образъ видимаго человѣка, и больше ничего.

Можно бы идти дальше, допытываясь, кто организаторъ организма души, — тѣло ли въ тѣлѣ, или другое нѣчто, — но оставляемъ это, ибо стоитъ только взглянуть на душу, какъ изображается она новымъ ученіемъ, чтобъ убѣдиться, что ученіе это невѣрно и что оно разоряетъ само себя.

Обращаемся ко второму вопросу. Придумываемое новымъ ученіемъ положеніе объясняетъ ли кругъ явленій, для объясненія которыхъ придумано? Душа есть источникъ и причина внутренней нашей жизни, слагающейся изъ мыслей, желаній, чувствъ, изъ дѣйствій свободы, страха Божія и совѣсти, и сконцентрированной въ сознаніи, изъ котораго исходить, какъ изъ фокуса. Вотъ душа, вышедшая изъ тѣла и стоящая предъ вами въ формѣ видимаго человѣка со всѣмъ разнообразіемъ частей тѣла его, и дѣйствующая подобно ему. Въ цѣломъ все это есть душа, мыслящая, свободно дѣйствующая, себя сознающая. Если всякое дѣйствіе исходить отъ души и душою пріемлется, а душа вся въ цѣломъ; то всякое дѣйствіе должно исходить отъ всего и во всемъ

отражаться. Мыслить должна не одна часть, а все тѣло-душа сознавать тоже; равно и дѣйствіе совнѣ должна принимать тоже вся душа-тѣло, а не часть ея какая. Такъ ли это? Едва ли! Вѣрно и у ней, какъ обыкновенно у человѣка, смотреть только глазъ, слышать только ухо, говорить только языкъ, и мысль только въ головѣ. Отсюда строится прямое заключеніе, что вѣрно есть въ душѣ-тѣлѣ нѣкто смотрящій глазомъ, слышащій ухомъ, дѣйствующій рукою, принимающій вопросъ и отвѣчающій, и проч.; есть, то есть, въ этомъ многосоставномъ организмѣ, душѣ-тѣлѣ, завѣдывающее всѣми дѣйствіями лицо которое видитъ, слышитъ, соображаетъ, и все дѣлаетъ, что душа воображается дѣлающею. Спрашивается: кто же это одно лицо?

Если все тѣло въ цѣломъ; то какъ это лицо единично, когда такъ разнообразень составъ тѣла? Если одна часть; то, поелику сознание есть характеристическая черта души, то та часть и будетъ душою, а не все тѣло. Если оно есть слѣдъ гармоніи всего тѣла; то душа исчезаетъ, а предъ нами непостижимѣйшій автоматъ.

Такимъ образомъ, само собою выходитъ, что этимъ лицомъ, сознающимъ себя, свободно дѣйствующимъ, мыслящимъ, желающимъ и чувствующимъ, никакъ не можетъ быть само тѣло-душа, а должно быть нѣчто пребывающее внутри этого тѣла, такъ что тѣло-душа будетъ для него только органомъ и жилищемъ.

Опять вопросъ: чтожь это такое?

На этотъ разъ мы имѣемъ отвѣтъ отъ самаго ученія, уже слышанный нами. Это, изволите видѣть, есть «способность души человѣческой, которую мудрые

назвали силою словесности, собственно духомъ, куда отнесли не только способность мыслить, но и способность къ ощущеніямъ духовнымъ, каковы ощущеніе высокаго, ощущеніе изящнаго, ощущеніе добродѣтели. Въ этомъ отношеніи значеніе словъ *душа* и *духъ* весьма различно»⁽⁶⁰⁾.

Но, получивъ такой отвѣтъ, мы не въ свѣтъ вступаемъ, а покрываемся туманомъ неопредѣленности; ибо извѣстно, что главная мысль новаго ученія та, что душа есть эѳирное тѣло въ образѣ человѣка, и болѣе ничего. Здѣсь же является въ душѣ-тѣлѣ духовная способность, и притомъ не единичная, а совокупность многихъ способностей, высшихъ и характеристическихъ въ жизни человѣка, подъ именемъ духа, который признанъ вполне различнымъ отъ души. Положеніе, явно не мирящееся съ главнымъ положеніемъ и разрушающее его. Можно бы тотчасъ заключить: такъ, стало быть, душа есть духъ, облеченный эѳирнымъ тѣломъ? Но это буквально отрицается новымъ ученіемъ. Вотъ что и оставляетъ насъ въ нерѣшимомъ недоумѣніи! Вѣрно новое ученіе еще не уговорилось само съ собою и не установило своей особенности выражаться, сообразно съ духомъ своимъ, очевидно, очень исключительнымъ: потому-то вопросъ что это за способность — такъ таки и остается нерѣшеннымъ, а рѣшить его надобно.

Беремъ новое ученіе на томъ пунктѣ, что въ душѣ — эѳирномъ тѣлѣ есть способность мыслить, или, вообще, есть способность къ проявленію духовныхъ дѣйствій.

⁽⁶⁰⁾ Приб. къ Слову о см. стр. 42.

Спрашивается: тѣлу ли эѳирному, вещественному, дана способность, или въ это эѳирное тѣло внѣдрена отличная отъ вещества сила, и сила невещественная, духовная, духъ? Но первое немыслимо: способность мыслить такъ несовместима съ веществомъ, какъ огонь съ водою. Еслибы кто сталъ увѣрять, что Богъ даровалъ веществу способность мыслить, то и на этомъ нельзя успокоиться; ибо и Богъ не силенъ сотворить то, что само себѣ противорѣчитъ. Веществу нельзя дать способность мыслить, какъ только претворивъ его въ духъ невещественный. Въ тотъ моментъ, когда вещество стало бы мыслить, оно должно перестать быть веществомъ. Такимъ образомъ, слѣдуя естественному ходу совопросническаго изслѣдованія, надо признать, что способность мыслить не можетъ принадлежать самой душѣ-тѣлу, и ужъ конечно ни всему тѣлу, ни части его, и, вообще, ничему въ ней вещественному, а должна быть въ ней особою духовною силою, отличною отъ тѣла-души. Этимъ выводомъ и разоряется новое ученіе.

Но у него и при этомъ еще остается убѣжище: оно можетъ сказать, что признаетъ душу — эѳирное тѣло субстанціей, и въ этой субстанціи созерцаетъ содержимую ею особую силу, которая и производитъ всѣ духовныя явленія, замѣчаемыя въ душѣ. Но удержитъ ли вещество эту духовную силу? Способно ли оно совладать съ нею? Едвали. Это будетъ алмазь въ глиняной оправѣ. Ктому же, если душа-тѣло держитъ эту способность, то она — госпожа, а сила та — слуга ей, то есть, мыслящее будетъ въ подчиненіи немыслящему,

свободное — несвободному, сознающее себя — безсознательному, приснодвижный духъ — неподвижному тѣлу. Какъ это не въ порядкѣ вещей, объ этомъ училъ уже насъ св. Максимъ Исповѣдникъ. И опять гдѣже правда мысли? Если характеристическія черты внутренней нашей жизни суть духовныя проявленія, то, относя все внутреннее къ душѣ, надлежитъ саму душу опредѣлять по этимъ чертамъ, или видѣть ее тамъ, откуда исходятъ духовныя проявленія. Если онѣ исходятъ изъ допущенной духовной силы или способности, то должно и считать ее душою, господственною частію тѣла, что составляетъ отличительную черту человѣка, или дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, и душу душою, и то, что воображается подъ видомъ тонкаго эѳирнаго тѣла, счесть подчиненнымъ ему органомъ, то есть, правда мысли требуетъ — перенести господство отъ души-тѣла эѳирнаго къ допускаемой въ ней способности къ духовнымъ дѣйствіямъ, названной духомъ, и признать этотъ послѣдній субстанціей души, а тѣло-эѳиръ — придаткомъ, органомъ, жилищемъ. Такими всегда и представляются и душа отшедшая и ангель явившійся. Внѣшнее признается органомъ. Дѣйствующее же лицо видится внутри; оттуда оно распоряжается и господственно.

Еслибъ новое ученіе рѣшилось такъ умствовать; то сейчасъ же можно было бы намъ сложить оружіе брани. Но какъ оно стоитъ на своемъ; то и нельзя протянуть къ нему руку примиренія, или перестать укорять его въ круговой несостоятельности.

Такимъ образомъ, прямымъ путемъ мысль доходить къ допущенію духа хотъ бы то и въ тѣлѣ эѳирномъ. Можно бы дальше идти, чтобъ довести дѣло до отрѣшенія духа отъ этой оболочки: но останавливаемся здѣсь. Намъ только нужна увѣренность въ томъ, что сознающее себя въ насъ и мыслящее есть духъ. Новое ученіе покушается увѣрить, что, кромѣ эѳирнаго тѣла, которое, по его мысли, есть душа и ангелъ, ничего нѣтъ. Во всей совокупности тварей духа нѣтъ. Духъ только одинъ Богъ.

Только Богъ — духъ... но когда въ совокупности тварныхъ явленій есть явленія духовныя: то чтожь это — безсубъектныя что ли явленія, блуждающіе метеоры, или они имѣютъ свой субъектъ? Если необходимо имъ имѣть субъектъ, изъ коего исходятъ, а между тварями нѣтъ такого субъекта, ибо онѣ всѣ признаны вещественными, неспособными къ духовнымъ проявленіямъ; то субъекта такого надо искать за предѣлами тварей, и, конечно, въ Творцѣ. Но совокупность духовныхъ, извѣстныхъ намъ, явленій вся ли такова, чтобъ ее можно было безъ смущенія всю относить къ Творцу, какъ къ причинѣ? Такимъ образомъ, даже благоговѣніе къ пречистому и всесовершенному творческому естеству должно привести насъ къ признанію между тварями конечныхъ духовъ.

Этими немногими соображеніями мы и заключимъ наше сильное бореніе съ новымъ ученіемъ, въ полномъ желаніи, чтобъ оно одно осталось безъ

субъекта, и исчезло, какъ исчезаютъ вдали блуждающіе
огни, не оставляя замѣтнаго слѣда.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

**1 ДУША И АНГЕЛЬ — НЕ ТѢЛО, А ДУХЪ.
РАННЯЯ РЕДАКЦІЯ
(Стр.)**

Источники текста:

1) Душа и Ангель — не тѣло, а духъ // Тамбовские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1867. № 19. 1 Октября. С. 239—258; № 20. С. 263—299; № 21. 1 Ноября. С. 307—328; 15 Ноября. № 22. С. 353—363; № 23. 1 Декабря. С. 377—404; ТЕВ. 1868. № 1. [1 Генваря.] С. 13—38; № 2. [15 Генваря.] С. 51—70; № 3. 1 Февраля. С. 73—88.

2) То же, 1868. (Душа и Ангель — не тѣло, а духъ. Противъ брошюръ: «Слово о смерти» и «Прибавленіе къ Слово о смерти». Тамбовъ: Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, 1867. (Перепечатано изъ Тамбов. Епарх. Вѣдом.). 182 [III] с.)

Текст печатается по прижизненной редакціи 1867 г. в оригинальной орфографіи и пунктуациі со следующими исправленіями:

Стр. . «разговоръ мой со старцемъ» вместо: «разговоръ мой» (ред. испр.)

Стр. . «привель въ подтвержденіе своихъ мыслей» вместо: «приводить въ подтвержденіе своихъ мыслей» (ред. испр.)

Стр. . «по ихъ мнѣнію» вместо: «по его мнѣнію» (исправлено по 1867)

Стр. . «тамъ много и такого» вместо: «такъ много и такого» (ред. испр.)

Стр. . «Но этому противорѣчить» вместо: «По этому противорѣчить» (исправлено по 1867)

Стр. . «суть матеріальны и тѣлесны» вместо: «суть матеріальны и телѣсны» (ред. испр.)

Стр. . «Theologica summa» вместо: «Theologia summa» (ред. испр.)

Стр. . «къ чему онѣ идутъ» вместо: «къ чѣму онѣ идутъ» (ред. испр.)

Стр. . «научающее разуму, поучаетъ» вместо: «научающее, поучаетъ» (ред. испр.)

Стр. . «такими одаренный качествами» вместо: «такими одаренъ качествами» (ред. испр.)

Стр. . «онѣ былъ въ какомъ либо смыслѣ вещественъ» вместо: «онѣ былъ въ какомъ либо смыслѣ веществомъ» (ред. испр.)

Стр. . «Марій Викторинъ» вместо: «Марій Викторій» (ред. испр.)

Стр. . «штофъ — крафтъ» вместо: «штафъ — крафтъ» (ред. испр.)

Стр. . «не разобравши хвалыши ихъ» вместо: «не разобравши хваленій ихъ» (ред. испр.)

Стр. . «развестъ всю эту чащу» вместо: «развестъ всю эту кашу» (ред. испр.)

Стр. . «Греческою церковію» вместо: «Гречскою церковію» (исправлено по 1867)

Стр. . «достоинство непреложной истинности» вместо: «достоинство непрерывной истинности» (ред. испр.)

Стр. . «нынѣ пригодный къ дѣлу» вместо: «нынѣ употребленный къ дѣлу» (ред. испр.)

Стр. . богословію съ утвержденія Св. Синода должно было вѣровать» вместо: богословіе съ утвержденія Св. Синода должно было вѣровать» (ред. испр.)

Стр. . «объ Ангелахъ въ немъ говорится не то» вместо: «объ Ангелахъ не то» (ред. испр.)

Стр. . «вѣровала противно тому» вместо: «вѣровала противному» (ред. испр.)

Стр. . «На дѣлѣ же такъ есть» вместо: «На дѣлѣ же и такъ есть» (ред. испр.)

Стр. . «Таковы были» вместо: «Таковы бѣли» (исправлено по 1867)

Стр. . «преподобные Антоній и Макарій» вместо: «преподобные Игнатій и Макарій» (ред. испр.)

Стр. . «какой отъ нихъ ожидаютъ» вместо: «какой отъ нихъ ожидается» (ред. испр.)

Стр. . « за указаніями ученія церкви обращаются » вместо: «за указаніямъ ученія церкви обращаются » (исправлено по 1867)

Стр. . «de comm. ess. Patris» вместо: «de commess. Patris» (ред. испр.)

Стр. . « усвояющая Ангеламъ тѣлесность » вместо: «усвояющая Ангелахъ тѣлесность» (ред. испр.)

Стр. . «поступила самочинно» вместо: «поступила самолично» (ред. испр.)

Стр. . «тѣлесными очами Отца» вместо: «тѣлесными очами тѣло Отца» (ред. испр.)

Стр. . «гдѣ видимъ оба способа» вместо: «гдѣ видитъ оба способа» (ред. испр.)

Стр. . «разгоряченною въ горячей водѣ рукою» вместо: «разгоряченную въ горячей водѣ рукою» (ред. испр.)

Стр. . «суть существа мысленныя» вместо: «суть вещества мысленныя» (ред. испр.)

Стр. . «у челоуѣка (стр. 13 Сл. о смер.).

“Если» вместо: «Стар. 13 сл. о Смерти. “Если» (ред. испр.)

Стр. . «онъ не признаетъ Ангеловъ» вместо: «онъ и признаетъ Ангеловъ» (ред. испр.)

Стр. . «чтобъ очерчивались здѣсь» вместо: «чтобъ очертывались здѣсь» (ред. испр.)

Стр. . «провѣрить мысль св. Дамаскина 3) въ сличеніяхъ» вместо: «провѣрить мысль св. Дамаскина въ 3 сличеніяхъ» (ред. испр.)

Стр. . «*Θεοдорита, Максима Исповѣдника*» вместо: «*Θεοдорита Исповѣдника*» (ред. испр.)

Стр. . «вы записывайте; мои замѣтки въ текстъ очерчивайте» вместо: «вы записывайте мои замѣтки въ текстъ, очерчивайте» (ред. испр.)

Стр. . «Стр. 51» вместо: «Стр. 5» (ред. испр.)

Стр. . «все водится неумолимымъ закономъ» вместо: «все видится неумолимымъ закономъ» (ред. испр.)

Стр. . «приводить въ движеніе» вместо: «приводить въ движеніи» (исправлено по 1867)

Стр. . «душа — тѣло, эѳиръ» вместо: «душа и тѣло — эѳиръ» (ред. испр.)

Стр. . «Вотъ и не удержаться, что бы чаще имъ не повторять» вместо: «Вотъ и не удержаться, что чаще ихъ не повторять» (исправлено по 1867)

Стр. . «сл. 6 стр. 229» вместо: «гл. 6 стр. 229» (ред. испр.)

Стр. . «что же опять его движетъ» вместо: «что же опять его движеніе» (ред. испр.)

Стр. . «А симъ Богъ показаль» вместо: «А самъ Богъ показаль» (ред. испр.)

Стр. . «Восхотѣвъ и сіе показать» вместо: «Восхотѣль и сіе показать» (ред. испр.)

Стр. . «какъ онъ смотритъ» вместо: «какъ онъ онъ смотритъ» (ред. испр.)

Стр. . «всего вообще ученія» вместо: «всего вообщи ученія» (исправлено по 1867)

Стр. . «но какъ онъ смотритъ» вместо: «но какъ онъ онъ смотритъ» (ред. испр.)

Стр. . «соединеніе Божества съ человѣчествомъ» вместо: «соединеніе Божества въ человѣчествомъ» (ред. испр.)

Стр. . «Онъ вполстасно воплощается» вместо: «Онъ вполсно воплощается» (ред. испр.)

Стр. . «приблизить къ уразумѣнію» вместо: «приблизить въ уразумѣнію» (ред. испр.)

Стр. . «членами своими къ членамъ ея прилагается» вместо: «членомъ своимъ къ члену ея прилагается» (ред. испр.)

Стр. . «Но избавимъ ее отъ сего труда» вместо: «Но избавилъ ее отъ сего труда» (исправлено по 1867)

Стр. . «въ 1-мъ том.» вместо: «6-й гл.» (ред. испр.)

Стр. . «умосозерцаемыхъ тварей» вместо: «умосозерцательныхъ тварей» (ред. испр.)

Стр. . «значить грѣшить» вместо: «значить грѣшнить» (ред. испр.)

Стр. . «мѣсто о природѣ души» вместо: «мѣсто природѣ души» (ред. испр.)

Стр. . «кровь его душа его есть» вместо: «кровь его души его есть» (ред. испр.)

Стр. . «Еван. отъ Лук.» вместо: «Евр. отъ Лук.» (ред. испр.)

Стр. . «нежели какъ выписки» вместо: «нежели дѣлали выписки» (ред. испр.)

Стр. . «воспріемлющую чувственное силу» вместо: «воспріемлющую чувственную силу» (ред. испр.)

Стр. . «что есть умъ-душа» вместо: «что есть умъ-души» (ред. испр.)

Стр. . «(таже стр.) отрицая» вместо: «таже стр. (отрицая» (ред. испр.)

Стр. . «что ея вовсе нѣтъ? — отвѣчается» вместо: «что его вовсе нѣтъ? — отвергается» (ред. испр.)

Стр. . «по естеству не имѣетъ никакой нужды» вместо: «по сестеству не имѣетъ никакой нужды» (ред. испр.)

Стр. . «освѣщающими земные пути» вместо: «освѣщающему земные пути» (ред. испр.)

Стр. . «видѣтъ разрѣшеніе» вместо: «видѣтъ разрѣшеіе» (ред. испр.)

Стр. . «Такъ видимъ» вместо: «Такъ видишь» (ред. испр.)

Стр. . «чтобъ имѣть право» вместо: «чтобъ имѣть права» (ред. испр.)

Стр. . «второю же» вместо: «а второю же» (ред. испр.)

Стр. . «Богъ во первыхъ» вместо: «Богъ во вторыхъ» (ред. испр.)

Стр. . «конечнымъ духамъ по дару» вместо: «конечнымъ по дару» (ред. испр.)

Стр. . «по дару единаго Духа безконечнаго» вместо: «по дару единаго Духа безкочнаго» (ред. испр.)

Стр. . «сроднымъ Ему тварямъ» вместо: «сродными Ему тварями» (ред. испр.)

Стр. . «Самъ Возстановитель» вместо: «Самъ Востановитель» (ред. испр.)

Стр. . «и наводитъ, что духовность» вместо: «и что духовность» (ред. испр.)

Стр. . «чѣмъ отрицается» вместо: «чѣмъ и отрицается» (ред. испр.)

Стр. . «поимѣлось сіе послѣднее въ мысли» вместо: «поимѣлось бы сіе послѣднее въ мысли» (ред. испр.)

Стр. . «Все такъ выходитъ» вместо: «Все таки выходитъ» (ред. испр.)

Стр. . «оформленное протяженное вещество» вместо: «форма протяженнаго вещества» (ред. испр.)

Стр. . «сила созерцающая существующее» вместо: «сила созерцающая, существующая» (ред. испр.)

Стр. . «А тебя уловишь» вместо: «А тебя уловить» (ред. испр.)

Стр. . «Выписанная сентенція» вместо: «Выписываемая сентенція» (ред. испр.)

Стр. . «Какъ она это дѣлаеть» вместо: «Какъ оно это дѣлаеть» (ред. испр.)

Стр. . «остається неподвижнымъ и бездѣятельнымъ» вместо: «остається неподвижнымъ и дѣятельнымъ» (ред. испр.)

Варианты

Стр. . «на то наводятъ слѣдующіе слова» (1867) / «на это наводятъ слѣдующіе слова» (ТЕВ)

Стр. . «именно приведенными и уже у насъ мѣстами» (1867) / «именно приведенныя и уже у насъ мѣстами» (ТЕВ)

Стр. . «Въ воскресеніи... яко Ангели» (1867) / «Въ воскресеніи... но яко Ангели» (ТЕВ)

Стр. . «все просмотрѣли о мѣстахъ Писанія» (1867) / «все просмотрѣли о мѣстѣ Писанія» (ТЕВ)

Стр. . «душа не есть не грубое только тѣло, но даже не эѣирное» (1867) / «душа не есть не грубое только тѣло, но даже эѣирное» (ТЕВ)

Стр. . «предоставьте его покровительству химіи» (1867) / «представьте его покровительству химіи» (ТЕВ)

Стр. . «на этихъ и подобныхъ имъ выраженіяхъ не останавливаемся» (1867) / «на этихъ и подобныхъ имъ выраженіяхъ не останавливаться» (ТЕВ)

**1 ДУША И АНГЕЛЪ НЕ ЕСТЬ НѢЧТО
ТѢЛЕСНОЕ, А ЧИСТЫЙ ДУХЪ.
ПОЗДНЯЯ РЕДАКЦІЯ**

(Стр.)

Источники текста:

1) Душа и Ангелъ не есть нѣчто тѣлесное, а чистый духъ // *Домашняя Бесѣда*. 1869. Вып. I. С. 5—11; Вып. 2. С. 38—43; Вып. 3. С. 66—71; Вып. 4. С. 89—93; Вып. 5. С. 124—128; Вып. 6. С. 153—157; Вып. 7. С. 177—182; Вып. 8. С. 209—213; Вып. 9. С. 240—243; Вып. 10. С. 262—265; Вып. 11. С. 283—286; Вып. 12. С. 300—302; Вып. 13. С. 322—323; Вып. 14. С. 346—351; Вып. 15. С. 383—389; Вып. 18. С. 488—491; Вып. 19. С. 524—529; Вып. 20. С. 550—558; Вып. 21. С. 574—577.

В начале текста в сноске: «Статья эта первоначально была напечатана въ «Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и издана отдѣльною книжкою. По нашей просьбѣ, она исправлена и дополнена самимъ высокоуважаемымъ авторомъ. Редакторъ»

2) Душа и Ангелъ не тѣло, а духъ. (Противъ брошюръ — Слово о смерти и прибавленіе къ сему слову.) Епископа Теофана. Москва: Типографія И. Ефимова, Больш. Якиманка, д. Смирновой, 1891. 211 с.

3) То же, 1902. (Душа и Ангелъ не тѣло, а духъ. (Противъ брошюръ — Слово о смерти и прибавленіе къ сему слову.) Епископа Теофана. Изданіе второе. Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря. Москва: Типо-Литографія И. Ефимова, Большая Якиманка, собственный домъ, 1902. 211 с.

4) То же, 1913. (Душа и Ангелъ не тѣло, а духъ. (Противъ брошюръ — Слово о смерти и прибавленіе къ сему слову.)

Епископа Θεοфана. Изданіе третіе. Аѳонскаго Русскаго Паптелеимонова монастыря. Москва: Типо-Литографія И. Ефимова, преем. И. С. Ефимовъ, Бол. Якиманка, соб. д., 1913. 211 с.

Текст печатается по прижизненной редакциии 1869 г. в оригинальной орфографіи и пунктуациии со следующими исправлениями:

Стр. «которая и есть душа, какъ бы особое духовное существо» *вместо:* «которая есть душа, какъ бы особое духовное существо» (исправлено по 1893, 1902, 1913)

Стр. «съ этимъ грубымъ тѣломъ, тѣломъ тонкимъ, эѳирнымъ» *вместо:* «съ этимъ грубымъ тѣломъ тонкимъ, эѳирнымъ» (исправлено по 1893, 1902, 1913)

Стр. «понятіе о невещественности ангеловъ, то есть, что она въ нихъ есть» *вместо:* «понятіе о невещественности ангеловъ, то есть, что оно въ нихъ есть» (исправлено по 1893, 1902, 1913)

Стр. «является Моисею въ купинѣ» *вместо:* «является Моисею къ купинѣ»

Стр. «быть не можетъ, чтобъ были духи между тварями, и ставить тварь на одну линію съ Богомъ» *вместо:* «быть не можетъ, чтобъ были духи между тварями, и ставить тварь на одну линію съ Богомъ» (исправлено по 1893, 1902, 1913)

Стр. «Внѣшнее признается органомъ» *вместо:* «Внѣшнее не признается органомъ» (исправлено по 1893, 1902, 1913)

Варианты

Стр. 7. «ДУША И АНГЕЛЬ НЕ ЕСТЬ НѢЧТО ТѢЛЕСНОЕ, А ЧИСТЫЙ ДУХЪ» (1869) / «ДУША И АНГЕЛЬ НЕ ЕСТЬ ТѢЛО» (1893, 1902, 1913)

Стр. 7. К словам: «НЕ ЕСТЬ ТѢЛО» сноска: «Статья эта первоначально была напечатана въ «Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и издана отдѣльною книжкою. По нашей просьбѣ, она исправлена и дополнена самимъ высокоуважаемымъ авторомъ. Редакторъ.» (1869)

Стр. 7. «мнѣніе о нѣкоторой тѣлесности» (1869) / «мнѣніе о тѣлесности» (1893, 1902, 1913)

Стр. 7. «въ пользу Пьерара, который твердитъ» (1869) / «въ защиту другаго спирита, который твердитъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 8. «душа и ангелъ — не тѣлесны, а духъ чистый» (1869) / «душа и ангелъ не тѣло, а духъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 9. После слов: «какъ бы одежды» сноска: «Стр. 11, Сл о см.» (1869) / После слов: «какъ бы одежды» сноска: «Сл. будетъ означать Слово о смерти; а пр. — прибавленіе къ слову о смерти. Стоящія же при нихъ цифры — страницы. Сл. 11 — значить Слово о смерти, стр. 11.» (1893, 1902, 1913). Далее ссылки на источник в 1869 даются в сносках, в поздних редакциях (1893, 1902, 1913) — в скобках в основном тексте.

Стр. 9. «нѣтъ другаго существа чисто духовнаго по естеству» (1869) / «нѣтъ другаго существа духовнаго по естеству» (1893, 1902, 1913)

Стр. 10. «Въ 10 и 20 выпискахъ Приб. къ сл. о см.» (1869) / «пр. 10 и 20 выписки, стр. 6 и 10» (1893, 1902, 1913)

Стр. 11. «По второму, духъ — не отвлеченность» (1869) / «По второму мнѣнію, духъ — не отвлеченность» (1893, 1902, 1913)

Стр. 11. После слов: «на міръ внѣшній.» следует: «Въ этомъ случаѣ духъ (душа), выходящій изъ тѣла по смерти человѣка, воздѣйствуетъ на тонкій эфиръ, служащій какъ бы субстратомъ всему вещественному міру, и въ области, гдѣ дѣйствуютъ духовныя существа, обнаруживаетъ слѣдъ свой свѣтовою полосою, не соединяясь физически съ веществомъ.

Тотъ же слѣдъ воздѣйствія сопровождаетъ всюду ангеловъ. Но когда они являются людямъ, то временно принимаютъ образъ, всегда почти человѣческой.» (1869)

Стр. 12. «въ первомъ, которое слабѣе, и во второмъ, которое есть настоящая истина, существенное» (1869) / «въ первомъ и во второмъ существенное» (1893, 1902, 1913)

Стр. 12. «а на это, въ ученіи о естествѣ души» (1869, 1893) / «а на этомъ, въ ученіи о естествѣ души» (1902, 1913)

Стр. 12—13. «Взглядъ нашего автора смѣлѣе, и это конечно, потому, что оно не ставило себя лицомъ къ лицу съ вопросомъ:» (1869) / «Взглядъ нашихъ брошюръ смѣлѣе, и это конечно, потому, что онѣ не ставили себя лицомъ къ лицу съ вопросомъ:» (1893, 1902, 1913)

Стр. 13. «тутъ дается маленькое ученіе» (1869) / «тутъ дается маленькое участіе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 15. «изложенный взглядъ идетъ противъ ученія» (1869) / «изложенный взглядъ брошюръ идетъ противъ ученія» (1893, 1902, 1913)

Стр. 15. «Оно никакъ не думаетъ, что отступаетъ отъ непреложной истины, а увѣрено, что истолковываетъ подлинно» (1869) / «Они никакъ не думаютъ, что отступаютъ отъ непреложной истины, а увѣрены, что истолковываютъ подлинно» (1893, 1902, 1913)

Стр. 15—16. «Оно держитъ такой тонъ, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ открываетъ» (1869) / «Они держатъ такой тонъ, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ открываютъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 16. «Словъ этихъ, говорить, не слѣдуетъ» (1869) / «Словъ этихъ будто не слѣдуетъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 17. «Выходить, что точно, какъ когда» (1869) / «Выходить, что какъ когда» (1893, 1902, 1913)

Стр. 18. «Открылъ ли мнѣніе автора въ томъ, что» (1869) / «Открыло ли новое ученіе въ томъ, что» (1893, 1902, 1913)

Стр. 18. «считалось духовнымъ — тѣлесность, — это покажетъ» (1869) / «считалось духовнымъ — тонкую тѣлесность, это покажетъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 19. «мы, говоритъ авторъ, обязаны» (1869) / «мы, говорятъ брошюры, обязаны» (1893, 1902, 1913)

Стр. 19. «которыми обстаиваетъ себя ученіе» (1869) / «которыми обставляетъ себя ученіе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 19. «къ соображеніямъ научнымъ ума» (1869) / «къ научнымъ соображеніямъ ума» (1893, 1902, 1913)

Стр. 20. «свидѣтельства буквально приводятся, но» (1869) / «свидѣтельства буквально приводятся въ брошюрѣ, но» (1893, 1902, 1913)

Стр. 20. «какихъ статья автора какимъ либо образомъ касалась» (1869) / «какихъ она какимъ либо образомъ касалась» (1893, 1902, 1913)

Стр. 21. «только свидѣтельства сихъ двухъ отцовъ» (1869) / «только свидѣтельства св. Іоанна Дамаскина и Макарія Вел.» (1893, 1902, 1913)

Стр. 22. «видѣть и въ ангелахъ.» (1869) / «видѣть и въ ангелахъ, когда они также именуются.» (1893, 1902, 1913)

Стр. 22. «ничего вещественнаго.» (1869) / «ничего вещественнаго, такъ ихъ называя.» (1893, 1902, 1913)

Стр. 23. «главное мѣсто, на которомъ думаетъ опереться» (1869, 1893, 1902) / «главное мѣсто, на которое думаетъ опереться» (1913)

Стр. 23. «положеніе ученія объ ангелахъ» (1869) / «положеніе ученія сего Отца объ ангелахъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 24. «отъ впечатлѣнія яркаго солнечнаго свѣта, воду теплою» (1869) / «отъ впечатлѣнія яркаго солнечнаго свѣта, и воду теплою» (1893, 1902, 1913)

Стр. 25. «Такъ точно должно толковать» (1869) / «Такъ точно слѣдуетъ толковать» (1893, 1902, 1913)

Стр. 25. «невидимо и безформенно» (1869) / «невидимо и безформно» (1893, 1902, 1913)

Стр. 27. «признаеть ангеловъ вещественными, потому и утверждаетъ» (1869) / «признаеть ангеловъ вещественными, — то и утверждаетъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 27. «протяженною въ высоту, длину и широту» (1869) / «протяженною въ высоту, длину и ширину» (1893, 1902, 1913)

Стр. 28. «чтобы принималъ образъ какой» (1869) / «чтобы принимать образъ какой» (1893, 1902, 1913)

Стр. 30. «Потому новое мнѣніе не можетъ указывать» (1869) / «Потому новое ученіе не можетъ указывать» (1893, 1902, 1913)

Стр. 32. «и потому останемся спокойно при своемъ мнѣніи» (1869) / «и останемся спокойно при старомъ мнѣніи» (1893, 1902, 1913)

Стр. 34. «первыхъ начатковъ христіанскаго богословія» (1869) / «первыхъ начатковъ христіанскаго вѣрованія» (1893, 1902, 1913)

Стр. 38. «пользоваться имъ надобно» (1869, 1893) / «пользоваться имъ надо» (1902, 1913)

Стр. 39. «Дошедши до послѣдняго его пункта» (1869) / «Дошедши до послѣдняго пункта» (1893, 1902, 1913)

Стр. 40. «говорится о прибытіи Духа» (1869) / «говорится о пріятіи Духа» (1893, 1902, 1913)

Стр. 42. «совокупляются во едино сіи великіе святители, ибо» (1869) / «совокупляются во едино, свидѣтельства великихъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго: ибо» (1893, 1902, 1913)

Стр. 42. «О всѣхъ мѣстахъ изъ св. отцевъ, приводимыхъ авторомъ» (1869) / «О всѣхъ мѣстахъ изъ св. отцевъ, приводимыхъ брошюрою» (1893, 1902, 1913)

Стр. 43. «ничего въ пользу мыслей автора» (1869) / «ничего въ пользу новаго ученія» (1893, 1902, 1913)

Стр. 44. «приводимое авторомъ статей мѣсто изъ Василия Великаго не его мысль» (1869) / «приводимое авторомъ статей мѣсто изъ Василия Великаго не ихъ мысль» (1893, 1902, 1913)

Стр. 45. Сноска: «Бесѣд. 1, стр. 7» (1869) / «Бесѣд. 1 на шестодневъ, стр. 7, 8» (1893, 1902, 1913)

Стр. 55. «что есть нѣчто другое, сродное Богу» (1869) / «что нельзя допускать, чтобъ было что-либо другое, сродное Богу» (1893, 1902, 1913)

Стр. 57. «изъ персти и дыханія созданъ» (1869) / «изъ персти и дуновенія созданъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 59. «Авторъ желаетъ, чтобъ» (1869) / «Брошюра желаетъ, чтобъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 59. «Второе свидѣтельство Златоуста (тамъ же стр. 32) изъ 22 бесѣды на кн. Бытія, приведено не словами Златоуста» (1869, 1893) / «Второе свидѣтельство св. Златоуста (тамъ же стр. 32) изъ 22 бесѣды на кн. Бытія, приведено не словами св. Златоуста» (1902, 1913)

Стр. 60. «въ противность мнѣнію автора» (1869) / «въ противность новому ученію» (1893, 1902, 1913)

Стр. 60. «а Златоустъ говоритъ совсѣмъ другое» (1869, 1893) / «а св. Златоустъ говоритъ совсѣмъ другое» (1902, 1913)

Стр. 61. «явленіе ангеловъ не по мыслямъ автора» (1869) / «явленіе ангеловъ не по ученію новому» (1893, 1902, 1913)

Стр. 61. Сноска: «См. по изд. Migne t. 1 стр. 765.» (1869) / «(Св. Злат. т. 1, по изданію. Migne стр. 765)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 61. «Четвертое свидѣтельство Златоуста» (1869, 1893, 1902,) / «Четвертое свидѣтельство св. Златоуста» (1913)

Стр. 61. «Пятое свидѣтельство изъ Златоуста» (1869, 1893) / «Пятое свидѣтельство изъ св. Златоуста» (1902, 1913)

Стр. 62. «гдѣ Златоустъ говоритъ» (1869, 1893) / «гдѣ св. Златоустъ говоритъ» (1902, 1913)

Стр. 63. «Богъ вдуу въ лице его » (1869) / «Богъ вдуууу въ лице его » (1893, 1902) / «Богъ вдуууу въ лице его» (1913)

Стр. 64. «бездѣльный у Златоуста означаетъ» (1869, 1893) / «бездѣльный у св. Златоуста означаетъ» (1902, 1913)

Стр. 65. «На 228 стр. того же т. 1» (1869) / «На 228 стр. того же 1 т.» (1893, 1902, 1913)

Стр. 66. «невещественное (απλοῦ) гѣснословящее» (1869) / «невещественное гѣснословящее» (1893, 1902, 1913)

Стр. 66. «пользуясь тончайшими паче человѣческаго тѣлами (λεπτωτεροῖς ἡρώμενοι σωμασι) и увидѣвъ» (1869) / «пользуясь тончайшими паче человѣческаго тѣлами и увидѣвъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 66. «Употребленное здѣсь слово: ἡρώμενοι, — пользуюсь, — даетъ намъ право» (1869) / «Употребленное здѣсь слово — пользуюсь, — даетъ намъ право» (1893, 1902, 1913)

Стр. 67. «Какъ ни понимайте этого мѣста, оно» (1869) / «Какъ ни понимайте это мѣсто, оно» (1893, 1902, 1913)

Стр. 69. «отрѣшаться отъ законовъ необходимости, какимъ связано» (1869) / «отрѣшаться отъ законовъ, какими связано» (1893, 1902, 1913)

Стр. 71. «не извнѣ опредѣляемая самодѣтельность» (1869) / «не извнѣ опредѣленная самодѣтельность» (1893, 1902, 1913)

Стр. 73. «Косность, неподвижность (vis inertiae) есть» (1869) / «Косность, неподвижность есть» (1893, 1902, 1913)

Стр. 76. «Еслибъ авторъ нашъ такъ думалъ, мы, можетъ быть, и не стали» (1869) / «Еслибъ новое ученіе такъ думало, мы, можетъ быть, и не стали» (1893, 1902, 1913)

Стр. 76. «не стали такъ много спорить» (1869, 1893, 1902) / «не стали бы такъ много спорить» (1913)

Стр. 76. «сказали бы только: какъ хотите; вы» (1869) / «сказали бы только: какъ хочешь. Ты» (1893, 1902, 1913)

Стр. 76. «Но онъ все твердить» (1869) / «Но оно все твердить» (1893, 1902, 1913)

Стр. 76. «нельзя думать, потому никто» (1869) / «нельзя думать, потому что никто» (1893, 1902, 1913)

Стр. 76. «въ ученіе о духовномъ мірѣ не приносящая» (1869, 1893) / «въ ученіе о духовномъ мірѣ не приносящая» (1902, 1913)

Стр. 77. «наряду съ ними поставляетъ онъ и ангеловъ» (1869) / «наряду съ ними онъ поставляетъ и ангеловъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 81. «Если авторъ не такое вывелъ заключеніе, то ему помѣшало» (1869) / «Если брошюры не такое вывели заключеніе, то имъ помѣшало» (1893, 1902, 1913)

Стр. 82. «Является св. Василій и даетъ» (1869) / «Является св. Василій новый и даетъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 84. «что авторъ упоминаемыхъ статей изъ словъ св. Кирилла, въ связи съ сказаніями, относящимися къ тому же предмету, вывелъ заключеніе въ свое оправданіе» (1869) / «что новое ученіе изъ словъ св. Кирилла, въ связи съ сказаніями, относящимися къ тому же предмету, вывело заключеніе въ свое оправданіе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 84. «Такъ т. I стр. 23» (1869) / «Такъ т. II стр. 23» (1893) / «Такъ т. 2 стр. 23» (1902, 1913)

Стр. 84. «поставляемая отличительнымъ какъ бы свойствомъ» (1869) / «поставляемая отличительнымъ свойствомъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 85. «Еванг. отъ Лук. гл. 11, ст. 3» (1869) / «Еванг. отъ Лук. гл. II, стр. 3» (1893, 1902, 1913)

Стр. 90. «все тѣлесное презираеть, и отъ всего міра отвращается» (1869) / «все тѣлесное презираеть, и отъ сего міра отвращается» (1893, 1902, 1913)

Стр. 91. «не признающихъ душу духовною и учащихъ, будто душа — тѣло» (1869) / «не признающихъ душу духовною, а учащихъ, будто душа тѣло» (1893, 1902, 1913)

Стр. 91. «Изъ блаженнаго Θεодорита авторъ нашъ не приводитъ» (1869) / «Изъ блаженнаго Θεодорита новое учение не приводитъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 91. «Если же вникнемъ въ смыслъ, то (скажетъ, что)» (1869) / «Если же вникнемъ въ смыслъ, то (скажемъ, что)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 91. «и они, и Владыка ихъ казались» (1869) / «и они, и Владыка ихъ только казались» (1893, 1902, 1913)

Стр. 91. «Почему пророкъ назвалъ манну хлѣбомъ» (1869) / «Почему пророкъ называлъ манну хлѣбомъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 92. «чаще кроткими по снисхожденію, а иногда и строгими» (1869, 1893) / «чаще кроткими по снисхожденію, а иногда строгими» (1902, 1913)

Стр. 93. «можно бы и не спорить; ибо» (1869) / «можно бы и не спорить съ нимъ; ибо» (1893, 1902, 1913)

Стр. 93. «признавали ихъ чистыми духами» (1869, 1893) / «признали ихъ чистыми духами» (1902, 1913)

Стр. 96. «Стр. 224—5. «Не говори:» (1869) / «Стр. 244—5. «Не говори:» (1893, 1902, 1913)

Стр. 97. «которое называемъ человѣческимъ» (1869) / «которое называется человѣческимъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 100. «надежды автора нигдѣ не такъ были обмануты» (1869) / «надежды новаго ученія нигдѣ не такъ были обмануты» (1893, 1902, 1913)

Стр. 107. «разсмотрѣніе перваго доказательства, употребленнаго авторомъ» (1869) / «разсмотрѣніе перваго доказательства, употребленнаго новымъ ученіемъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 107. «изъ него выводитъ авторъ» (1869) / «изъ него выводитъ новое ученіе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 109. «ученіе о духовности души и ангеловъ не ново» (1869) / «ученіе о духовности душъ и ангеловъ не ново» (1893, 1902, 1913)

Стр. 113. «авторъ не даетъ никакого руководства» (1869) / «новое ученіе не даетъ никакого руководства» (1893, 1902, 1913)

Стр. 113. «Напротивъ, есть у него такія сочетанія» (1869) / «Напротивъ, есть въ немъ такія сочетанія» (1893, 1902, 1913)

Стр. 114. «Авторъ напрасно твердитъ» (1869) / «Новое ученіе напрасно твердитъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 116. «самому автору статей извѣстно» (1869) / «самому ученію новому извѣстно» (1893, 1902, 1913)

Стр. 116. «не давало покоя нашему автору. И вотъ онъ, наконецъ» (1869) / «не давало покоя нашему новшеству. И вотъ оно, наконецъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 116. «Слово духъ, говоритъ онъ, взято» (1869) / «Слово духъ, говоритъ оно, взято» (1893, 1902, 1913)

Стр. 117. «Можетъ быть, и таково происхожденіе словъ» (1869) / «Предлагается гаданіе о происхожденіи словъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 117. «Но, что оно дѣйствительно таково» (1869) / «Но, что это происхожденіе дѣйствительно таково» (1893, 1902, 1913)

Стр. 117. «По одной только вѣроятности такого предположенія нельзя» (1869) / «По одному только гаданію о семъ предположительному нельзя» (1893, 1902, 1913)

Стр. 117. «изъ двухъ естественностей, выводимыхъ авторомъ изъ своего предположенія, умѣстной будетъ» (1869) / «изъ двухъ естественностей, выводимыхъ новымъ ученіемъ изъ своего предположенія, по нашему объясненію умѣстной будетъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 120. «ангелы являлись по собственному изъявленію» (1869) / «ангелы являлись по особому изъявленію» (1893, 1902, 1913)

Стр. 120. «то авторъ эту послѣднюю мысль и спѣшитъ отвѣсть» (1869) / «то новое ученіе эту послѣднюю мысль и спѣшитъ отвѣсть» (1893, 1902, 1913)

Стр. 128. «Авторъ нашъ не сдѣлалъ этого; стало быть, онъ не хотѣлъ подчиниться подъ иго закономъ опредѣленнаго теченія мыслей, и поступилъ самолично и произвольно» (1869) / «Новое ученіе наше не сдѣлало этого; стало быть, оно не хотѣло подчиниться подъ иго логическимъ закономъ опредѣленнаго теченія мыслей, и поступило самочинно и произвольно» (1893) / «Новое ученіе наше не сдѣлало этого; стало быть, оно не хотѣло подчиниться подъ иго логическимъ законамъ опредѣленнаго теченія мыслей, и поступило самочинно и произвольно» (1902, 1913)

Стр. 128. «онъ, погрѣшивъ противъ логики, оставилъ мысль свою бездоказательною» (1869) / «оно, погрѣшило противъ логики, оставило мысль свою бездоказательною» (1893, 1902, 1913)

Стр. 128. «Если станемъ философствовать такъ, какъ философствуетъ нашъ авторъ» (1869) / «Если станемъ философствовать такъ, какъ философствуетъ новое учение» (1893, 1902, 1913)

Стр. 130. «выводы, какіе дѣлаетъ авторъ» (1869) / «выводы, какіе дѣлаетъ новое учение» (1893, 1902, 1913)

Стр. 131. «Св. Писаніе, разсуждаетъ нашъ авторъ» (1869) / «Св. Писаніе, разсуждаетъ новое учение» (1893, 1902, 1913)

Стр. 132. «бывають въ мѣстѣ духовно, какъ изъясняетъ св. Дамаскинъ» (1869) / «бывають въ мѣстѣ духовно, какъ поясняетъ св. Дамаскинъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 134 «нелѣпо положеніе, нелѣпо и слѣдствіе, изъ коего оно вытекаетъ; нелѣпо, то есть, думать, что естество ангеловъ — тѣло съ головою, лицомъ, глазами и прочими членами, какіе обычно видимъ у человѣка» (1869) / «нелѣпо положеніе, когда нелѣпо слѣдствіе, которое изъ него вытекаетъ; нелѣпо, т. е. думать, что естество ангеловъ — тѣло съ головою, лицомъ, глазами и прочими членами, какіе обычно видимъ у человѣка, когда это приводитъ къ нелѣпой мысли о Богѣ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 134. «какую хочеть видѣть нашъ авторъ» (1869) / «какую хочеть видѣть новое учение» (1893, 1902, 1913)

Стр. 135. «Посмотримъ теперь успѣло ли оно отстранить возможность» (1869) / «Посмотримъ теперь, умѣло ли оно отстранить возможность» (1893, 1902, 1913)

Стр. 135 «именно то, противъ котораго говоритъ теперь нашъ авторъ» (1869) / «именно то, противъ котораго говоритъ теперь новое учение» (1893, 1902, 1913)

Стр. 135. «Самъ авторъ сказалъ, начиная приводить мѣста Писанія» (1869) / «Само учение сказало, начиная приводить мѣста Писанія» (1893, 1902, 1913)

Стр. 136. «Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ объ этомъ, въ противность нашему автору» (1869) / «Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ объ этомъ, въ противность новому учению» (1893, 1902, 1913)

Стр. 136. «Первый вопросъ относительно явленія ангеловъ, какъ являются они» (1869) / «Первый вопросъ относительно видѣнія ангеловъ, какъ являются они» (1893, 1902, 1913)

Стр. 138. «Далѣе, авторъ говоритъ о нечистыхъ духахъ» (1869) / «Далѣе, новое учение говоритъ о нечистыхъ духахъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 139. «если этотъ способъ видѣнія духовъ допустимъ въ отношеніи къ духамъ нечистымъ, почему не допустить его въ отношеніи къ св. ангеламъ?» (1869) / «если этотъ способъ видѣнія духовъ допустить въ отношеніи къ духамъ нечистымъ, почему не допустить его въ отношеніи къ св. ангеламъ?»

Стр. 139. «Западному писателю, говоритъ авторъ» (1869) / «Западному писателю, говорится далѣе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 141. «я позволяю себѣ спросить автора» (1869) / «я позволяю себѣ спросить новое учение» (1893, 1902, 1913)

Стр. 142. «все, что можно сказать о мѣстахъ Писанія, приводимыхъ авторомъ» (1869) / «все, что можно сказать о мѣстахъ Писанія, приводимыхъ брошюрами» (1893, 1902, 1913)

Стр. 142. «въ своей силѣ, ибо авторъ оставилъ ихъ неприкосновенными» (1869) / «въ своей силѣ, ибо брошюры оставили ихъ неприкосновенными» (1893, 1902, 1913)

Стр. 142. «ея отношеній къ тѣлу истинныхъ, или предполагаемыхъ» (1869) / «ея отношеній къ тѣлу истинныхъ и предполагаемыхъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 144. «быть не можетъ, чтобъ были духи между тварями, и ставить тварь на одну линію съ Богомъ» (1869) / «быть не можетъ, чтобъ были духи между тварями; ибо нельзя ставить тварь на одну линію съ Богомъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 145. «способны быть причастными и даровать независтно» (1869) / «способны быть причастными и даровать независимо» (1893, 1902, 1913)

Стр. 146. «Но этого никакъ нельзя сказать» (1869) / «Но этого никакъ нельзя доказать» (1893, 1902, 1913)

Стр. 147. «какъ обстаиваетъ свою мысль нашъ авторъ. "Богъ, говоритъ онъ» (1869) / «какъ обстаиваетъ свою мысль новое ученіе: "Богъ, говоритъ оно» (1893, 1902, 1913)

Стр. 147. «Богъ, говоритъ авторъ, есть собственно существо» (1869) / «Богъ, говоритъ новое ученіе, есть собственно существо» (1893, 1902, 1913)

Стр. 148. «Существованіе, толкуетъ авторъ» (1869) / «Существованіе, толкуется далѣе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 150. «И такъ авторъ нашъ изъ неприступности естества Божія» (1869) / «Итакъ новое ученіе изъ неприступности естества Божія» (1893, 1902, 1913)

Стр. 151. «Авторъ нашъ самъ чувствовалъ» (1869) / «Породитель сего ученія самъ чувствовалъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 151. «наводитъ, что духовность несовмѣстна съ тварною ограниченностію: пусть бы-дескать и хотѣлъ Богъ» (1869) / «наводитъ, что духовность несовмѣстима съ тварною ограниченностію: пусть бы и хотѣлъ Богъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 151. «Это второе соображеніе нашего автора. Вотъ слова автора: "если» (1869) / «Это второе соображеніе новаго ученія. Вотъ слова его: "если» (1893, 1902, 1913)

Стр. 152. «Ангелы, говоритъ авторъ» (1869) / «Ангелы, говорится далѣе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 154. «Еслибъ авторъ подержалъ это въ мысли, онъ не пришелъ бы» (1869) / «Еслибъ брошюра подержала это въ мысли, она не пришла бы» (1893, 1902, 1913)

Стр. 154. «Вся ошибка его» (1869) / «Вся ошибка ея» (1893, 1902, 1913)

Стр. 154. «авторъ разумѣть подъ этимъ неоконечность въ протяженіи» (1869) / «новое ученіе разумѣть подъ этимъ неоконченность въ протяженіи» (1893, 1902, 1913)

Стр. 154. «Авторъ, какъ видно, имѣеть» (1869) / «Новое ученіе, какъ видно, имѣеть» (1893, 1902, 1913)

Стр. 154. «Безконечное, говоритъ онъ» (1869) / «Безконечное, говоритъ оно» (1893, 1902, 1913)

Стр. 155. «совершеннѣе которой ужъ и быть никакъ тонкость не можетъ» (1869) / «совершеннѣе которой ужъ и быть никакой тонкости не можетъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 155. «авторъ нашъ построилъ все свое толкованіе» (1869) / «новое ученіе построило все свое толкованіе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 155. «по сему и все построение автора фальшиво» (1869) / «посему и все построение сего ученія фальшиво» (1893, 1902, 1913)

Стр. 158. «Какъ ангелы и душа суть въ пространствѣ» (1869) / «Какъ ангелы и души суть въ пространствѣ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 159. «въ душѣ (и прибавлю — ангелѣ)» (1869) / «въ душѣ (и прибавлю — въ ангелѣ)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 159. «Такимъ образомъ, желаніе нашего автора» (1869) / «Такимъ образомъ, желаніе новаго ученія» (1893, 1902, 1913)

Стр. 159. «обратиться къ самому автору: «смотрите, вѣдь вы, желая защитить Бога, указъ Ему предписываете, что Онъ можетъ и чего не можетъ создать; и тогда какъ Онъ Самъ

свидѣтельствуешь, что Имъ созданы твари, подобныя Ему, вы своимъ отрицаніемъ какъ бы говорите Ему» (1869) / «обратиться къ ученію сему: «смотри, вѣдь ты, желая защитить Бога, указъ Ему предписываешь, что Онъ можетъ и чего не можетъ создать; и тогда какъ Онъ Самъ свидѣтельствуешь, что Имъ созданы твари, подобныя Ему, ты своимъ отрицаніемъ какъ бы говоришь Ему» (1893, 1902, 1913)

Стр. 161. «Связь души съ тѣломъ, умствуешь нашъ авторъ» (1869) / «Связь души съ тѣломъ, умствуешь новое ученіе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 162. «Душа не есть отвлеченная сила, какъ показалось автору» (1869) / «Душа не есть отвлеченная сила, какъ кажется новому ученію» (1893, 1902, 1913)

Стр. 163. «какъ соединена душа съ тѣломъ, и какъ допущеніемъ, что душа есть тѣло, онѣ взаимодействуютъ другъ на друга.» (1869) / «какъ соединена душа съ тѣломъ допущеніемъ, что душа есть тѣло.» (1893, 1902, 1913)

Стр. 164. «Вотъ источникъ и особенная форма сродности тѣла душъ» (1869) / «Вотъ источникъ и особенная форма сродности тѣла и души» (1893, 1902, 1913)

Стр. 164. «Душа прикасается къ тѣлу» (1869) / «Душа сочетается съ тѣломъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 164. «когда нибудь слыхалъ, или читалъ подобную новость» (1869) / «когда нибудь читалъ или слыхалъ подобную новость» (1893, 1902, 1913)

Стр. 165. «какъ говорить и самъ авторъ» (1869) / «какъ говорить и само ученіе новое» (1893, 1902, 1913)

Стр. 166. «нѣкое сокровенное ученіе, и таинственно сообщаетъ любомудріе о душѣ, о которомъ мечтала и внѣшняя ученость» (1869) / «нѣкотре сокровенное ученіе, и таинственно сообщаетъ любомудріе о душѣ, о которомъ мечтала и высшая ученость» (1893, 1902, 1913)

Стр. 167. «чтобы яснѣе видна была неправость автора, который столкнулъ» (1869) / «чтобы яснѣе видна была неправость новаго ученія, которое столкнуло» (1893, 1902, 1913)

Стр. 168. «Ибо авторъ, какъ значитя» (1869) / «Ибо новое ученіе, какъ значитя» (1893, 1902, 1913)

Стр. 168. «какія хотѣлось автору прояснить ими» (1869) / «какія хотѣлось новому ученію прояснить ими» (1893, 1902, 1913)

Стр. 169. «Хоть отдѣленіе теплоты незамѣтно для чувства; но у физиковъ есть чувствительнѣйшіе ихъ чувствъ инструменты» (1869) / «Хоть отдѣленіе теплоты и незамѣтно для чувства; но у физиковъ есть чувствительнѣйшіе чувствъ инструменты» (1893, 1902, 1913)

Стр. 170. «душа не только не есть какой либо» (1869) / «душа не есть не только какой либо» (1893, 1902, 1913)

Стр. 170. «явствууетъ изъ ея ученія».» (1869) / «явствууетъ изъ ея ученія». (Пр. 45 въ концѣ)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 171. «какъ предъявляетъ авторъ нашъ» (1869) / «какъ предъявляетъ новое ученіе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 171. «нельзя не укорить нашего автора» (1869) / «нельзя не укорить новое ученіе» (1893, 1902, 1913)

Стр. 171. «Онъ смѣшалъ, и смѣшалъ совершенно» (1869) / «Оно смѣшало, и смѣшало совершенно» (1893, 1902, 1913)

Стр. 172. «Нагрѣвайте смѣсь» (1869) / «Нагрѣвайте (Физика Писаревскаго, ч. 1, стр. 539 и д.) смѣсь» (1893, 1902, 1913)

Стр. 173. «въ химическомъ соединеніи съ организмомъ; то» (1869) / «въ химическомъ соединеніи съ организмомъ бываетъ душею; то» (1893, 1902, 1913)

Стр. 173. «уже не душа, а другое что-то» (1869) / «уже не душа, а другимъ чѣмъ либо» (1893, 1902, 1913)

Стр. 173. «по выходѣ изъ тѣла» (1869) / «по выходѣ ея изъ тѣла» (1893, 1902, 1913)

Стр. 173. «Автору нашему кажется» (1869) / «Новому учению кажется» (1893, 1902, 1913)

Стр. 174. «оказывается состоятельнымъ».» (1869) / «оказывается состоятельнымъ». (ч. 4, стр. 214)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 174. «свойственное ему...» (1869) / «свойственное ему...» (тамже, стр. 206)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 174. «въ немъ душевной силы.» (1869) / «въ немъ душевной силы. (Тамже, стр. 212 и д.)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 174. «представить умомъ — невозможно.» (1869) / «представить умомъ — невозможно.» (ч. I, стр. 135)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 175. «сужденія человѣческаго.» (1869) / «сужденія человѣческаго.» (Пр. 46)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 176. «Плохіе онѣ руководители къ вѣрѣ въ Бога! Не отворяютъ, а затворяютъ они» (1869) / «Плохіе они руководители къ вѣрѣ въ Бога! Не отворяютъ, а затворяютъ онѣ» (Пр. 46)» (1893, 1902, 1913)

Стр. 176. «онѣ указываетъ». Вотъ» (1869) / «онѣ указываетъ (ч. 4, стр. 208). Вотъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 177. «могутъ»: отъ чего же это» (1869) / «могутъ», говоритъ новое ученіе; отчего же это» (1893, 1902, 1913)

Стр. 179. «какъ полагаетъ нашъ авторъ, ибо» (1869) / «какъ полагаетъ новое ученіе, ибо» (1893, 1902, 1913)

Стр. 179. «душа-тѣло не изъ эѳира только, или» (1869) / «душа-тѣло не изъ эѳира только состоитъ, или» (1893, 1902, 1913)

Стр. 179. «Такимъ образомъ, существо духа необходимо требуетъ» (1869) / «Такимъ образомъ, существенный смыслъ новаго ученія необходимо требуетъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 179. «разнообразныхъ частей стихій — тонкихъ и эѳиро-образныхъ» (1869, 1902, 1913) / «разнообразныхъ частей изъ стихій — тонкихъ и эѳирно-образныхъ» (1893)

Стр. 180. «ученіе это невѣрно и что» (1869) / «ученіе это невѣрно себѣ и что» (1893, 1902, 1913)

Стр. 181. «поелику сознание есть характеристическая черта души, то та часть» (1869, 1893) / «поелику сознание есть характеристическая черта души, та часть» (1902, 1913)

Стр. 182. «Это, изволите видѣть, есть» (1869) / «Это есть» (1893, 1902, 1913)

Стр. 182. «признанъ вполне различнымъ» (1869) / «признанъ весьма различнымъ» (1893, 1902, 1913)

Стр. 183. «въ душѣ — эѳирномъ тѣлѣ есть способность мыслить, или, вообще, есть способность» (1869) / «въ душѣ — эѳирномъ тѣлѣ признается способность мыслить, или, вообще способность» (1893, 1902, 1913)

Стр. 183. «ибо и Богъ не силенъ сотворить то, что» (1869, 1893) / «ибо нечестиво приписывать Богу сотвореніе того, что» (1902, 1913)

Стр. 183. «слѣдуя естественному ходу совопросническаго изслѣдованія» (1869) / «слѣдуя естественному ходу совопросническаго послѣдованія» (1893, 1902, 1913)

Стр. 185. «оттуда оно распоряжается и господственно» (1869) / «оттуда оно и распоряжается господственно» (1893, 1902, 1913)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ